

9(с) 13

Б 30

н

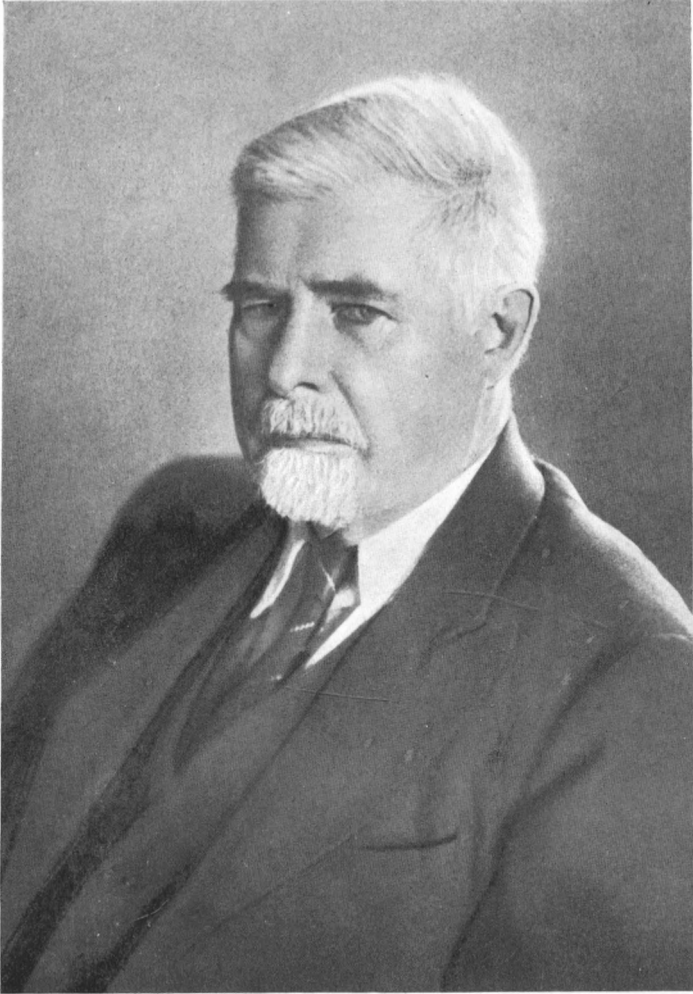
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. В. БАХРУШИН

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

W. A. S. S.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. В. БАХРУШИН

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

I

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА,
ТОРГОВЛИ И ГОРОДОВ
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ГОСУДАРСТВА
XVI-НАЧАЛА XVII В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. ЗИМИН, Н. В. УСТЮГОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН,
В. И. ШУНКОВ

О Т Р Е Д А К Ц И И

8 марта 1950 г. скончался крупный советский ученый член-корреспондент Академии Наук СССР, действительный член Академии педагогических наук, заслуженный деятель науки, лауреат Сталинской премии, профессор Сергей Владимирович Бахрушин. 28 апреля 1950 г. Совет Министров СССР вынес решение о посмертном издании его научных трудов.

Во исполнение этого решения Отделение истории и философии Академии Наук СССР образовало специальную комиссию в составе научных сотрудников Института истории — А. А. Зими́на, Н. В. Устюгова, Л. В. Черепнина и В. И. Шункова для выявления научного наследия С. В. Бахрушина и подготовки к печати его трудов.

Ознакомившись с научным наследием С. В. Бахрушина, комиссия подготовила к изданию три тома его «Научных трудов».

В первый том включается незаконченная монография о русском рынке XVI в.

Во второй том войдут статьи по социально-экономической и политической истории Русского централизованного государства XV—XVII вв., ранее опубликованные в различных изданиях и сохранившие до настоящего времени научное значение.

В третьем томе «Научных трудов» будут опубликованы работы С. В. Бахрушина по истории Сибири.

В. И. ШУНКОВ

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАХРУШИН

С. В. Бахрушин родился в 1882 г. в Москве. В 1904 г., по окончании Московского университета, он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. В 1909 г. он выступил в печати со своим первым исследовательским трудом «Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.»¹ Одновременно С. В. Бахрушин начал научно-преподавательскую работу в качестве приват-доцента Московского университета. В это время определился его интерес к социально-экономическому развитию страны, сохраненный им до последнего дня его жизни.

Основная научная деятельность С. В. Бахрушина развернулась после Великой Октябрьской социалистической революции. Из 160 опубликованных им работ полтора ста напечатаны при советской власти. Круг научных интересов исследователя был очень широк. Сам он разделял свои работы на четыре группы: по истории Русского государства XV—XVII вв., по истории Киевской Руси, по истории Сибири и прочие.

За первой работой по истории княжеского хозяйства последовали публикация духовных и договорных грамот князей великих и удельных², памятников истории Великого Новгорода³, статья о восстании в Москве в 1648 г.⁴ и др. Непрерывно накапливая материал в этой области, С. В. Бахрушин выступает с рядом исследовательских статей по экономической истории XVII в.⁵ Общая перестройка исторической науки, прошедшая после исторических указаний ЦК ВКП(б) по преподаванию гражданской истории, помогла С. В. Бахрушину по-новому осветить собранный им огромный материал. В послевоенное время он вплотную подходит к созданию обобщающего труда по одному из важнейших вопросов экономической истории XVII в.— проблеме образования всероссийского рынка. Раскрытие на конкретно-историческом материале

¹ В книге «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 563—604.

² «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных», под ред. С. В. Бахрушина, М., 1909.

³ «Памятники истории Великого Новгорода», под ред. С. В. Бахрушина, М., 1909.

⁴ «Московский мятеж 1648 г.»— «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917, стр. 709—774.

⁵ «Ремесленные ученики в XVII в.»— «Труды Гос. исторического музея», вып. 3, М., 1926, стр. 101—122; «Торговые крестьяне в XVII в.»— «Ученые записки [Института истории РАНИОН]», т. 5, М., 1928, стр. 252—270; «Агенты русских торговых людей XVII в.»— «Ученые записки [Института истории РАНИОН]», т. 4, М., 1929, стр. 71—88; «Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в.»— «Исторические записки», кн. 8, стр. 98—128; «Торги новгородцев Кошкиных.»— «Ученые записки [МГУ]», Юбилейная серия, вып. 41, М., 1940, «История», т. I, стр. 35—80.

ленинского положения о складывании всероссийского рынка стало основной задачей последних лет жизни С. В. Бахрушина. В 1946 г. он опубликовал основные выводы этого труда в форме статьи под названием «Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в.»⁶ Смерть прервала эту большую работу, и труд остался незаконченным. Но уже сделанное С. В. Бахрушиным привлекло внимание историков и послужило толчком к дальнейшей разработке вопроса. Намеченные С. В. Бахрушиным частные вопросы стали темами диссертаций молодых историков — его учеников. Так возник ряд исследований о формировании местных областных рынков, слившихся затем в единый всероссийский рынок.

В связи с трудами, посвященными изучению объединения страны, находятся работы С. В. Бахрушина по вопросам образования централизованного Русского государства. Основное внимание при этом С. В. Бахрушин уделил борьбе за укрепление централизованного государственного аппарата в середине XVI в. Серия его работ о деятельности правительства Ивана IV подвергла пересмотру старые представления о значении реформ середины XVI в. и ярко показала соответствие деятельности Ивана IV интересам развития страны⁷.

В последние годы своей жизни С. В. Бахрушин после 30-летнего перерыва вновь вернулся к вопросам истории Москвы. Он был деятельным участником подготовки восьмисотлетнего юбилея славной столицы Советского Союза, одним из организаторов и участников коллективного труда по истории Москвы, подготовляемой Институтом истории АН СССР, многократно выступал с научными докладами и опубликовал несколько исследований на эту тему. Его статьи «Московский университет в XVIII в.»⁸, «Старая Москва»⁹, «Население Москвы в XVI в.»¹⁰, «Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 г.»¹¹, «Москва Ивана Грозного»¹² и другие явились серьезным вкладом в изучение истории хозяйственного, политического и культурного центра страны.

Выдающееся значение имеют работы С. В. Бахрушина по дипломатической истории Русского государства, вошедшие в состав трехтомной истории дипломатии¹³. За них С. В. Бахрушин был удостоен звания лауреата Сталинской премии.

Крупное место работы С. В. Бахрушина заняли в историографии Сибири. В 1916 г. появилась его первая статья по истории Сибири «Туземные легенды в Сибирской истории С. Ремезова»¹⁴. В 1922 г. он выступает с общей статьей «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.»¹⁵ С 1924 г. он ежегодно публикует статьи по различным вопросам русской колонизации Сибири, заключая их в 1927 г.

⁶ «Ученые записки [МГУ]», вып. 87, М., 1946, «История СССР».

⁷ «Иван Грозный», М., 1945; «Избранная рада Ивана Грозного.— Исторические записки», кн. 15, стр. 29—56; «Самодержавие Ивана IV», М., 1946; «Иван Грозный в свете новейших исследований». — Юбилейный сборник [Академии Наук СССР], посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, М.—Л., 1947, стр. 655—666.

⁸ «Ученые записки [МГУ]», Юбилейная серия, вып. 50; М., 1940, «История», стр. 5—24.

⁹ Стенограмма публичной лекции, М., 1945.

¹⁰ «Известия АН СССР, серия истории и философии», М., 1947, т. 4, № 3, стр. 201—219.

¹¹ «Вестник АН СССР», М.—Л., 1947, № 7, стр. 62—72.

¹² «Вестник Московского университета», М., 1947, № 9, стр. 61—74.

¹³ «История дипломатии», т. I, М., 1941.

¹⁴ «Исторические известия», М., 1916, № 3—4, стр. 3—28.

¹⁵ В книге «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», вып. 2, Пг., 1922, стр. 18—83.

«Очерками по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.». Не оставляя этой темы и в дальнейшем, С. В. Бахрушин с 1925 г. приступает к изучению истории отдельных народов Сибири¹⁶. Этой теме он отдает свои силы до последних дней жизни. Его последняя редакционная работа была посвящена истории Якутии¹⁷. В обсуждении вышедшего из печати первого тома этого труда он принимал участие за два дня до своей смерти. Начатая им работа по второму тому этого издания осталась незавершенной. Им оставлены также неопубликованные еще наброски по истории енисейских киргиз в XVII в.

С именем С. В. Бахрушина неразрывно связан новый период в сибирской историографии. На первое место им выдвинуты вопросы деятельности в Сибири торгово-промыслового русского населения. В последние годы эта тема все более оформлялась как тема о роли Сибири XVII в. в слагающемся всероссийском рынке. С именем С. В. Бахрушина связаны также первые шаги в изучении социально-экономической истории народов Сибири.

От изучения истории народов Сибири С. В. Бахрушин перешел к изучению истории ряда других народов. Он был автором, участником и руководителем авторских коллективов, редактором первых изданий материалов по истории народов Средней Азии, Поволжья и др. Его перу принадлежит несколько очерков по истории отдельных народов в первом томе учебника по истории СССР для исторических вузов, одним из редакторов которого он был. В значительной мере благодаря его усилиям вышел в свет этот первый опыт истории СССР как общей истории великого русского народа и всех братских народов Советского Союза. Трудности и отдельные неудачи не останавливали С. В. Бахрушина.

С. В. Бахрушин много трудился над исследованием других проблем истории СССР и как историк-исследователь и как публикатор документов, как редактор многочисленных изданий. Публикаторская работа была начата им в 1909 г., в первый год его научной деятельности, и она проходит через последующие годы его жизни. Под его наблюдением были опубликованы такие важные материалы, как лавочные книги Великого Новгорода, серия материалов по политической истории и истории русской культуры XIX в. и др. Под его редакцией вышли монографии П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», А. П. Окладникова «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству», Д. М. Лебедева «География в России XVII в.» и др.

Свои знания С. В. Бахрушин стремился довести до широких масс. В связи с этим, помимо исследований, он дал большое число научно-популярных очерков, общедоступных лекций и т. д. В дни Великой Отечественной войны С. В. Бахрушин видел свой долг патриота-историка в возможно широкой популяризации героического прошлого нашей страны. За эти годы им напечатаны очерки о героическом прошлом славян¹⁸, о борьбе русского народа против агрессии немецких рыцарей¹⁹, о защите Москвы²⁰, о Минине и Пожарском, о Дмитрии Донском и т. д.

¹⁶ «Самоеды в XVII в.» — «Северная Азия», М., 1925, кн. 5—6, стр. 100—110.

¹⁷ «История Якутии», т. I, Якутск, 1949.

¹⁸ «Героическое прошлое славян», М., 1941; «Военная доблесть славян». — «Пропедангист», М., 1941, № 16, стр. 15—17.

¹⁹ «Разгром Немецкого ордена в Прибалтике Иваном IV». — «Исторический журнал», 1941, № 10—11, стр. 71—77; «Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII в.». — «Вестник АН СССР», 1942, № 4, стр. 58—71.

²⁰ «Москва в 1812 и в 1941 гг.». — «Большевик», 1941, № 18, стр. 20—27.

С. В. Бахрушин многое сделал для подготовки кадров советских историков. Он принимал участие в составлении учебников для средней и высшей школы, был автором методических материалов для преподавателей истории СССР, популярным профессором Московского университета, руководил аспирантами Академии Наук СССР, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и других высших учебных заведений и научных учреждений.

Значительный вклад внес С. В. Бахрушин и в дело организации советской исторической науки. В течение нескольких лет он был руководителем сектора истории СССР периода феодализма в Институте истории АН СССР, одним из основателей Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества, членом ученых советов ряда научных учреждений и т. д.

Советское правительство высоко оценило научные заслуги С. В. Бахрушина. Он был награжден орденом «Трудового Красного Знамени» и медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «В память 800-летия Москвы».

Большая и разносторонняя деятельность требовала огромного напряжения сил, которые С. В. Бахрушин щедро отдавал развитию советской исторической науки. В широких планах дальнейшей работы он в последний год жизни особенно выделял завершение обобщающего труда по образованию всероссийского рынка и подготовку сборника своих работ по истории Сибири. Смерть настигла его в момент, когда он был близок к разрешению той и другой задачи. Настоящее издание должно донести до советского читателя то, что С. В. Бахрушин успел сделать и в чем уже отчетливо обрисовывались контуры работ, выполнение которых он считал своим долгом.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ С. В. БАХРУШИНА

1909

- Княжеское хозяйство XIV—XVI вв.— В кн.: «Сборник статей в честь В. О. Ключевского», М., стр. 563—604.
Ред. кн.: «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных». М., К л о ч к о в, 148 стр. («Памятники русской истории»).
Ред. кн.: «Памятники истории Великого Новгорода». М., К л о ч к о в, X, 87 стр. («Памятники русской истории»).

1912

- Москва в 1812 г. (речь).— «Чтения ОИДР», М., кн. 4, стр. 19—56.

1913

- Москва в 1812 г. М., 40 стр.
Малолетние нищие и бродяги в Москве (исторический очерк). М., 51 стр.

1916

- Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова.— «Исторические известия», М., № 3—4, стр. 3—28.

1917

- Московский мятеж 1648 г.— В кн.: «Сборник в честь проф. М. Любавского», Пг., стр. 709—774.

1922

- Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.— В кн.: «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», вып. 2, Пг., стр. 18—83.
Павел Хмелевский.— В кн.: «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., стр. 269—285.
Рец. на кн.: В. О г о р о д н и к о в. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв.— «Русский исторический журнал», Пг., № 8, стр. 276.
Рец. на кн.: F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific 1614—1850. Cleveland, 1914.— «Русский исторический журнал», Пг., № 8, стр. 241—244.

1924

Андрей Федорович Палицын (русский интеллигент XVII в.) — В кн.: «Века», исторический сборник, I, Пг., стр. 79—110.

1925

Казаки на Амуре. Л., изд. Брокгауз-Ефрон, 100 стр. (открытия, завоевания, приключения).

Кольчуга князя П. И. Шуйского.— «Сборник Оружейной палаты», М., стр. 118—124.

Основные течения сибирской историографии.— «Северная Азия», кн. 1—2, стр. 104—113.

Покрута на соболиных промыслах (в Сибири) в XVII веке.— «Труд в России», Л., кн. 1, стр. 71—84.

Самоеды в XVII веке.— «Северная Азия», кн. 5—6, стр. 100—110.

Предисл. к кн.: Штаден. О Москве Ивана Грозного, М., Изд. Сабашниковых, 183 стр. («Записи прошлого. Воспоминания и письма под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского»).

Ред. кн.: Т. А. Кузьминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания, ч. 1—3, М., изд. Сабашниковых («Записи прошлого»).

Ред. кн.: «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», М., изд. Сабашниковых, 140 стр. («Записи прошлого»).

1926

Ремесленные ученики в XVII веке.— «Труды Гос. исторического музея», М., вып. 3, стр. 101—122.

Торги гостя Никитина в Сибири и Китае.— В кн.: «Памяти А. Н. Сави-на», М., («Труды Института истории РАНИОН», кн. 1, стр. 357—392).

Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири).— «Труды Гос. колониационного н.-и. ин-та», М., т. II, стр. 127—138.

Ред. и предисл. к кн.: «Декабристы на поселении», М., 156 стр. («Записи прошлого», вып. VI).

Вступ. статья и примечания к кн.: Л. М. Жемчужников. Мои воспо-минания из прошлого. Вып. 1—2, М., изд. Сабашниковых («Записи прошлого»).

Ред. кн.: М. О. Гершензон. Письма к брату, М., изд. Сабашнико-вых, VII, 231 стр. («Записи прошлого»).

1927

Исторические судьбы Якутии. Л., 48 стр.

Исторические судьбы Якутии.— В кн.: «Якутия», сб. статей, под ред. П. В. Виттенберга. Л., стр. 275—322.

Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., изд. Са-башниковых, V, 199 стр.

Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск, Сибкрайиздат, 35 стр.

Воеводы Тобольского разряда в XVII веке.— «Ученые записки институ-та истории РАНИОН», М., т. II, стр. 168—218.

Ясак в Сибири в XVII веке.— «Сибирские огни», Новосибирск, № 3, стр. 95—129.

Ред. кн.: В. Я. Брюсов. Из моей жизни. М., изд. Сабашниковых, VIII, 203 стр. («Записи прошлого»).

1928

Задачи исторического изучения края.— «Краеведение», М., т. V, № 3, стр. 129—140.

Торговые крестьяне в XVII веке.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», М., т. V, стр. 252—270.

Ред. кн.: А. И. Менделеев а. Менделеев в жизни... М., изд. Сабашниковых, VII, 182 стр. («Записи прошлого»).

Ред. кн.: «Московский край в его прошлом». Очерки по социальной и экономической истории XVI—XIX вв. М., 129 стр., илл. («Труды Об-ва изучения Моск. губ.», вып. 1).

Ред. кн.: С. А. Толстая. Дневники. 1860—1891. М., изд. Сабашниковых, VIII, 212 стр. («Записи прошлого»).

Ред. кн.: «Толстой и Тургенев. Переписка», М., изд. Сабашниковых, 118 стр. («Записи прошлого»).

Вступ. статья и примечания к кн.: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник. Пер. Е. В. Герье, М., изд. Сабашниковых, 221 стр. («Записи прошлого»).

1929

Агенты русских торговых людей в XVII веке.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», М., т. IV, стр. 71—88.

Легенда о Василии Мангазейском.— «Известия АН СССР. Отдел. гуманитарных наук», Л., № 6, стр. 479—509.

Мангазейская община в XVII веке.— «Северная Азия», кн. 1, стр. 50—65; кн. 2, стр. 83—110.

Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года (исторический очерк).— В кн.: «Советский Север», 1-й сборник статей, М., стр. 66—97.

Ред. кн.: Е. А. Масальская. Повесть о брате моем А. А. Шахматове, ч. 1. М., изд. Сабашниковых, XIV, 248 стр. («Записи прошлого»).

Ред. кн.: С. А. Толстая. Дневники. 1891—1897. М., изд. Сабашниковых, VI, 250 стр. («Записи прошлого»).

Вступ. статья и примечание к кн.: Б. Н. Чичерин. Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва 40-х годов. М., изд. Сабашниковых, XVII, 294 стр. («Записи прошлого»).

Вступ. статья и примечания к кн.: Б. Н. Чичерин. Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет. М., изд. Сабашниковых, 280 стр. («Записи прошлого»).

1930

Витзен Н. К.— БСЭ, М., т. 11, стб. 310—311.

Город в России.— БСЭ, М., т. 18, стб. 69—85.

Исторический очерк б. Московского уезда.— «Московский краевед», М., вып. 5, стр. 50—80.

Ред. и пред. к кн.: «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 года», М., IX, 202, 56 стр. (Институт истории РАНИОН).

1934

«Республиканец князь» Петр Владимирович Долгоруков.— В кн.: П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. Собрал и подготовил к печати П. Е. Щеголев. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С. В. Бахрушин. М., стр. 5—102.

1935

Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л. (Институт народов Севера ЦИК СССР), 90 стр., илл. (Научно-исслед. ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Известия, вып. 3).

1936

Основные моменты истории Крымского ханства.— «История в школе», М., № 3, стр. 29—61.

Схема программы по истории СССР до конца XVIII века. М., 12 стр., МГУ, истфак. Стеклогр. изд. (совместно с М. В. Нечкиной и К. В. Базилиевичем).

К вопросу о русском феодализме (о кн.: Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935).— «Книга и пролетарская революция», М., № 4, стр. 44—48.

Иностранцы путешественники и писатели о Сибири. Рец. на кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников, т. I, ч. 2. Иркутск, 1936.— «Книга и пролетарская революция», М., № 10, стр. 77—80.

Яркие страницы из истории сибирских народов. Рец. на кн. «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века». Сборник архивных документов, под общей ред. А. П. Алькора и Б. Д. Грекова Л., 1936.— «Книга и пролетарская революция», М., № 8, стр. 46—48.

Рец. на кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, ч. 2. Иркутск, 1936.— «Историк-марксист», М., кн. 5, стр. 149—152.

Рец. на кн.: Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси.— «Историк-марксист», М., кн. 6, стр. 191—194.

Рец. на кн.: «К истории Бурят-Монголии». Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ, под ред. А. В. Шестакова, М.—Л., 1935.— «Историк-марксист», М., кн. 3, стр. 162—164.

Рец. на кн.: Я. Стрейс. Три путешествия. Пер. Э. Бородиной, ред. А. Морозова. М., Соцэкгиз., 1935.— «Историк-марксист», М., кн. 4, стр. 122—123.

Рец. на кн.: «Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI веков», М.—Л., 1935.— «Историк-марксист», М., кн. 6, стр. 195—196.

1937

К вопросу о крещении Киевской Руси.— «Историк-марксист», М., кн. 2, стр. 40—77.

Казанское ханство.— БСЭ, М., т. 30, стб. 545—550.

Сибирские служилые татары в XVII веке.— «Исторические записки», М., кн. I, стр. 55—80.

Из истории порабощения народов Сибири русским царизмом.— В кн.: «Из истории колониальной политики русского царизма», М., стр. 3—16, (микрофонные материалы Всесоюзного радиокомитета).

- Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 3—55.
- Некоторые вопросы истории Киевской Руси (о кн.: Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935).— «Историк-марксист», М., кн. 3, стр. 165—175.
- Рец. на кн.: «Исторический архив», т. I, М.—Л., 1936.— «Историк-марксист», М., кн. I, стр. 161—163.
- Рец. на кн.: М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Перев., введ., комм. С. А. Аннинского. М.—Л., 1936.— «Историк-марксист», М., кн. 2, стр. 160—162.

1938

- Московское государство.— БСЭ, М., т. 40, стб. 451—474.
- Крещение Руси. Из истории народов СССР.— «Известия», М., 30 марта.
- Киевское государство.— «Пропагандист», М., № 13, стр. 16—22.
- Держава Рюриковичей.— «Вестник древней истории», М., № 2(3), стр. 88—98.
- Возвышение Москвы.— «Пропагандист» М., № 16, стр. 13—16.

1939

- Крещение Киевской Руси. Религия древних славян.— «Безбожник», М., 1 февраля.
- Крещение Киевской Руси. Распространение христианства.— «Безбожник», М., 12 февраля.
- Культура XVII века и народы Восточной Сибири в XVII веке.— В кн.: «История СССР», т. I, под ред. Б. Д. Грекова, М., разд. В, гл. V—VII, стр. 447—592.
- Народы Поволжья, Азии и Крыма в XVII в. Народы Восточной Сибири и завоевание их страны царизмом.— Там же, разд. В, гл. VII, стр. 573—590.
- Народы СССР в эпоху монгольского владычества.— Там же, разд. Б, гл. III, стр. 162—182.
- Русское государство в XVII веке (часть главы о культуре).— Там же, разд. В, гл. V, стр. 524—540.
- Начало превращения Русского государства в многонациональное.— Там же, разд. В, гл. III, стр. 346—399.
- Феодальные государства Средней Азии и Закавказья в XI—XII вв.— Там же, разд. Б., гл. II, стр. 148—153.
- Феодальные образования на территории Средней Азии, Поволжья и Крыма.— Там же, разд. Б., гл. VIII, стр. 280—298.
- Расширение Русского государства при Иване IV.— «Пропагандист», М., № 1, стр. 15—22.
- «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского.— В кн.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского», сб. статей, ч. 1, М.—Л., стр. 117—139.
- Ред. кн.: «История СССР», т. I—с древнейших времен до конца XVIII в., под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, М., Соцэкгиз., 792 стр. (Институт истории АН СССР и кафедра Истории СССР истор. фак-та МГУ).
- Ред. кн.: «Программа по истории СССР для техникумов» под ред. С. В. Бахрушина, Е. А. Мороховец и А. В. Фохт, М., 46 стр. (ГУУЗ НКТОП).

1940

- Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке.— «Исторические записки», М., кн. VIII, стр. 98—128.
- Торги новгородцев Кошкиных.— «Ученые записки [МГУ]», М., вып. 41. «История», т. I, стр. 35—80.
- Московский университет в XVIII веке.— «Ученые записки МГУ», М., вып. 50, юбилейная серия, стр. 5—24.
- Ред. кн.: «Очерки по истории Московского университета», под ред. И. Д. Удальцова, Н. М. Дружинина, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева и Я. И. Линкова, М., 96 стр. («Ученые записки, МГУ», юбилейная серия, вып. 50).

1941

- Героическое прошлое славян. М., Военгиз, 15 стр. (Главное политическое управление РККА).
- Военная доблесть славян.— «Пропагандист Красной Армии», М., № 16, стр. 15—17.
- Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке.— «Исторические записки», М., кн. X, стр. 167—179.
- Новые труды советских историков.— «Учительская газета», М., № 109, 20 сентября.
- Разгром Немецкого ордена в Прибалтике Иваном IV (1560).— «Исторический журнал», М., № 10—11, стр. 71—77.
- Сибирь. История.— МСЭ, изд. 2-е, М., т. 9, стб. 671—673.
- Культурные и политические связи России и Англии в XVI и XVII веках.— «Исторический журнал», М., № 12, стр. 64—70 (совместно с Ю. В. Готье).
- Варварские государства и Византия.— В кн.: «История дипломатии, т. I, под ред. В. П. Потемкина, М., Соцэкгиз, гл. I, X, стр. 93—116 (совместно с Е. А. Косминским).
- Дипломатия периода феодальной раздробленности.— Там же, гл. II, стр. 117—133 (совместно с Е. А. Косминским).
- Дипломатия в XVII веке.— Там же, гл. III, стр. 204—250 (совместно с С. Д. Сказкиным).
- Дипломатия в XVI веке.— Там же, гл. II, стр. 186—203 (совместно с С. Д. Сказкиным).
- Дипломатия европейских государств в XVIII веке.— Там же, гл. IV, стр. 251—266 (совместно с С. Д. Сказкиным).
- Москва в 1812 и 1941 годах.— «Большевик», М., № 18, стр. 20—27.
- Примечания к кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, М.—Л., АН СССР, гл. 6—9, стр. 547—586 (совместно с А. И. Андреевым и С. К. Богоявленским).
- Рец. на кн.: Ф. Кудрявцев. История бурят-монгольского чарода от XVII до 60-х годов XIX в. Очерки. М.—Л., АН СССР, 1940.— «Историк-марксист», М., кн. 4, стр. 121—124.
- Г. Ф. Миллер, как историк Сибири.— Рец. на кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М., 1937.— «Политическая и социально-экономическая литература», М., № 7, стр. 42—46.

1942

- Дмитрий Донской. Ташкент, УзФАН, 38 стр. (Институт языка, литературы и истории. «Великие русские полководцы»).

- Иван Грозный. М., Госполитиздат, 76 стр.
Минин и Пожарский. Ташкент, УзФАН, 56 стр., илл. (Институт языка, литературы и истории. «Великие русские полководцы»). Есть перепечатка.
Разгром Ливонского ордена в Прибалтике (XVI в.). Ташкент, Госиздат, УзФАН, 32 стр.
Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII веке.— «Вестник АН СССР», № 3—4, стр. 58—71.
Великая Октябрьская революция и народы Средней Азии.— «Исторический журнал», М., № 10, стр. 65—73.
Москва в 1812 и 1941 годах.— В кн.: «Отстояли, отстоим», Ташкент, стр. 11—31.
Юрий Крижанич.— «Исторический журнал», М., № 1—2, стр. 145—151.

1943

- Иван Грозный.— «Большевик», М., № 13, стр. 48—61.
Героическое прошлое русского народа.— «Пропагандист», № 19—20, стр. 19—22.
Мать городов русских [о Кіеве].— «Московский большевик», № 267, 12 ноября.
Тамань — русская земля.— «Труд», № 240, 10 октября.
Рец. на кн.: Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942.— «Под знаменем марксизма», № 7—8, стр. 102—103.
Рец. на кн.: «Героическое прошлое русского народа», М., Главное политическое управление РККА.— «Красная звезда», 12 сентября.
Рец. на кн.: П. Хаптаев. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942.— «Исторический журнал», М., № 8—9, стр. 99—100.

1944

- Вклад историков русского народа в мировую историческую науку.— В кн.: «Научная конференция (МГУ). Роль русской науки». Программа и тезисы докладов, М., стр. 67—68.
Древний Новгород (историческое значение города).— «Красная звезда», № 18, 21 января.
Книга Б. И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I».— Рец. на кн.: Б. И. Сыромятников. Регулярное государство Петра I, ч. 1. М.—Л., 1943.— «Большевик», М., № 22, стр. 54—59.
О классовой природе монархии Петра I (о кн.: Б. И. Сыромятников. Регулярное государство Петра I).— «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. I, № 2, стр. 87—92.
Юрий Владимирович Готье (Историк, 1873—1943).— «Исторический журнал», М., № 2—3, стр. 70—80.

1945

- Иван Грозный. М., Госполитиздат, 100 стр.
Старая Москва. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 17 ноября 1944 г. в Доме ученых в Москве. М., 23 стр. (Лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР).

- Академия Наук СССР. Подготовка к изданию «История Москвы» (беседа с членом-корр. АН СССР).— «Вечерняя Москва», № 238, 9 октября.
- Великий русский народ.— «Спутник агитатора», № 12, стр. 8—13.
- То же с небольшими изменениями.— «Агитатор», № 15, стр. 18—25.
- Восьмисотлетие Москвы.— «Известия», № 305, 29 декабря.
- Из истории Москвы. Пенза, изд. газ. «Сталинское знамя», 19 стр. («Биб-ка агитатора и пропагандиста»).
- «Избранная рада» Ивана Грозного.— «Исторические записки», кн. XV, стр. 29—56.
- Образование Русского национального государства.— «Пропагандист», № 5, стр. 22—23.
- «О перспективном плане в области исторической науки» (отклики на доклад академика В. П. Волгина в Президиуме Академии Наук СССР).— «Исторический журнал», М., № 4, стр. 99—103. (Совместно с А. Л. Сидоровым, С. П. Толстовым и И. С. Звавичем).
- О работе А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII века».— «Большевик», № 3—4, стр. 73—77.

1946

- Самодержавие Ивана IV. М., Военное издательство, 80 стр. (в помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива. История СССР).
- Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI веке [из истории ремесла и торговли в России].— «Ученые записки МГУ», М., вып. 87. «История СССР», стр. 38—65.
- Д. М. Петрушевский и русские историки.— Сб. «Средние века», вып. 2, М.—Л., АН СССР, стр. 41—45.
- Хороший пример научной разработки истории Грузии. Рец. на кн.: И. Джавахишвили и др. История Грузии. Учебник для средней школы, ч. 1.— «Культура и жизнь» № 1, 28 июня.
- Six-Volume Work Will Trace Social Economic Development of Moscow city to mark its 800-th Anniversary in 1947.— «Moscow New», № 32, 20 апреля.

1947

- Старая Москва. М., Гос. изд-во культ.-просвет. лит.-ры, 31 стр., 4 илл. (в помощь лектору).
- Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 году.— «Вестник АН СССР», № 7, стр. 62—72 (совместно с А. А. Савичем).
- Восемь веков славян.— «Архитектура и строительство», М., № 11, стр. 2—6.
- Иван Грозный в свете новейших исследований.— «Юбилейный сборник [Академии Наук СССР], посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции», М.—Л., АН СССР, ч. 2, стр. 655—666.
- Население Москвы в XVI веке.— «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. IV, № 3, стр. 201—219.
- Древнейшие поселения.— «Вечерняя Москва», № 38, 13 февраля.
- Восьмисотлетие Москвы.— «Военный вестник», М., № 16, стр. 2—9.
- Москва.— «Славяне», М., № 8, стр. 7—13.
- Москва — столица Русского государства.— «Городское хозяйство Москвы», М., № 8; стр. 5—16.
- Москва Ивана Грозного.— «Вестник МГУ», № 9, стр. 16—74.

- Москве — 800 лет.— В кн.: «Москва — столица нашей Родины», сборник, Казань, Татиздат, стр. 7—20.
- То же.— «Комсомольская правда», 20 июля.
- Москва — столица российской национальной державы.— В кн.: «Москва. 1147—1947». Збірник статей. Київ, Українське Видавництво політичної літератури, стр. 39—67.
- О восьмисотлетию города Москвы [доклад на общемосковском собрании пропагандистов и агитаторов 15 июля 1947 г.].— «Московский большевик», М., 17 июля.
- Славное прошлое Москвы.— В кн.: «Москве 800 лет», М., Госполитиздат, гл. 1, стр. 3—16.
- Столица страны победившего социализма.— В кн.: «Москве 800 лет», М., Госполитиздат, гл. III, стр. 31—48.
- Народы СССР в эпоху монгольского владычества.— В кн.: «История СССР», т. I, под ред. Б. Д. Грекова и др., Изд. 2-е, М., Госполитиздат, гл. XI, стр. 141—157.
- Образование абсолютистской монархии в XVII в. (раздел «Культура»).— Там же, гл. XXI, стр. 468—485.
- Украина и Белоруссия в XVI—XVII вв. (раздел «Культура»).— Там же, гл. XXII, стр. 492—494.
- Народы Поволжья, Азии и Крыма в XVII в. (раздел «Народы Восточной Сибири»).— Там же, гл. XXIII, стр. 516—530.
- Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство.— Там же, гл. XIX, стр. 298—352.
- Феодалные государства Средней Азии и Закавказья в XI—XII вв. (раздел «Средняя Азия»).— Там же, гл. X, стр. 132—140.
- Феодалные образования на территории Средней Азии, Поволжья и Крыма.— Там же, гл. XVI, стр. 238—255.
- Прошлое великой столицы.— «Знамя», Л., № 9, стр. 114—120.
- Столица советского народа.— «Вестник АН СССР», № 9, стр. 3—18.
- Старая Москва [В 1947 г. 800 лет Москвы].— «Огонек», № 4, стр. 33—35; № 5, стр. 33—35; № 6, стр. 23.
- Каракалпак в первой половине XIX в.— В кн.: «История народов Узбекистана», т. II, под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина, Ташкент, УзССР, гл. VI, стр. 184—188.
- Культура и быт народов Узбекистана в колониальный период. Школа.— Там же, гл. XI, стр. 289—325.
- Политический строй и социально-экономическое состояние среднеазиатских ханств в XVI—XIX вв. Там же, гл. II, стр. 42—65; гл. III, стр. 72—105; гл. V, стр. 134—177.
- Сношения среднеазиатских ханств с Россией в XVII в.— Там же, гл. III, стр. 106—114.
- Ред. кн.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I. М.—Л., АН СССР, 490 стр.
- Ред. кн.: М. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., АН СССР, 392 стр. (Институт истории АН СССР).
- Ред. кн.: «История народов Узбекистана», т. II, под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент, УзФАН, 512 стр.
- Ред. кн.: «История СССР», т. I—с древнейших времен до конца XVIII в., Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, изд. 2-е, М., Госполитиздат (Институт истории АН СССР и кафедра истории СССР истор. фак-та МГУ).

1948

- Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь.— В кн.: «Дипломатический словарь», т. I, М., Госполитиздат, стб. 49—51.
- Иван IV Грозный (1530—1584).— Там же, стб. 661—667.
- Киевской Руси договоры с греками.— Там же, стб. 789—790.
- Восемь веков.— В кн.: «Москва», М., стр. 17—62 (географ. научно-художеств. серия «Наша Родина», под общей ред. Н. Н. Михайлова).
- Вопросы истории СССР в трактовке «Кембриджской экономической истории».— «Вопросы истории», М., № 7, стр. 90—99.
- С. К. Богоявленский как историк.— «Вопросы истории», М., № 8, стр. 87—89.
- Москва — центр, объединяющий русский народ.— «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. V, № 4, стр. 323—336.
- Основные линии истории обских угров.— «Ученые записки ЛГУ», вып. 2, серия востоковедческих наук, Л., т. I, стр. 257—287.
- Очередные задачи исторического изучения Якутии.— В кн.: «Доклады на первой научной сессии Якутской базы Академии Наук СССР», Якутск, стр. 28—42.
- Послесл. и ред. кн.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.—Л., стр. 730—736.
- Москва. Сборник. Составили Н. П. Анциферов, С. В. Бахрушин, С. Гарелина и П. И. Лопатин. М., «Молодая гвардия», 268 стр.
- Ред. кн.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., АН СССР, 446 стр.
- Ред. кн.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., АН СССР, 1948, 472 стр.

1949

- В. И. Пичета как историк СССР (доклад на совместном заседании Ученого совета Института славяноведения и Ученого совета Института истории АН СССР 23 июня 1948 г.).— «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», М.—Л., т. I, стр. 7—14.
- Взятие Казани.— В кн.: «За родную землю», сб. статей, М., Воениздат, стр. 52—76.
- Съветский историк Борис Греков.— «Исторически преглед», София, № 3—4, стр. 509—511.
- Ред. кн.: А. П. Окладников. История Якутии. Т. I — «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству», Якутск, 436 стр.
- Ред. кн.: Д. М. Лебедев. География России XVII века. Отв. редакт. А. А. Григорьев и член-корр. С. В. Бахрушин. М.—Л., АН СССР, 234 стр.
- Ред. кн.: «Обзор документальных материалов Центрального Государственного Архива Древних Актов СССР по истории города Москвы с древнейших времен до XIX в.», сост. В. Н. Шумиловым, М., Главное архивное управление, 186 стр. *

1950

- * Историческое изучение народов Севера.— «Ученые записки ЛГУ», Л., № 115, Факультет народов Севера, вып. 1, стр. 7—21.

* Работы, вышедшие в свет после смерти автора.

- * Железодобывательные районы в Русском государстве XVI века.— «Вопросы географии», М., сб. 20, стр. 42—68.
- * Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству.— В кн.: «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа», вып. 1, Якутск, стр. 54—75.
- * Новые страницы истории Сибири (о кн.: С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.—Л., 1949).— «Новый мир», М., № 4, стр. 283—285.
- * Ред. кн.: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», подг. к печати Л. В. Черепнин, М.—Л., АН СССР, 586 стр.
- * Ред. кн.: Б. Б. Кафенгауз. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.—Л., 1950, 191 стр.

1951

- * Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке.— В кн.: «Исторические памятники русского арктического мореплавания XVII в.», М.—Л., изд. Главсевморпути, стр. 86—92.
- * Ред. кн.: «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. 1, подг. к печати Л. В. Черепнин, М.—Л., АН СССР, 399 стр.
- * Ред. кн.: Б. Б. Кафенгауз. Посошков. Жизнь и творчество. Изд. 2-е, М.—Л., АН СССР, 202 стр.

1952

- * Москва в период укрепления Русского централизованного государства в XVI в.— В кн.: «История Москвы», т. I, ч. 1, гл. IV, М.—Л., АН СССР.
- * Просвещение, наука, литература.— Там же, гл. IV (совместно с А. А. Зиминым).
- * Москва в годы восстания Болотникова.— Там же, гл. V (совместно с А. А. Зиминым).
- * Захват Москвы интервентами и борьба с ними русского народа (1610—1611).— Там же, гл. V (совместно с А. А. Новосельским).
- * Москва как хозяйственный центр страны. Торговля Москвы.— Там же, ч. 2, гл. I, § 3 (совместно с С. К. Богоявленским).
- * Территория и население. Подмосковные усадьбы.— Там же, гл. II, § 4 (совместно с С. К. Богоявленским).
- * Народные движения в Москве. Московское восстание 1648 г.— Там же, гл. IV, § 1 (совместно с А. А. Новосельским).
- * Просвещение, наука, литература в Москве в XVII в.— Там же, гл. V (совместно с С. К. Богоявленским и Н. В. Устюговым).
- * Быт и культура Москвы 1725—1800 гг.— Там же, т. II, гл. VI (совместно с П. К. Алефиренко и П. Г. Рындзюном).
- * Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII века.— «Ученые записки [МГУ]», вып. 156. «Труды кафедры истории СССР», М., изд. МГУ, стр. 19—49.
- * Ред. кн.: «История Москвы», т. I (совместно с А. А. Новосельским, А. А. Зиминым и Н. В. Устюговым).

Готовятся к печати

- Новгородская и Псковская феодальные республики в XIII—XIV вв.—
Рукопись для «Истории СССР», т. II, ч. 2, гл. I (совместно с Г. Е. Кочиним, А. Н. Насоновым и Л. В. Даниловой).
- Русская культура и быт XIV—XV вв.— Там же, гл. III (совместно с К. В. Базилевичем, Н. А. Баклановой, А. Н. Насоновым, М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниным).
- Сибирское ханство.— Там же, гл. IV.
- Крымское ханство.— Там же, гл. IV.
- Народы Севера, коми.— Там же, гл. IV (совместно с А. А. Зиминим).
- Татарские ханства Поволжья.— Там же, гл. IV (совместно с Ш. Ф. Мухаммедьяровым и М. Г. Сафаргалиевым).

*Составлено Научным кабинетом
Института истории АН СССР*

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА,
ТОРГОВЛИ И ГОРОДОВ
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ГОСУДАРСТВА
XVI—НАЧАЛА XVII в.

(К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ
ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы своей жизни С. В. Бахрушин работал над монографией о русском рынке XVI в. Этот труд посвящен важным проблемам социально-экономической истории и классовой борьбе в Русском централизованном государстве. Сохранились план этой монографии и ряд очерков, которые в целом дают интересную картину развития ремесла, торговли и городов Русского государства в XVI — начале XVII в. Несмотря на то, что монография не была завершена, написанные С. В. Бахрушиным очерки, насыщенные богатым фактическим материалом и связанные единством темы, имеют самостоятельное научное значение. Стержневой проблемой монографии, по мысли С. В. Бахрушина, является складывание предпосылок всероссийского рынка в XVI в., поскольку в труде В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» поставлен вопрос о причинах фактического слияния отдельных русских областей в единое экономическое целое и о закладывании основ всероссийского рынка в «новый период» русской истории, примерно с XVII в. Вопрос о предпосылках всероссийского рынка в XVI в. автор решает в свете положения В. И. Ленина о концентрации местных рынков в единый общенациональный рынок.

Правда, очерки далеко не исчерпывают всей проблемы. Ограниченность источников (С. В. Бахрушин использовал главным образом приходо-расходные книги северных и западных монастырей) отразилась на содержании работы. Северо-восточная часть Русского государства почти не затронута исследованием. Такой важный центр ремесла и торговли, как Нижний-Новгород, остался вне внимания исследователя.

Как видно из публикуемого плана монографии, автор не успел написать важные разделы, в том числе об организации ремесла XVI в., о роли Сибири в развитии товарообмена, историографическое введение и т. д.

Незавершенность работы сказалась и на публикуемых очерках. Первый является как бы предварительным обзором задуманной автором монографии (именно поэтому его материалы частично повторяются в следующих очерках). Здесь сформулированы основные выводы автора по вопросу о предпосылках всероссийского рынка в XVI в. Редакция включила этот очерк в первый том, чтобы дать читателям представление о круге проблем и важнейших выводах автора по вопросам истории ремесла и торговли XVI в. Второй очерк говорит о территориальном разделении труда в Русском государстве XVI — начале XVII в., третий — о возникновении городских поселений в XVI в. Оба очерка являются составными частями монографии. Однако незавершенность творческой работы сказалась и на них. В четвертом очерке, посвященном русскому городу XVI в., охарактеризованы лишь отдельные стороны истории русского города.

Вопросы о составе городского населения, о политике правительства по отношению к городам достаточного освещения не получили. Такой же незаконченный характер имеет и шестой очерк, посвященный сельским торжкам и ярмаркам в XVI в. Нет четкого разграничения материала между третьим, четвертым и шестым очерками. Из всех очерков, составляющих органическую часть монографии, закончены только пятый и седьмой. В одном из них дана характеристика Москвы как ремесленной и торгового центра в XVI в., другой посвящен обострению классовой борьбы в русских городах XVI — начала XVII в.

Монография С. В. Бахрушина отчетливо показывает, каким путем шел исследователь в изучении проблемы складывания всероссийского рынка. Если в 20-х и 30-х годах XX в. С. В. Бахрушин рассматривал проблему рынка прежде всего как проблему обмена, торговли, то в последние годы жизни он стал более пристально изучать вопрос об общественном разделении труда и рынке как проблеме производства. Эта новая для него точка зрения проводится в публикуемой монографии, хотя и не всегда последовательно. В третьем, четвертом и пятом очерках вопросы производства заслоняются вопросами обмена.

В работе С. В. Бахрушина имеется несомненная переоценка роли товарного обращения и товарного производства. Так, в первом очерке С. В. Бахрушин подчеркивает важность появления торговых крестьян «для истории формирования торговой буржуазной Москвы в XVII в.» (стр. 49 настоящего издания). Разумеется, нет никаких оснований для признания Москвы XVII в. «буржуазной». Можно говорить лишь о завязывании «буржуазных связей»¹, а это не одно и то же. Товарное производство, по учению И. В. Сталина «приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами». Товарное производство «существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»².

Редакция не вносила исправлений в текст, если это не вызывалось крайней необходимостью. Произведено уточнение научного аппарата, дано наименование работе в целом и некоторым ее разделам (ввиду отсутствия ряда заглавий в сохранившихся текстах исследования).

Три очерка, публикуемых в этом томе, были напечатаны: «Предпосылки всероссийского рынка в XVI в.» (Ученые записки МГУ», вып. 87, М., 1946, стр. 38—65); «Железодельные районы в Русском государстве, XVI в.» («Вопросы географии», вып. 20, М., 1950, стр. 42—68); «Классовая борьба в русских городах XVI — начале XVII в.» («Ученые записки, МГУ», вып. 156, «Труды кафедры истории СССР», М., 1952, стр. 19—40).

Первый том подготовлен к печати под редакцией Н. В. Устюгова и А. А. Зиминой. Список трудов С. В. Бахрушина составлен научным кабинетом Института истории АН СССР, указатели — Е. А. Юрченко. Техническая подготовка текста к печати проведена З. Н. Бочкаревой и М. М. Зайцевой при участии Л. А. Семенович.

¹ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 137.

² И. В. Сталин. «Экономические проблемы социализма в СССР» М., 1952, стр. 14—15.

О Ч Е Р К I

ПРЕДПОСЫЛКИ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА в XVI в.

I

Вопрос о возникновении и развитии всероссийского рынка является одним из малоизученных вопросов экономической истории нашей страны, без разрешения которого не могут быть выяснены условия образования абсолютистского государства в России. Как показал И. В. Сталин на примере средневековой Грузии, при «экономической раздробленности» была невозможна централизация государственной власти¹. В. И. Ленин отмечает, что в России длительно сохранялись «живые следы прежней автономии» отдельных земель. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века),— говорит он,— характеризуется... фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». Этот процесс объединения русских земель в единое государство В. И. Ленин объясняет образованием экономических связей между ними. «Слияние это...,— говорит он,— ...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

Ясно, что отмеченному В. И. Лениным слиянию земель, областей и княжеств «в одно целое», происшедшему примерно в XVII в., должен был предшествовать длительный процесс преодоления хозяйственной замкнутости отдельных частей страны, поэтому корни всероссийского рынка следует искать в предшествующей XVII веку эпохе. Стремление некоторых исследователей механически ограничить процесс зарождения всероссийского рынка XVII веком³ кажется мне не вполне обоснованным. С другой стороны, вряд ли справедливо относить начало этого процесса слишком далеко назад, к XIV—XV вв. Мы действительно наблюдаем в конце XV и в начале XVI в. признаки роста товарно-денежных отношений, и не случайно в духовной грамоте Ивана III впервые Москва выступает с чертами крупного торгового города, среди доходных статей которого на видном месте стоят торги, лавки и гостиные дворы⁴. Однако установление рыночных связей между отдельными районами Русского государства в широком масштабе, судя по конкретным данным, происходит только в XVI в., главным образом во второй его половине.

Основным моментом в образовании рыночных связей между отдельными областями является углубление общественного разделения труда, которое выражается в развитии ремесла до уровня мелкого товарного

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 295.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

³ См. критическую статью «Крупное событие на историческом фронте» («История СССР», т. I), помещенную в «Историке-марксизме», 1940, № 4—5.

⁴ С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.— «Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому», М., 1900, стр. 600.

производства в отдельных отраслях промышленности и в сосредоточении ремесла в городах. Характерным показателем общественного разделения труда является вынесение продуктов питания на рынок и наличие значительного количества потребителей, которые не производят этих продуктов в собственном хозяйстве и обращаются за ними на рынок.

В конце XV и в начале XVI в. мы находим еще значительное распространение вотчинного ремесла, характерного для сугубо замкнутых форм феодального хозяйства того времени. В XV в. в Москве, на посаде и в городе, жили на княжеских дворах княжеские мастера (в частности портные), в Переяславле-Рязанском — княжеские гончары. Обязанность сельского населения «тянуть в портное», т. е. поставлять на княжеский двор холсты, скатерти и т. д., лишь постепенно превращалась в денежную повинность⁵. Еще ярче это господство домашнего ремесла выступает в частных вотчинах. У князя И. Ю. Патрикеева в конце XV в. упоминается ряд несвободных ремесленников: три портных, два мельника, два хлебника, бронник, серебряник⁶. Таким образом, в своем хозяйстве крупный феодал конца XV в. располагал трудом даже квалифицированных мастеров, какими были специалисты по выделке оружия и серебряных изделий.

В больших феодальных хозяйствах существование вотчинного ремесла может быть прослежено в течение всего XVI в. и даже после. Судя по духовной 1533—1538 гг., у Василия Беззубова в числе холопов были два сапожника и один плотник⁷. В Новгородском Софийском доме в 1547 г. имелся целый штат зависимых ремесленников: шесть плотников, шесть хлебников, колесник, мукосей, пивовар, кузнец и, кроме того, по видимому, два иконника и котельник⁸. В Иосифо-Волоколамском монастыре в 1576—1580 гг. работал 31 зависимый ремесленник: шесть портных, четыре сапожника, три плотника, два токаря, два кожевника, два иконника, чулочник, скатертник, седельник, колесник и др.⁹ В Болдине-Дорогобужском монастыре в конце XVI в. упоминаются собственные шваля, плотники, кузнецы, сапожные мастера, иконники¹⁰.

Крепостное вотчинное ремесло в сущности продолжало существовать в помещичьих хозяйствах до самого падения крепостного права. Но для нас важно отметить, что в XVI в. вотчинное ремесло уже не удовлетворяло потребностей феодального хозяйства. Даже в конце XV и в начале XVI в. феодалы уже не могли довольствоваться примитивной продукцией своих доморожденных мастеров и вынуждены были обращаться к специалистам, работавшим на вольный рынок, по крайней мере в тех случаях, когда дело шло о предметах военного снаряжения. Брат Ивана III Андрей Васильевич и племянник Иван Борисович оказываются в долгу у Семена бронника (на очень большую сумму — 95 рублей), а Иван Борисович, кроме того, задолжал седельнику Филе и кузнецу Лагута¹¹.

⁵ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 563—564.

⁶ «Собр. гос. грамот и договоров» (СГГиД), ч. I, № 130.

⁷ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 8.

⁸ Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома в XVI—XVII вв.—«Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 33, Л., 1926, стр. 223—224, 226.

⁹ М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в.—«Исторические записки», кн. 3, стр. 150.

¹⁰ «Русская историческая библиотека» (РИБ), т. XXXVII, стб. 137, 143, 147, 167.

¹¹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 602.

Отмеченное явление прекрасно показано М. Н. Тихомировым в указанной его статье, посвященной Иосифо-Волоколамскому монастырю. Даже сотня с лишним рабочих людей, служивших в монастыре, «не могла,— по его словам,— обслужить монастырское хозяйство, вследствие чего приходилось нанимать людей на стороне. 3 мая 1579 г. было уплачено 22 алтына пяти плотникам и Грише Невлянскому: «тесали тес пять человек 2 недели, а Гриша — одну неделю». Речь идет, ясно, не о монастырских плотниках, которых насчитывалось всего трое. 20 мая опять уплачено плотнику: «делал в монастыре 2 недели»; 2 июня записано, что в монастыре работало шесть «осташковских плотников»; 10 июня — дано топтальникам за «110 сукон по 2 деньги от сукна». В июле есть несколько записей о деньгах, уплаченных за постройку «чулана каменного». Деньги получал каменщик Проня и его товарищи. 25 июля опять сообщается о постройке в погребе каменного чулана, на этот раз гривну получил Якун Глухой из Нового села, т. е. монастырский крестьянин или каменщик, живший на монастырской земле. Этих выписок достаточно, чтобы убедиться, что монастырь никак не мог обойтись трудом одних оброчных рабочих. Приходилось платить деньги ремесленникам Волока-Ламского за то, что из конопли «делали масло». Далее платили волоколамскому кузнецу за изготовление 2000 сбойных гвоздей или за пошивку двух монашеских мантий и семи свиток. В октябре — ноябре опять шились мантии и свитки; приходилось платить «романовским полстовалам» за войлоки, портным мастерам болдинским за шитье шуб, плотнику Меншику из села Ильицына за постройку у казначея сеней. Утомительно было бы перечислять все мелкие расходы: тут плата и за топоры, и за починку замка, за толчение пшеницы, за шитье телогрей, шубы и т. д.¹²

Наблюдения М. Н. Тихомирова всецело подтверждаются данными и о других монастырях во второй половине XVI в. Павлов-Обнорский монастырь в 1568—1570 гг. то и дело платил на сторону за выделку кож («от кож сыромятных от дела») — кожевнику, за выделку овчин — овчиннику, за ткание сукон и прядение мереж («от пряжи мережные», «от сукна от тканья»), за ковку металлических изделий («от кос от больших от дела») и т. д.¹³

В Болдине-Дорогобужском монастыре, так же как и в Иосифо-Волоколамском, постройки в конце XVI в. воздвигали наемные плотники, получавшие плату «от рубли». И тут тоже сукна ткали на стороне за плату «от тканья». Посторонние мастера делали монастырские епанчи, валяли полсти и войлоки, били коноплю, окладывали серебром иконы. Несмотря на наличие собственной кузницы в монастыре, когда надо было отремонтировать «сошники ветчаные», то обращались к вольному кузнецу и платили «за дело от сошников и за его прибавочное железо», точно так же вольному кузнецу платили «от топоров и за прибавочное железо и за уклад». Вольным мастерам платили и «от котлов от братских и от мер... и от сковородок от полуды». Хотя в монастыре были собственные иконники, но постоянно заказывали иконы на сторону вольным иконникам, давая «задатку за образы»¹⁴.

Заказы на иконы и покупка готовых икон производились и другими монастырями, как то: Кирилло-Белозерским и Чудовым. В обоих

¹² М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 151—152

¹³ РИБ, т. XXXVII, стб. 142, 147, 167, 1—12.

¹⁴ Там же, стб. 37, 83, 96, 106, 114, 125, 126, 135 и др.

монастырях все строительные работы производились артелями плотников, очень часто корелов¹⁵.

Вытеснение вотчинного ремесла вольным прекрасно показал Б. Д. Греков на основании сравнения трех приходо-расходных книг Софийского дома (1547, 1593 и 1600). В 1547 г. строительство архиепископского двора обслуживалось семьёю собственными плотниками, и расходы монастыря ограничивались, кроме годового жалованья, покупкой плотничных инструментов. В конце XVI в. штатные плотники исчезают: «Софийский дом не может, повидимому, держать постоянных плотников, а в случаях надобности обращается к найму специалистов... В октябре 1600 г. было додано плотнику Олексею Яковлеву 6 алтын, «а делал он у Ивана архиепископа в темнице [название церкви] паперть». 6 сентября того же года было «дано олонецким плотникам Никите Нестерову с товарищи на 6 дней с Семеня дни рубль 20 а. 4 д.; да тем же плотником дано вперед... по 14-е число 1 руб. 20 а. 4 д.»¹⁶. Точно так же и постоянного кузнеца в софийском хозяйстве в 1593 г. уже не было. «В 1593 г.—говорит Б. Д. Греков,— в разное время производили в Софийском доме следующие работы: «делали язык софийского большого колокола», починяли «две чеши церковных у софийских дверей, да тягу к северным дверям, да уклад наваривался на шесть плевцов на новую мельницу», починяли два заслона железных, делали два напильника и заслонца, несколько раз подковывали лошадей. Во всех этих случаях обращался Софийский двор к разным кузнецам: Богдану Андрееву «с товарищи», Грише и Дорошке... Всем кузнецам платили сдельно... Мы можем даже видеть, из каких элементов складывалась плата, получаемая кузнецом: «дано Грише кузнецу от дела и за уголье». Ясно, что средства производства принадлежат в данном случае ремесленнику. Перед нами чистая работа на заказ¹⁷. С сокращением штата вотчинных ремесленников в Софийском доме, естественно, увеличивалось обращение к вольному ремеслу. За три с половиной месяца 1593 г., с 1 сентября по 14 декабря, по подсчету Б. Д. Грекова, Софийский двор «обращался к найму и к заказу к специалистам-ремесленникам 23 раза». Кроме заказов кузнецам, упоминаются заказы кожевнику на дубление кож кониных, икононикам «на письмо» образов, серебрянику на оклады, седельнику, который чинил девять седел в конюшне, золотых дел мастеру, свечнику; два раза нанимали печников, три раза — оконничников, два раза заказывали скать шелк¹⁸.

Характерно, что в отношении к собственным вотчинным ремесленникам феодал во второй половине XVI в. иногда применял оплату труда по тем же принципам, как и на вольном рынке. Так, своим двум иконописцам Иосифо-Волоколамский монастырь в 1579 г. платил из известного расчета за каждый написанный образ, например за 10 образов «чудотворца» Иосифа по 2 алтына или за 20 образов — 30 алтын¹⁹.

¹⁵ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в., т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 33, 39 и 41, 43, 66, 91, 96, 103; ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273.

¹⁶ Б. Д. Греков, Указ. соч., стр. 269.

¹⁷ Там же, стр. 277—278.

¹⁸ Там же, стр. 282—283.

¹⁹ Приношу большую благодарность М. Н. Тихомирову, сообщившему мне выписки из приходо-расходной книги Волоколамского монастыря 1578/79 гг. Для Волоколамского монастыря мною использовалась также книга 1591/2 г. (ЦГАДА, Собр. Волоколамск., кн. 10).

Таким образом, вотчинное ремесло уже не удовлетворяет всех потребностей хозяйства и в XVI в. уступает место вольному ремеслу. Это вольное ремесло сосредоточивается в городах. В Новгороде А. В. Арциховский насчитывает в 1580-х годах 5465 человек, занятых в различных отраслях ремесленной промышленности²⁰, в Казани в 1560-х годах ремесленников (считая занятых в пищевой промышленности) было около 525²¹, в Серпухове в 1552 г.—331, в Можайске в 1577—1578 гг.—224, в Коломне в 1577—1578 гг.—159²², даже в слободе Отроча монастыря под Тверью их было 63 человека²³, и т. д.

Н. Д. Чечулин насчитал в городах XVI в. 186 видов ремесла, не считая пищевой промышленности, которая также насчитывала 34 вида. Список Чечулина должен быть, однако, сильно пополнен, так как у него нет большого числа ремесел, известных по другим источникам²⁴.

Особенностью ремесла в XVI в., как, впрочем, и в XVII в., является его большая дробность, наличие в нем очень мелких специальностей. Среди мастеров, занятых в производстве одежды, встречались, например, наряду с портными, особые профессии терличников, сарафанников, свитников, кафтанников, шубников, армячников, чупрунников, кошурников, однорядников, манатейников, выделявавших каждый отдельный вид одежды (терлики, сарафаны, кафтаны и т. д.) или даже отдельную часть одежды (завязочки, гайтанныки и т. д.). В производстве перчаток выделялись голяничники, варежники, рукавичники, в производстве кошельков и сумок — калитники (выделявавшие калиты), мошеники (мошны), кошельники, сумники. Среди скорняков были специалисты белочки, бобровники, душечники; среди ремесленников, изготавливавших головные уборы, — шапочники, шляпники, колпачники; среди оружейников — стрельники, бронники, сабельники, секирники и т. д. Имелись даже такие узкие специальности, как крестечники, выделявавшие нательные кресты, игольники, булавочники, гвоздочники.

Основные отрасли ремесленного производства в XVI в. могут быть разделены на следующие группы. На первом месте стоит выделка материй (холстов, сермяг, посконины, крашенины, понев), которой были заняты холщевники, сермяжники, сукновалы, стригальники. В связи с текстильным производством находилось красильное ремесло. В Новгороде холщевный ряд упоминается уже в 1506 г., в 1580-х годах в этом городе, по подсчету А. В. Арциховского, упоминается 203 красильника и белильщика. К этой отрасли ремесла примыкало производство всевозможных видов одежды и головных уборов, перечисленных выше.

О месте, которое занимали ремесла, связанные с одеждой, говорит наличие в больших городах (Новгород, Псков) таких рядов, как холщевный, сермяжный, шубный, терличный, однорядочный, кафтанный, кошурочный (или чупрунный), колпачный, шапочный, шляпный, красильный, белильный²⁵. В Туле в 1588—1589 гг. в пяти лавках торговали

²⁰ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла.—«Новгородский истор. сборник», вып. 6, Новгород, 1939.

²¹ «Материалы по истории Татарской АССР», Л., 1932.

²² Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.

²³ С. А. Шумаков. Из актов Тверского отроча монастыря.—«Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских» (ОИДР), 1896, кн. 2.

²⁴ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 339, 340. Из нашего подсчета исключены промыслы и другие занятия, не носящие характера ремесел.

²⁵ О рядах в Новгороде см. «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.» под ред. С. В. Бахрушина, М., 1930; о рядах в Пскове см. «Сборник Московского архива министерства юстиции» (МАМЮ), т. V, М., 1913.

сермягой, в трех — шубами, в одной — шапками²⁶. В Ярославском уезде во второй половине XVI в. сукна, холсты и поневы были предметом торговли на сельских торжках, на которых, в частности, производилась скупка больших партий материй монастырями. Так, Ярославский Спасский монастырь в 1566 г. выхлопотал себе право скупать по городам сукно. В расходных книгах Болдина-Дорогобужского монастыря встречаются записи единовременной покупки сотен аршин сукон манатейных и рясных, посконины, холстов посконных, крашенин тонких и гладких, синих и лазоревых, поясков черных «на братское платье в нашивку» и т. д.²⁷ Приобретал на рынке материи и Иосифо-Волоколамский монастырь, который в июне 1579 г. купил, например, на монастырский обиход 110 сукон и в июле опять столько же²⁸. На нужды Софийского дома «на торгу» приобретались крашенина лазоревая, червчатая, кафтаны сермяжные, холсты, сукно, еренка белая²⁹. На московском рынке Болдин монастырь покупал и нитки разных сортов, например 70 пучков «нитей суконных швильных на братское платье»³⁰.

Далее следуют мастера, работавшие в кожевенном производстве: кожевники, сырейщики, сапожники, шаровники, чеботари, ременники, подошвенники, седельники, чоботные мастера, шорники. Почти в каждом городе, в том числе и в Москве, был сапожный ряд; иногда, кроме того, были ряды кожевенный, подошвенный, седельный, сыромятный, сырейный, ременный и т. п. В новгородских писцовых книгах 1583—1584 гг. ремесленников, занятых в кожевенном производстве насчитывается около 1000³¹, в Серпухове в 1552 г. — 90, в Туле в 1588—1589 гг. в 12 лавках торговали кожами, сапогами и подошвами³². В Москве в середине XVI в. уже сложилась слобода кожевников³³. В последней четверти XVI в. особые ряды — пушной (в Можайске), скорняжный (в Пскове и Новгороде), бобровый (там же) — сосредоточивали торговлю пушным товаром. Выделанные овчины продавались в Пскове и Новгороде в овчинных рядах.

Очень крупную отрасль ремесленного производства представляло производство изделий из металлов. В Пскове в 1580-х годах в тверском и кузнечном ряду «торгуют железом, замками и всяким железным товаром» — 67 лавок³⁴. Медные изделия в Пскове и Новгороде продавались в котельных рядах. В обоих этих городах были серебряные ряды, в Пскове, кроме того, особые сережный и женский (галантерейный) ряды, в которых насчитывалось 140 лавок³⁵. В Новгороде зарегистрировано 222 серебряника³⁶. Если обратиться к приходо-расходным книгам монастырей, то в них можно увидеть постоянные покупки железных изделий на рынке, даже когда монастырь имел собственную кузницу. Так, Болдин-Дорогобужский монастырь приобрел в одном случае «в вотчину две скобы железные к дверям избным, да и клетешным, да чепь дверную с пробой, да сечку на капусту, да чепел лучины щепать», да «замков нутряных» и «вислых», топоров, «гвоздей пробойных и тесо-

²⁶ Н. В. Калачов. Писцовые книги XVI в., отд. II, СПб., 1877, стр. 1073 и сл.
²⁷ РИБ, т. II, стб. 230, № 102; РИБ, т. XXXVII, стб. 22, 53, 93, 95, 96, 104, 110, 126, 140, 171, 172, 189 и др.

²⁸ Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря 1578/79.

²⁹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 292—294.

³⁰ РИБ, т. XXXVII, ч. I, стб. 22.

³¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 182.

³² Н. В. Калачов. Писцовые книги, отд. II, стр. 1073 и сл.

³³ ПСРЛ, т. XIII стр. 152.

³⁴ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 42—44.

³⁵ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 8.

³⁶ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 291, 292, 294.

вых», «тысячу гвоздя..., да сошники новые». Беспреданно упоминаются покупки «замков нутряных» и «вислых», топоров, «гвоздей пробойных и тесовых, чепей железных с железными кобками, на собаки», гвоздей к образам, сошников, котлов железных («шти варити»), сковород и т. п.³⁷ В расходных книгах Софийского дома за 1593 г. отмечены покупки сковородок, буравец, пил, гвоздей луженых, крюка луженого с пробоями, ключей. Наряду с изделиями из металла покупалось и сырье для монастырских кузниц — связки уклада³⁸.

Очень крупное место в ремесленной промышленности XVI в. занимало деревообделочное производство, продукты которого были весьма разнообразны. В таможенной грамоте села Еремейцева Спасского монастыря (Ярославского уезда) 1588 г. перечисляются: бочки, кади, корыта, тесницы, лубье, рогожи, хомутины, лапти, лыка, мочала, лукошки, сани, дровни, телеги и «всякий лесной товар»³⁹, в Радонежской таможенной грамоте 1595 г. — бревна и дрова, лубье, драницы, тес, доски, скалы, верей, срубы, колоды, колья, тычье, решета, коробьи, рогожи, хомуты, лыка, мочала, зола, гребенки и гребни⁴⁰. Болдин-Дорогобужский, Чудов и Волоколамский монастыри и Софийский дом приобретали бревна, лубки и драницы сосновые на кровли, доски хромные и даже целые срубы, скалвы берестяные, а также лыко, деготь, хомутины, помела, сита, решета, «деревца образные» (т. е. доски для писания икон) и т. д.⁴¹ Выделяется в деревообделочной промышленности производство деревянной посуды (блюда красные, ложки белые, красные и корневые, которые монастыри покупали сотнями, чашки, ставцы, братины, ведра и т. д.). В Туле, например, в 1588—1589 гг. были четыре лавки с деревянной посудой, в одной из них токарь торговал ставцами и ложками⁴². Большой спрос имели рогожи, лапти, хомуты лычные. В Коломне был даже целый рогожный ряд. На рынке покупались и дрова и уголь. На рынке, наконец, приобретались повозки — телеги, дровни, сани.

Наряду с выделкой деревянной посуды было широко распространено гончарное производство, в котором в Новгороде, например, было занято 40 человек. В Туле торговали горшками в шести лавках. В Можайске в конце столетия был особый кувшинный ряд. В Новгороде существовала целая гончарная слобода (Гончарный конец), в которой сосредоточивалась большая часть гончаров. В Москве уже в середине XVI в. упоминается тоже квартал гончаров; «гончарские двory» были и в Ярославле⁴³.

В больших городах, таких как Москва, Новгород, Псков, Смоленск, широко было поставлено производство икон. Иконники работали и на заказ и на продажу. О громадном спросе на иконы говорят расходные

³⁷ РИБ, т. XXXVII, стб. 27, 35, 41, 58, 73, 125, 127 и др.

³⁸ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 291. Ср. приходо-расходные книги Болдина-Дорогобужского монастыря. Много сведений о покупках железа и железных и мелких изделий имеется в приходо-расходных книгах Волоколамского монастыря (№ 10 и др.) и Чудова (Собр. Мазурина, № 273); особенно большой спрос был на гвозди и замки различного устройства.

³⁹ «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахрамеева, т. I, М., 1895, № 45.

⁴⁰ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее ААЭ), т. I, № 363.

⁴¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 291, 294; РИБ, т. XXXVII; приходо-расходные книги Волоколамского монастыря 1578/79 г.

⁴² Н. В. Калачов. Писцовые книги, отд. II, стр. 1073 и сл.

⁴³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 453; А. И. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1899, № 167.

записи монастырей, которые «выменивали» (как условно обозначалась покупка икон) иконы оптом. Например, Болдин монастырь в одном случае «выменял» в Москве 22 образа Троицы на золоте и на красках за 5 р. 25 алт. 2 д., а в другом — 16 образов Бориса и Глеба (в честь царствовавшего в то время Бориса Годунова) за 3 р. 11 алт. 1 д., 10 образов «Пречистые на золоте» («дано промену 1 р. 10 алт.»), «деисус стоячей» — 11 образов, «писано на красках, венцы золочены» и к нему «тябло писано красками разными»⁴⁴. В Пскове иконный ряд насчитывал 107½ лавок, были иконные ряды в Новгороде и Коломне.

Таковы важнейшие виды ремесленного производства в XVI в.

Наряду с ремесленной продукцией следует отметить на русском рынке XVI в. полуфабрикаты, например лен, который продавался в трепаном виде, пеньку, топленое сало. В Пскове, перед нашествием Батория, за Михайловскими воротами стояли трепальни⁴⁵. Н Новгород в 1583—1586 гг. упоминается 149 льняников⁴⁶. В Торговой книге, в основе своей относящейся ко второй половине XVI в., излагается специальный рецепт топки сала — «ворваньи или китового или моржовья или белужья» для продажи за границу. Рекомендовались особые приспособления: «в очагах поставить большие котлы, и у котлов выше очага наставляти дощатые творила толсты, а у творила доспети дира 2 вершка, а в ней с нутряную сторону приделати решетка...» и т. д.⁴⁷ В той же Торговой книге говорится о привозе бочками семенного масла из Смоленска в Москву, откуда оно направлялось в пограничные порты для отправки за границу.

В XVI в. разделение труда пошло так глубоко, что уже намечались промышленные центры, снабжавшие страну продукцией местного производства. Такие центры возникали в первую очередь поблизости от сырьевых баз. Рано выделились районы, вырабатывавшие металлические изделия. В середине XVI в. уже определилось значение Серпухова как центра ремесла по металлообработке. О добыче железной руды под Серпуховом определенно говорит Герберштейн. Здесь числилось в 1552 г. 63 кузнеца, гвоздочник, сковородник, железник (т. е., вероятно, скупщик железа), что составляло седьмую часть всего ремесленного населения города⁴⁸. О большом числе горнов свидетельствует и наличие особой пошлины — «горновщины». Свою продукцию Серпухов в XVI в. распространял по всему Русскому государству. Не только в соседней Туле упоминается в конце 1580-х годов амбар серпуховитина для торговли железом⁴⁹, но «уклады серпуховские» встречаются даже в числе товаров, которые торговые люди возили в 1603 г. с Устюга в Сибирь⁵⁰.

Другим крупным центром металлообрабатывающей промышленности была в XVI в. Устюжна-Железопольская, где в конце XVI в. из 245 ремесленников было 34 кузнеца, 66 молотников, 12 угольников, сковородник, замочник, укладник и железник, т. е. почти половина ремесленного населения (116 человек)⁵¹, была связана с кузнечным ремеслом. Туда же в XVI в. приезжали издалека для покупки железных изделий.

⁴⁴ РИБ, т. XXXVII, стб. 50, 135, 138, 154, 159 и др.

⁴⁵ «Сборник МАМЮ», ч. V, стр. 63.

⁴⁶ А. В. Арциховский. Указ. соч. Цифра выведена по подсчетам автора.

⁴⁷ «Торговая книга» — «Временник Московского общества истории и древностей российских» (далее — «Временник МОИДР»), кн. 8, М., 1850, стр. 182; ср. также и в «Сборнике Муханова», СПб., 1866.

⁴⁸ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 108; П. Ф. Симсон. История Серпухова. М., 1880, стр. 153, 154.

⁴⁹ Н. В. Калачов. Писцовые книги, отд. II, стр. 1073.

⁵⁰ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее Архив ЛОИИ), оп. 67.

⁵¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 75, 76 (подсчеты Н. Д. Чечулина).

На Железном Борку в 1599 г. Галицкому монастырю принадлежали четыре кузницы и три домницы⁵².

Повидимому, центром производства железных изделий был и Новгород, где в 1583—1586 гг. упоминается три железника, т. е. продавца железа, и около 200 кузнецов и других мастеров, занятых в железоделательном ремесле (112 кузнецов, 38 ножовников, 21 гвоздочник, 17 замочников), большая часть которых жила в особом квартале (Кузнецкая улица); тут же жили и угольщики⁵³. Новгородские кузнецы использовали труд наемных «казаков» (чернорабочих). Базой железоделательной промышленности Новгорода тоже являлась близость разработок руды. В XVI в. упоминается уклад новгородский, тихвинский и корельский⁵⁴. Железная продукция Новгорода имела широкий спрос. В новгородских коробьях, окованных белым и черным железом, хранилось платье в казне царей Федора, Бориса и Василия Шуйского⁵⁵, документы архива Ивана Грозного, рухлядь в Антониево-Сийском и Николо-Корельском монастырях и т. д.⁵⁶ О покупке новгородских стремян упоминается в приходо-расходных книгах Болдина монастыря. Новгородские кузнецы исполняли правительственные заказы. Так, в 1555 г. им было поручено «сделать 600 ядер железных по кружалам, каковы кружала посланы с пушкари»⁵⁷. Из новгородских пригородов в городе Орешке и деревнях его «присуда» было много кузниц и домниц с горнами, «в которых дмут железо»⁵⁸. Вологда выделяла «гвоздь сапожное», которое, как видно из Торговой книги, имело спрос во всей стране⁵⁹. Наконец, надо указать на производство дешевых ножей в Приуралье, в Перми (ножи угорские или пермские).

В городах, к которым прилегал скотоводческие районы, было особенно развито кожевенное производство. В Казани, например, в 1560-х годах было зарегистрировано около 150 человек, работавших в этом производстве (47 кожевников, 24 сыромятника, 63 сапожника, 14 рукавичников и седельник)⁶⁰. Крупными центрами кожевенного производства были также Серпухов и Новгород. В Серпухове в 1552 г. 91 человек из числа посадских людей был связан с кожевенным производством (36 кожевников, поддейской кожевной, 48 сапожников, шаровник, чоботарь, два рукавичника, два седельника)⁶¹. В Новгороде, по переписи 1583—1584 гг., упоминается около 1000 человек, работавших по изготовлению кожевенных изделий. Главная масса их ютилась в концах Неревском, где за городом была расположена слобода Кожевники с церковью Бориса и Глеба, и Славенском (115 сапожников)⁶². «Нарочитой дубленой кожей» славилась также Вологда.

В лесных районах не только в городах, но и в селах возникали гнезда

⁵² Н. А. Рожков. Русская история, т. IV. М.—Л., 1929, стр. 24.

⁵³ А. В. Арциховский. Указ. соч.

⁵⁴ «Сборник Муханова», стр. 371.

⁵⁵ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царич в XVI и XVII ст. М., 1901, стр. 593, 596, 606, 607.

⁵⁶ ААЭ, т. I, № 289, стр. 344; А. Ф. Изюмов. Вкладная книга Антониева-Сийского монастыря.—«Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 163; Макарий. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря.—«Чтения ОИДР», 1879, кн. I, стр. 42.

⁵⁷ Дополнения к Актам историческим (далее ДАИ), т. I, № 72.

⁵⁸ ДАИ, т. I, № 116.

⁵⁹ «Сборник Муханова», стр. 370.

⁶⁰ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 184—188.

⁶¹ П. Ф. Симсон. История Серпухова, стр. 153.

⁶² ААЭ, т. I, № 205; ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. III, Л., 1929, стр. 617, 618, 619, 1619; А. В. Арциховский. Указ. соч.; «Сборник Муханова», стр. 371.

мастеров, работавших по дереву. Так, во Владимирском уезде в середине XVI в. существовали бочарные деревни, в Шелонской пятине — целый поселок колесных мастеров. Калуга и Тверь промышляли продажей деревянной посуды⁶³. Среди центров выделки деревянной посуды видное место занимали монастыри Кирилло-Белозерский и особенно Троице-Сергиев. Этим производством, в частности, были заняты жившие в принадлежавшем Троицкому монастырю селе Клементьеве ложечники, ковшевики и судописцы. Вязьма славилась санями. Болдин-Дорогобужский монастырь приобрел, например, в 1586 г. сани вяземские; в имуществе ;битого в 1608 г. Н. И. Татищева были «сани вяземские» ветчаные, оцененные в полтину⁶⁴.

Производство хорошего мыла сосредоточивалось в Вологде, Костроме и Борисоглебске под Ярославлем⁶⁵.

Уже в XVI в. стали складываться и районы текстильной промышленности, связанной с развитием на местах льноводства и овцеводства. Таким районом во второй половине XVI в. был Можайск, с примыкавшей округой, поставлявшей «можайские» сукна и продукты овцеводства (овчины, в частности опущенные — для опушки шапок). Это ясно выступает из записей Болдина монастыря. Так, 5 июня 1586 г. из монастыря ездил в Можайск дьякон Феоктист «купити сукон на братью и рясных и свиточных 50 концов с концом, а мерою 1195 аршин, да овчин серых и белых 160, да овчина опущенная да 2 огузка». В 1591 г. старец Савватий по пути из Москвы купил в Можайске всяких сукон 870 аршин, 50 овчин и три овчины опущенных. В июле 1600 г. было куплено 1336 аршин сукон да 128 овчин⁶⁶. В соседней Вязме монастырь приобретал крашенину (например 168 аршин крашенин тонких и ровных, синих и лазоревых и т. д.). Точно так же и Волоколамский монастырь покупал сукна в Можайске.

В больших центрах, таких, как Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Вологда, сосредоточивались художественные ремесла, иконное и серебряное, и имевшее в то время еще небольшой спрос рукописное книжное производство. В Москве в XVI в. был даже особый книжный ряд⁶⁷.

Ремесленные центры возникали не только в городах. В Бежецкой пятине в XVI в. известно село, населенное гончарами⁶⁸.

Среди городских центров ремесленного производства Москва, столица государства, занимала своеобразное место. В силу своего политического значения она привлекала к себе ремесленников со всех краев страны. Здесь процветали всевозможные ремесла, но среди них трудно выделить в XVI в. ремесла, которые были бы характерны именно для Москвы. Единственное ремесло, о котором можно говорить как о специальности Москвы, было, повидимому, оружейное. В царской казне в конце XVI — начале XVII в. хранилась сабля московская⁶⁹. В 1589 г. бухарские купцы приобрели в Москве 100 панцырей⁷⁰. Следует также отметить иконопись, которая процветала благодаря присутствию двора⁷¹, ювелирное производство (в конце XVI в. славился своими ювелирными

⁶³ Н. А. Рожков. Русская история, т. IV, стр. 24.

⁶⁴ «Временник МОИДР», кн. 8. Смезь, стр. 14; РИБ, т. XXXVII, стб. 32.

⁶⁵ «Сборник Муханова», стр. 371.

⁶⁶ РИБ, т. II, стб. 290, № 102; т. XXXVII, стб. 93, 120, 122, 171—172, 189.

⁶⁷ ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 273, л. 194.

⁶⁸ Н. А. Рожков. Указ. соч., т. IV, стр. 24.

⁶⁹ И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 594.

⁷⁰ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л., 1932, стр. 105, ст. 50.

⁷¹ РИБ, т. XXXVII, стб. 50. Заказ иконнику государеву Еуфимию на копию с Николаина образа.

изделиями «московского дела» дьякон Дионисий)⁷² и серебряное дело. Изделия московских серебряников имели спрос и за границей, в Литве⁷³. Своеобразной специальностью Москвы и ее района были различные предметы культа: вощаницы «на святые воды», четки кожаные, кадила, а также имевшие спрос в монастырях для раздачи «богомольцам» и для употребления в братских трапезных «московские» и «троицкие» ложки⁷⁴. Москва была также одним из немногих центров производства колоколов. В 1587 г., например, «государевы колокольные мастера» переливали для Болдина монастыря благовестный колокол⁷⁵. Наконец, Москва была, повидимому, также средоточием книжного дела. В 1600 г., например, Болдин монастырь заплатил в Москве «от дву евангельев от дела» 3 р. 14 алт. 1 д. В 1585 г. в Москве для монастырской «книгохранительной казны» были приобретены четыре «главицы» (заставки)⁷⁶.

II

Развитие городского ремесла способствовало отделению города от деревни. Хотя даже в больших городах, таких, как Новгород и Псков, городские жители в какой-то мере продолжали заниматься и земледелием, и на городской территории упоминаются «нивки», но в целом население городов в XVI в. уже не производило ни хлеба, ни других продуктов питания в количестве, сколько-нибудь удовлетворявшем его потребности. Основная масса населения — торговые люди, ремесленники, а также «казаки» и другие работные люди, жившие черной работой, представители свободных профессий (скоморохи, веселые, домрачеи, лекари и лекарицы, повивальные бабки и т. д.), частично служилые люди городского гарнизона, которым не всегда хватало казенного пайка (государева хлебного жалования), должны были приобретать продукты питания на рынке. Уже в княжение Ивана III иностранцы отмечают привоз в Москву большого количества продуктов. Зимой на льду Москвы-реки вырастал своеобразный рынок живности и других продуктов сельского хозяйства. «На такой рынок, — рассказывает Контарини, — привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы; в конце же ноября все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу. Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах»⁷⁷.

В XVI в. Ченслер характеризует Москву как очень крупный центр торговли хлебом, «который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным». «Каждое утро вы можете встретить от 700 до 800 саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой»⁷⁸. То же самое, в меньших размерах, наблюдалось и в других городах Русского государства.

Пищевые продукты продавались не только в натуральном, но частично и в обработанном виде. В пищевой промышленности были заняты

⁷² «Акты врем. междоусобия», под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябина, М., 1915, стр. 97; РИБ, т. XXXVII, ч. 1, стр. 138, 141.

⁷³ «Сборник РИО», т. 59, стр. 168.

⁷⁴ РИБ, т. XXXVII, стб. 23, 64, 65, 73; приходо-расходная книга Волокол. м-ря 1578/9 г.

⁷⁵ Там же, стб. 22, 38, 52, 100, 108, 138, 178.

⁷⁶ Там же, стб. 22—165.

⁷⁷ «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836, стр. 110.

⁷⁸ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. Ю. В. Готье, М., 1938, стр. 56.

многочисленные хлебники, харчевники, пирожники, кисельники, сусленики и т. д. В городах имелись ряды, специально торговавшие продуктами питания: масляные, рыбные, хлебные, а также мучные, калашные, пирожные, соляные, хмелевые. В Пскове были ряд грешневый и кисельный и особый соляной ряд⁷⁹. В Казани, кроме рядов, существовали «хрестцы» крупяной, молочный, мучной и рыбный, по улицам «в шалашах торгуют рыбой вареною и пирогами, пряниками и киселем» и на скамьях — хлебом; на улицах же стояли бочки квасные, своего рода ларьки с прохладительными напитками⁸⁰. В Новгороде торговля хлебными запасами производилась на отдельной площади — «хлебной горке», где «торгуют всяким хлебом посадские люди и всякие приезжая люди изо всех городов»⁸¹. В Пскове в хлебном ряду числилось 190 лавок, в которых торговали не только рожью, пшеницей, овсом, горохом, заспой (гречихой), калачами и «всяким хлебом», но и другими предметами питания — квасом, киселем, маслом, молоком, яблоками, сельдями и т. д. Кроме того, в четыре клетки сурожского ряда «ссыпали хлеб и солод», в Завеличье в семи лавках торговали калачами, солью, заспой и «всяким мелким товаром»⁸². В Свяжске на скамьях и полках «сидят... с крупами и горохом и с коноплями и с иными овощами», а также «хлебники да калачники с хлебом и с калачами»⁸³.

Даже феодальные хозяйства, оставаясь по существу натуральными, редко обходились без обращения к рынку за сельскохозяйственными продуктами. О размерах хлебных покупок Соловецкого монастыря в последней четверти XVI в. дают представление данные, опубликованные А. А. Савичем. В 1583 г. монастырь закупил 3348 четвертей ржи и 332 четверти ячменя, в 1588 г.— 4509 и 104, в 1590 г.— 6778 и 480, в 1598 г.— 4900 и 471, в 1599 г.— 7295 и 839, в 1600 г.— 9000 и 800, достигая в 1601 г. рекордной цифры 11 402 четвертей ржи и 703 четвертей ячменя⁸⁴.

Не только Соловецкий монастырь, вотчины которого были расположены на севере в малоплодородных районах, нуждался в покупном хлебе. Сельскохозяйственные продукты закупали на рынке, правда, в меньшем размере, и другие монастыри. Так, Павлов-Обнорский монастырь в 1568 г. посылал «по хлеб» в Переяславль, покупал в соседнем Любиме овес; в расходных книгах Болдина монастыря встречаются записи о покупке то 60 четвертей ржи на монастырские «обиходы», то двух четвертей ржи «в вотчину для деловых людей, которые в вотчине живут». Покупки эти иногда были довольно значительные: в одном случае монастырь приобрел у соборного причта в Верее 133 четверти ржи и 126 четвертей овса⁸⁵. Упоминаются случаи покупки льна, впрочем, в небольшом количестве⁸⁶. Как правило, покупались на рынке семена на посев (например 49½ осмин овса на семена в подмосковную вотчину, 3 четверти пшеницы) и овощные семена — «рассады, да луку, свеклы, моркови, чесноку, ярового гороху, дынного да огуречного семени, присадков яблочных». Волоколамский монастырь покупал семена моркови. На рынке же Болдин монастырь приобретал и масло коровье бочками и пудами, и

⁷⁹ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 39.

⁸⁰ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 58.

⁸¹ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», М., 1930, стр. 99.

⁸² «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 129, 132, 134.

⁸³ «Список с писцовой и межевой книги г. Свяжска», Казань, 1909, стр. 58, 59.

⁸⁴ А. А. Савич. Соловецкая вотчина. Пермь, 1927, стр. 155, 166.

⁸⁵ РИБ, т. XXXVII, стб. 2, 5, 35—37, 41, 60—63.

⁸⁶ Там же, стб. 80, 200.

масло конопляное, и мед (тоже пудами), и грузди соленые, и борщ на «ботвинье», и сметану, и яйца и сливы соленые, и вишни в патоке и т. д. «На стол» шли покупные калачи; в дни поминовения жертвователей традиционные двухденежные калачи покупались тоже на рынке, точно так же как к Рождеству все необходимое «на коледу» — «пшеницы, да гороху на кутью, да патоки, да теста блинова, да канापель толченых на блины и во шти». На московском подворье Болдина монастыря покупки производились по мелочам, по мере надобности для кухни, например «сметаны во шти да сыр кислый, да блюдечко масла белого». Павлов-Обнорский монастырь тоже покупал по мелочам огурцы и рыжики, чесноку на алтын, в одном случае послано было в Кострому «на капусту рубль, да на огурцы»⁸⁷.

Не приходится говорить о том, что продукты питания, которые производились далеко не повсеместно, как соль или рыба, были предметами особенно оживленной купли-продажи. И Болдин монастырь, и Волоколамский, и Чудов в Москве, и Прилуцкий в Вологде скупали в громадных количествах рыбу «на годовой обиход» — осетров, стерлядь, семгу терскую (в частности, свежие переяславские сельди покупались в Москве), треску, «двинскую рыбу», продававшуюся возами, рыбу «в просол», икру и вязигу. О размерах этих покупок говорят следующие цифры: Болдин монастырь в 1585 г. купил «рыбы красные» 51 осетров длинных, 4 пуда 30 фунтов семги, 13½ пудов икры черной; в 1586 г. 50 осетров длинных, 24¾ пуда икры черной и т. д.⁸⁸ Волоколамский монастырь в 1579 г. израсходовал на покупку рыбы почти 350 рублей⁸⁹. Монастыри специально посылали для покупки своих людей в районы, богатые рыбой: Ярославль, на Белоозеро, в Астрахань, Новгород, Осташков, Холмогоры, на Терский берег⁹⁰. Точно так же посылались люди закупать соль в города, где находились ее склады, например в Каргополь, на Белоозеро и в Вологду.

Материалы о Софийском доме дают очень яркую картину постепенного перехода крупного церковного феодала от заготовки запасов в собственном хозяйстве к приобретению продовольствия на рынке. В 1547 г. на столовой обиход владыки покупались только продукты, не производившиеся в достаточном количестве в его собственных вотчинах: большие партии хмеля (за три месяца 174 бочки), который покупался в Водской пятине и других местах, меда (более 478 пудов), поставлявшегося приезжими смольнянами и другими купцами, и сравнительно небольшое количество рыбы (лососей свежих и судаков) и сала топленого. Все остальное, в частности хлеб, яйца, овощи, поступало из собственных вотчин. Расходная книга 1593 г. дает совершенно иную картину: теперь «больше всего места занимают ежедневные отметки о покупке съестных продуктов, потребных к столу владыки, чего мы ни разу не встречали в расходных книгах 1547/8 г. Сушиленный подьячий Иосиф каждый день, иногда через день покупает на базаре рыбу разных сортов... Покупает щук, лещей, меньков, окуней, ершей, язей, сыртей,

⁸⁷ Покупки Болдина монастыря в 1585, 1589, 1591, 1598 гг. в расходных книгах, напечатанных в РИБ, XXXVII, ч. 1; Чудова монастыря в 1585—1586 гг. (ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 273); Волоколамского монастыря в 1592 г. (там же. Волоколамское собрание (далее Воллок.), № 10).

⁸⁸ РИБ, XXXVII, стб. 20, 30, 78 и др.

⁸⁹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 142; ЦГАДА, Воллок., № 10.

⁹⁰ Сведения о покупке семги в Холмогорах для Прилуцкого монастыря см. ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 116, л. 15 об. О покупках Чудовым монастырем рыбы в Ярославле см. ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 382.

судаков, пескишей, сигов, лодог, снетков, сельдей, карасей — пар и в уши, на тело, в навар, под чеснок. Тратят на эти покупки от алтына до 2, 3, и 4, в зависимости от стола... Когда у владыки много гостей, тратят на базар до 12, 15 и 17 алтын. Один раз куплено было оптом 60 бочек рыбы... впрок на софийский обиход»⁹¹. Всего израсходовано на рыбу 81 р. 1 алт. 2 д. В том же году куплено 690 яиц, четверик репы, горшок рыжиков, травы и огурцов на 4 деньги, 5 фунтов сала говяжьего и сколько-то сала рыбьего, 40 пудов хмеля, пирог (за 4 деньги), калачей двухнежных новгородских на 2 р. 5 алт. 1 д и 3 московки. Наконец, «на софийский обиход» куплено 100 четвертей ржи⁹². На примере Софийского дома мы видим, таким образом, большие изменения, происшедшие за вторую половину XVI в. под влиянием развития товарно-денежных отношений в хозяйстве одного из крупнейших феодалов — владыки новгородского.

III

В связи с ростом ремесленного производства и развитием городского рынка изменяется в XV в. характер русского города. Для эпохи феодальной раздробленности характерен был тип города, не утратившего еще черт разросшейся владельческой усадьбы. Город XIII—XV вв. — в первую очередь центр вотчинного княжеского хозяйства и опорный пункт феодального господства над окрестным крестьянским населением, то, чем в частной вотчине был двор вотчинника. Москва той эпохи выступает в духовных грамотах московских князей окруженной кольцом рассыпанных по берегам Москвы-реки и Яузы княжеских сел, деревень и починок, на посаде и в городе расположены принадлежащие князьям дворы, сады, псарни, слободы княжеских мастеров, огородников, садовников; на Яузе, на Неглинной, на Клязьме стоят княжеские мельницы. Вдоль берегов Москвы-реки и Ходынки тянутся заливные луга, на которых пасутся княжеские табуны и стада. Окрестности Москвы заселены княжескими оброчниками и купленными людьми, бобровниками, сокольниками, псарями, конохами. Такие же черты больших укрепленных усадеб носили и другие княжеские резиденции; в Переяславле-Рязанском мы находим те же княжеские дворы: под городом княжеские мельницы, поля и луга, на посаде сидят княжеские рыболовы и ястребники, в окрестностях — бортники, околородные; под Серпуховом имелись ключничья и конюшенная слободы, дворы княжеских бобровников, сокольников и псарей⁹³. В условиях постоянных феодальных войн и непрерывной опасности со стороны татар и Литвы эти города были вместе с тем и крепостями.

Такой же характер имели многочисленные частновладельческие города, существовавшие до начала XVII в. во всех областях Русского государства.

В XVI в. город выступает уже с чертами значительного торгово-промышленного центра. Показательным в этом отношении является число лавок в отдельных городах, дающее представление о размерах торгового оборота. В Новгороде в начале XVII в. во время пожара сгорело на Торговой стороне 700 лавок, по лавочным книгам 1582/3 гг. нам известно, что на Софийской стороне было 149 лавок. Таким образом, общее число лавок равнялось приблизительно 850, не считая лавок, уцелевших от пожара на Торговой стороне. Кроме того, в Новгороде было два гостиных двора, Тверской и Псковский, с 87 амбарами. В Пскове, по данным 80-х годов

⁹¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 255, 259, 289—290.

⁹² Там же, стр. 291—296.

⁹³ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 563, 564.

XVI в., было около 1250 лавок, амбаров, клетей и других торговых помещений, в Свяжске в 1565—1567 г. — 289 торговых помещений, в Туле (1598—1599) — 280 лавок, клетей и амбаров и более 130 скамей и шалашей; в Кашире — 120 лавок, в Зарайске — 73 лавки, в Пронске — 54½, в Переяславле-Зарайском — 190 лавок, амбаров и 181 прилавков, полков, стульев и шалашей; в Торопце в 1540 г. — 94 лавки и амбара, в Серпухове (1552) — 250⅓ лавок и амбаров; в Коломне (1573—1578) — 378⅔ лавок, 51 прилавок и т. п.; в Можайске (1595—1598), «у торгу» два двора гостиных, 259 лавок и амбаров и 72 скамьи и полка, в Муроме (1574) — три гостиных двора и 203 всяких торговых помещений⁹⁴.

Городской рынок был тесно связан с деревенской округой. В Житии Даниила Переяславского рассказывается о том, что крестьяне ежедневно, еще «до осветения утру, тьме суши», спешили «во град на куплю, несуще от своих трудов земельных плодов и прочего снедиа и от животных», «дабы на торговище ранее успети»⁹⁵. В 1545 г. Троицкий монастырь хлопотал, чтобы крестьянам одного из монастырских сел, которое «пришло городу Переяславлю на рубеж», было разрешено «торговать в Переяславле по тому же, как Переславского уезду крестьяне торгуют в Переславле безмытно и безъявочно»⁹⁶. В те же годы крестьяне из сел Кириллова монастыря, расположенного в Вологодском уезде, «приезжают в город на Вологду на торг с рожью и со пшеницею, и с овсом, и с солодом, и с мясом, и с лыки, и с хомуты, и с рогожами, и с иным сельским мелким товаром»⁹⁷. В Новгороде на хлебной горке наряду с посадскими людьми торговали хлебом «всякие приезжие люди», имелось особое «место на пригон животине», а на большом Волховском мосту «место трушником держати сено в учанах у мосту»; были и особые амбары, в которых «ставятся приезжие рыбники»⁹⁸.

С другой стороны, из городского купечества выделяются скупщики сельскохозяйственных продуктов: сельские и деревенские купчины, прасолы, в частности прасолы мучные, рыбные и соляные. В Казани в 60-х годах 10 прасолов скупали, например, рыбу⁹⁹, рыбные прасолы (или рыбники прасольные) были и в Новгороде¹⁰⁰. Нередко практиковалась скупка скота на продажу: «от далеких стран скот приводит и отводится от человек к новым человеком»¹⁰¹. Упоминаются и скупщики железа — железники.

Деятельность «скупщиков» хлеба хорошо описана в грамоте царя Бориса Годунова в Соль Вычегодскую от 1601 г. «Хотя такую же корыстию хлебную продажею от дорогие цены обогатети», они, «ездя и розсылая в станы и в волости, и в села, и в слободы, и в погосты, в хлебную дешевую пору», раздавали и «заздачили на хлеб по дешевой цене многие деньги и, заздача де и закупая хлеб», «отсылают во отвоз... и тот свой закупной хлеб продают по той по большой цене». Производилась скупка хлеба на торжках и на ярмарках у крестьян, которые «хлеб на продажу в город или на которые торжки и на ярмарки привезут», причем скупщики выступали организованно «семьями», делая «меж себя

⁹⁴ Данные заимствованы у Н. Д. Чечулина.

⁹⁵ С. Смирнов. Житие Даниила Переяславского. М., 1908.

⁹⁶ Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском, 1908, стр. 34, прилож.

⁹⁷ ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 16.

⁹⁸ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 32, 42, 49, 92, 99, 130, 157.

⁹⁹ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 18, 23, 24, 26, 46, 90, 107.

¹⁰⁰ Н. А. Рожков. Русская история, т. IV, стр. 38.

¹⁰¹ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 29 и др.

вязку» и таким образом оказывая давление на цены. Чтобы не допустить непосредственных сношений производителей с потребителями, «скупщики, сговорясь на многие статьи, выезжают и выходят к ним (крестьянам) навстречу по всем дорогам во всякие дни и стоят на тех дорогах версты за две и за три и за десять и больше, не хотя тех крестьян с хлебом на торг и на ярмарку для всякие дешевые продаже пропустить и у них тот весь хлеб на тех дорогах, не допусая к торгу, закупают»¹⁰².

Скупка сырья и деревенской ремесленной продукции производилась на многочисленных торжках и ярмарках, которые в XVI в. возникали в сельских местностях и небольших городах и обслуживали в первую очередь местные районы. Раньше всего такие торжки вырастают под стенами больших монастырей и приурочиваются к местным праздникам, привлекавшим большое число паломников. Так, судя по грамоте 1537 г., «на монастырской земле» у «Пречистой на Киржаче» торгуют «в год на три праздника, а съезжаются торговати многие люди, а торгуют всяким товаром»¹⁰³. В 1533 г. власти Кириллова монастыря писали, что белозерцы приезжают в монастырь «торговати на праздник Пречистой и на чудотворцеву память»¹⁰⁴.

Торжки по городам и селам особенно быстро растут во второй половине XVI в. В 1564 г. около села Веси-Егонской, принадлежавшего Симону монастырю, в «царевых подклетных селах» «у Пречистые в Кестьме и у Здвижения честного креста в Шипине и в деревнях и в станех и в волостях и на погостех и в Ясеницех..., и в Озерковской слободе Углецкого уезда, и в Ярославском уезде..., по обе стороны реки Мологи и... на устье реки Ламы да на устье реки Себлы», в вотчинах князя Ивана Сицкого, княгини Аграфены Сицкой, князя Семена Палецкого и в селах и деревнях, принадлежавших многочисленным князьям Прозоровским (в том числе у Бориса и Глеба на Старом Холопье и у Леонтия святого в устье р. Чеснавы) и «в иных во княжих и в боярских и в монастырских селах и деревнях и по иным малым торжком... торговые люди и скупщики, едучи... [к Веси-Егонской] рекою Мологою вверх и сухим путем на телегах и пешие и из Веси, едучи рекою Мологою на низ и сухим путем на телегах и пешие, съезжаясь торгуют всяким товаром с девятой и десятой пятницы и по иным праздникам и по неделям [воскресеньям] и во весь год»¹⁰⁵.

Такова очень показательная картина оживленной торговли на сравнительно небольшом пространстве примологского сельского района.

Местные феодалы торопились использовать выгодную экономическую конъюнктуру в свою пользу. От второй половины XVI в. до нас дошел ряд ходатайств крупных вотчинников об открытии торгов на их земле. В 1563 г. состоялась мировая о весь-егонской тамге между Симоновым монастырем и окрестными землевладельцами, по которой монастырю было предоставлено монопольное право на торжок¹⁰⁶. В 1588 г. Ярославский Спасский монастырь выхлопотал право устройства торгового в монастырском селе Еремейцеве Ярославского уезда¹⁰⁷, а в 1595 г. — в сельце Федоровском на р. Касти¹⁰⁸. В 1592 г. присвоил себе таможенные

¹⁰² «Сборник Хилкова», СПб., 1879, № 62.

¹⁰³ «Акты исторические» (далее — АИ), т. I, № 158.

¹⁰⁴ ААЭ, т. I, № 177.

¹⁰⁵ Там же, № 269.

¹⁰⁶ Угличские акты с предисловием С. А. Шумакова. — «Чтения ОИДР», 1899, кн. 2, стр. 118.

¹⁰⁷ ААЭ, т. I, № 342.

¹⁰⁸ Там же, № 362.

пошлины в селах Чаронде и Коротком Дмитрий Иванович Годунов¹⁰⁹. В 1596 г. всесильный печатник и посольский дьяк Василий Яковлевич Щелкалов ходатайствовал об учреждении торгового в его селе Рождественском Мценского уезда¹¹⁰. Некоторые из этих торжков получили довольно большое значение в хозяйственной жизни страны. Еще в первой половине XVI в., например, известностью пользовалась ярмарка в Холопьем городке на Мологе, с 1560 г. уступившая место ярмарке в Веси-Егонской.

Однако в условиях замкнутого крепостнического хозяйства сельские торжки не могли получить полного своего развития. Феодалы, властно стягивая торжки на территорию своих вотчин, стремились монополизировать выгоды, связанные с ними, и не допускали конкуренции соседних торжков, выхлопывая в свою пользу соответствующие жалованные грамоты. Так, Симонов монастырь добился отказа соседних землевладельцев от права держать торжки и получил от правительства грамоту, запрещающую какие-либо торжки в районе их села Веси-Егонской.

Особый характер имели ярмарки на северо-восточных окраинах Русского государства, где русские торговые люди приобретали продукты охотничьего и оленеводческого хозяйства местных народов. На ярмарках в Лампожне и Пустоозере шла оживленная меновая торговля с самоедами (ненцами), от которых в обмен на сукна, кожи, сало, масло, толкно и панцыри приобретались олени шкуры и пушнина¹¹¹. Пермь ездил к волоку Тюменскому и на Сылву торговать с манси (вогулами)¹¹².

Таким образом, вся страна покрывалась сетью больших и мелких рыночных центров, объединявших в первую очередь свои округа.

Отдельные районы не были, однако, изолированы, сплетались экономическими связями с другими не только соседними, но и подчас отдаленными районами. Мы наблюдаем в XVI в. образование уже значительных областных рынков, охватывающих несколько районов.

Связь отдельных рынков очень наглядно видна из монастырских приходо-расходных книг. Покупки Павлова-Обнорского монастыря охватывали, кроме соседних Вологды и Любима, Переяславль-Залесский, где покупали хлеб; Кострому, где покупали рыбу, овощи (капусту и огурцы), обувь, ладан, Шую (хлеб); Чухлому, Коломну, где куплено было колес на 20 алтын, и, разумеется, Москву¹¹³. Болдин-Дорогобужский монастырь обращался за покупками, кроме Дорогобужа, в Москву, Можайск (сукна), в Вязьму (овчина, крашенина, сани), Смоленск (сельди), в Верею (хлеб), в Осташков за сухими снетками и щучиной¹¹⁴. С своей стороны монастырь посылал продавать продукты своего хозяйства в Осташков, Смоленск и Псков¹¹⁵. Кроме того, в расходных книгах упоминаются товары калужские (деревянная посуда), «псковской купли котел», «новгородская рыба судочина» и «стремена новгородские»¹¹⁶. Волоколамский монастырь, кроме Волоколамска, производил покупки в Москве, в Можайске, в Твери, в Осташкове¹¹⁷.

Во всех трех случаях мы видим довольно обширную площадь, охваченную тесными рыночными связями. Таким образом, разбросанные по

¹⁰⁹ ААЭ, т. I, № 356.

¹¹⁰ Там же, № 366.

¹¹¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 113.

¹¹² «Временник МОИДР», кн. 25.

¹¹³ РИБ, т. XXXVII, стб. 1—12.

¹¹⁴ Там же, стб. 207—238.

¹¹⁵ Там же, стб. 204, 212, 219, 232, 236.

¹¹⁶ Там же, стб. 52, 133 и др.

¹¹⁷ Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1578/79 г.

всей территории Русского государства городские и сельские рынки в XVI в. уже были связаны между собой непрерывным товарообменом. В городах упоминаются «отъезжие купцы», которые с торговыми целями ходили с обозами «сюду и овамо», «якоже обычаем купли деющим на возех ездити».

Некоторое представление об этом товарообмене дают таможенные и уставные грамоты.

В первой дошедшей до нас таможенной грамоте — Белозерской 1497 г.¹¹⁸ говорится о приезде на Белоозеро для торговли «из Московские земли и из Тверские земли и из Новгородские земли и изо всех белозерских монастырей». Эти сведения дополняются данными из Белозерской уставной грамоты 1488 г.¹¹⁹, в которой говорится о проезде через Волочек-Словенской людей с товарами из тех же трех названных земель, а также из Устюга и Вологды. Так определяется довольно точно территория, обслуживаемая белозерским рынком: кроме основного торгово-промышленного центра государства — Москвы, это районы, связанные с Белоозером старинными речными путями и с своей стороны примыкающие к большому торговому путям, пересекавшим северо-восточную Русь — верхнее Поволжье, новгородские пятины и верховья Северо-Двинского бассейна. Белозерская таможенная грамота 1551 г. повторяет грамоту 1497 г.

Роль белозерского рынка, определившаяся уже в конце XV в., объясняется, конечно, тем, что Белоозеро поставляло на всю страну такой существенный предмет питания, как рыба.

Белозерско-вологодский рынок в XVI в. связывался непосредственно с Онежским краем. Уставная Онежская грамота 1536 г. говорит о приезде на Онегу по соль белозерцев и вологжан и предписывает им «торговати с онежанами в Каргополе»¹²⁰. Другой район Поморья в XVI в. определяется уставной грамотой, данной Устьянским волостям (1539), согласно которой «тех волосток крестьяне плавают» «к Двине и на Колмогоры, и в Уну и в Неноксу и к Кулуйской соли лете на судех, а зиме на возех» через Вагу¹²¹.

Крайнюю восточную область Поморья составляла Пермская земля. На Пермь Великую и к Соли (Камской), судя по уставной грамоте 1558 г., приезжали торговые люди «из городов Московские земли, из Новгородския земли и из Тверския земли», и «ездят к ним торговати по своей грамоте по жалованной по уставной устюжане» устюжане, вычегжане и вятчане и «возят от них товар всякой и соль». С своей стороны пермичи и усольцы «товаров в Московские города ездят продавати». Пермь, крайняя пограничная область в Приуралье, смыкавшаяся с землями, населенными югорскими народами, естественно, являлась пунктом, где происходила торговля с этими народами; уставная грамота говорит и о приезде на Пермь для торговли вогуличей, и о поездках самих пермичей «в вогуличи» с пермским товаром, и, наконец, о взыскании великопермцами и усольцами долгов с вогуличей (манси) и остяков (хантов). Торговый радиус Великой Перми в общем итоге охватывал территорию Русского государства от западных границ (Новгород и Тверь) до восточных (Приуралье)¹²².

Особенно показательны таможенные грамоты Новгорода 1571 г. В них Новгород выступает, во-первых, как центр большой непосредственно с

¹¹⁸ ААЭ, т. I, № 134.

¹¹⁹ Там же, № 123.

¹²⁰ Там же, № 230.

¹²¹ Там же, № 181.

¹²² «Временник МОИДР», кн. 25.

ним связанной округи. В Новгород с товаром приезжают из новгородских пригородов, и из Иван-города, и из Ямы, и из Корелы, и из Руси, и из Торжка, и с Двины и из всех волостей Новгородской земли. Вместе с тем Новгород имеет в XVI в. большое значение в торговле всего Русского государства. В Новгород едут «с Москвы и изо всех городов Московские земли и изо всех городов и из волостей Тверские земли, резанец и смольнянин, которые на Москве и в Смоленске живут, и псковитин». В другой грамоте упоминается привоз «устюжской белки», что свидетельствует о торговле с устюжским районом. Новгород служит также проезжей станцией в новгородские пятины и в Псков: «а кто поедет москвитин... и смольнянин и изо всех городов и из волостей Московские земли из Торжку иноземец всякой во Псков и на Взвэд и на Понеделье и на Шолонь и на Липно с белкою и с воском и со всяким товаром» и т. д. Грамота предусматривает производство торговли солью новгородцами и рушанами «с москвитинном с тверетинном, смольнянинном и с новоторжцем» на Красном стану, в Бронницах и в Понеделье, а летом на р. Русе¹²³. Сохранилась таможенная грамота и одного из пригородов Новгорода — Орешка (1563). Здесь тоже отмечается приезд не только «пригородских» и «волостных» людей Новгородской земли, псковичей и лучан, но и москвичей, тверичей, рязанцев, смольнян (живущих как в Москве, так и в Смоленске)¹²⁴. Таким образом, новгородский рынок обслуживал в основном все Русское государство, начиная с южной окраины (Рязани) и до Поморья.

Дополнением к сведениям таможенных и уставных грамот могут служить данные о гостинных дворах, которые устраивались в больших городах для приезда иногородних купцов. Впервые о гостинных дворах в Москве как о крупном экономическом факте упоминается в духовной грамоте Ивана III¹²⁵. В XVI в. гостинные дворы представляли собой обычное явление не только в таких крупных центрах, как Москва, Новгород, Псков, Казань, но даже в весьма второстепенных пунктах, как Свяжжск, Муром и др., причем нередко в городе был не один гостинный двор, а несколько. Так, в Муроме было три гостинных двора, в близком к границе Можайске — два гостинных двора, на которых ставились приезжие люди из русских городов и литовские торговые люди, в Казани — три гостинных двора, в Пскове и Новгороде — по пяти и т. д.¹²⁶

Для некоторых городов есть точные указания, на какой контингент приезжих рассчитан тот или иной гостинный двор. Например, в Новгороде в 80-х годах XVI в. был Тверской гостинный двор, «а ставятся в нем гости из всех городов» и особый Псковский¹²⁷. В Пскове, кроме «большого гостинного двора», были гостинные дворы для «приезжих гостей московских» и Тверской и два двора, имевшие свою специфику: соляной и льняной¹²⁸. В Казани существовали торговые ряды Псковский и Костромской, и это является доказательством того, что Казань вела торговые сношения с Костромой и Псковом, если только последнее название не связано с псковскими сведениями, жившими в Казани¹²⁹.

Если собрать воедино все эти данные, то у нас получится достаточно полная картина оживленного товарного обмена, происходившего в XVI в. между отдельными областями, довольно отдаленными друг от друга. На

¹²³ ААЭ, т. I, № 282, 331.

¹²⁴ ДАИ, т. I, № 116.

¹²⁵ СГГид, т. I, № 144.

¹²⁶ См. Н. Д. Чечулин. Указ. соч.

¹²⁷ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 92, 94.

¹²⁸ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 14.

¹²⁹ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 56, 60, 64, 69.

больших торговых путях шло большое торговое движение, представление о котором дает царская грамота 1582 г. Спасо-Ярославскому монастырю, стоявшему на торговой дороге из Холмогор в Москву, по которой ехал Ченслер. Монастырю принадлежали перевозки через Волгу и впадавшую в нее около Ярославля речку Которосль, этими перевозками «гости де англичане и многие поморские торговые люди ездят с товары через Волгу и Которосль»¹³⁰.

Очень важным моментом в развитии товарообмена в XVI в. является отмеченное уже выше возникновение промышленных центров, которые снабжали своей продукцией все самые отдаленные пункты Русского государства. На первом месте тут стоит продукция металлообрабатывающих районов. Из одной грамоты 1583 г. мы узнаем, что власти Троицкого монастыря «посылают де... на Устюжну Железопольскую старцов и слуг и купят железа на варничный обиход и судов и всякие запасы покупать»¹³¹. В 1592 г. из Москвы по царскому приказу на Устюжну был послан Иван Мельдяшев с приказом взять 10 000 скоб железных судовых, 300 гвоздей больших притяжных, 4700 гвоздей тесовых, 5 пудов железа прутового и т. д.¹³² В наказе, данном в том же 1592 г. пельымскому воеводе П. И. Горчакову, сообщалось, что «на Лозье готово, с Устюжны прислано 5 пудов железа» на нужды сибирских городов¹³³. В Новгород, как сказано, посылались заказы на железные изделия даже из царской казны; стремена новгородские имели спрос в районе Смоленска; кованые новгородские коробки встречались повсеместно по всей стране. «Серпуховский уклад» и «пермские ножи» шли в Сибирь. Колокол «псковские покупки» был в Болдине монастыре. Совершенно в другом углу государства, в Кирилло-Белозерском монастыре, имелся колокол, который был слит «повелением служителя благовещения пресв. богородицы священноиерея Сильвестра и сына его Анфима» в «богоспасаемом граде Пскове» мастером псковитином Михаилом Андреевым. В 1560-х годах в том же монастыре несколько раз работали псковские мастера колокольного дела¹³⁴. За материями ездили в Можайск не только из Дорогобужа, но и издалека, из Волоколамского уезда. Широкий спрос имели также сукна вологодские¹³⁵. Калужская и тверская деревянная посуда (поставцы, ковши, блюда) встречала повсеместный спрос: «калужские поставцы» покупались в Москве для Болдина-Дорогобужского монастыря, мы находим калужские блюда и ставцы и в таких отдаленных районах, как Антониев-Сийский монастырь и Николо-Корельский¹³⁶. Вывозилась калужская посуда даже за границу — в Литву¹³⁷. Среднее Поволжье — Вологда, Кострома, Борисоглебская слобода снабжали всю страну мылом. Вяземские сани встречались на всем пространстве государства. Из Москвы иногородние монастыри выписывали оптом нитки (в частности троицкие) разных цветов, пояски для монастырской одежды, деревянные ложки (московские и троицкие), иконы и другие предметы культа. Судя по размерам иконо-

¹³⁰ «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», т. I, № 55.

¹³¹ ААЭ, т. I, № 320.

¹³² Описание актов, хранящихся в Постоянной историко-археографической комиссии. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 34. Л. 1927, стр. 340 (далее — ЛОИИ, оп. 1), № 530.

¹³³ Г. Миллер. История Сибири, т. I. Л.—М., 1937, стр. 350.

¹³⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 173—174.

¹³⁵ «Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре». — «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3, стр. 10.

¹³⁶ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (АЮБ), т. III, стр. 396; АИ, т. I, № 158.

¹³⁷ С. Герберштейн, стр. 99.

писания в Новгороде и Пскове, надо полагать, что и эти города торговали иконами на вывоз; снабжала иконами окрестные монастыри также Вологда. Приведенными примерами далеко не исчерпываются данные о районах, снабжавших страну определенными видами ремесленной продукции.

В XVI в. определяются также районы, заготовливавшие сырье на вывоз. Мы видели, что в Пскове был особый льняной двор, где под навесами торговые люди складывали скупленный ими лен. Наличие большого числа льняников дает основание полагать, что тут лен трепали на вывоз. В Торговой книге новгородский лен упоминается как товар, скупаемый для отправки за границу. Пеньку в конце столетия скупали в громадном количестве в Смоленской области, причем в операциях с пенькой участвовали не только торговые люди, но и монастыри и представители феодальной знати¹³⁸.

Большое торговое значение имели районы, поставлявшие рыбу и соль. Многочисленные жалованные грамоты говорят о посылке монастырями за солью в Поморье. Центром, где производилась закупка соли, был Каргополь, который, по отзыву Штадена, был главным складом соли¹³⁹. Одна грамота 1545 г. дает полную картину соляного торга в Каргополе и рисует очень тесную связь между рынками центра и севера. «Каргопольцы и онежане и турчасовцы и порожане и устьмошане и мохреншане ездят к морю соль купити, да купив де у моря соль у поморцев, да возят ее в Турчасово и на порог, лете на судех, а зиме на санех, да в Турчасово и на порог ту соль бьют у них в рогожи казаки, да подсыпают де в ту соль кардеху пуда по 2 и по 3 и больше в рогожину, да и сделав ту соль в рогожи, да возят ее в Каргополь, да в Каргополе продают ее белозерцом и вологжаном и иногородцем всех городов Московские земли, и белозерцы де и вологжане и иных городов люди, купив соль, возят ее в... Московские города продавати»¹⁴⁰. Кириллов монастырь, например, в 1546 г. выхлопотал себе грамоту на беспшлинную покупку в Каргополе 10 000 пудов соли «да та им соль к Москве вести и продати и до Москвы по городам и на Белоозере и на Угличе и в Кашине и во Твере и в Дмитрове и по волостям и на Холопье городке в ярманке и на Кимре и по селом»¹⁴¹. Другим важным распределительным пунктом продажи соли была Вологда. Судя по таможенной грамоте 1571 г., значительные закупки соли производились иногородцами также в Новгородском уезде. Наличие соляного двора в Пскове свидетельствует о крупных размерах соляной торговли и в этом городе. Наконец, жалованные грамоты монастырям говорят о посылках «по соль» в Астрахань. Монастыри не ограничивались покупкой соли на собственный «обиход» и широко ставили перепродажу соли. Так, Болдин-Дорогобужский монастырь производил крупные операции по снабжению солью своих крестьян. В 1593 г. монастырь взыскал за соль 189 р. 2 алт., 2 д., в 1596 г.— 20 рублей, в 1598 г.— 18 р. 1 алт. 2 д. (за 106 пудов с лишком) и т. д.¹⁴²

За рыбой центральные монастыри, как уже говорилось, посылали в Астрахань, на Белоозеро, в Осташков, Новгород, Ярославль, Поморье.

¹³⁸ См. ниже.

¹³⁹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 65.

¹⁴⁰ ААЭ, т. I, № 211.

¹⁴¹ ЛОИИ, оп. 1, № 165.

¹⁴² РИБ, т. XXXVII, стб. 193, 202, 219. Об операциях с покупкой соли Волоколамского монастыря в 1592 г. см. № 10. Сведения, очень подробные, о соляных операциях Прилуцкого монастыря в конце XVI в.— начале XVII в. см. ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 20, 41, 42, 116.

«С Поморья,— говорит Штаден,— шли торговые люди с семгой и с солью... Из Москвы ходили туда с другими товарами¹⁴³.

Наконец, северные районы в больших размерах производили закупки хлеба в центре. Ченслер определенно говорит, что за хлебом ездили в Москву за 1000 миль именно «живущие в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу»¹⁴⁴. Мы видели, что Соловецкий монастырь закупал хлеб в Вологде.

Процессу установления хозяйственных связей между отдельными областями Русского государства способствовал рост торговых связей с Западной Европой и Востоком, поскольку расширение внешней торговли, предъявлявшей повышенный спрос на русское сырье, усиливало скупку и привоз его из разных местностей в центральные пункты сбыта. После взятия Смоленска явилась возможность непосредственной торговли с Литвой. О крупном значении этого факта свидетельствует то, что часть смоленских купцов была переведена на жительство в Москву и вошла в состав верхнего слоя московского купечества. С присоединением Казани и Астрахани в 1552—1556 гг. открылись торговые пути в прикаспийские страны и в Закавказье, в Шемаху и дальше в сторону Ирана. С другой стороны, Казань была связана «старой казанской дорогой» через степи с Зауральем, с среднеазиатскими торговыми городами — Бухарой и Ургенчем, а последовавший затем захват путей на Сибирь дал возможность вести оживленную торговлю на Тюменском волоке, где пермичи торговали с зауральскими народами. Открытие в 1553 г. беломорского пути англичанами способствовало установлению более или менее постоянных сношений с одной из самых богатых торговых стран Западной Европы — Англией. Несколько позднее этим путем стали пользоваться и голландцы. Громадное значение имело присоединение Нарвы в 1558 г., очень беспокоившее соседей Русского государства, — недаром польский король писал английской королеве Елизавете о большой опасности, возникающей для всех европейских стран от возможности для Москвы получать через этот порт оружие и товары из-за границы и привлекать ремесленников и других специалистов из Западной Европы. Иностранная торговля стимулировала установление более тесных связей между отдельными рынками. В обмен на металл, материи и другие произведения западноевропейских мануфактур англичане, голландцы, с одной стороны, кизилбаши (персы) и бухарцы — с другой, предъявляли требования на русское сырье и продукты сельского хозяйства (лен, сало, пушнину)¹⁴⁵.

Спрос иностранного капитала на русское сырье с своей стороны вызвал усиленную скупку русскими купцами соответствующих продуктов, которые, затем свозились в Нарву и Холмогоры для перепродажи иностранцам. Флетчер говорит, что в период, когда русские владели Нарвой, ежегодно через таможду проходило до ста судов, груженных льном и пенькой¹⁴⁶.

Более поздние данные XVII в. показывают, что скупка льна для вывоза за границу происходила по мелочам — пудами, полупудами — в пригородах Пскова и других местах; таким образом значительное количество льна стягивалось в руки крупных экспортеров, перепродававших его иностранцам. То же имело место и в XVI в.

¹⁴³ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 119, 120.

¹⁴⁴ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 56.

¹⁴⁵ Вывоз хлеба был ничтожен, и его не нужно преувеличивать, как его преувеличивала так называемая «школа» М. Н. Покровского.

¹⁴⁶ Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 14.

Из приходо-расходных книг Болдина монастыря конца XVI в. видно, что монастырь этот выступал посредником между производителями и крупными скупщиками пеньки. Среди последних упоминаются видный торговый человек Семен Шорин (едва ли не предок известного в XVII в. гостя), дорогобужский посадский человек Михаил Карпов; наиболее крупные заказы монастырь получил от «человека» известного по следственному делу об убийстве царевича Дмитрия окольного Андрея Петровича Клешнина: в 1595 г. с него было получено за пеньку 90 р. 28 к. и вторично за зимующую пеньку 20 рублей, в 1596 г.—108 р. 40 д. (за 187 1/2 пуда пеньки), в 1599 г.—99 р. 30 алт. «на взор по весу». Сам монастырь частично приобретал эту пеньку внеэкономическим путем в виде натуральных поступлений со своих крестьян: «а имана та пенька со крестьян за оброк», как сказано в 1600 г. про пеньку, проданную в Осташкове за 52 р. 23 алт. 2 д. Но большую часть продажной пеньки монастырь сам скупал в округе. Не имея собственных денежных средств для такой операции, он иногда брал с заказчиков задатки (например, с С. Шорина в 1595 г.—20 рублей) и со своей стороны раздавал деньги доверенным «старцам», которым поручалась скупка пеньки. В 1591 г. старцу Насону было дано «на пеньку» 35 1/2 рубля, старцу Иосифу — 32 рубля, в 1592 г. старцу Федору — 26 1/2 рубля. Скупая пеньку за бесценнок, монастырские власти сдавали ее покупателям с значительной «наддачей», как видно из записи 1606 г., согласно которой с Михаила Карпова было взято «за пеньку, что скупали у крестьян, наддачи» 70 рублей¹⁴⁷.

Очень любопытные данные по скупке сырья для заграничного вывоза дает так называемая Торговая книга, в которой даются рецепты топки сала для продажи его с большой выгодой «немцам».

Особенно способствовал укреплению связей между отдельными рынками спрос на сибирскую пушнину со стороны как восточных, так и западных купцов. Дело идет не только о том, что со второй половины XVI в. усиливается движение промышленников за Урал за пушниной: чтобы получить пушнину, необходимо было перебрасывать через Уральские горы в Сибирь значительное количество ремесленных изделий. Явление это мы особенно полно наблюдаем в XVII в., когда для обмена на пушнину и для организации промышленных экспедиций приходилось вывозить из русских городов в Сибирь большие партии русских товаров и лишь в сравнительно очень небольшом количестве иностранные «немецкие» товары. «Немецкие» товары покупались на Архангельской ярмарке; громадное же большинство товаров, вывозившихся в Сибирь, было местного русского происхождения и приобреталось путем закупки на местных торжках. Данные XVII в. рисуют в этом отношении исчерпывающую картину. До нас дошли таможенные книги по Устюгу и другим городам, по которым можно наблюдать, как производилась скупка не только по городам, но и по ярмаркам сермяжных сукон, холстов, кожевенных изделий и кож, которые целыми обозами отправлялись в Сибирь и там в конечном счете превращались в пушнину. Процесс, который наблюдается в XVII в., начался в XVI в. От 1603 г. дошли две грамоты, которые свидетельствуют о вывозе русских ремесленных изделий в Сибирь. Согласно одной из них, торговый человек москвитин Докучайко Семенов, ехавший «в сибирские города», просил разрешения «взяти с собой железново товару: бочку ножей угорских, 24 сошника, 200 кос, 200 серпов, 50 топоров, 100 ножей пермских». Согласно другой,

¹⁴⁷ РИБ, т. XXXVII, стб. 104, 105, 110, 202, 203, 211—213, 219, 232, 243.

торговые люди Матюшка да Елка Сем. Печейцыны били челом — «ехать де было им торговать на все сибирские города, а товару у них будет 300 укладов серпуховских, 100 кос, 500 сох железа, да 50 серпов, да 200 ножей чекриев, да 100 ножей тахилей угорских, да 100 топоров древесных, да 500 скоб судовых, а продавати де им топоры и ножи нашим служивым русским людям и пашенным крестьянам и ямским охотником»¹⁴⁸.

Развитие товарных связей между отдельными частями страны отразилось и в некоторых правительственных мероприятиях по ограничению тех иммунитетов, которые препятствовали правильным отношениям между местными рынками. В 1596 г. была проведена очень важная реформа. Все большие перевозки, принадлежавшие частным владельцам, были взяты в казну, установлены одинаковые размеры мыта; сбор мыта поручался верным целовальникам. Владельцы перевозов получали в виде индемнизации в свою пользу половину дохода¹⁴⁹. Это — начало той политики, которая нашла выражение в уставной грамоте Алексея Михайловича 1653 г.

IV

Рост товарно-денежных отношений и развитие экономических связей между отдельными частями Русского государства способствовали росту русских городов, наблюдаемому в XVI в. Сведения о размерах городов XVI в. собраны Н. Д. Чечулиным в неоднократно цитированной книге, и повторять их нет необходимости.

Дело, однако, не только в увеличении численности населения городов. Самый характер городского населения резко изменяется в XVI в.

В XV в. в городах была еще значительная прослойка зависимых от феодалов людей. Теперь вотчинное население города — крепостные мастера и ремесленники, обслуживавшие дворы своих феодалов, втягивается в широкие рыночные отношения. Со своей стороны и сами феодалы, нуждаясь в денежных ресурсах, которых не могли получать при вотчинных приемах эксплуатации городского населения, способствовали ускорению разрушения вотчинного характера города: бывшие крепостные великих и удельных князей переводятся в «тягло» и превращаются из зависимых оброчников и «людей» в тяглецов, на которых лежит содержание не одного княжеского двора, а всего государства. Так, в Серпухове в 1552 г. были приписаны к посаду «в тягло» оброчные бобровники, «дворы, что были оброчные конюшенные», оброчные слободки Ключничья, Ивановская и Никольская и отдельные оброчные дворы, находившиеся на посаде, всего 104 двора; эти бывшие оброчники по занятиям ничем не отличались от прочих посадских людей, мы находим среди них трех торговых людей и большую группу ремесленников (в том числе 11 сапожников, семь кузнецов и т. д.)¹⁵⁰. В 1567 г. в Устюжне-Железопольской к посаду была присоединена оброчная рыболовная слободка. Одновременно в связи с ликвидацией феодальной раздробленности шла ликвидация частновладельческих городов и владельческой чересполосицы в городах. Так, в 1552 г. в Серпухове отписаны были к посаду «дворы, что была слободка за татары», в 1571 г. были конфиско-

¹⁴⁸ А. И. Андреев. Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии Наук СССР. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 240, 244, №№ 67, 106.

¹⁴⁹ ААЭ, т. I, № 367.

¹⁵⁰ П. Ф. Симсон. История Серпухова, стр. 313—314, 326—328.

ваны городки князя Мстиславского. При царях Федоре и Борисе конфискация частных городских владений проводилась очень последовательно и вылилась в целую систему «посадского строения», общую картину которого дает П. П. Смирнов в недавно напечатанной статье¹⁵¹. Так, в 90-х годах XVI в. отошли в тягло все посадские двory у города Николы Зарайского, до тех пор принадлежавшие собору, «и впредь им в государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси податех верстатися меж себя самим по животом и промыслом»; тогда же взяты были в казну и доходы с лавок, мостовщина и другие владельческие доходы «протопопа с братиею»¹⁵². В Казани по челобитью посадских людей взята была в посад митрополичья Булацкая слобода, целый пригород, числивший в XVI в. 164 двора, а митрополиту вместо идемнизации предоставлено было получать определенный оброк деньгами и хмелем с посада. Почти одновременно в 1599 г. были взяты в посад слободки Преображенского монастыря с уплатой взамен ежегодной руги. Итак, городское население постепенно эмансипируется от крепостной зависимости.

Другим характерным моментом для данной эпохи является усиление социальной дифференциации внутри города. Из общей массы посадских людей выделяется верхушка под различными названиями: корыстных купчин (термин, который мы встречаем в Новгороде), сурожан (там же), гостей, суконников. Насколько резко проходит эта дифференциация, свидетельствует постановление Судебника 1550 г., согласно которому бесчестие за гостей полагалось в очень высокой сумме — 50 рублей, тогда как за бесчестие среднего посадского человека платилось всего 5 рублей. Что касается городских «молодых» черных людей, то они получали за бесчестие только 1 рубль. В конце XVI в. (повидимому, в последние годы царствования Ивана IV или при царе Федоре) верхушка посада уже оформляется: юридически создается особый чин гостей, связанный как с рядом иммунитетов и привилегий, так и с несением определенных служб. Чин этот жаловался особыми грамотами, из которых первая до нас дошедшая относится к 1598 г.¹⁵³ Но есть повод думать, что Судебник имел в виду именно эту группу пожалованных чиновных гостей. Наряду с коллегией гостей возникают еще две привилегированных сотни: гостиная и суконная, члены которой упоминаются уже в составе земского собора, избравшего царя Бориса в 1598 г., но и эти сотни сложились раньше: по крайней мере уже в 1556 г. говорится об особом «суконном тягле» и особом «суконничьем старосте»¹⁵⁴.

Под влиянием развития товарно-денежных отношений расслоение затрагивает и деревню. Среди лавковладельцев, торгующих в городах, мы встречаем в XVI в. значительную группу крестьян. Например, в Туле упоминается 15 лавок, которые принадлежали крестьянам церковным и помещичьим. В Пскове имелось большое количество лавок, принадлежавших дворцовым крестьянам, и почти нет ни одного города, где бы не встречалось крестьянских торгов. Таким образом, выделение из состава сельского населения группы торговых крестьян — момент, очень важный для истории формирования торговой буржуазной Москвы в XVII в., — началось уже в XVI в. Большое участие в городской торговле

¹⁵¹ П. П. Смирнов. Посадское строение при царе Борисе Годунове. — «Исторические записки», кн. 4.

¹⁵² «Зарайск. Материалы для истории города XVI—XVIII столетия», М., 1883, стр. 1—2; ср. ниже писцовую книгу 1625 г.

¹⁵³ ДАИ, т. I, № 147.

¹⁵⁴ ДАИ, т. I, № 164.

в XVI в. принимают люди и закладчики феодалов. Повсюду в городах дворники, которые жили на белых дворах, принадлежавших феодалам, занимались торговлей, пользуясь иммунитетами этих дворов. Так, в Туле среди лавковладельцев упоминаются 33 дворника, преимущественно соседних светских землевладельцев, что составляет 15% всех владельцев лавок¹⁵⁵.

Государство должно было даже принять меры против этого явления, нарушавшего интересы посадских масс и самого феодального государства. К 1551 г. относится пересмотр жалованных грамот монастырей, причем при пересмотре некоторые права их были урезаны. В частности право держать на монастырских дворах дворников было ограничено одним лицом, остальные должны были нести тягло¹⁵⁶. Как известно, полная ликвидация торговли дворников была проведена уже в XVII в.

К числу мероприятий, которые должны были оградить посад от конкуренции феодально-зависимого населения, нужно отнести попытку, сделанную в середине XVI в., частично ликвидировать пригородные слободы, принадлежавшие феодалам. 15 сентября 1550 г. состоялся приговор о церковных слободах: «что слободам всем тянути с городскими людьми всякого тягло и суд» (Стоглав, гл. 98). На Стоглавом соборе правительство поставило вопрос еще шире и попыталось распространить это постановление на слободы светских феодалов: «Да у монастырей и у князей и у бояр слободы внове починены и где бывали старые извечные слободы государская тягль изгибла, и впредь, как тому быть?»¹⁵⁷. Эти мероприятия предвосхищали будущую коренную реформу, проведенную Уложением 1649 г. В условиях XVI в. они оказались неосуществимыми. Тем не менее самый факт появления такого проекта чрезвычайно показателен для данной эпохи.

Изменения, происходившие в социальном характере городского населения, сопровождались усилением классовой борьбы в городах и ростом антифеодальных настроений. Эти антифеодальные настроения выразились в 1540-х годах в ряде городских восстаний, завершившихся «возмущением великим» в Москве в июне 1547 г. Городские антифеодальные движения 1540 — начала 1550-х годов, смыкавшиеся с аналогичными явлениями в деревне, были одной из причин, вызвавших отмену кормлений, от которых, наряду с крестьянами, страдали и посады, а также отмеченную выше попытку ограничить феодальное землевладение в городах. Аналогичные движения в городах отмечаются и в 1580-х годах, и ими обусловлено энергичное проведение «строения посадов» при царях Федоре и Борисе. Московское восстание 1547 г. было направлено против князей Глинских, фактически управлявших государством от имени их молодого племянника Ивана IV. Выдвинутое против них обвинение в поджоге Москвы путем волшебства явилось только предлогом, а причины недовольства были гораздо глубже: «А сие глаголаху черные люди, поясняет официальная летопись, — того ради, что... от людей их [Глинских] черным людем насильство и грабеж, они же от того не унимали»¹⁵⁸. Один из Глинских, князь Юрий Васильевич, был убит в Успенском соборе, куда он пытался скрыться. Другой, князь Михаил Васильевич, «всему злу начальник», «от тое коромолы хоронился по монасты-

¹⁵⁵ Н. В. Калачов. Писцовые книги, стр. 1073 и сл.

¹⁵⁶ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение Московской Руси во второй половине XVI в. — «Исторические записки», кн. 10, стр. 97.

¹⁵⁷ И. Н. Жданов. Материалы по истории Стоглавого собора. — ЖМНП, 1876, июль.

¹⁵⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 455, 456.

рем». Людей, принадлежавших ко двору Глинских, было перебито «бесчисленно»; «живот княжой» подвергся разграблению. Чернь ходила «скопом» в царское село Воробьево, куда царь, по выражению Курбского, должен был «утеци». Московское восстание не было единичным. В нескольких местах происходили стихийные вспышки. В Гороховце чуть не побили «каменьем» воеводу Фому Воронцова¹⁵⁹, который не проявил достаточной активности в обороне города от казанских татар, в Опочке был посажен «в крепость» пошлинник Салтан Сукиных, который «много творил зла», и потребовалась посылка из Новгорода двухтысячной рати для умирения жителей¹⁶⁰. В других городах движение выразилось в целом потоке челобитий на наместников; уже в августе 1547 г. в Москву прибыла депутация от псковичей с челобитной на своего наместника Турунтай-Пронского.

Волна городских движений, прокатившаяся по территории Русского государства в 40-х годах XVI в., вызвала ряд мероприятий, имевших целью успокоить возбуждение, охватившее посадские массы. Именно под влиянием выступлений посадов правительством в 1550—1551 гг. была сделана попытка ликвидации частновладельческих слобод; оказало оно влияние и на ограничение прав наместников Судебником 1550 г., развившееся, в частности, в установлении порядка жалоб на их действия и на полную отмену самого института кормленщиков в 1555 г.

Очень крупную роль сыграл московский посад в декабре 1564—январе 1565 г., в момент оформления Опричнины. При всей скупости сохранившихся известий видно, что «гости и купцы и все гражана града Москвы» очень активно выступили против «сильных» людей, об избавлении от «рук» которых посадские обращались к царю, прося не оставлять их «на расхищение волком» и выражая готовность «кистребить» всех царских лиходеев, являвшихся вместе с тем и врагами самого посада¹⁶¹.

Новое выступление московского посада (*communalty*, по выражению Горсея) имело место в 1584 г., тотчас после смерти Ивана IV, когда «враг добра роду христианского», по словам летописца, «возмути всю чернь и ратных московских людей» (т. е. стрельцов, стоявших в социальном отношении очень близко к посаду). Восстание приняло очень грозные размеры: «Приидоша с великою силою и со оружием к городу и едва успеха от них затворити кремль, приидоша же и приступиша кремлю, хотеша выбити ворота вся и оборотиша царь-пушку к воротам». К движению примкнули и некоторые группы провинциального дворянства и «присташа к черни рязанские и иных городов дети боярские»¹⁶². По составу движущих сил это движение, таким образом, очень напоминает движение 1648 г.— на первом плане и здесь московская «чернь» (т. е. посад), которую поддерживали стрельцы и часть дворянства. Движение было направлено в первую очередь против фаворита Ивана IV — Богдана Бельского, в котором для посада олицетворялось все феодальное правительство.

В последующие годы волнения в Москве не утихали. Когда Шуйские выступили против Годунова, «всякие московские торговые люди черные» дружно «стояху» за них, поскольку в лице могущественного царского шурина Шуйским опять-таки противостояло лицо, возглавлявшее правительство.

¹⁵⁹ Там же, т. XXII, стр. 525.

¹⁶⁰ Там же, т. IV, стр. 308; ср. т. IV, изд. 1929, стр. 621.

¹⁶¹ Там же, т. XIII, стр. 393.

¹⁶² Там же, т. XIV, стр. 35.

В 1586 г. у Соли Вычегодской произошло открытое восстание, направленное против Строгановых. Посадские люди «с города снаряд имали» и громили двор, в котором заперлись именитые люди; Семен Аникеевич Строганов был убит, а остальным членам семьи грозила та же участь¹⁶³. Довольно точные сведения дошли до нас, по случайной причине, об углицком городском восстании в мае 1591 г.

Трагическая смерть маленького царевича Дмитрия, «набрушившегося» на нож в припадке эпилепсии, послужила лишь внешним толчком для крупного выступления Углицкого посада. Движущей силой восстания, завершившегося погромом «дьячьей избы» и убийством государева дьяка, были «посадские черные люди», «слободские люди» и «с судов казаки» (чернорабочие), а также «посошные люди», согнанные из уезда на «посоху», т. е. на казенную работу; «Ажно в городе и на царевичеве дворе многие посадские и слободские и посошные люди и с судов казаки с топоры и рогатинами и с кольи». «Сбежал мир весь на вся четыре стороны с копыи и с рогатинами и с топоры»¹⁶⁴. Движение было направлено против царской администрации. «Миром» были перебиты дьяк Михайло Битяговский, его сын и люди, «а иных Михайловых людей Битяговского в тюрьму посажали», «миром» же «пошли все люди» на его двор и «Михайлов двор разграбили и, питье из погреба в бочках выпив, и бочки колотили»¹⁶⁵. Очевидно, погром двора непопулярного московского дьяка был вызван не только смертью царевича Дмитрия, в нем нашло себе выражение негодование против видного представителя московской бюрократии, который, кроме того, как видно из дела, озлобил против себя некоторые слои населения требованием «посохи». Одновременно подверглась разгрому и дьячьья изба — административный центр Углича: «А у дьячьей избы сени и двери розламаны». «И я, Третьячко,— рассказывал впоследствии один из подьячих,— вшол в избу; ажно коробейка моя разламана, а вынято из нее государевых денег 20 рублей, что были приготовлены на царицын и царевичев расход». Подьячим толпа грозила участью Битяговского: «вам деи от нас то же будет», и они «с того страху разбежались разно и в город ходити не смели»¹⁶⁶. «Искали и хотели потому ж убити» и другого представителя власти — городского прикащика Русина Ракова: «Того ль де и ты дожидаешься, что и тебя с теми ж побитыми людьми вместе положити», — кричали ему¹⁶⁷.

Движение было направлено не только против администрации, но и против «добрых» посадских людей. Верхушка посада, тесно связанная своими интересами с администрацией, участия в погроме, конечно, не принимала: «а добрые люди с посадскими людьми не думали» и разбежались в минуту опасности. Трое из них были в деревне, и «как они слышали в городе шум великий, в город и не пошли, и за ними гонило человек з двадцать посадских для того, что они прихожи к Михайлу Битяговского, и они де и посямест ходили по лесу, а в город итить не смели, что хотели их побить посадские люди». Трех других посадские люди действительно убили за то, что они «разговаривали» (т. е. старались успокоить) толпу, а одного посадили в тюрьму и отняли рубль.

¹⁶³ А. А. Введенский. Крестьяне Строганова в XVI—XIX вв.— «Труды Тбилисского гос. ун-та им. Сталина», т. X, Тбилиси, 1939, стр. 29.

¹⁶⁴ «Дело разыскное 1591 года про убийство царевича Дмитрия Ивановича», под ред. В. Клейна, М., 1913, стр. 29

¹⁶⁵ Там же, стр. 26.

¹⁶⁶ Там же, стр. 29.

¹⁶⁷ Там же.

Таким образом, движение, вызванное случайным обстоятельством — несчастным случаем с царевичем, переросло в большое выступление против дьячьей администрации и против верхушки посада¹⁶⁸.

Насколько реальной была опасность, таившаяся для господствующих классов в настроениях посада конца XVI — начала XVII в., показали события 1605 г., когда судьбу династии Годуновых в последнюю минуту решили «мужики красносельцы», жители Красного села — большого торгового пригорода Москвы, которые «собрався, и приидоша на Лобное место, многие же и служилые люди к ним приступиша». Расправа с представителями непопулярной династии сопровождалась разгромом дворов, принадлежавших Годуновым, не только в Москве, но и в их вотчинах, что свидетельствует об участии в движении крестьянства: «Домы же их вси разграбиша миром, не токмо животы пограбили, но и хоромы разломаша и в селах и в поместьях и в вотчинах также пограбиша»¹⁶⁹.

В 1606 г. «литовские люди» были перебиты московскими посадскими людьми, доведенными до отчаяния насильями и притеснениями интервентов. При избрании на царство князя Василия Шуйского большую роль играл опять-таки московский посад — «купцы, сапожники, пирожники», по выражению одного иностранца¹⁷⁰.

Выступления посада во второй половине XVI в. и в первые годы XVII в., свидетельствующие об усилении классовой дифференциации внутри городов, показывают вместе с тем, что посад в это время являлся уже большой политической силой. Этим объясняется, что феодальные правительства вынуждены были не только считаться с его настроениями, но и искать в нем опоры. В 1565 г. царь Иван, приступая к организации Опричнины, счел нужным обратиться с особой грамотой «к гостем же и к купцом и ко всему православному крестьянству града Москвы», чтобы заверить, что мероприятие это не направлено против них и что «гневу на них и опалы некоторые нет»¹⁷¹. Очевидно, он рассчитывал (и не без основания) найти поддержку своей опричинной политике в посадской среде. Не случайно и присутствие представителей крупного московского и смоленского купечества на соборе 1566 г., одоббившем направление внешней политики Ивана IV в отношении Прибалтики.

Боярские группировки тоже искали поддержки среди торговых людей Москвы, как это видно из истории борьбы Шуйских с Годуновым, а тот факт, что в результате разгрома семьи Шуйских пострадали и московские торговые люди, свидетельствует о том, что правительство серьезно опасалось враждебных к нему настроений в посадской среде. Поэтому в 1598 г. для обеспечения прочности новой династии оказалось нужным привлечь на избирательный собор и представителей московского посада в лице не только гостей и членов привилегированных корпораций, но и старост черных сотен. С своей стороны и Лжедмитрий I посылал своих агентов к красносельским «мужикам». За московский посад вступали в борьбу между собой претенденты на царский престол. Царь Василий Шуйский, кандидат группы крупных феодалов, был вынужден распространить права, которые он пожаловал боярству и дворянству, на московских торговых и черных людей. Из этого не следует, конечно, что он

¹⁶⁸ Там же, стр. 34.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 65.

¹⁷⁰ Н. Г. Устрялов. Сказания иностранцев о Димитрие Самозванце, ч. 1. СПб., 1859, стр. 76.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 392.

был выдвинут каким-то воображаемым блоком боярства и купечества¹⁷². Выкрикнутый кучкой своих сторонников, не чувствуя под своей властью достаточно широкой базы, поскольку провинциальное дворянство было настроено против него, Шуйский нуждался в поддержке Московского посада, только что перед этим показавшего свою силу во время восстания против поляков. Посад содействовал и избранию Шуйского, в котором видел борца против интервентов. При таких условиях милости, которые были дарованы посаду в целом (не только его верхушке, но и всем «черным людям»), являлись неизбежным политическим шагом со стороны правительства, отнюдь не чувствовавшего себя прочным.

Подводя итоги, можно сказать, что во второй половине XVI в. складываются те явления в области рынка, которые затем в XVII в., когда происходил процесс сложения всероссийского рынка, нашли себе более отчетливое и более полное выражение.

---

¹⁷² С. В. Бахрушин в данном случае полемизирует с точкой зрения П. П. Смирнова, изложенной в работе «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», т. I, М.—Л., 1947. (*Примечание редакции*).

О Ч Е Р К II

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

а) РАЙОНЫ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

«В непосредственной связи с разделением труда вообще,— говорит В. И. Ленин,— стоит... территориальное разделение труда, специализация отдельных районов на производстве одного продукта, иногда одного сорта продукта и даже известной части продукта»¹. Роль территориального разделения труда в установлении более тесного экономического общения отмечают Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Вторым этапом после обособления ремесла от земледелия они называют «новое разделение производства между отдельными городами, каждый из которых переходит к эксплуатации некоторой преобладающей отрасли промышленности», благодаря чему «мало-по-малу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность»².

Корни территориального разделения труда, как показал Б. А. Рыбаков в монографии о ремесле древней Руси, лежат в глубокой древности. Уже в XII в. некоторые киевские вещи «расходились по всей Руси». «Таким образом,— говорит автор,— ремесленники содействовали развитию внутренней торговли»³. Надо, однако, иметь в виду, что, как показал В. И. Ленин, «территориальное разделение труда составляет характерную черту... мануфактуры»⁴, т. е. связано с определенным уровнем промышленного развития страны, которого Россия достигла только к концу XVII — началу XVIII в. При господстве кустарных промыслов «преобладание ручного производства, существование массы мелких заведений, сохранение связи работника с землей, приковывание мастера к известной специальности, все это обуславливает неизбежно замкнутость отдельных промышленных округов мануфактуры»⁵.

Таким образом, даже в отношении XVI — начала XVII в. мы можем говорить лишь об элементах территориального разделения труда, складывавшегося в рамках феодальной экономики, которая накладывала на изучаемый процесс своеобразный отпечаток. В то время как «наличность сырья в данной местности — отнюдь не обязательна для мануфактуры и вряд ли даже обычна для нее, ибо мануфактура предполагает уже довольно широкие торговые сношения»⁶, феодальное ремесло в сильной мере зависит от сырьевой базы. Это обстоятельство и является в значительной степени основной причиной территориального разделения

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 377.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 43.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 780.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 378.

⁵ Там же, стр. 377.

⁶ Там же, стр. 378.

труда в феодальную эпоху и в то же время способствует частичному нарушению отмеченной выше «замкнутости отдельных промышленных округов». В XVI — начале XVII в. такая зависимость от местных возможностей особенно сказывалась в металлургии, которая развивалась преимущественно в районах, изобиловавших залежами железной руды

На первом месте в отношении добычи руды в XVI — начале XVII в. стоял район серпуховско-тульский.

Точное географическое положение железных месторождений, разрабатывавшихся в этом районе в XVI в., нам неизвестно. Барберини в XVI в. (а с его слов и другие иностранцы) пишет о «больших железных и стальных заводах в Кашире»⁷. Разработка руды производилась и непосредственно в окрестностях Серпухова, как видно из того, что в 1556 г. с местных крестьян взыскивалась особая подать — горновщина⁸. В Тульском уезде в конце 1590-х годов было тоже зарегистрировано не менее 12 крестьянских домниц⁹.

Серпуховское железо и серпуховской уклад имели широкий спрос далеко за пределами тульско-серпуховского района. В 1586 г., например, слуга вологодского Прилуцкого монастыря купил в Серпухове семь прутов уклада и восемь прутов железа. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в 1604 г. в Москве 100 прутов уклада серпуховского и в 1608 г. у себя в Белоозере — 50 прутов¹⁰. Среди серпуховских торговцев в 1556 г. был один железник, промышленявший скупкой и перепродажей железа¹¹. Один серпуховитин в конце XVI в. торговал железом на торгу в Туле; торговали местным железом и жители самой Тулы: кроме названного серпуховитина, писцовая книга 1597—1599 гг. отметила еще пять человек, занятых продажей железа¹². Скупщики железа завозили серпуховской уклад в такие дальние края государства, как Сибирь: в 1603 г. например, устюжские торговые люди Матюшка и Елка Печейцыны повезли в сибирские города 300 укладов серпуховских¹³. Итак, серпуховское железо продавалось не только на месте, в Серпухове и Туле, но и в Москве, и в Вологде, и в Белозерском крае, и в Устюге, и даже в Сибири.

Месторождения железа в серпуховском районе послужили базой значительного кузнечного производства в Серпухове и Туле. В 1556 г. в Серпухове числилось 63 кузнеца, гвоздочник, сковородник, всего 65 человек¹⁴, что составляло более 10% всего тяглого населения города.

Серпуховские кузнецы работали и в Туле: среди дворников, живших на осадных дворах служилых людей, здесь в 90-х годах XVI в. упоминаются три кузнеца-серпуховитина¹⁵.

Кузнечное ремесло было значительно распространено и среди посадского населения самой Тулы. Писцовая книга 1587—1589 гг. назва-

⁷ «Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв.», пер. В. Любича-Романовича, СПб., 1843.

⁸ П. Ф. Симсон. История Серпухова. М. 1880, стр. 157.

⁹ Б. Н. Тихомиров. Ремесло в Московском государстве в XVI в.— «Известия АН СССР, Отд. общ. наук», 1933, № 2, стр. 107.

¹⁰ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2. СПб., 1910, прилож., стр. CXLV, CCLXXIV.

¹¹ П. Ф. Симсон. Указ. соч., стр. 154.

¹² «Писцовые книги XVI в.», под ред. Н. В. Калачова (далее: Н. В. Калачов. Писцовые книги), отд. II, стр. 1073—1076.

¹³ ЛОИИ, оп. 2, № 67; см. также А. И. Андреев. Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии Наук СССР.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 240, № 67.

¹⁴ П. Ф. Симсон. Указ. соч., стр. 153—154.

¹⁵ Н. В. Калачов, Писцовые книги, отд. II, стр. 1093.

ла здесь 16 кузнецов, трех гвоздарей и одного ножовника¹⁶, и это далеко не полные данные, так как книга не дает полного списка тульских ремесленников. В нескольких лавках торговали ножами, очевидно, местного производства. В начале XVII в. уже определилась основная специальность тульских кузнецов: производство оружия. Среди них имеются ствольники, замочники и ложечники (мастера, выделявавшие ружейные «ложа»), которые «делают самопальное дело день и ночь беспрестанно»¹⁷.

В 1595 г. кузнецы были устроены «в Туле за острогом особою слободою, и никаким людем опричь их, кузнецов, не жить». Большинство историков к этой дате относит и образование слободы казенных кузнецов, обязанных исполнять казенные заказы, но зато пользовавшихся известными иммунитетами¹⁸. Хотя мнение это в недавнее время подвергнуто сомнению, но наличие в составе населения Тулы двух казенных кузнецов в 1590-х годах свидетельствует о том, что уже в конце XVI в. тульское кузнечное ремесло утратило узкий местный характер и было положено начало образованию сословия казенных тульских оружейников, работавших на государство. Это сословие оформилось окончательно вскоре после ликвидации польско-шведской интервенции¹⁹. Таким образом, в течение XVI в. определилась роль Тулы как района железодельной промышленности общегосударственного значения, и в кузнечном ремесле Тулы намечается большая специализация: из числа кузнецов выделяются не только специалисты-оружейники — самопальные мастера, но и мастера, выделявавшие отдельные части самопалов — стволы, замки и ложи. Тула надолго становится по существу главным в стране центром производства огнестрельного оружия.

После серпуховско-тульского района наибольшее значение как район железодельной промышленности имел в XVI в. новгородский край с Тихвином. Недаром Торговая книга из видов уклада, имевших хождение на рынке, на первом месте называет уклады новгородский и тихвинский, совершенно умалчивая о серпуховских месторождениях железа²⁰. Разработка железной руды в Водской и Ижорской землях началась, повидимому, очень давно, во всяком случае до присоединения Новгорода к Москве. В конце XV — начале XVI в. в Водской земле добыча руды производилась преимущественно на Красных горах, на Ковоше, у озер Глубокого и Леонтьева, в Ижорской — в Ярвотельском погосте²¹. Из других прилегающих к Новгороду районов добычи железа можно назвать Пашскую волость на реках Паше и Капше.

Уже в начале XVI в. сравнительно богатые залежи болотной руды послужили базой для развития в районе Новгорода железодельной промышленности. По далеко не полным данным С. С. Гадзяцкий считал в Водской пятине в первые годы этого столетия около 200 доменных, в которых «железо дмут» (в Каргальском погосте, например,

¹⁶ Подсчет Н. Д. Чечулина в его сочинении «Города Московского государства в XVI в.», СПб., 1889, стр. 304.

¹⁷ В. Н. Ашурков, Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—1-й четверти XIX в. Тула, 1947, стр. 20—21.

¹⁸ Там же, стр. 17—24.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Сборник Муханова», СПб., 1866, № 202, стр. 368.

²¹ См. прекрасную статью С. С. Гадзяцкого «Вотская и Ижорская земли Новгородского государства» («Исторические записки», кн. 6), в которой самым тщательным образом рассмотрен вопрос о железодельной промышленности в указанных районах.

49, в Покровском-Дятелинском — 11; в Никольском-Толдожском — 11; остальные на дворцовых землях в Никольском-Толдожском, Каргальском, Ильинском-Замостском, Введенском-Дудоровском и Опальском-Воздвиженском). В двух деревнях Никольско-Ярвосельского погоста Ореховского уезда (в Ижорской земле) при каждом из 11 крестьянских дворов была своя домница ²².

В Ярвосельском погосте владельцы домниц копали руду на своей земле. В других погостах в ряде случаев ее копали на чужой территории, например в дворцовой волости на Красных Горах, платя за это право наем великокняжескому прикащику в размере гривны и 2 денег с домницы ²³. В писцовой книге Деревской пятины за 1495 г. упоминается около 700 копачей, которые, по мнению некоторых исследователей, промышленяли копанием руды ²⁴.

Сельские домницы поставляли железо в виде сырья (криц и пруты) или полусырья (уклада). Новгородский и тихвинский уклады имели большой спрос на широком рынке. В 1583—1586 гг. в Новгороде упоминаются три железника (торговцы железом). Согласно Торговой книге, новгородский «добрый уклад» покупали «на лом» по 10 рублей за 1000 «веретен»; уклад тихвинский ценился более чем вдвое дешевле — по 4 рубля и 4 р. 20 к. за 1000 веретен; это была средняя цена, которая, конечно, изменялась «по товару и по цене смотря» ²⁵.

В 1547/8 г. Софийская казна дала кузнецу Грише 2 гривны за 10 веретен уклада ²⁶. Нуждались в новгородском укладе и иногородние покупатели. Тихвинский монастырь приобрел в 1592 г. в Новгороде 30 криц на «монастырское кузло» (т. е. кузнечную работу) ²⁷. Приезжали в Новгород за железом часто издалека. В 1576 г., например, Волоколамский монастырь купил в Новгороде уклада на 1 р. 95 к. Распространяли новгородский уклад по всему государству и скупщики. В 1581 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил в Ярославле 30 клинов уклада новгородского за 2½ рубля ²⁸, а в 1606 г. — в Белозерье — 320 клинов уклада тихвинского за 1 р. 5 алт. ²⁹

Но значительная часть новгородского и тихвинского железа обрабатывалась на месте местными кузнецами и попадала на рынок в виде разнообразных изделий. С. С. Гадзяцкий правильно указал на значительное число кузнецов в погостах, население которых было занято разработкой руд. В Никольском-Толдожском погосте писцовая книга 1501 г. насчитала 42 кузнеца, а в Каргальском — 12. Не являясь владельцами домниц, они, очевидно, работали на покупном сырье. Судя по составу оброка с кузнецов и владельцев домниц, выделялись предметы крестьянского обихода — сошники, лемехи ³⁰. В течение XVI в. новгородский район железоделательной промышленности значительно расширился. В Ореховском уезде, где в начале столетия мы не находим еще ни одного кузнеца, в 1560-х годах намечаются уже признаки развития железоделательного производства. Ореховская таможенная гра-

²² С. С. Гадзяцкий. Водская и Ижорская земли Новгородского государства.— «Исторические записки», кн. 6, стр. 120, 145.

²³ Там же, стр. 120.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 545.

²⁵ «Сборник Муханова», стр. 120.

²⁶ «Известия Археологического общества», т. III, вып. 1, СПб., 1881, стр. 44.

²⁷ ЛОИИ, фонд Тихвина м-ря (далее — ЛОИИ Тихв.), № 1, л. 119.

²⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 2, прилож., стр. CVIII.

²⁹ Там же, стр. CCXXVI.

³⁰ С. С. Гадзяцкий. Указ. соч., стр. 122, 146.

мота 1564 г.³¹ предписывала описать в Ореховском присуде все «домницы и кузницы, в которой деревне или в Орешке на посаде чья кузница или домница, и сколько в которой кузнице и домнице горнов и кузнецов, и казаков их, сколько где мастеров и где живут казаки», что предполагает значительное производство. Получило развитие кузнечное производство и в округе Тихвина. В 1591 г. упоминается кузнец Иван Ладьин, который ковал для Тихвинского монастыря 500 скобиц и 700 гвоздей. В частности, кузнечное ремесло наблюдается в местностях, где производилась разработка тихвинских руд: на Паше кузнец в 1595 г. ковал омеши (лемеша)³².

Но главным средоточием железоделательной ремесленной промышленности края был сам Новгород, где в 1583—1586 гг. упоминается около 230 мастеров, занятых в железоделательном производстве (112 кузнецов, 38 ножевников, 21 гвоздочник, 18 оружейников, 17 замочников, семь игольников, пять скобочников, три точильника, три лемешника, забойник, подковник и т. д.), и 11 угольников, поставлявших уголь на новгородские кузницы³³. В 1612 г. в Новгороде был особый Железный ряд, где торговали кузнецы и железники³⁴. В новгородских мастерских выделялось значительное количество гвоздья — одностенного, двостенного, чешуйно-луженого и т. д. Софийский митрополичий двор в сентябре-октябре 1600 г. купил, например, у Микулы железника 100 гвоздей двостенных и 50 одностенных³⁵ и у Никиты Кипреянова — 400 гвоздей двостенных³⁶, у замочника Офони Кипреянова гвоздье³⁷ для обивки митрополичьего стула, которое он же и лудил, и у него еще 150 гвоздей двостенных и одностенных³⁸; в сентябре-октябре 1603 г. — 4 колодки гвоздья луженого³⁹ «ставни сбивать» и накладки икон — 6000 гвоздья⁴⁰. Покупал в Новгороде гвозди и Тихвинский монастырь: в 1590—1591 гг. на монастырский обиход было приобретено здесь гвоздье луженое, гвоздье к копьям и 50 гвоздей горошчатых⁴¹. О развитии в Новгороде гвоздарного ремесла свидетельствует и сравнительно большое число зарегистрированных в 1580-х годах гвоздочников (21 человек).

Значительным может считаться и число замочников в Новгороде (38). В сентябре 1600 г. замочник Вакута делал «замок висучий» к житнице в митрополичье село Марково⁴². В 1603 г. куплен «замок висучий»⁴³.

Спрос, даже вне Новгорода, имели металлические части конской сбруи. Тихвинский монастырь в 1591 г. приобрел здесь семь удил и 95 прях подпружных больших и малых⁴⁴, а далекий Болдин-Дорогобужский монастырь в 1590 г. — новгородские стремена.

³¹ ДАИ, т. I, № 116.

³² ЛОИИ. Тихв., № 1, лл. 51, 71, 182.

³³ Подсчет А. В. Арциховского. Подсчет, произведенный А. П. Пронштейном, несколько расходится с цифрами А. В. Арциховского, но не меняет общих выводов.

³⁴ ЛОИИ. Собр. Соловьева, № 538.

³⁵ ЛОИИ. Приходо-расходные книги Софийского двора, акт. кн. № 36, л. 14 об.

³⁶ Там же, л. 6.

³⁷ Там же, л. 19 об.

³⁸ Там же, л. 7.

³⁹ Там же, лл. 68 об., 75 об., 78 об.

⁴⁰ Там же, л. 89 об.

⁴¹ ЛОИИ. Тихв., № 1, лл. 7, 71, 115 об.

⁴² Там же, № 36, л. 15 об.

⁴³ Там же, л. 64.

⁴⁴ Там же, № 1, лл. 165 об., 172 об.

Из других металлических изделий новгородских мастеров приходо-расходные книги Софийского двора упоминают топор⁴⁵, скобицы⁴⁶, крюк железный⁴⁷, крюк луженый с пробоями, «подвороты пятник»⁴⁸, полосы к митрополичу стулу⁴⁹, сверло⁵⁰, напилки⁵¹, заслонки⁵² и т. д. В 1603 г. кузнец Дорошка «починовал 2 чеши церковные у Софейских дверей да тягу к северским (северным) дверем да уклад наваривал на 6 клецов на новую мельницу»⁵³. Он же «делал на новую мельницу веретено большое да подпяток да поропяну»⁵⁴.

Среди новгородских кузнецов были и квалифицированные специалисты по выделке оружия: в писцовых книгах 1580-х годов упоминаются девять стрельников, два бронника, пять секерников и два сабельника. Новгородские кузнецы выполняли правительственные заказы на артиллерийские снаряды. Так, в 1555 г. им было поручено «сделать 600 ядер железных по кружалам, каковы кружала посланы с пушкари»⁵⁵.

Особо следует оговорить производство игол и булавок. По подсчету А. В. Арциховского, в Новгороде в 1580-х годах зарегистрировано семь игольников (а по подсчету А. П. Пронштейна — даже 17) и один булавочник. Во вкладной книге Соловецкого монастыря назван в числе жертвователей-новгородцев Василий Иларионов игольник, давший в монастырь денег и игол на 6 рублей с гривной⁵⁶.

Некоторые из произведений новгородских мастеров получили в XVI—XVII вв. распространение по всей стране. Таковы были новгородские коробки желтые, красные и иные, окованные черным и белым железом, иногда снабженные замками, изготовление которых являлось специальностью Новгорода. Такие коробки можно было найти и в «царственном граде» Москве и в самых отдаленных северных монастырях. В них хранились документы правительственного архива⁵⁷ и царская «платеная казна» на Казенном дворе⁵⁸. В новгородских коробях держали в XVI в. деньги⁵⁹ в Волоколамском монастыре и на его подворье в Москве⁶⁰; в Николо-Корельском монастыре близ Архангельска — полотно и другую рухлядь⁶¹. Белозерский Кириллов монастырь в 1568 г. приобрел пять таких коробей новых и одну держаную⁶².

Широко использовались новгородские коробки и частными лицами как из высшего феодального общества, так и из более скромных слоев. В 1586 г. в Москве для архимандрита Чудова монастыря куплена была «ноугородская коробейка»; две коробки новгородские «кованы с замками» были в 1598 г. в имуществе игумена Антониево-Сийского монасты-

⁴⁵ ЛОИИ. Тихв. № 1, л. 18 об.

⁴⁶ Там же, л. 9 об.

⁴⁷ Там же, л. 18 об.

⁴⁸ Там же, л. 9 об.

⁴⁹ Там же, л. 10.

⁵⁰ Там же, л. 4 об.

⁵¹ Там же, л. 63.

⁵² Там же, лл. 63, 66 об.

⁵³ Там же, л. 86 об.

⁵⁴ Там же, л. 94.

⁵⁵ ДАИ, т. I, № 72.

⁵⁶ ЛОИИ. Вкл. кн. Соловецкого м-ря, л. 607.

⁵⁷ ААЭ, т. I, № 289, стр. 344.

⁵⁸ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царств. М., 1901, стр. 593, 597, 606, 607, 609, 614, 618.

⁵⁹ ЦГАДА. Фонд Волоколамского монастыря, кн. № 3, л. 1.

⁶⁰ ЛОИИ, № 1028, л. 1 об.; ЛОИИ. Волож. кн., № 7, л. 106.

⁶¹ Макарий. Описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря. — «Чтения ОИДР», 1879, кн. 1, стр. 42.

⁶² Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. СХХ.

ря⁶³. Окованные коробки, «новгородское дело», попадались в имуществе и более скромных представителей духовенства — смоленского попа Ковыри⁶⁴, «священноинока» Соловецкого монастыря⁶⁵ и т. д. В «коробье новгородской» вез в 1593 г. свое платье белевский посадский человек, ехавший с товаром в Псков⁶⁶. В начале XVII в. послужилец князей Пронских сдал в один из смоленских монастырей «на береженье» свое добро тоже в коробье новгородской⁶⁷. Новгородские коробки так ценились, что даже особо упоминались в духовных завещаниях (например, в духовной жителя села Короткого на Чаронде Леонтия Дмитриева)⁶⁸ и служили объектом пожертвований в монастыри; например, житель приморской волости Варзуги Ивашко пожертвовал новгородскую коробью в Николо-Корельский монастырь (1537), Федор Иванов тверитин, житель Новгорода, — в Соловецкий монастырь⁶⁹.

Итак, новгородские кованые железом коробки были распространены по всему государству от устья Северной Двины и берегов Белоозера до Москвы и близкого к ней Волоколамского монастыря и на западе до Смоленска.

В общем итоге, несмотря на отрывочность наших сведений, мы можем указать, что продукция железоделательной промышленности Новгорода встречается и в центре Русского государства — в Москве, и на крайнем севере — в Варзуге, в Холмогорах и в Южном Поморье — в Белоозерье и на Чаронде, и на западной окраине — в Смоленске, Доргобуже и Волоколамске.

Крупное место, которое Новгород занимал в железоделательной промышленности, подтверждается тем, что при составлении сметы на постройку каменного кремля в Казани в 1555 г. правительство поручило новгородским дьякам «сметити, сколько станет в деле пуд железа доброго мягкого с угольем и с укладом, и что кузнецом от дела и казаком найму дати»⁷⁰.

Непосредственно к новгородскому железоделательному району примыкал район Устюжны-Железопольской, которая уже в XVI в. приобрела значение промышленного центра, обслуживавшего все государство. Устюжна возникла, как показывает само ее название, в местности, богатой залежами железной руды, которую здесь, как и в новгородской области, разрабатывали крестьяне, снабжавшие ею городские кузницы. Как говорится в одной грамоте первых лет царствования Михаила Федоровича, «которые уездные и царицыны (Анны Колтовской, вдовы Грозного) и слоботские (Богородицкого монастыря) крестьяне живут от Устюжны версты по 2 и по 3 и по 5 и по 10, и те уездные крестьяне отдают крицы ковать, наймуя, устюженским кузнецом и товары всякие покупают на Устюжне»⁷¹.

К концу XVI в. Устюжна-Железопольская стала важнейшим средоточием кузнечного ремесла. Сотная 1566/7 г. называет на посаде Устюжны-Железопольской 124 ремесленника, работавших в железоделательном ремесле (71 кузнец, 47 молотников, котельник, подковщик, замочник,

⁶³ «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2.

⁶⁴ «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.», под ред. Ю. В. Готье, М., 1912, стр. 266.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Соловецкого м-ря (далее — Солов.), № 217, л. 83 об.

⁶⁶ ЛОИИ. Собр. Соловьева, № 144, л. 1.

⁶⁷ Солов., № 217, л. 266.

⁶⁸ АЮ, № 415.

⁶⁹ ЛОИИ. Вкл. кн. Соловецкого м-ря, л. 608; ЦГАДА. Солов., № 208, л. 28 об.

⁷⁰ ДАИ, т. I, № 82.

⁷¹ ЦГАДА. Город. кн. по Устюгу, № 1, лл. 86 об., 87.

гвоздочник и два угольщика); действительное число таковых было гораздо больше, так как 213 дворов из 713 принадлежало, по данным той же сотной, «молотчим казакам молотникам». Следовательно, в кузнечном ремесле было занято не менее 299 человек, или приблизительно 37% всего посадского населения, которое исчислялось в 813 человек.

В 1597 г., когда Устюжна сильно обезлюдела, в ней числилось 34 кузнеца, 66 молотников, укладник, гвоздарь, замочник, сковородник⁷², 12 угольщиков, обслуживавших кузницы,— всего 116 человек, работавших в железоделательной промышленности, что составляет более 62% всех устюженских ремесленников, если не считать занятых изготовлением пищевых продуктов. Кроме того, упомянут железник, т. е. скупщик железа⁷³.

Одной из специальностей устюженских кузнецов (подобно тульским) была выделка оружия. В частности, изготовлялись для царской артиллерии пищали и ядра⁷⁴. Во время осады Устюжны тушинцами «устюженские люди» ковали пушки, пищали, ядра, дробь, «подметные каракули», копыя и «всякие хитрости»⁷⁵. Выделывались также железные части для судов: скобы и гвозди тяжные и тесовые⁷⁶.

За произведениями устюженских мастеров и местным железом приезжали даже из Москвы. Так, в 1580-х годах Троице-Сергиев монастырь посылал на Устюжну-Железопольскую своих старцев, купчин и слуг «железа на варнишной обиход и судов и всяких запасов закупати»⁷⁷. Обращалось в Устюжну-Железопольскую и правительство. В 1592 г., по распоряжению царя Федора, в Устюжну поехал Иван Мельдяшев, который должен был взять 50 000 скоб железных судовых, да 300 гвоздей больших судовых, 4700 гвоздей тесовых и 5 пудов железа прутowego⁷⁸. В том же году правительство, подготавливая экспедицию для постройки города во владениях пельымского князя, озаботилось отправить на Лозьву, служившую военной базой похода, 5 пудов железа, присланного с Устюжны⁷⁹.

Имея в виду снабжение правительства железными изделиями, посад в конце XVI в. купил лавку, «а кладут в нее пищали, да ядра и гвозди судовые, коли на государев обиход суды делают»⁸⁰. Таким образом, Устюжна была вторым после Тулы центром общерусского оружейного дела.

Вероятно, Новгород, Тихвин и Устюжна-Железопольская снабжали железом Тверь, где в XVI в. тоже образовался значительный центр металлургического производства. В Твери, по словам Петра де Ерlezунда, были «лучшие и искуснейшие по всей земле кузнецы, которые куют железо и медь»⁸¹. Это известие вполне подтверждается монастырскими

⁷² В XVII в. железные сковороды были предметом вывоза из Устюжны-Железопольской; см. ЛОИИ. Тихвин. там. кн., 178 (1679/80) г., лл. 5 об., 8, 10; 201 (1692/3) г., лл. 14, 15, 16, 24 об., 34, 54, 72.

⁷³ ЦГАДА. Город. кн. по Устюжне-Железопольской (далее сокращенно: кн. по Устюжне), № 1. Я пользовался подсчетами Н. Д. Чечулина (источником для которого служила сотная по Устюжне, совпадающая с названной книгой), но вносил в них необходимые поправки.

⁷⁴ Там же, л. 40.

⁷⁵ РИБ, т. II, стб. 799.

⁷⁶ ЛОИИ. Оп. 1, № 530; см. также «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 34, Л., 1927, стр. 340. № 530.

⁷⁷ ААЭ, т. I, № 320.

⁷⁸ ЛОИИ. Оп. 1, № 530; см. также «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 34, стр. 340, № 530.

⁷⁹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 350.

⁸⁰ ЦГАДА. Кн. по Устюжне, № 1, л. 40.

⁸¹ «Чтения ОИДР», 1865, кн. 4, стр. 45.

приходо-расходными книгами. Тверь в XVI и в начале XVII в. производила в большой массе гвозди, которые раскупались очень широко. Волоколамский монастырь, например, купил в Твери в 1573 г. 7350 гвоздей (в том числе 1050 тесового гвоздя и 3000 мелкого) и ящик на гвоздье; в 1574 г. — 8000 гвоздя прибойного под сапоги, 6000 черного, «чем лоб обивати», и 10 колодок белого⁸²; в 1589 г. — 50 колодок гвоздя сапожного⁸³, в 1602 или 1603 — 2000 гвоздя обойного, 10 000 гвоздя колодочного луженого и 10 000 черного сапожного⁸⁴; в 1606 г. — 100 колодок гвоздя подсапожного луженого, 6000 сапожного черного⁸⁵ и в том же году (?) еще 3000 гвоздей⁸⁶. Очень большие оптовые закупки гвоздей производил в Твери Кирилло-Белозерский монастырь, который приобрел в 1608 г. 50 000 гвоздя сапожного и 20 000 опушенного, всего 70 000, в 1606 г. — 14 500 белого опушенного, 7600 седельного в 152 кадках, 4500 сапожного — всего 26 600⁸⁷.

Другим предметом железоделательного производства, рассчитанным на широкий спрос, были разнообразных форм и видов замки. Кирилло-Белозерский монастырь купил в Твери в 1604 г. девять замков «троеснишных» и один клинчатый большой, в 1607 — 13 замков «троеснишных» и в 1608 г. — 64 замка больших и малых⁸⁸. Покупал замки в Твери и Волоколамский монастырь⁸⁹.

Особой специальностью Твери было производство так называемых «тверских игол», толстых и тонких, которые с успехом конкурировали на русском рынке с литовскими иглами. Тверские иглы продавались даже в Москве, где в 1605 г. было куплено для Кирилло-Белозерского монастыря 300 игол литовских и 200 тверских почти по одной цене (литовские — по 9 денег за сто, тверские — (по 8 денег)⁹⁰; тот же монастырь покупал иглы и в самой Твери, притом в очень большом количестве: в 1605 г. — 1300 игол (700 тонких и 600 толстых), в 1607 г. — 3150⁹¹, в 1608 г. — 20 дюжин⁹². Волоколамский монастырь купил в Твери в 1574 г. — 50 игол и в 1579 г. игол на 1 алтын⁹³.

Выдывались также в Твери металлические части «коневой сбруи». В 1573 г. в Твери было приобретено для Волоколамского монастыря на 10 седел пристугов⁹⁴, в 1575 г. — 20 удил⁹⁵; в 1589 г. из того же монастыря туда был послан нарочно конюшенный старец «купити на конюшенной обиход удил к уздам и клещей к хомутам и пряж к подпругам и всяких запасов»⁹⁶.

Тверские кузнецы вырабатывали на продажу и сельскохозяйственные орудия. В 1574 г. волоколамские власти заплатили тверитину Ивану за 10 сох с полицами «от дела» 4 гривны, он же сковал 10 топоров

⁸² Волок., № 2, лл. 93 об., 99, 123 об., 180, 180 об., 200.

⁸³ Там же, № 7, л. 64 об.

⁸⁴ Там же, № 12, л. 115—115 об.

⁸⁵ Там же, № 13, л. 114 об.

⁸⁶ Там же, № 16, л. 91.

⁸⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. XXXIV, ССХIV ССLXXXIII.

⁸⁸ Там же, стр. СLIV, ССLII, ССLXXXIII.

⁸⁹ ЛОИИ. Волок., № 7, 1606 г.; ЦГАДА. Волок., № 13, л. 114 об., 1574 г.; ЛОИИ. Волок., № 2, лл. 200, 93 об., 1573 г.

⁹⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. СLXVIII.

⁹¹ Там же, стр. ССLII.

⁹² Там же, стр. ССLXXXIII.

⁹³ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 200; № 3, л. 44.

⁹⁴ Там же, № 2, л. 148.

⁹⁵ Там же, № 1028, л. 65.

⁹⁶ Там же, № 7, л. 64 об.

за $\frac{1}{4}$ рубля⁹⁷. В 1606 г. Волоколамский монастырь приобрел в Твери 50 сошников с полицами за 5 рублей⁹⁸.

Наконец, делались и мелкие орудия для ремесленной работы: шилья, пилки; так, в 1574 г. для Волоколамского монастыря было куплено в Твери 80 шильев, а в 1579 г. были сделаны «пилки», за работу заплатили 1 гривну⁹⁹.

В общем итоге Тверь, несмотря на скудость наших сведений, выступает в конце XVI — начале XVII в. как значительный центр металлургического ремесла. Очень показательно, что в Пскове в XVI в. ряд торговавший «железом и замками и всяким железным товаром», носил двойное название: тверской и кузнецкий¹⁰⁰.

Продукция Твери обслуживала довольно широкий район, охватывая Псков, Белоозеро, Волоколамск и Москву. Некоторое значение в области железоделательных ремесел Тверь сохранила и в XVII в. Единственная дошедшая до нас Тверская таможенная книга 1675 г. говорит о вывозе из Твери 34 000 игол, сотен сох и присошников, 456 пудов железа, возов и кулей «трески железной» и т. д.¹⁰¹.

Другой гораздо более крупный центр производства мелких металлических изделий в XVII в. — Ярославль в изучаемую эпоху еще не играл в данном отношении сколько-нибудь заметной роли. Только в 1611 г. упоминается о покупке для Соловецкого монастыря 500 шильев сапожных ярославских, производство которых в Ярославле было связано с развитием в этом городе сапожного ремесла¹⁰². В 1613/4 г. их было приобретено 200 штук¹⁰³.

Следует отметить, что расположенный между Тверью и Ярославлем Углич поставлял на всю страну «свешники», неизвестно, выделявавшиеся из железа или из меди. О покупке в Москве такого «свешника углецкого» для Волоколамского монастыря упоминается в 1589 г.¹⁰⁴; в 1568 г. в Кирилло-Белозерском монастыре были приобретены «шандан стеной углецкой» и два «свешника углецких добрых»¹⁰⁵.

Наряду с укладом новгородским и тихвинским Торговая книга называет уклад корельский. Действительно, Заонежье уже в XVI в. выделяется как крупный центр металлообрабатывающей промышленности. Жители Заонежских погостов, преимущественно корелы, во второй половине XVI — начале XVII в. делают многочисленные вклады железом в Соловецкий монастырь и доставляют туда же железо цренное в виде полиц и уклад на продажу. На основании данных Соловецкого архива можно довольно точно определить районы, откуда поступало железо. Особенно много вкладов давали так называемые Лопские погосты или Лопская пятина.

Это, во-первых, Юсто-озеро (или Юшто-озеро). Юшто-озерцы Иван Фотиев пожертвовал 20 пудов железа, Никифор Евстафиев — 4 пуда, Антон Фотиев — 10 пудов, кузнец Василий Семенов — 17 пудов, Гавр. Фотиев по прозвищу Третьяк — 25 пудов уклада, Фома Кирилов — 100 полиц, всего 149 пудов уклада¹⁰⁶. Среди продавцов железа Соловецкому

⁹⁷ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 231.

⁹⁸ ЦГАДА. Волок., № 16, лл. 104 об.—105.

⁹⁹ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 193 об.; № 3, л. 87.

¹⁰⁰ «Сборник МАМЮ», т. V, М., 1913, стр. 42, 43.

¹⁰¹ ЦГАДА. Город. книги, Тверь, № 1.

¹⁰² ЦГАДА. Солов., № 429, л. 116 об.

¹⁰³ Там же, № 12, л. 58 об.

¹⁰⁴ ЛОИИ. Волок., № 7, л. 86.

¹⁰⁵ Н. К. Никольский, Указ. соч., прилож., стр. LXXXII, LXXXVI.

¹⁰⁶ ЛОИИ. Солов. вкл. книга, лл. 746 об.—750 об.

монастырю мы встречаем в 1608/9 г. Ивана Федорова юстозерца, продавшего 536 полиц¹⁰⁷ и т. д. «Юхтозерский уклад» через Каргополь попадал даже на Белоозеро¹⁰⁸.

Другим районом разработки корельского уклада в Лопской пятине была Падана около Сегозера. Авксентий Алимпиев из Паданы пожертвовал в Соловецкий монастырь «железа полиц» на 7 рублей, Ульян Гаврилов — 10 пудов уклада и сох на 5 рублей, Третьяк Васильев — 25 пудов 6 гривенок¹⁰⁹. У Данилы из Паданы в 1588 г. в Соловецком монастыре закупили 1300 полиц и 40 топоров¹¹⁰, в 1609 г. в числе трех корелян, продавших 1549 полиц, был Ульян Гаврилов паданец: у него же в предыдущем 1608 г. и у Оверки самозерца было куплено 1735 пудов железа на 95 р. 9 алт. 1 д.

Шло железо также из Семиозерского погоста Лопской пятины. Илья Гаврилов кунокончанин из этого погоста дал в монастырь 5 пудов уклада; другой семиозерец Аверкий Родионов упомянут в числе продавцов железа в 1608 г.

Из других заонежских волостей, поставлявших железо, можно назвать Селгу. В 1575 г. Соловецкий монастырь купил у селжан Данила Пантелеева и Пимена Осипова 995 полиц¹¹¹ и у Ивана Васильева селжанина 200 полиц¹¹² и в 1579/80 г. «у мужиков у селжан» железа цренного — 4 црена без 13¹/₂ полиц.

Другим районом добывания и обработки руды было Заонежье к западу от Онежского озера. Упоминается значительная покупка железа у двух корелян, крестьян заонежской Шуи — Никиты Фомина и Степана Родионова в 1609 г. (1582 полицы и 67 п. 24 гривенок уклада на 114 р. 2 алт. 4 д.)¹¹³. Игнатий Власьев из деревни с Пялоозера пожертвовал в Соловецкий монастырь 10 пудов уклада¹¹⁴; в 1611 г. торговал укладом Иван Максимов с Пяла-озера¹¹⁵. Артемий Варфоломеев олончанин с Туксы (т. е. из Рождественского погоста на Олонце) дал в Соловецкий монастырь железа цренного на 9 рублей¹¹⁶.

Наконец, следует отметить приморскую полосу приблизительно от Кеми до Сумы, в частности местность у Шуезера и Шуи-реки. С Кеми-реки Федор Минин пожертвовал в Соловецкий монастырь 50 полиц железа цренного¹¹⁷. В 1580 г. у шуеречанина М. Резачева тот же монастырь купил 817 полиц¹¹⁸. Шуезерка Екатерина, Игнатьевская жена пожертвовала 3 пуда уклада. У панозерцов Ульяна с товарищами Соловецкий монастырь купил в 1591 г. 880 полиц железа цренного¹¹⁹.

Значительным центром торговли корельским железом был Сумский острог, где в 1608/9 г., например, Соловецкий монастырь купил 218 полиц железа цренного и 10 пудов уклада¹²⁰. В 1580 г. у сумлян Никиты Супины был приобретен црен железа без 14 полиц, у Гриши —

¹⁰⁷ ЦГАДА. Солов., № 217, л. 141 об.

¹⁰⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. ССХ.

¹⁰⁹ ЛОИИ. Солов. вкл. книга, лл. 747 об.—748 об.

¹¹⁰ ЦГАДА. Солов., № 212, л. 15.

¹¹¹ ЦГАДА. Солов., № 208, л. 58 об.

¹¹² Там же, л. 60.

¹¹³ Там же, № 217, лл. 128 об., 129

¹¹⁴ ЛОИИ. Солов., № 58, л. 756.

¹¹⁵ ЦГАДА. Солов., № 217, л. 184 об.

¹¹⁶ ЛОИИ. Солов., № 58, л. 746 об.

¹¹⁷ ЛОИИ. Солов., № 58, л. 936.

¹¹⁸ ЦГАДА, Солов., № 5, л. 67 об.

¹¹⁹ Там же, л. 82 об.

¹²⁰ Там же, № 217, л. 124 об.

400 пудов црненного железа, у Константина — 170 пудов, у Никона Демидова Окатова — полцрена, у Семена Кунехова — 225 пудов¹²¹. Из соседней с Сумой Колежмы некто Старко в том же году продал 124 веретена уклада. Трудно, однако, и в данном случае решить вопрос, имеем ли мы дело с продажей местного или привозного железа. Во всяком случае, в районе Сумского острога разработки железа были. Соловецкому монастырю здесь принадлежала Железная пустынь, куда посылался старец для добычи иковки железа. Часть пустынского железа монастырь пускал в продажу.

Корельское железо шло в первую очередь в местные кузницы¹²², на выработку предметов хозяйственного обихода, особенно топоров «мастерских». Корелы славились по всему государству как плотники, и мы встречаем их всюду на постройках деревянных зданий; они в первую очередь нуждались в топорах, которые и выковывались из местного железа. Но корельский уклад находил спрос и за пределами Олонецкого края. О рыночной цене на корельский уклад (60—76 копеек за пуд) говорит Торговая книга¹²³. В первую очередь уклад и црненное железо скупались северными монастырями, которые иногда специально посылали в этих целях своих купчин на Олонец. Так, в 1588 г. из Николо-Корельского монастыря посланы были старец Симеон и кузнец Фофан купить «железа црнного», в январе следующего года старец привез 233 пуды железа, уклада на 8 гривен и три топора мастерских, кроме того, он «приторговал» 400 пудов, «что то железо не готово, и будет готово к великому дню» (к пасхе); у того железа был оставлен Фофан, который довез позже 370 пудов. Всего было куплено, следовательно, 603 пуды¹²⁴. О крупных покупках железа Соловецким монастырем сказано выше. Отчасти эти покупки производились в Сумском остроге, но еще чаще в самом монастыре, куда приезжали торговцы железом из заонежских погостов¹²⁵.

Спрос на корельское железо предъявляли и более отдаленные монастыри. Соловецкий монастырь из своих запасов снабжал монастыри центра, нуждавшиеся в железе для оборудования своих соляных промыслов на Севере. В 1575 г. он продал в Золотице старцу Кирилло-Белозерского монастыря 27 веретен уклада¹²⁶, в 1580 г. — ему же 100 пудов железа црнного¹²⁷. В 1589 г. кирилловскому старцу было продано 300 пудов¹²⁸, в 1609 г. одному слуге Кирилло-Белозерского монастыря — 100 пудов и 150 другому слуге, которого нарочно присылал за железом с Пушлахты старец-прикащик. В том же году Соловецкий монастырь продал црнные порубни слуге Троице-Сергиева монастыря «к Лудскому промыслу»¹²⁹.

Через Каргополь юхтозерский уклад попадал и непосредственно на Белоозеро: в 1607 г. кирилло-белозерские монахи купили у «казны»

¹²¹ ЦГАДА. Солов., № 209, лл. 73 об., 74 об., 75, 102 об., 111, 117.

¹²² Юхтозерский кузнец Василий Семенов пожертвовал в Соловецкий монастырь 17 пудов уклада.

¹²³ «Записки отд. русской и славянской археологии — Петербургского археол. об-ва», т. I, СПб., 1851, стр. 106—139. В такую же приблизительно сумму оценивает и Соловецкая окладная книга пуд уклада.

¹²⁴ ЛОИИ, ф. Николо-Корельского м-ря (далее — Ник.-Корел.), № 952; № 953, л. 4—4 об.

¹²⁵ В расходных книгах часто оговаривается, что покупки произведены в монастыре.

¹²⁶ ЦГАДА. Солов., № 208, л. 27.

¹²⁷ Там же, № 209, л. 39 об.

¹²⁸ Там же, № 212, л. 9.

¹²⁹ Там же, № 217, лл. 9—10.

(т. е. в самом монастыре) у каргопольца Григорья Черницына 5 пудов этого уклада¹³⁰.

Бвиду широкого спроса на корельское железо по всему Поморью здесь образовалась группа скупщиков, которые скупали на месте полицы и уклад и развозили их по различным городам и монастырям. К их числу, несомненно, принадлежали каргополец Григорий Черницын, доставлявший юхтозерский уклад на Белоозеро, паданцы Давила и Ульянов, семиозерец Аверкий и другие, поставлявшие в Соловецкий монастырь большие партии железа.

Бойко торговали корельским укладом олончане. В 1588 г. Соловецкий монастырь купил у олончанина Якова Нестерова с Валовых 1331 полицу железа цренного на 61 рубль¹³¹; в 1591 г., вероятно у него же,— 2030 полиц железа цренного на 98 рублей¹³². Крупными скупщиками были, очевидно, железник олончанин Трофим Кипреянов сын Рокшуев, давший в Соловецкий монастырь железа, якорей и денег, всего на 32 рубля и Артёмий Варфоломеев, олончанин с Туксы, пожертвовавший, как сказано, железа цренного на 9 рублей¹³³. Таким же скупщиком был и Семен Пирожников, представитель одной из самых богатых семей западного Поморья, продавший в 1578 г. Соловецкому монастырю 370 полиц и 2 якоря лодейных¹³⁴. Торговцем железа был и сам Соловецкий монастырь, который часть своего пустынского и скупленного железа продавал преимущественно небольшими партиями главным образом собственным прикащикам, особенно ехавшим на соляные промыслы (иногда довольно значительное количество, например, в 1588 г. пияльскому прикащику 500 полиц и порубней цренных на 41 рубль)¹³⁵; по видимому, старцы-прикащики учитывали потребность окрестных солепромышленников в цренном железе и, отъезжая «на приказ», запасались им в монастыре для перепродажи.

Продажа железа кирилловскому или собственному старцу, или какому-нибудь священнику могла носить иногда характер любезности; но в других случаях монастырь, несомненно, преследовал цель получения прибыли. Таковы продажи железа местным торговцам, ремесленникам и крестьянам: в 1575 г. с куйских крестьян была получена полтина за железо¹³⁶; в 1580 г. продано было 50 полиц на 2½ рубля сухонаволочанам Андрону, Филе и Якову кузнецу и вторично сухонаволочанам — 20 полиц на 1 рубль¹³⁷, 20 полиц сумскому торговому человеку Перфирию Шкунину и посошным людям укладу и железа на 13 алтын¹³⁸.

Помимо продажи железа и уклада на сторону, в Олонецком крае корельские кузнецы сами на месте вырабатывали топоры, косы, замки и другие железные изделия, которые частично вывозились в сравнительно отдаленные районы. Так, в 1589 г. старец Симеон, посланный из Николо-Корельского монастыря на Олонец для покупки железа, привез оттуда, в числе прочего, три топора¹³⁹. В 1579/80 г. Соловецкий монастырь приобрел у олончанина Мартына три замка, три црена,

¹³⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. ССХ.

¹³¹ ЦГАДА. Солов., № 212, л. 15.

¹³² Там же, № 5, л. 66 об.

¹³³ ЛОИИ. Солов., № 58, л. 446 об.

¹³⁴ ЦГАДА. Солов., № 208, л. 52.

¹³⁵ Там же, № 212, л. 9 об.

¹³⁶ Там же, № 208, л. 33 об.

¹³⁷ Там же, № 209, лл. 17 об., 19 об.

¹³⁸ Там же, л. 22 и др.

¹³⁹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 953, л. 4, 4 об.

20 порубней¹⁴⁰, в 1588 г. у Данилы из Паданы — 40 топоров¹⁴¹, в 1608 г. у известных нам паданца Ульяна Гаврилова и у семиозерца Аверкия — 97 кос¹⁴². В 1606 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил у онежанина Савы Иванова 70 топоров¹⁴³. Мы видим, что некоторые произведения корельских кузнецов (топоры, косы) закупались монастырями оптом, десятками штук. Но были и случайные покупки, например, в 1588 г. в Волоколамском монастыре у плотника-корелянина купили топор за 2 алт. 2 д.— факт, показывающий, что топоры корельской работы ценились даже здесь¹⁴⁴.

Кузнечное производство было развито на Кемии, судя по тому, что во вкладной книге Соловецкого монастыря упоминаются дважды пожертвования кемлянами кузнечной снасти¹⁴⁵. Но особенно высоко стояло это ремесло в Сумском остроге, где мы встречаем даже специалистов оружейного дела. В 1611 г. в Сумах кузнец ковал 10 самопалов, «да к ним же делали ложа», и в том же году «кузнец самопальник» Сава сковал пять самопалов с замками и с трещотками в казну Соловецкого монастыря, далее сковано было пять станков к самопалам и три напарьи (буравы) трубные большие¹⁴⁶. Развитию здесь кузнечного производства, несомненно, способствовали как наличие сырья, так и спрос со стороны гарнизона острога и окрестных владельцев соляных промыслов.

Кроме Олонецкого края, эксплуатировались месторождения болотной руды и в Подвинье, в бассейне р. Сутромы (Судромы), притока Ваги. Руда здесь была открыта Строгановым в 1577 г. «На Ваге-деи в Содромской волости есть болота пустые,— писал Яков Строганов в челобитной к царю Ивану IV,— ...а в них железная руда». Он просил дать ему «те болота на льготу», с тем, чтобы «на тех болотах уставити железное дутье». Ходатайство было удовлетворено, и ему было разрешено «в тех болотах дуть железо и домницы делать и лес сечи около тех болот»¹⁴⁷. Сутромские разработки железа обслуживали главным образом ближайшие поморские районы солеварения, нуждавшиеся в железе для производства цренов. В 1600 г., например, старец Прилуцкого монастыря, имевшего соляные промыслы в Тотемском усаде, купил в Тотьме 70 полиц цренного «сутромского» железа и в том же году непосредственно в Сутроме 150 криц железа «на полицы на цыренные»¹⁴⁸.

Были на Северной Двине и другие месторождения железа. В 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел 400 укладов «устюжских»¹⁴⁹; под устюжским укладом, вероятно, подразумевается железо, добывавшееся в Белослудском стане, который в XVII в. поставлял его в Устюг.

Месторождения придвинского района обслуживали главным образом судостроение на Двине. Железоделательное ремесло было особенно развито в Холмогорах, являвшихся важнейшим речным портом на Двинском пути и игравших до построения Архангельска роль морской гавани. Здесь образовался крупный узел речного и морского транспорта, и это обстоятельство вызвало развитие судостроения и как одну из существенных отраслей этого ремесла — производство железных частей судов.

¹⁴⁰ ЦГАДА. Солов., № 209.

¹⁴¹ Там же, № 212, л. 15.

¹⁴² Там же, № 217, л. 93.

¹⁴³ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. ССП.

¹⁴⁴ ЛОИИ. Волок., № 6, л. 196 об.

¹⁴⁵ ЛОИИ. Солов., № 58, л. 931.

¹⁴⁶ ЦГАДА. Солов., № 217, лл. 179, 180.

¹⁴⁷ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 97—98.

¹⁴⁸ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 29, лл. 16 об., 19 об.

¹⁴⁹ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. ХСП.

В Холмогорах, в частности, ремонтировались суда, плававшие вверх по Северной Двине до Вологды и обратно. Для соловецких насадов, ходивших с солью в Вологду, в Холмогорах, например, делали веретена железные, трубки железные на колеса и т. д. Точно так же для судов Прилуцкого монастыря в Холмогорах покупались напарьи, скобы и гвозди¹⁵⁰. Находившийся недалеко от Холмогор Николо-Корельский монастырь в 1598 г. ковал гвоздье и скобу к воротам (корабельным)¹⁵¹ и «гвоздье лодейное к лодье»¹⁵² и израсходовал на «кузло, от лопатки и от гвоздия и скоб» 1 алтын¹⁵³ и на покупку 2000 гвоздей подпятных и двух колодок гвоздя луженого 9½ алтына¹⁵⁴.

Вместе с тем для всего Поморья Холмогоры служили рынком как железа, так и различных железных изделий. Николо-Корельский монастырь в 1551/2 г. купил там шесть веретен уклада¹⁵⁵, в 1552/3 г.— 200 гвоздей подпятных, в 1554/5 г.— 10 штук укладов¹⁵⁶, в 1555/6 г.— 10 штук уклада и 1500 гвоздей тесовых, в 1556/7 г.— 25 штук уклада¹⁵⁷, в 1558/9 г.— 41 штука уклада, 2000 гвоздя подпятного и три ральника¹⁵⁸. В 1598 г. тот же монастырь прикупил в Холмогорах «на судовое гвоздье» 22 гривенки уклада¹⁵⁹. Антониев-Сийский монастырь в 1589 г. приобрел в Холмогорах 50 штук уклада, три сошника, 4600 гвоздей и пять полиц железа белого¹⁶⁰.

Другим значительным портом на Северной Двине был Великий Устюг, где тоже останавливались суда, шедшие вверх к Вологде и вниз к Холмогорам, и производились на ходу их ремонт и закупки железных частей для них. В 1594 г. старцы Прилуцкого монастыря чинили на Устюге порубень¹⁶¹. В 1651/2 г. соловецкие старцы приобрели 350 гвоздей тяжных, 2400 скоб лодочных, 400 гвоздей «обоймицы прибивать» и четыре крюка насадных¹⁶². Кроме того, на Устюге продавались и другие изделия из местного железа. Тогда же Соловецкий монастырь приобрел 55 000 гвоздя черного подпятного, 200 колодок гвоздя подпятного луженого и 100 колодок гвоздя мелкого к окончинам¹⁶³. Продукция устюжских кузнецов находила сбыт далеко за пределами Подвинья. В 1603 г. устюжские скупщики железа Печейцыны повезли в Сибирь, наряду с привозными угорскими ножами и серпуховским укладом 100 топоров дровосечных, 50 сох железных, 50 серпов, 100 кос и 50 скоб судовых, вероятно местного устюжского происхождения¹⁶⁴.

На Сухоне значительным пунктом железоделательного ремесла была Тотьма. Тотемские кузницы снабжали главным образом окрестные соляные варницы. Так, в 1582 г. здешние кузнецы ковали црен в варницу новую для промыслов Прилуцкого монастыря¹⁶⁵. В 1609 г. тотемские

¹⁵⁰ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 119, 1605. л. 3 об.

¹⁵¹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 968, л. 26 об.

¹⁵² Там же, л. 17.

¹⁵³ Там же, л. 19 об.

¹⁵⁴ Там же, л. 37.

¹⁵⁵ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 935. л. 11, 11 об.

¹⁵⁶ Там же, № 34.

¹⁵⁷ Там же, лл. 43, 44 об.

¹⁵⁸ Там же, лл. 52 об., 55 об.

¹⁵⁹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 968, л. 19.

¹⁶⁰ ЛОИИ, ф. Антониево-Сийского м-ря (далее — Сийск.), № 1, лл. 255 об., 260.

¹⁶¹ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 7, л. 3 об.

¹⁶² ЦГАДА. Солов., № 9, лл. 68 об., 69.

¹⁶³ Там же, л. 58, 58 об.

¹⁶⁴ ЛОИИ, оп. 2, № 67; см. также: А. И. Андреев. Описание актов, хранящихся в Археологической комиссии Академии Наук СССР.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 240, № 67.

¹⁶⁵ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 227, л. 6 об.

кузнецы¹⁶⁶ ковали для тех же прилуцких соляных промыслов 6500 гвоздя цренного, црен в новую варницу, црен подъемник, дуги цренные, чинили лапки; в 1610 г. старцы нанимали кузнецов ковать 300 полиц и 3000 гвоздей «в варницах вновь на цырен 700 гвоздя завязать да две лапки привязать»; в другой варнице — завязать 650 гвоздей и четыре лапки и платили им за «железную поделку» при устройстве труб¹⁶⁷. Кроме работы на промыслы, тотемские кузнецы выделывали серпы, косы-горбуши, сапожные гвозди и т. п.¹⁶⁸ Развитию железоделательного ремесла в Тотье способствовала близость сутромских месторождений железа.

Последним этапом на Двинско-Сухонском речном пути из Белого моря в Москву была Вологда. Здесь происходила перегрузка товаров с судов на телеги и в обратном направлении на суда. Вологда служила также основным пунктом, откуда северное Поморье вывозило хлеб и другие запасы, и где северные монастыри производили продажу соли. Через Вологду проезжали «англиские немцы». Словом, это был крупный по тому времени речной порт, в котором, как и в Холмогорах, большое значение получило кораблестроение. Как и в Холмогорах, кораблестроение стимулировало изготовление местными кузнецами железных изделий для судов. В 1605 г., например, Соловецкий монастырь нанял на Вологде кузнеца ковать скоб конопатных, гвоздей отивных, больших и плащечных, и тесовых и двоетесных на два насада, уплатив за железо и от дела 14½ рубля¹⁶⁹. В 1611 г. соловецкие старцы на Вологде наняли кузнецов Богдана Васильева и Патрикаея Константинова к двум насадам ковать скобы конопатные и донные и гвозди большие отивные, одностесные и двоетесные за 12 р. 18 алт. 4 д.¹⁷⁰ Ежегодно покупалось соловецкими прикащиками «для судового ходу» большое количество гвоздей различных размеров, скобы, крюки к сопцам, кошки железные и т. д.¹⁷¹.

В громадном количестве выделывались на Вологде гвозди различных сортов. Торговая книга не случайно считает Вологду главным поставщиком сапожных гвоздей в стране. «Гвоздя сапожные», читаем в ней, «купают в Вологде по 3 р.»¹⁷². Действительно, Соловецкий монастырь вывозил ежегодно из Вологды около 100 000 и более гвоздя подпятного черного и сотни колодок гвоздя подпятного мелкого луженого, в частности «носочного», которое шло и на обивку окончин. Так, в 1606 г. им было вывезено 76 000 гвоздя черного подпятного, в 1608 г. — 100 000, в 1609 г. — 100 500, в 1610 г. — 185 500, в 1611 г. — 96 000 и в 1612 г. — 144 000 и в те же годы от 100 000 до 300 000 с лишком мелкого луженого гвоздя. Кирилло-Белозерский монастырь в 1606 г. приобрел на Вологде 5000 гвоздя пушечного на 1 р. 10 алт. и шесть колодок седельного гвоздя¹⁷³. Даже такой небольшой монастырь, как Павлов-Обнорский, в 1568 г. купил на Вологде 3000 гвоздей черных¹⁷⁴.

Кроме сапожного гвоздя, выковывалось много гвоздей, предназначавшихся для постройки зданий и особенно судов: большие отивные,

¹⁶⁶ В расходных записях Прилуцкого монастыря за 1609 и 1610 гг. по имени называют кузнецов Тимошу Нератова, Чундрушу, Гришу и Ившу.

¹⁶⁷ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 29, лл. 9—15, 20, 22, 26 об., 27.

¹⁶⁸ Там же, № 227, л. 3 об.; № 29, л. 27.

¹⁶⁹ ЦГАДА. Солов., № 9, л. 123 об.

¹⁷⁰ Там же, № 429, л. 126 об.

¹⁷¹ Там же, № 11, лл. 88, 116 об.

¹⁷² «Сборник Муханова», стр. 370.

¹⁷³ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. ССVIII.

¹⁷⁴ РИБ, т. XXXVII, стб. 4.

плашечные, одностесные, двоетесные, обоемные. Например, в 1608 г. Соловецкий монастырь приобрел «к судовому ходу» 425 штук плашечного гвоздя, 175 тяжных гвоздей, 1200 двоетесных, 1000 одностесных.

Очень много вырабатывалось железных скоб, больших и малых. Скобы были двух родов — сапожные, которые подбивались под каблуки для прочности, и скобы судовые — конопатные, донные и другие. Один вид сапожных скоб носил название «азовских»; несмотря на название, они не имели ничего общего с турецким Азовом, а были, несомненно, местного производства¹⁷⁵. Соловецкий монастырь приобретал на Вологде скобы тысячами; например в 1605 г. он заказал к двум насадам 8000 скоб, в 1608 г. было куплено 2000 скоб малых, в 1609 г. (?) — 1320 скоб конопатных, в 1613 г. (?) — 6300 скоб конопатных и 52 донных, в 1614 г. — 1500 конопатных и 20 донных. Для монастырского обихода приобретались и сапожные скобы: например в 1609 г. — 102 скобы под сапоги, в 1612 г. — 600 скоб азовских под сапоги.

Специально для судостроения вырабатывались напарьи большие и малые, крюки насадные к сопцам, кошки железные, якоря насадные и т. п.

Наряду с гвоздями специальностью вологодского железодельного ремесла были топоры, так и называвшиеся «вологодскими». В 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил 34 топора «вологодских»¹⁷⁶ и в том же году в самой Вологде купил 57 топоров «плотничьих и дровосечных»¹⁷⁷; в 1581 г. вологодский кузнец «наладил» для того же монастыря 25 топоров; в 1606 г. было приобретено 11 топоров «вологодских плотничьих». Для Антониево-Сийского монастыря известный нам кузнец Юшка вологжанин наваривал на 11 топоров уклад¹⁷⁸.

Тот же Юшко вологжанин ковал монастырю 15 кос¹⁷⁹. Косы-горбуши тоже производились в массовых количествах в Вологде, успешно конкурируя с косами «литовками». В 1605 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в Вологде сразу 367 кос-горбуш и только 60 — литовок¹⁸⁰; в 1606 г. — 60 кос «горбуш вологодских»¹⁸¹. Название кос-горбуш «вологодскими» свидетельствует о том, что их производство считалось специальностью вологодских кузнецов.

Выделывались в вологодских кузницах и другие орудия земледельческого и ремесленного труда: сохи, заступы железные, лопаты, пешни, скобели, долота, замки. В одном случае, например, Соловецкий монастырь вывез 32 лопаты и 100 заступов, в другом — четыре долота и шесть скобелей и т. д. Антониево-Сийский монастырь в 1588 г. заказал вологодскому кузнецу сковать «долотцу»¹⁸². В 1576 г. Прилуцкий монастырь купил 10 замков висячих¹⁸³, в 1606 г. — 30 сох; в 1610 г. Кирилло-Белозерский монастырь — 25 замков¹⁸⁴.

Естественно, что в центре кузнечного производства на первом месте среди орудий ремесленного производства стояла кузнечная снасть, как то: наковальни и молоты, которые тоже выделывались для продажи. В 1610 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил у Пиная вологжанина

¹⁷⁵ Может быть, получили название по форме, возможно, напоминавшей букву «аз».

¹⁷⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. LXXXIV.

¹⁷⁷ Там же, стр. XCV.

¹⁷⁸ ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 226.

¹⁷⁹ Там же, л. 10.

¹⁸⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. CLXVI.

¹⁸¹ Там же, стр. XCV.

¹⁸² ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 226.

¹⁸³ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 200, л. 3.

¹⁸⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. CCVI.

наковальню большую кузнишную за 1 р. 20 к.¹⁸⁵ Вологодский кузнец «молоты перековывал» в 1588 г. для Антониева-Сийского монастыря. В 1609 г. Соловецкий монастырь купил на Вологде два молота больших и три малых. Продавалась и другая необходимая принадлежность кузнечной снасти — «мехи кузнишные».

Какого искусства достигали вологодские кузнецы в своем ремесле, показывает изготовление в 1609 г. вологжанином Иваном Бушкарем «пушечки» для Кириллова монастыря, за которую ему было заплачено 1 рубль¹⁸⁶.

Очень крупный район железоделательного ремесла сложился в XVI в. в белозерском крае. Район этот был богат болотной рудой. В частности, известен ухтомский уклад, 5 пудов которого в 1606 г. кирилловские старцы купили на Белоозере за 3 р. 25 алт.¹⁸⁷ Рано стали известны месторождения железа в бассейне р. Уломки¹⁸⁸. В XVII в. белозерский край, как показала К. Н. Сербина, даже поставлял частично железо, из которого выковывался тихвинский уклад¹⁸⁹. В XVI и в начале XVII в. на Белоозере шла уже в это время оживленная торговля укладом и «росковным железом». Кирилло-Белозерский монастырь купил, например, в 1568 г., на Белоозере на ярмарке «о сборном воскресенье» «10-рых сохи большие железа росковного с сошником да мелкого железа орамных сох 493 сохи» на 12 р. 10 алт. 2 д.¹⁹⁰, в том же году он купил 100 сох железа росковного¹⁹¹ и еще 20 сох железа¹⁹², в 1587 г. на Белоозере — «потребного железа росковного 383 сохи»¹⁹³, в 1582 г. там же — 250 укладов¹⁹⁴, в 1604 г. «у казны» — 265 клинов уклада¹⁹⁵, в 1605 г. — 900 клинов уклада¹⁹⁶, в 1607 г. на Белоозере — 120 клинов уклада, в 1608 г. на Белоозерской ярмарке — 168 сох железа росковного¹⁹⁷ и на Белоозере же в том же году — 4 пуда уклада¹⁹⁸.

Скупавшееся на ярмарках на Белоозере и у Кирилло-Белозерского монастыря железо, вероятно, поступало из уезда с крестьянских разработок. В отдельных случаях агенты монастыря приобретали его на месте в деревнях: так, в 1604 г. старец Паисий Лопухин в селе Санникове покупал железо и уклад «на сельской росход»¹⁹⁹; в 1568 г. в селе Тонищах были куплены 92 сохи росковного железа; в 1607 г. «у Пречистые на Сяме» — 1 пуд уклада и сохи росковного железа²⁰⁰.

Железо, добывавшееся крестьянами, в значительной части ими же перерабатывалось в деревенских кузницах, основную продукцию которых составляли ножи и топоры.

¹⁸⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. CCCVIII.

¹⁸⁶ Там же, стр. CCC.

¹⁸⁷ Там же, стр. CCIII.

¹⁸⁸ В приходе-расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря упоминается «уломский» котел, очевидно, сделанный из уломского железа.

¹⁸⁹ К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 234—235. (*Примечание редакции*).

¹⁹⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. LXXXV.

¹⁹¹ Там же, стр. LXXXVIII.

¹⁹² Там же, стр. XCII.

¹⁹³ Там же, стр. CXXIII.

¹⁹⁴ Там же, стр. CXXVI.

¹⁹⁵ Там же, стр. CXLVIII.

¹⁹⁶ Там же, стр. CLXV.

¹⁹⁷ Там же, стр. CCLXIX.

¹⁹⁸ Там же, стр. CCLXIV.

¹⁹⁹ Там же, стр. CLV.

²⁰⁰ Там же, стр. С.

В источниках очень отчетливо выступают несколько сельских районов кузнечного производства в белозерском крае. Это, во-первых, деревня Мегра, являвшаяся, по данным XVII в., районом добывания железа²⁰¹. В 1605 г. мегорский кузнец Андрей ковал для Кирилло-Белозерского монастыря 30 топоров²⁰², в 1608 г.— 50 топоров, в 1609 г. участвовал в ковке пищалей и языка к колоколу²⁰³ и, повидимому, он же (в записи сказано глухо — «мегорский кузнец») сделал 32 топора²⁰⁴.

Очень значительным центром сельского кузнечного производства было село Городище. В 1568 г. «у казны» (т. е. в самом монастыре) у городецкого кузнеца Гриши было куплено 30 топоров²⁰⁵. Тот же «с Городища кузнец» Гриша Ульянов в 1604 г. ковал 50 топоров²⁰⁶, в 1606 г.— 30 топоров²⁰⁷. В 1608 г., когда в белозерский край хлынули банды тушинцев, власти монастыря обратились к городищенским кузнецам за оружием. Гриша сковал для них 124 копыя, а другой городищенский кузнец Исидор — 80 копий и в следующем 1609 г. еще 250 копий²⁰⁸; тот же Исидор в эти два года сковал для монастыря 109 топоров²⁰⁹.

Постоянно обращался Кирилло-Белозерский монастырь к кузнецам села Сязмы, являвшегося, повидимому, небольшим пунктом производства ножей. В 1567 г. сяземским кузнецам Третьяку и Пане было заказано 100 ножей²¹⁰, в 1568 г. Якуне — 50 ножей и Терентью — 130 ножей, последний, кроме того, «подковывал» 210 кочерг²¹¹. Кроме ножей, в Сязме выковывались и другие железные изделия: в 1581 г. там куплено было 100 кос-горбуш²¹², в 1605 г. сковано 43 топора²¹³. Упоминаются даже заозерский кузнец Митя Глухой, которому монастырь заказал в 1582 г. 50 ножей шадренных²¹⁴, боровский кузнец Семен, сделавший в 1568 г. четыре бурава судовых новых и чинивший пять ветчанных²¹⁵, деревенский «зарицкий» кузнец Завьял Кабазников, который в 1581 г. сковал 50 ножей «обышных», в 1604 г.— 20 ножей «мастерских», в 1605 г.— еще 40 ножей, в 1608 г.— 200 ножей ренчатого черенья²¹⁶, волецкий Ермол, делавший в 1609 г. пищали и язык к монастырскому колоколу.

Особо следует отметить местечко Луковец, расположенное недалеко от уломских месторождений болотной руды. В Луковце кузнечное производство было значительно развито в XVI в., судя по тому, что в 1578 и 1591 гг. некто Федор Захарьин с Луковца пожертвовал в Белозерский монастырь 7000 скоб судовых, 7000 гвоздей двоетесных и 5000 однетесных, 100 сох росковных, 200 прутов железа толстых.

Получается довольно яркая картина разбросанных по всему белозерскому краю сельских пунктов кузнечного производства, специализи-

²⁰¹ Об этом в указанной монографии К. Н. Сербиной, стр. 235. Мегорский погост входил не в Белозерский уезд, а относился к заонежским погостам, но он непосредственно граничил с Белозерским уездом. (*Примечание редакции*).

²⁰² Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. ССXXX.

²⁰³ Там же, стр. ССXCII, CCLXXXII, СXCIX.

²⁰⁴ Там же, стр. IXСIX.

²⁰⁵ Там же, стр. СII.

²⁰⁶ Там же, стр. СXLV.

²⁰⁷ Там же, стр. ССXII.

²⁰⁸ Там же, стр. ССXCVI, CCLXXXII.

²⁰⁹ Там же, стр. СCLXXVIII, CCLXXXII.

²¹⁰ Там же, стр. LXXX.

²¹¹ Там же, стр. LXXXI, LXXXIII, LXXXV, LXXXVIII.

²¹² Там же, стр. СIII.

²¹³ Там же, стр. CLXVIII.

²¹⁴ Там же, стр. СXIII.

²¹⁵ Там же, стр. СIII.

²¹⁶ Там же, стр. CLVI, CLXXXII, ССXC, CCLXXXIX.

ровавшихся главным образом на ковке ножей и топоров, но дающих и более квалифицированную продукцию вроде оружия. Среди этой сети деревенских пунктов железоделательного ремесла самый город Белоозеро тоже являлся значительным центром, вырабатывавшим металлические изделия. В Белоозере, так же как в деревнях, выделялись ножи: в 1582 г., например, белозерский кузнец Гриша Ушаков сковал для Кирилло-Белозерского монастыря 50 ножей репчатых²¹⁷. В крупных размерах было поставлено производство гвоздей и скоб. В 1582 г., например, на Белоозере сковали по заказу монастырских властей 9000 гвоздей двоетесных и однетесных и 4½ скобы судовых²¹⁸; в том же году у белозерского кузнеца Нечайка было куплено 5000 гвоздей чешуйчатых²¹⁹ и, сверх того, было приобретено 7500 гвоздей и 2000 скоб судовых²²⁰. В 1603 г. на Белоозере купили 1700 гвоздей двоетесных²²¹, в 1607 г.— 5000 скоб судовых и 2000 гвоздей однетесных²²²; в 1609 г.— 2000 гвоздей двоетесных и 2000 скоб и т. д. Из других железных изделий упоминается производство белозерскими кузнецами железных котлов²²³, кос-горбуш²²⁴. В 1568 г. судовщик Якуня сделал для монастыря шесть буравов больших судовых. Были на Белоозере и квалифицированные мастера, которые делали пищали и станки к пищалам²²⁵.

Развито было кузнечное ремесло и в пригородных белозерских монастырях. В 1582 г. упоминается подмонастырский крестьянин Кирилловского монастыря Тит Лазарев, который сковал 100 ножей²²⁶. В XVI в. работали на Кирилло-Белозерский монастырь ферапонтовские (т. е. из крестьян Ферапонтовского монастыря) кузнецы Петруша, который сковал в 1568 г. 80 ножей²²⁷, и Архип, сковавший в том же году 30 ножей²²⁸, в 1582 г.— Иван, сковавший 100 ножей шадренных с дологами²²⁹, позже, в 1605 г.— Андрей, сделавший 30 ножей²³⁰, и Иван-Пухта, сделавший 30 ножей²³¹.

При всем разнообразии железоделательной продукции белозерского края нельзя не обратить внимание на особенно широкое распространение здесь производства ножей. Этим производством заняты были, как мы видели, мегорские, сяземские и другие сельские кузнецы, городские белозерские кузнецы, кузнецы Ферапонтова и Кириллова монастырей. Действительно, «ножики белозерского кузла» пользовались большой известностью²³². Повидимому, рукоятки этих ножей, деревянные репчатые и шадровые или выделанные из рыбьего зуба, были известны под названием «связни кирилловские», каковые в 1584 г. покупал дальний Соловецкий монастырь²³³.

²¹⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., прилож., стр. СХIII.

²¹⁸ Там же, стр. СХIII, СХХХIII.

²¹⁹ Там же, стр. СХХI.

²²⁰ Там же, стр. СХVII или СХVIII.

²²¹ Там же, стр. СХХХVIII.

²²² Там же, стр. ССLVI.

²²³ Там же, стр. CVII, 1581 г.

²²⁴ Там же, стр. ССLVI, 1607 г.

²²⁵ Там же, стр. CLXVII или CLXVIII, СХСIX, СLXV.

²²⁶ Там же, стр. СХII.

²²⁷ Там же, стр. LXXXIX, ХСII.

²²⁸ Там же, стр. ХСIX.

²²⁹ Там же, стр. СХХV.

²³⁰ Там же, стр. СLXXXII.

²³¹ Там же, стр. СLXV.

²³² Там же, стр. ССХХIII.

²³³ ЦГАДА. Солов., № 211, 1584, л. 52. Ср. «ножи связанные» — там же, № 9, л. 65. Во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря — ЛОИИ. Собр. рукоп. книг, № 1074, л. 373 об.: «двой связни, один рыбей зуб, другие репейчатые».

О других железоделательных районах в XVI в. сведения наши гораздо более скудны. Упоминание о «ножишках калужских», проданных Чудовым монастырем в Москве в 1585 г., свидетельствует о том, что руда калужского края способствовала и здесь развитию ножевого ремесла и что продукция калужских ножевников была широко распространена²³⁴.

Несомненно, что началась также не только разработка руд в Пермском крае, но и выделка железных изделий, а именно ножей «пермских» и особенно так называемых «угорских», получивших под этим названием широкое распространение по всему Русскому государству. В 1586 г., например, для Болдина-Дорогобужского монастыря были куплены в Москве «ножи угорские» с костями в хазевых ножнах²³⁵, там же в 1598 г. для Вологодского Прилуцкого монастыря — «ножики угорские» и вторично там же или в Вологде — «ножи угорские»²³⁶. Мы находим также два ножа угорских у приказчика Покровского девичьего монастыря в Вологодском уезде²³⁷. Попадали ножи из Приуралья и на далекую периферию: в 1603 г. москвитин Докучайка Семенов повез «в Сибирские города» всякого «железного товару», в том числе бочку ножей угорских и 100 ножей пермских²³⁸.

б) РАЙОНЫ МЕДНОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА

У нас нет сведений о добывании меди в Русском государстве в XVI в. Поэтому крупное меднолитейное дело могло возникнуть только в тех пунктах, где имелись большие запасы привозной меди. Это, во-первых, Москва, куда как в политический и хозяйственный центр страны привозилась в первую очередь медь, приходившая из-за границы. Медь продавали пудами в московских рядах. В 1587 г. старцы Болдина монастыря купили в ряду 17 пудов меди колокольной по 2 рубля с гривной за пуд для благовестного колокола, который предполагалось перелить²³⁹. В Москве еще при Иване III возник большой меднолитейный завод — Пушечный двор, предназначенный главным образом для изготовления артиллерии. Эта деятельность Пушечного двора, разумеется, не была связана с рынком и поэтому не подлежит нашему рассмотрению. Но на Пушечном дворе существовала мастерская колокольного дела, которая обслуживала не только потребности двора, но и сторонних заказчиков. Частные лица, желавшие сделать пожертвование в монастырь или церковь, могли покупать готовые колокола у «государя царя на Пушечном дворе у диаков»²⁴⁰. В 1552 г., например, Кирилло-Белозерский монастырь купил в Москве колокол «к монастырскому красному колоколу, а в нем 11 пуд», заплатив за него 23½ рубля²⁴¹.

Государевы «колокольные литцы», состоявшие на государевой службе, работали и на сторону, по заказам главным образом церковных учреждений. В 1587 г. для Болдина монастыря с разрешения царя «переливали [колокол] государевы колокольные литцы»; повидимому, за эту

²³⁴ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 6 об.

²³⁵ РИБ, т. XXXVII, стб. 40.

²³⁶ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 968, лл. 25, 35.

²³⁷ АЮ, № 46, 1579.

²³⁸ ЛОИИ. Акты Археографической комиссии, № 106 (по описанию А. И. Андреева — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 224).

²³⁹ РИБ, т. XXXVII, стб. 16—17, 64.

²⁴⁰ «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4. «Пятницкая и Введенская церковь в Сергиевом посаде Московской губернии», стр. 28.

²⁴¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 175.

работу «дали государеву колокольному лицу Ивану Офанасьеву на кофтан рубль денег, как он лил благовестный колокол к Троице»; и Ивану Гладышеву «от колокольного чищенья» — 2 гривны²⁴². В том же году «чистил литец колокольной два колокола немецкие малые» для Никольского монастыря, в подмосковной вотчине того же монастыря колокольному мастеру «от чищенные» дали 4 алтына²⁴³. Ивану Афанасьеву было дано 4 аршина английского сукна, стоившие рубль с гривной, за уже упомянутую выше работу, «как он лил к Троице в пустыню благовестный колокол по государеву приказу»²⁴⁴. Особо оплачивался труд «мастера» «от потписки колокольной», т. е. литья надписи на колоколе²⁴⁵. В Кирилло-Белозерском монастыре в 1607 г. московский колокольник Игнатий отлил два колокола в 280 и 30 пудов²⁴⁶.

Таким образом, царская колокольная мастерская обслуживала такие далеко отстоявшие одна от другой области, как дорогобужскую на западе и Белозерье на севере. Но нельзя не заметить, что работа Пушечного двора на рынок была ограничена, так как в первую очередь на нем выполнялись заказы самого царя. Вероятно, производство крупных работ на сторону допускатось, как видно на примере Болдина монастыря, лишь с разрешения («по приказу») царя.

Поэтому гораздо большее значение имел другой центр колокольного литья — Псков.

В Пскове, вследствие близости к балтийским портам, всегда имелись значительные запасы меди и олова. В Пскове медь даже скупалась на казенные надобности²⁴⁷. Сравнительно легкая возможность снабжения сырьем объясняет развитие в Пскове колокольного дела. В XVI в. известностью во всей стране пользовались мастера бывший священник Похвальской церкви Михаил Андреев²⁴⁸, после которого работали его сыновья Матвей и Кузьма, «Михайловы дети», Тимофей Андреев, которого некоторые исследователи считают братом Михаила, его ученик Прокофий Григорьев, Кузьма Васильев, Логин Семенов, Василий Иванович Буйносов, Юрий Ульянов. Псковские мастера работали не только на Псков и соседний с ним Печерский монастырь, но и на всю страну. Большой колокол Софийского собора Новгорода, слитый в 1555 г. «повелением» архиепископа новгородского Пимена, был произведением сыновей Михаила Андреева²⁴⁹. Сам Михаил Андреев, «мастер псковитин», отлил в Пскове колокол, заказанный знаменитым священником Сильвестром и его сыном Анфимом для Кирилло-Белозерского монастыря; кроме того, в Кирилло-Белозерском монастыре было еще два колокола, сделанных «мастерами псковичами» в 1561 и в 1569 г., — первый

²⁴² РИБ, т. XXXVII, стб. 64, 68.

²⁴³ Там же, стб. 65.

²⁴⁴ Там же, стб. 81.

²⁴⁵ Там же, стб. 23.

²⁴⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. 175.

²⁴⁷ ДАИ, т. I, № 112, 1556.

²⁴⁸ В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев. — «Новгородский истор. сборник», вып. 2, Л., 1937. Мне не представляются убедительными соображения В. А. Богусевича о том, что Михаил Андреев был внуком Аристотеля Фиоравенти только на основании совпадения имени его отца с именем сына Аристотеля Фиоравенти; не убеждает в этом и «итальянская основа... литейного искусства» Михаила Андреева. Не считаю я возможным согласиться и с тем, что производство колоколов больших размеров, отмечаемое в Пскове в XVI в., явилось следствием привнесения усовершенствованной техники колокольного дела со стороны. Правдоподобнее, что мы имеем в данном случае результат повышения техники местного псковского ремесла, происшедшее самостоятельно в XVI в.

²⁴⁹ В. А. Богусевич. Указ. соч., стр. 94.

В. И. Буйносовым и Юрием Ульяновым, второй — Кузьмой Васильевым и Логином Семеновым²⁵⁰. В Болдином-Дорогобужском монастыре в 1585 г. имелся «колокол малой псковской»²⁵¹. Неизвестно, этот ли или другой «старой... колокол Еуфимьевы купли псковские» был в следующем году обменян в Москве на новый²⁵². В 1532 г. колокол для Архангельского собора в Рязани делали псковские мастера²⁵³. Наконец, и Соловецкий монастырь делал крупные заказы колокольным мастерам Пскова²⁵⁴.

Приведенные факты с полной убедительностью показывают широкое распространение продукции колокольных мастерских Пскова по всему государству, начиная с Крайнего Севера (Соловки) и до южной границы (Рязань).

в) РАЙОНЫ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Районы, специализировавшиеся на выделке кожевенных товаров, не поддаются точному учету, так как кожевенное производство было распространено почти во всех городах и во многих сельских местностях, и нам трудно определить в каждом отдельном случае, насколько широка была территория, которую оно обслуживало. Например, кожевенное производство достигало больших размеров в Волоколамске, и Иосифо-Волоколамский монастырь постоянно обращался с заказами к местным кожевникам и овчинникам, но это еще не означает, чтобы на общерусском рынке волоколамские кожевенные товары играли более или менее видную роль.

Торговая книга отмечает как район выработки «нарочитой» дубленой кожи Вологду: «дубленую кожу купят на Вологде по 20 алт. нарочитую»²⁵⁵. Действительно, в Вологде закупались различные сорта кожи для северного Поморья. Например, Соловецкий монастырь вывез из Вологды в 1600 г. 107 юфтей²⁵⁶ кож красных и белых, 3 юфти тимов красных, 6 юфтей баранов красных, 250 опойков белых, 204 кожи задубных и 400 рукавиц «верхниц телятинных»²⁵⁷; в 1607 г. — 211 кож задубных, 310 кож сырых, 127 опойков деланых, 3 сорока рукавиц кожаных, 4 юфти тимов черных, 4 барана и 75 подхомутников белых и красных, всего более чем на 290 рублей²⁵⁸; в 1608 г. — 200 кож задубных, 103 сырых, 85 телятин молодых, 79 опойков деланых, 20 юфтей телятин красных, 4 юфти тимов красных, 5 юфтей баранов красных и черных и 5 сороков рукавиц²⁵⁹; в 1611/12 г. — 28 юфтей кож красных, 259 кож сырых яловичных, 275 кож сырых молодых выростков, 290 опойков, 250 кож задубных и 200 рукавиц барановых, телятинных и уресчатых²⁶⁰. В соседстве с Вологдой Галич славился своей юфтью; Прилуцкий монастырь в 1606 г. купил «юфть галецкую белую» и в 1607 г. 2 юфти да кожу белые «галецкие».

²⁵⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. 173—174.

²⁵¹ РИБ, т. XXXVII, стб. 52.

²⁵² Там же, стб. 52.

²⁵³ «Сведения о русских мастерах XVII и начала XVIII в.» — «Известия Археологического общества», т. III, вып. 1, СПб., 1881, стр. 216.

²⁵⁴ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального, первоклассного Соловецкого монастыря, ч. 1. М., 1836, стр. 230—232.

²⁵⁵ «Сборник Муханова», стр. 371.

²⁵⁶ Юфть — пара. Юфтью, правильнее юхтью, называлась, кроме того, сапожная кожа, выработанная на чистом дегте (юхотный товар). (Примечание редакции).

²⁵⁷ ЦГАДА. Солов., № 8, лл. 20 об., 22, 22 об.

²⁵⁸ Там же, № 11, л. 50, 50 об.

²⁵⁹ Там же, лл. 79 об.—80 об.

²⁶⁰ Там же, № 429, лл. 143—144 об.

Среди вологодских покупок Соловецкого монастыря упоминаются «рукавицы костромские», что дает основание полагать, что на Костроме тоже было развито кожевенное производство. Через Вологду костромские рукавицы распространялись к северу до Холмогор. В 1597 г. Николо-Корельский монастырь, расположенный недалеко от Холмогор, купил 108 рукавиц костромских²⁶¹.

В XVII в. Ярославль наводнит выделанными кожами, сапогами и башмаками мужскими, женскими и «робячьими» всю страну от Смоленска на западе до Енисейска и Якутска на востоке. В XVI в. еще далеко до этого, но уже можно отметить признаки начавшегося развития в Ярославле кожевенного производства. Ченслер в середине столетия называет кожи на первом месте среди товаров, поставляемых Ярославлем²⁶². О развитии сапожного ремесла говорит тот факт, что в первые годы XVII в. Соловецкий монастырь выписывает из Ярославля сапожное шилье. Характерно, что работавший в том же монастыре в 1583 г. «чоботный шваль» был родом ярославец²⁶³. Ярославль уже снабжал в XVI в. кожами и кожевенными изделиями другие области. Старец Антониева-Сийского монастыря в 1580 г., «едучи с Москвы», приобрел в Ярославле две пары сапог²⁶⁴. Кирилло-Белозерский монастырь купил в 1582 г. в Ярославле 7 юфтей кож баранов красных, 120 пар рукавиц, 11 седел людских с снастями, 10 снастей седельных, 32 узды сыромятных, 36 похв, 8 передовиков, 10 подпруг задних²⁶⁵; в 1607 г.— 30 юфтей баранов красных и 100 рукавиц²⁶⁶. Соловецкий монастырь тоже покупал в 1581 г. в Ярославле кожи и рукавицы²⁶⁷. В таких сравнительно очень скромных размерах возникло ярославское кожевенное производство, которому предстояло в следующем столетии занять столь крупное место на зарождавшемся всероссийском рынке.

Подобно Ярославлю, в XVII в. Новгород являлся крупным поставщиком кож, в частности для экспорта в Прибалтику и Швецию. Зарождение здесь значительного центра кожевенного производства следует отнести к XVI в.

Англичане называют кожи среди предметов новгородского вывоза в XVI в. Голландец Салинген, приезжавший в Новгород в 1566 г., вел переговоры с местными торговцами кож о доставке их товаров к гаваням Кольского полуострова, куда за ними могли бы приехать голландские корабли²⁶⁸. Сами новгородцы в царствование Ивана IV вывозили кожи морем в бусах в Кольвань (ныне Таллин); так, среди товара, взятого кольванцами «грабежом» с бусы у сына новгородского купца Степана Давыдова Шушпана Митьки, было 1000 кож сырых и 5000 баранов красных²⁶⁹.

Все это показывает, что в Новгороде в изучаемую эпоху кожевенное производство было очень развито. По подсчету А. В. Арциховского, в новгородских писцовых книгах 1580-х годов упоминается 427 кожевников, 19 ирошников, восемь тимовников, два телятника, один опонечник и

²⁶¹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 967, л. 14.

²⁶² «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», М., 1938, стр. 56.

²⁶³ ЦГАДА. Солов., № 211, л. 4.

²⁶⁴ ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 99 об.

²⁶⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CVIII, CXII, CXXVI.

²⁶⁶ Там же, стр. CCLXI.

²⁶⁷ ЛОИИ. Солов., № 422, л. 115.

²⁶⁸ А. И. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI в.— «Литературный вестник», 1901, т. I, стр. 300.

²⁶⁹ РИБ, т. XV. Русские акты Ревельского городского архива, № 34.

один мячник, всего 458 человек, занятых выделкой различных сортов кож²⁷⁰. В Новгороде была целая слобода Кожевники, расположенная «за городом» в виду специфики кожевенного производства, требовавшего применения проточной воды, но и отравлявшего и делавшего ее негодной для питья. В 1545 г. в Кожевниках сгорело 196 дворов, что свидетельствует о значительных размерах этой слободы²⁷¹. «Кожа новгородская» была предметом торговли с другими русскими областями. В 1580 г. Соловецкий монастырь купил у одного белозерца «телятин красных новгородских» на 3 рубля 7 гривен, в 1587 г. у одного новгородца — 13 юфтей кож красных²⁷²; в 1589 г. — 10 опойков²⁷³, в 1610 г. — 10 юфтей²⁷⁴; Тихвинский монастырь в 1591 г. — 15 кож белых и красных²⁷⁵, тим²⁷⁶ и 16 кож из-под седла²⁷⁷.

В Новгороде же изготовлялись всевозможные изделия из кожи. А. В. Арциховский насчитал в нем в 1580-х годах 427 ремесленников, изготовлявших различные виды обуви (390 сапожников, 17 подошвенников, 14 поршенников и шесть голенищников), 154 человека, изготовлявших рукавицы и вареги (112 рукавичников²⁷⁸ и 44 варежника), 64 ремесленника, 35 седельников, 43 торочечника²⁷⁹, трех плетников и одного кнутника. К ним следует присоединить 79 человек, занятых изготовлением сумок, мошен и калит, которые тоже делались преимущественно из кожи. Таким образом, в писцовых книгах упоминается 806 ремесленников, работавших по производству кожаных изделий.

Все эти ремесленники обслуживали в первую очередь потребности населения Новгорода, одного из самых многочисленных русских городов XVI в. Но кожаные изделия новгородских мастеров встречали спрос и в других местах. Это особенно касается рукавиц и кожаной сбруи. Дальний Николо-Корельский монастырь покупал «рукавицы новгородские» в 1554 и 1559 гг.²⁸⁰; Тихвинский монастырь приобрел в Новгороде в 1591 г. 49 рукавиц (в том числе 14 ловецких)²⁸¹. Тот же монастырь купил в Новгороде в 1590 г. две шлеи ременных, восемь снастей седельных, 70 подхомутников белых, гужи ременные и 13 плетей²⁸².

То обстоятельство, что кожи и рукавицы новгородского производства фигурируют в документах под специальным названием «новгородских», свидетельствует об их качестве и о выдающемся месте, которое они занимали на рынке XVI в.

²⁷⁰ А. В. Арциховский. Новгородское ремесло.— «Новгородский истор. сборник», вып. 6, Новгород, 1939. Метод учета, к которому прибегает А. В. Арциховский, не дает точного числа ремесленников на определенное время. Он подсчитывает всех ремесленников, живущих в данном году или раньше живших в Новгороде (умерших или ушедших), которых называют писцовые книги 1582—1586 гг. и лавочные книги 1582/3 г. Помимо одновременности этих данных, многие из которых касаются времени до 1570 г., при этом неизбежны и повторения, так как в лавочных книгах могут повторяться имена лиц, уже названных в писцовых книгах. Тем не менее подсчет этот дает относительно верное общее представление о Новгороде второй половины XVI в.

²⁷¹ ПСРЛ, т. IV, вып. 3, Л., 1929, стр. 618, 619.

²⁷² ЦГАДА. Солов., № 424, л. 16 об.

²⁷³ Там же, № 212, л. 18.

²⁷⁴ Там же, № 217, л. 168 об.

²⁷⁵ ЛОИИ. Тихв., № 1, л. 63 об.

²⁷⁶ Там же, л. 162.

²⁷⁷ Там же, л. 171 об.

²⁷⁸ Относительно рукавичников следует сделать оговорку, что наряду с кожаными рукавицами «верхницами» выделывались и вязаные «кисподки».

²⁷⁹ Торока — ремешки, а не тесемки, как полагал А. В. Арциховский.

²⁸⁰ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 935, лл. 26, 52 об.

²⁸¹ ЛОИИ. Тихв., № 1, лл. 63 об., 162, 163 об.

²⁸² Там же, лл. 6, 44 об., 163 об., 165 об., 171 об.

О широком развитии новгородской торговли кожевенными товарами можно судить по наличию в Новгороде в 1580-х годах двух кожевенных рядов, одного тимовного, трех сапожных, одного ременного, одного сумочного²⁸³. Кроме того, упоминаются ряды сыромятный и ирошный, но тот и другой, повидимому, уже не существовали к этому времени, и память о них сохраняла только лавка «всех рядович сыромятного ряду»²⁸⁴ и амбар ирошного ряду рядовичей, стоявшие на территории ременного ряда²⁸⁵. Сумочный ряд тоже фактически слился с сапожным. В 1612 г. существовал особый рукавичный ряд. В 1583 г. во всех перечисленных рядах считалось 299 лавок, 10 прилавков и три амбара, всего 312 торговых помещений, не считая двух полков²⁸⁶. Некоторые из них пустовали, но постепенно сдавались на оброк новым владельцам. Торговали в этих рядах преимущественно кожевники, сапожники, подошвенники, ремесленники (в ряду ременном), сумочники, несколько шаровников и рукавичников; упоминается один торочечник. Любопытно, что здесь же пристраивались и работники по железу, которые специализировались по металлическим изделиям, употреблявшимся в сапожном производстве, — гвоздичник и скобочник. Но, как и в других рядах, были лавки, занятые лицами, не имевшими ничего общего с основными профессиями названных рядов.

Можно с уверенностью сказать, что кожевенное производство существовало в достаточно крупных размерах в Можайске и что продукция местных кожевников выходила за пределы города. По писцовым книгам 1595—1598 гг., из 143 собственно ремесленников в Можайске числилось 63 человека (т. е. более 43%), занятых в кожевенном производстве (13 кожевников, два сырейщика, сыромятник, шесть гладильщиков и зольник, т. е. 23 человека, занятых обработкой кожи; 33 сапожника, шаровник, башмачный мастер, два подошвенника и три рукавичника, т. е. 39 человек, выделывавших изделия из кожи)²⁸⁷.

Кроме того, среди 58 известных нам ремесленников, бывших владельцев опустевших дворов, было два кожевника, телятник, три гладильщика, клеельник (профессия, тесно связанная с кожевенным производством), 10 сапожников, подошвенник, мошеник, т. е. 20 человек, работавших по коже²⁸⁸.

В Можайске на Москве-реке в 1590-х годах была расположена целая Кожевичья слобода, состоявшая из 18 дворов, в которых, наряду с не-

²⁸³ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», под ред. С. В. Бахрушина, М., 1930.

²⁸⁴ Там же, стр. 61.

²⁸⁵ Там же, стр. 59.

²⁸⁶ В ременном ряду — 46 лавок, пять прилавков, амбар («Лавочные книги», стр. 58—62). В двух кожевенных — 65 лавок и лавочных мест и два амбара (не считая лавок и амбаров веревочников) (там же, стр. 41—45). В тимовном ряду — 35 лавок, не считая мест, отданных рыбакам (там же, стр. 46—49). В трех сапожных рядах — 131 лавка, три амбара на пяти лавках (которые я причисляю к лавкам), четыре прилавка, два полка и 17 лавок и один прилавок сумочников (там же, стр. 29—41).

²⁸⁷ Я воспользовался подсчетом, сделанным Н. Д. Чечулиным (указ. соч., стр. 170—171 и 181—182), откинув цифры пищевиков, торговцев и людей свободных профессий и объединив сведения о посадских и монастырских людях и внеся в этот подсчет некоторые исправления по печатному изданию писцовой книги в издании «Об-ва любителей древней письменности», вып. 102.—«Можайские акты», СПб., 1892.

²⁸⁸ «Можайские акты», стр. 27—33. Список далеко не полон, так как профессии умерших или ушедших дворовладельцев указываются в виде исключения, но все-таки он дает некоторое представление об их составе.

сколькими другими посадскими людьми, проживали шесть кожевников, три гладильщика, подошевник и сырейщик²⁸⁹.

Рядом с Кожевничьей слободой у устья речки Можайи жили гладильщик и кожевник и на берегу Москвы-реки еще один кожевник. Но дворы работников по коже были разбросаны и по другим частям города. Например, на Настасьинской улице из четырех дворов два принадлежали сапожникам и один сыромятнику; два сапожника жили в переулке, шедшем к Настасьинской улице от речки Можайи²⁹⁰. Во время нашествия интервентов на Можайск в 1612—1613 г., по очень неполным данным, было уничтожено пожаром 15 дворов работников по коже (четыре кожевников, сушильщика, опоечника, шести сапожников и трех рукавичников)²⁹¹.

На Можайском торгу кожевенные товары занимали видное место. Торговля ими шла официально в трех рядах: двух подошевных, старом и новом, и в сапожном, в которых считалось 24 торговых помещения, по размерам соответствовавших 26½ лавкам²⁹², или 11% всех зарегистрированных лавок. Кроме того, раньше существовал старый седельный ряд, который к 1590-м годам запустел²⁹³.

Можайские кожевники выделывали на продажу самые разнообразные сорта кож: красные яловичные и коневые кожи, боранцы красные и белые, коровятины — специальный подошевный товар (хозы или кзы подошевные, белые жеребьячи кожицы и т. п.) и, наконец, ирхи — род замши. О качестве их работы говорит то обстоятельство, что из Волоколамского монастыря специально посылали сырые кожи в Можайск для их обработки. Так, в 1579 г. с сапожным мастером Петрушкой было послано 2 рубля в Можайск «дати могольца (т. е. заработную плату) от 12 кож коневых, да от 4-х яловичных да от боранцов»²⁹⁴; в 1581 г. старец Леонтий во время поездки в Можайск «выкупил из дела» (т. е. оплатил работу) 15 кож и 50 опойков, заплатив «от дела» 2 рубля без 5 алтын²⁹⁵.

Для нас важно отметить, что кожевники в Можайске работали не только на местный городской рынок, но и на вывоз. Впрочем, район, охватываемый кожевенным производством Можайска, по понятным причинам был неширок. Покупателями выступают не особенно отдаленные от Можайска монастыри Волоколамский и Болдин-Дорогобужский. Из Волоколамского монастыря в 1579 г. послали в Можайск 10 рублей на покупку красного и белого подошевного товара²⁹⁶ и в 1580 г. «на красный товар и на подошвы» и т. д. — 8¾ рубля²⁹⁷; в 1581 г. из того же монастыря ездил в Можайск старец Леонтий и купил подошевного товара пять кож целых и 20 урезков; кроме того, в несколько приемов было куплено 28 юфтей красного товара, 7 юфтей баранов белых, 39 коровятин, 3 десятка ирх, 8 хозов подошевного товара²⁹⁸; в 1588 г. — 50 коровятин, 3 десятка ирх, 4 «боранца»²⁹⁹; в 1589 г. — 20 юфтей

²⁸⁹ «Можайские акты», стр. 25—26.

²⁹⁰ Там же, стр. 25.

²⁹¹ Там же, стр. 70—79. Занятия владельцев сгоревших дворов указаны только в 40 случаях; из них 30 человек были ремесленники (в том числе, как указано в тексте, 15 работавших по коже), восемь пищевиков, один торговец солью и один источник.

²⁹² «Можайские акты», стр. 37—38.

²⁹³ Там же, стр. 41.

²⁹⁴ ЛОИИ. Волоч., № 3, л. 132 об.

²⁹⁵ Там же, № 4, л. 93 об.

²⁹⁶ Там же, № 3, л. 108 об.

²⁹⁷ Там же, лл. 95, 147.

²⁹⁸ Там же, № 4, лл. 89, 93 об., 126.

²⁹⁹ Там же, № 6, лл. 178—178 об.

красного товара, 3 десятка ирх, 53 коровятины³⁰⁰; в 1592 г.— 37 юфтей кож красных, 8 бараньих, 40 коровятин, 4 хоза, 24 ирх и подошвенного товара³⁰¹; в 1601 г.— 22 юфти красных яловичьих и коневых кож, 4 барана красных, 10 юфтей кожиц жеребьих белых на подошвы, 2 кожи ялови- чьих, 10 юфтей гзов, 45 коровятин и, кроме того, еще было послано 10 рублей на подошвенные хозы и на красные и белые юфти³⁰² и т. д.

Другой соседний монастырь — Болдин-Дорогобужский покупал в Можайске ирхи: в 1586 г.— 10 ирх³⁰³, в 1599 г.— 37³⁰⁴, в 1600 г.— 30³⁰⁵.

Можайчи сами развозили кожевенные товары в соседние местности. В 1589 г. Волоколамский монастырь приобрел у можаитина Афонася 13½ юфтей красного товара, 4 юфти подошвенных кож, коровятину и 2 боранца красных на 8 р. 5 алт. 8 д.³⁰⁶

Таким образом, Можайск как центр кожевенного производства имел свой, правда, не обширный, рынок, который он снабжал лучшего каче- ства кожами.

Дон-Хуан персидский, посетивший Россию в 1599—1600 г., сообщает, что в Муроме, через который он проезжал, «главный промысел — дубле- ние бычачьих кож» и что при каждом доме имеется колодец для смачи- вания кож; к этому он присовокупляет ряд сказочных подробностей³⁰⁷. Косвенно подтверждает эти сообщения ходатайство посла одного из среднеазиатских владетелей в 1589 г. о разрешении ему купить именно в Муроме 200 юфтей кож мостовых³⁰⁸. Этим ограничиваются сведения о Муроме как о центре кожевенного производства.

г) РАЙОНЫ ВЫДЕЛКИ СУКНА

Потребность населения в дешевых сермяжных белых и черных сук- нах, вальных и невальных, удовлетворялась всюду на месте деревен- ским производством. Поэтому специализацию можно усмотреть только в отношении более высокого качества сукон, а именно предназначавшихся для одежды монахов многочисленных монастырей.

Производство сукон высшего качества для монашеской одежды и самой монашеской одежды, а также ниток и середи было связано с Троице-Сергиевым монастырем под Москвой. «Суконце троицкое» имело повсеместный спрос в высших кругах черного духовенства. В 1568 г. суконце троицкое было куплено за 1½ рубля в Угличе для Кирилло- Белозерского монастыря³⁰⁹. В 1588 г. в Соловецком монастыре было приобретено 3 аршина суконца троицкого «на братцкие шапки»; в 1592 г. троицкое суконце было куплено «на сфитку» для Волоколамского мона- стыря³¹⁰, в 1607 г. волоколамский игумен купил 1 аршин сукна троиц- кого³¹¹. Суконца эти ценились в XVI в. дорого — 5 копеек за аршин и,

³⁰⁰ ЛОИИ. Волок., № 7, л. 81.

³⁰¹ ЦГАДА. Волок., № 10, лл. 55, 81.

³⁰² Там же, № 15, лл. 59, 122.

³⁰³ РИБ, т. II, стб. 300.

³⁰⁴ Там же, т. XXXVII, стб. 140.

³⁰⁵ Там же, стб. 171.

³⁰⁶ ЛОИИ. Волок., № 7, л. 61 об.

³⁰⁷ «Из рассказов дон-Хуана Персидского. Путешествие посольства через Россию в 1599—1600 гг.», перев. с исп. С. Соколова.— «Чтения ОИДР», 1899, кн. 1, стр. 11.

³⁰⁸ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, Л., 1932, стр. 102.

³⁰⁹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. XXXVIII.

³¹⁰ ЦГАДА. Волок., № 10, л. 61.

³¹¹ Там же, № 16, л. 110.

как видно из приведенных данных, покупались небольшими кусками, по-видимому, для шапок. Точно так же и «манатьи» и «ряски троицкие» были в употреблении преимущественно у монастырской знати. Троицкая мантия была, например, у игумена Антониева-Сийского монастыря Питирима³¹², у монахини княгини Тутаевской в Горичком монастыре на Белоозере³¹³. О покупке «манотьи сукно троицкое» упоминается в расходных книгах Антониева-Сийского монастыря³¹⁴. Вологодский Прилуцкий монастырь тоже в одном случае приобрел мантию и ряску «троецкое». «Ряски троицкие» охотно принимались монастырями в виде вкладов, как видно из вкладных книг Федоровского монастыря в Переяславле-Залесском и Рождественского в Кандалакше.

Наряду с одеждой выделялись и клобуки троицкие, которые встречаются и в Волоколамском монастыре³¹⁵, и в Кирилло-Белозерском³¹⁶, и в Прилуцком³¹⁷, и в Соловецком³¹⁸.

Большой спрос имели «пояски черные», тоже входившие в состав монашеской одежды. Волоколамский монастырь в XVI в. покупал их и у Троицы и в Москве³¹⁹. Для Кирилло-Белозерского монастыря в 1568 г. было куплено на Москве 18 мотков поясков троицких³²⁰. Такой же спрос имели троицкие нити «черные братские»³²¹, очевидно, шерстяные. Волоколамский монастырь постоянно посылал деньги в Москву на покупку нитей троицких³²². Соловецкий монастырь купил в 1606 г. в Москве «серяди троецкие 39 мотков»³²³.

Наряду с троицкой «середью» спрос имела и «московская серядь шитья», каковой Соловецкий монастырь в 1600 г. приобрел на Вологде 426 мотков (2540 сажень), в 1608 г.—700 мотков³²⁴.

Упоминаются в продаже и «свитки московские»³²⁵, но возможно, что под ними подразумевали те же троицкие произведения.

Мы не знаем, как было организовано производство сукон и суконных изделий в Троице-Сергиевом монастыре, однако вероятнее всего, что монастырь не ограничивался производством в собственной вотчинной мастерской, но выступал также в качестве скупщика крестьянской продукции. Монастырь во всяком случае сам торговал сукном. В 1603 г. соловецкий игумен по дороге в Москву купил два куска сукна троицкого у Троицы³²⁶. Возможно, однако, что на рынок поступали под названием «троицких» не только монастырские изделия, но и крестьянские из районов, прилегающих к монастырю. В пользу такого предположения говорит то, что аналогичные товары в большом количестве продавались в Москве.

В западной части государства наиболее крупным районом производства сукон был Можайский уезд. «Можайские сукна» выделялись,

³¹² «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 17.

³¹³ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. ХСVII.

³¹⁴ ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 115.

³¹⁵ ЛОИИ. Волок., № 4, л. 58, 1582 г.

³¹⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. LXXXIII, 1568.

³¹⁷ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 141, л. 15.

³¹⁸ ЛОИИ. Солов., № 217, л. 45 об.

³¹⁹ ЛОИИ. Волок., 1581 г., № 4, лл. 97 об., 122; 1589 г., № 7, л. 88; № 2, 1573 г., л. 91.

³²⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. LXXXVII.

³²¹ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 91, 1573 г.; № 7, л. 88, 1589 г.

³²² ЛОИИ. Волок., № 3, л. 110, 148 об., 1580 г.

³²³ ЦГАДА. Солов., № 426, л. 8.

³²⁴ Там же, № 426, л. 8; № 8, л. 21 об.

³²⁵ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 951, л. 8 об., 1587 г.

³²⁶ ЦГАДА. Солов., № 425, л. 3.

повидимому, главным образом в деревнях. По крайней мере в 1591 г. старец Болдина монастыря Саватий и слуга Фома Огафиев, взяв «на сукна на можайские» 30 рублей, купили 870 аршин сукон манатейных и ряслиных братских, «едучи с Москвы к Можайску», т. е., очевидно, по пути³²⁷. Можайская таможенная грамота, подтвержденная в 1613 г., говорит о привозе сукна в город из уезда: «А хто привезет сукно сермяжное Можайскова уезду»³²⁸. Насколько ценились «можайские сукна», видно из того, что в 1588 или 1589 г. из Волоколамска было послано строителю Ипатьевского монастыря в Костроме старцу Гурию в подарок два «сукна можайских» на мантию и ряску, стоимостью в 1 р. 30 алт. То обстоятельство, что сукна эти обозначались термином «можайские», свидетельствует, что современники выделяли их как специальность ремесленного производства данного района.

Соседние монастыри не только охотно покупали сукна у можаичей, но и посылали регулярно в Можайск своих купчин для покупки «сукон братских манатейных и рясожных и свиточных». Волоколамский монастырь в 1573 г. купил у можаичей четыре сукна серых и два черных³²⁹, в 1574 г. — 20 аршин сукна черного (по 1 алтыну) и 18 аршин серого по 4 деньги³³⁰. Но как общее правило, в Можайск от монастыря ездили старцы для производства закупок «можайских сукон». В 1576 г. они купили 82 сукна³³¹. В 1581 г. для монастыря в Можайске было куплено в два приема 218 сукон на 172 р. 85 к.³³² и нитей черных на 7 гривен; в 1588 г. — 106 сукон и снова нитей черных³³³; в 1589 г. — 122 сукна и нитей черных³³⁴; в 1592 г. — 98 сукон «братских» на 68 р. 19 алт. 2 д.³³⁵; в 1601 г. казначей старец Иосиф «привез, купив», 75 сукон на 52 р. 30 алт.³³⁶; в 1602 г. снова «по сукно ездили»³³⁷.

Такие же закупки регулярно производил и другой соседний с Можайском монастырь — Болдин-Дорогобужский. В 1586 г. оттуда ездил в Можайск дьякон Феоктист «купити сукон на братью» и приобрел 1195 аршин на 40 р. 3 д.³³⁸; в 1591 г. куплено было 870 аршин на 30 рублей; в 1593 г. опять произведена была «суконная покупка в Можайску», но размеры ее неизвестны; в 1599 г. куплено было 670 аршин на 27 р. 2 алт. и в 1600 г. — 13 336 аршин на 50 р. 2 алт.³³⁹.

Из западных районов государства сермяжное сукно вырабатывала еще Ржева; по крайней мере в одной правой грамоте упоминается на холопе «платье сермяга бела ржевская»³⁴⁰. Волоколамский монастырь в 1588 г. купил сермягу у одного зубчанина³⁴¹. Но других сведений о широком распространении белых ржевских сукон у нас нет.

В Заволжье центром продажи сукон была Вологда. В запасах Антониева-Сийского монастыря в 1556 г. было 450 локтей вологодского

³²⁷ РИБ, т. XXXVII, стб. 93.

³²⁸ ЦГАДА. Город. книги по Устюгу, № 1, л. 133 об.

³²⁹ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 105—105 об.

³³⁰ Там же, № 2, л. 213.

³³¹ Там же, № 1028, лл. 114, 115.

³³² Там же, л. 89, 108 об.

³³³ Там же, № 6, л. 178—179 об.

³³⁴ Там же, № 7, л. 81.

³³⁵ ЦГАДА. Волок., № 10, л. 81.

³³⁶ Там же, № 15, л. 59.

³³⁷ Там же, № 12, л. 47.

³³⁸ РИБ, т. II, № 102, стб. 300.

³³⁹ Там же, т. XXXVII, стб. 189, 140, 171—172.

³⁴⁰ И. Кильбургер. Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. Киев, 1915, примеч., стр. 279.

³⁴¹ ЛОИИ. Волок., № 6, л. 198.

сукна³⁴². Соловецкий монастырь вывозил ежегодно значительное количество сукон из Вологды³⁴³, например, в конце XVI в. сукон сермяжных 116¹/₄ аршина, в 1600 г.— 803 аршина сукон белых и черных и 52 аршина сукна для свиток³⁴⁴. Надо думать, что самое производство сукон сосредоточивалось в селах, и что вологодские торговые люди в качестве скупщиков являлись посредниками между производителями и потребителями. Кирилло-Белозерский монастырь постоянно обращался в окрестные села для топтанья монастырских сукон. В одном случае упоминается покупка сукна братского «горицкое дело» в 1606 г.³⁴⁵, очевидно вытканного в зависимом от Кирилло-Белозерского монастыря женском Горицком монастыре.

Крупнейшим центром, снабжавшим все Поморье и вологодско-белозерский край белыми и серыми сукнами («старческими манатейными» и «рясочными и свиточными»), были в XVI в. погосты Андома и соседняя с нею Вытегра в Обонежском крае, на юго-восточном побережье Онежского озера. Здешние сукна были известны под названиями «андомских» и «вытерских». Например, соловецкий казначей в 1572 г. продал мантлю «андомское сукно», а в 1578 г. Соловецкий монастырь купил «манатю» и ряску «андомское сукно»³⁴⁶. «Вытерские» сукна упоминаются в расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря³⁴⁷.

Соловецкий монастырь в 1570-х, 1580-х и последующих годах ежегодно посылал в Андому своих купчин, в том числе мастера из швальной мастерской, для приобретения сукон (и отчасти полотен) на значительные суммы—от 150 до 200, иногда даже до 300 рублей³⁴⁸. В 1589/90 г. в Андоме, например, было куплено сукон манатейных и старческих и рясных 7500 локтей на 150 рублей, а в следующем 1590/91 г.— 7143 локтя на ту же сумму³⁴⁹; в 1601 г.— 8635 локтей на 181 р. 11 алт. 1 д.³⁵⁰

Сукна с Андомы и Вытегры шли и на Белоозеро. В 1568 г. для Кирилло-Белозерского монастыря было куплено на Вытегре 3000 локтей сукон братских черных и серых³⁵¹, в 1582 г. туда же дважды посылались портной мастер и еще один служебник, которые привезли 6356 локтей сукна³⁵². Андомцы и сами развозили свою продукцию по городам: в том же 1582 г. в самом Кирилло-Белозерском монастыре «у казны» было куплено 630 локтей сукон «вытерских»³⁵³.

Наряду с Андомой постоянно упоминается расположенный в северо-западном углу Онежского озера погост Шунга как место продажи сукон. Сюда, как и в Андому, постоянно командировались слуги из портной швальной Соловецкого монастыря и другие монастырские служебники «покупати на монастырской обиход сукон вальных и невальных и сермяжных». В 1581 г. в Шунге было куплено для Соловецкого монастыря 720 локтей сукна и 12 сермяг³⁵⁴; в 1583 г. на покупку сукон в

³⁴² «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3. «Исторические сведения об Антониевом-Сийском монастыре», стр. 10.

³⁴³ ЦГАДА. Солов., № 9, л. 75.

³⁴⁴ Там же, № 11, л. 103.

³⁴⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. ССХV.

³⁴⁶ ЦГАДА. Солов., № 207, л. 53; № 208, л. 11 об.

³⁴⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. СХХII.

³⁴⁸ ЦГАДА. Солов., № 207, л. 66, 1572 г.; № 208, л. 48—48 об., 60, 1578 г.; № 209, лл. 87 об., 116 об., 1579 г.; № 424, л. 63—63 об., 1579 г.; № 5, лл. 54, 80, 1589—1591 гг.

³⁴⁹ Там же, № 5, лл. 54, 80.

³⁵⁰ Там же, № 217, л. 185.

³⁵¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. XXXII

³⁵² Там же, стр. СХI, СХХII.

³⁵³ Там же, стр. СХХII.

³⁵⁴ ЦГАДА. Солов., № 423, л. 2 об.

Шунгу было послано 50 рублей³⁵⁵; в 1588 г.— 200 рублей³⁵⁶. Шунжане и сами развозили сукна своего производства по Поморью. Так, в 1590 г. у шунжан Антона Ларионова и Севрюка Соловецкий монастырь купил 533 локтя сукон валяных³⁵⁷, и подобные покупки отмечаются неоднократно³⁵⁸. Упоминаются и случаи пожертвования шунжанами сукон в монастырь; например, в 1588 г. Семен Исаков шунжанин пожертвовал 60 локтей сукна в Кандалакшский монастырь³⁵⁹. Все эти данные говорят о значительных размерах производства сукон на Шунге и о потреблении их за пределами Шунгского погоста. Однако не видно, чтобы сукно Шунги распространялось так же, как «андомские сукна»; оно ограничивалось северным Поморьем.

Не менее андомских были распространены в Поморье сукна «заозерские». Они, очевидно, выделялись в районе к северу от Кубенского озера, составлявшем в XVII в. Заозерский стан, но более точно установить место их производства невозможно. В 1581 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил за Кубенским озером, «у Петра святого» 82 сукна сермяжных (913 аршин) и две сермяги³⁶⁰; Антониев-Сийский монастырь в 1588 г. приобрел ряску и манатью из сукна заозерского³⁶¹; в 1592 г. тот же монастырь получил в виде вклада ковер заозерский (суконный) и в 1594 г.— мантию заозерскую и «сукна черного простого заозерского»³⁶². Вологодский Прилуцкий монастырь купил в Заозерье в 1576 г. 109 сукон рядных старческих, в 1583 г.— суконце тонкое и шесть сукон сермяжных³⁶³; в 1605 г. приобретена была «манатья заозерская»³⁶⁴. Соловецкий монастырь купил в 1588/9 г. ряску и сукно заозерское³⁶⁵ и в 1607/8 г.— на Вологде 147½ аршин «сукон старческих заозерских»³⁶⁶.

Приведенных данных достаточно, чтобы судить о распространении сукон и суконных изделий в вологодско-белозерском крае и в Подвинье.

д) РАЙОНЫ ПРОИЗВОДСТВА ПОЛОТНА И ХОЛСТА

При широком распространении овцеводства в России XVI в. выделка простых сукон производилась повсеместно. Иначе обстояло дело с производством полотна и холста, которое зависело от сырьевой базы — от районов льноводства и коноплеводства.

Первое место по льноводству занимала новгородско-псковская область, сохранившая это свое значение до сих пор. Торговая книга выделяет новгородский лён по его высокому качеству и оценивает берковец в 4 рубля и выше (по другой редакции — 8 ¼ рубля) и в другом месте 100 кирбей — в 40 рублей. Англичане единогласно подтверждают, что в Новгороде «растет много хорошего льна и конопля»³⁶⁷. «Лучший в России [лён] привозится в Новгород и продается здесь сотнями кирбей

³⁵⁵ ЦГАДА. Солов., № 424, лл. 27 об.— 28.

³⁵⁶ Там же, л. 63—63 об.

³⁵⁷ Там же, № 5, л. 57—57 об.

³⁵⁸ Там же, № 422, л. 46, 1581 г.— у Ильи Васильевича Мерзлякова шунжанина 280 локтей; там же, л. 46 об.— у шунжан Мокея Федотова и Григорья Михайлова 250 локтей и т. д.

³⁵⁹ ЛОИИ. Вкл. книга, л. 22.

³⁶⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. СII.

³⁶¹ ЛОИИ. Сийск., № 1, лл. 256 об., 257 об.

³⁶² «Вкладная книга Антониева-Сийского монастыря». — «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 17.

³⁶³ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 227, лл. 24 об., 25.

³⁶⁴ Там же, № 141, л. 19 об.

³⁶⁵ ЦГАДА. Солов., № 212, л. 4.

³⁶⁶ Там же, № 11, л. 81 об.

³⁶⁷ «Английские путешественники...», стр. 55.

(bundles)», — пишет Адамс³⁶⁸. Агент Московской компании Георг Киллингворд сообщал в Лондон в 1555 г., что из Новгорода и Пскова поступает «наибольшее количество лучшего льна-кудели»³⁶⁹; другой агент, Томас Хотрей, тоже особо отмечает «белый новгородский лен», который ценился в его время в 3 рубля за берковец, т. е. вдвое дороже обычного³⁷⁰.

Ввиду высокого качества льна «доброе новгородское» он встречал большой спрос в русских городах. Белозерский монастырь в 1568 г. на белозерской ярмарке «о сборном воскресенье» купил 5 кирбей льна новгородского за 2 р. 10 алт.³⁷¹ и, кроме того, он в том же году приобрел еще 2 кирби за 5 алтын³⁷² и 6 пятков льна новгородского³⁷³ и в 1582 г. 5 пятков³⁷⁴.

Соловецкий монастырь в 1588 г. купил у двух новгородцев 12 пятков льна³⁷⁵, в 1610 г. им куплено в Новгороде 3 берковца 1¼ пуда льна по 4 рубля 4 гривны за берковец³⁷⁶, в 1611 г. — 26 пудов льна из расчета приблизительно 4 р. 24 алт. 2 д.³⁷⁷ Тихвинский монастырь в 1590/91 г. купил 11 пятков льна в Новгороде за 1 рубль с гривной и еще льна-кудели на 5 алтын³⁷⁸. Итак, новгородский лен покупался и на Белоозере, и на крайнем севере Поморья, и в ближайших к Новгороду местностях. О большой торговле льном в Новгороде свидетельствует и то, что в городе было много льянников-трепальщиков и торговцев льном. В Писцовых и лавочных книгах 1580-х годов (по подсчету А. В. Арциховского) упоминается 149 льянников, и существовал особый льянной ряд, в котором в 1583 г. находились лавки, амбары и чуланы, принадлежавшие почти все льянникам³⁷⁹. Можно думать, что выходявший в льянной ряд Псковский гостиный ряд тоже служил складом льна.

В самом Пскове был специальный «двор гостин льянной», заключавший в себе 81 амбар³⁸⁰. До осады Пскова Баторием на острове на р. Пскове стояли «трепалки», где производилось трепание льна³⁸¹, во время производства описания города в 1585—7 гг. они еще пустовали.

Из Новгорода и Пскова через Ругодив (Нарву) лен в большом количестве вывозился за границу. Если верить Флетчеру, то при Иване IV, пока Нарва принадлежала русским, «ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов»³⁸². О больших размерах экспорта льна свидетельствует посылка новгородским купцом Степаном Шушпаном в Ревель (ныне Таллин) 60 берковцев льна³⁸³. Точно так же вывозили в XVI в. в Ревель лен и псковские торговые люди³⁸⁴.

Обилие льна, а также конопля в новгородской и соседней с ней псковской областях способствовало развитию выделки из них текстильных

³⁶⁸ Hakluyt. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation. London, 1902, t. 1, p. 299.

³⁶⁹ Там же, стр. 312.

³⁷⁰ Там же, стр. 391.

³⁷¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. LXXXV.

³⁷² 100 кирбей обошлись 46 рублей, что соответствует оценке Торговой книги.

³⁷³ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CXXVI.

³⁷⁴ Там же, стр. LXXXI, LXXXVIII.

³⁷⁵ ЦГАДА. Солов., № 424, л. 64.

³⁷⁶ Там же, № 217, л. 169.

³⁷⁷ Там же, л. 178 об.

³⁷⁸ ЛОИИ. Тихв., л. 6, 161 об.

³⁷⁹ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 92—94.

³⁸⁰ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 15.

³⁸¹ Там же, стр. 68.

³⁸² Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 14.

³⁸³ РИБ, т. XV. Русские акты Ревельского архива, № 34; ср. № 57 о привозе льна новгородскими торговыми людьми в Ревель.

³⁸⁴ Там же, № 92.

изделий: полотен, холстов, точива, простыней, прядена, которые имели широкий спрос в стране.

«Холщевницкой ряд» упоминается в Новгороде уже в 1506 г.³⁸⁵. В 1583 г. в нем числилось 38 лавок и два прилавка³⁸⁶, владельцами которых были преимущественно холщевники и сарафанники. По подсчету А. В. Арциховского, писцовая книга 1580-х годов называет 72 холщевника³⁸⁷.

В связи с выделкой полотен находилось ремесло белильное. В Новгороде был отдельно белильный ряд, состоявший в 1583 г. из 19 лавок³⁸⁸; ремесленников, занятых белинием полотен, насчитывалось в Новгороде в 1580-х годах 30 человек. Характерно, что среди владельцев лавок в белильном ряду много женщин; можно поэтому полагать, что белильным ремеслом занималась часть женщин, которые писцовыми книгами не регистрировались.

Продукция новгородских холщевников и белильников раскупалась далеко за пределами города. У новгородца Онисима Лукина Соловецкий монастырь купил в 1585 г. 628 локтей холста³⁸⁹; в 1588/9 г. у Петра новгородца — 900 локтей точива³⁹⁰; в 1609 г. — 2805 аршин холстов «парусных и мешечных и простынь новгородских»³⁹¹. В тот же монастырь новгородец Еремей Васильев пожертвовал полотен, холстов и иной мелкой рухляди на 6 р. 25 алт. 4 д.³⁹². Николо-Корельский монастырь в 1567 г. купил 45 мотов прядена новгородского³⁹³; в 1591 г. им же в Варзуге было приобретено «навгороцкого прядена коротков мотов 130 пасм»³⁹⁴. Новгородским текстильным товаром торговали в погостах Обонежской пятины, например в Суме и в других владениях Соловецкого монастыря, как сами новгородцы, так и «тутошние люди»³⁹⁵. Можно смело сказать, что все Поморье покупало полотно и холсты Новгорода.

Еще больший спрос предъявлялся на новгородские крашенины. В Новгороде был особый разряд ремесленников — красильники, которые занимались крашением льняных и других материй. Красильный ряд в Новгороде, расположенный по соседству с холщевным, был одним из обширнейших: в нем в 1583 г. числилось 50½ лавок и два прилавка. Среди владельцев, как наличных, так и прежних, названо 19 красильников и шесть холщевников³⁹⁶. Всего известно в эти годы в Новгороде 173 имени красильников³⁹⁷. Очевидно, это одна из самых распространенных профессий в этом городе. Действительно, «крашенины новгородские» были предметом оживленной торговли по всему государству. Соловецкий монастырь в 1588 г. купил две крашенины у новгородца Прокопия³⁹⁸; в первые годы XVII в. монастырь регулярно приобретал на Вологде крашенины новгородские «разных цветов»: в 1602 г. — 86½ аршин³⁹⁹, в

³⁸⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, 1925, стр. 611.

³⁸⁶ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 79—82.

³⁸⁷ «Новгородский исторический сборник», вып. 6, 1939, стр. 12.

³⁸⁸ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 62—64.

³⁸⁹ ЦГАДА. Солов., № 5, л. 70 об.

³⁹⁰ Там же, № 212, л. 18.

³⁹¹ Там же, № 429, л. 103 об.

³⁹² ЛОИИ. Солов. синодик, л. 606 об.

³⁹³ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 940, л. 5 об.

³⁹⁴ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 956.

³⁹⁵ Обонежские писцовые книги, стр. 162.

³⁹⁶ «Лавочные книги Новгорода Великого 1582/3 г.», стр. 82—85.

³⁹⁷ А. В. Арциховский. Указ. соч.

³⁹⁸ ЦГАДА. Солов., № 424, л. 58 об.

³⁹⁹ Там же, № 9, л. 17 об.

1605 г.— 677 аршин⁴⁰⁰, в 1608 г.— 775 аршин⁴⁰¹. Но новгородские крашенины проникали и значительно дальше, в центр страны; в 1576 г. волоколамские монастырские власти купили в Новгороде девять крашенин⁴⁰².

Итак, и в данном случае, как в отношении сукон троицких, мы можем отметить, что распространение в стране имели главным образом произведения более квалифицированных ремесленников, которые выделялись из обычной ремесленной продукции своим качеством. Что именно так смотрели на продукцию новгородских красильников, видно из того, что вышедшие из их мастерских крашенины были известны на рынке под особым названием «новгородских». Подтверждается это и тем, что в Новгород обращались с заказами на крашение более ценных материй; так, Тихвинский монастырь в 1590 г. отдал в Новгород «красильнику подкрашивать зендень»⁴⁰³.

Из других текстильных изделий в Новгороде в начале XVII в. выделялись нашивки хамьянные и завязки ниточные; те и другие скупались Соловецким монастырем десятками портищ⁴⁰⁴.

Меньше знаем мы о текстильном производстве в Пскове. Известно, что в 1580-х годах на псковском рынке торговали между прочим посконью⁴⁰⁵. В одном случае упоминаются две скатерти «псковского дела»⁴⁰⁶.

Очевидно, на новгородском и псковском льне работали мастера царской ткацкой (хамовной) слободы в Тверском уезде, поставлявшей «тверские полотна» ко двору. Полотна эти на рынок не поступали. Других сведений об этом ткацком районе у нас не имеется.

В соседстве с новгородско-псковской областью находился в XVI в. другой крупный район льноводства, впоследствии утративший свое значение — Олонецкий и Прионежский край. Монастырские документы постоянно упоминают «олонское полотно», «полотна олоничские»⁴⁰⁷, «олонское прядено»⁴⁰⁸, «корельскую гребенику»⁴⁰⁹, холсты «корельские»⁴¹⁰, полотна и усчины «заонежские»⁴¹¹.

Олонецкий текстиль расходился по всему Поморью. В 1575 г., например, для покупки, между прочим, холстов ездил на Олонец старец из Антониева-Сийского монастыря⁴¹². Большое количество полотен, холстов и т. п. приобретал Соловецкий монастырь у олончан, привозивших свои товары в самый монастырь. Например, в 1583 г. приобретено у одного крестьянина олончанина 610 локтей точива⁴¹³, в 1585 г. у олончанина Михаила 1112 локтей точива⁴¹⁴, в 1589 г. у него же — 809 локтей⁴¹⁵ и т. д. Прядено олонское мы встречаем и в таком отдаленном пункте морского побережья, как Ненокса⁴¹⁶.

⁴⁰⁰ Там же, л. 107.

⁴⁰¹ Там же, № 11, л. 8 об.

⁴⁰² ЛОИИ. Волок., № 1028, л. 97 об.

⁴⁰³ ЛОИИ. Тихв., № 1, л. 1.

⁴⁰⁴ ЦГАДА. Солов., № 217, лл. 168 об., 178 об.

⁴⁰⁵ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 28.

⁴⁰⁶ ЛОИИ. Вкл. кн. Кир.-Белоз. м-ря, № 1074, л. 129 об.

⁴⁰⁷ ЦГАДА. Солов., № 217, л. 160 об., 161.

⁴⁰⁸ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 951, л. 16 об.

⁴⁰⁹ Там же, № 952, л. 9, 1588.

⁴¹⁰ ЦГАДА. Солов., № 9, лл. 61, 146.

⁴¹¹ Там же, № 11, л. 81, 1607 г.

⁴¹² ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 25 об.

⁴¹³ ЦГАДА. Солов., № 211, л. 18 об.

⁴¹⁴ Там же, № 3, л. 18 об.

⁴¹⁵ Там же, № 212, л. 15 об.

⁴¹⁶ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 951, л. 16 об.; «Степан из Неноксы дал 28 мотков прядена олонского».

Мы можем более точно локализовать районы Олонецкого края, вывозившие домотканый текстиль. Это, во-первых, нижнее течение Свири и ее притока Ояти с центром в Сермаксе на Ояти. В 1578 г. Соловецкий монастырь посылал «покупать на Сулмаксе на Свери прядена неводного»⁴¹⁷. В 1581 г. монастырь купил у одного сермакшанина парус за 2 рубля 4 гривны⁴¹⁸, в 1581 г. у сермакшанина Кузьмы Яковлева — 970 локтей холстов и парус и у Антона Ивановича Софьина — 557 локтей холста⁴¹⁹; в 1589 г. у сермакшанина Кузьмы с товарищами «под монастырем у пристани» приобретено 4000 локтей точива, 17 мотков прядена и 12 рубашек⁴²⁰.

Еще более значительны были закупки «корельского» текстиля из Заонежья. Из заонежских погостов производством полотен и других текстильных изделий выделяется Шунга. Даже в Синодике Соловецкого монастыря отразилась производственная специализация этой волости: в нем упоминается холщевник из Шунги⁴²¹, пожертвования одним шунжанином полотен⁴²², падмоозерской старицей Анной Сухачевой «из Шунги полотен и одной скатерти»⁴²³, в 1580-х годах шунжанин Семен Исаков пожертвовал в Каңдалакшский монастырь 254 локтя усчин и ряднин⁴²⁴. Соловецкий монастырь сам посылал на Шунгу своих агентов для покупки текстиля: в 1581 г. там было куплено 2160 холстов тонких и толстых и восемь рубашек⁴²⁵. Привозили шунжане свои изделия и на Соловки. В 1581 г. отмечены покупки у шунжан Ильи Васильевича Мерзлинова⁴²⁶ 3810 локтей холста, 11 рубах и четырех парусов, у Мокея Федотова и Григория Михайлова — 3749 локтей холста, 10 рубах и рубашки с портками⁴²⁷; в 1589—1590 гг. у шунжан Антона Ларионова и Севрюка — 1978 локтей точива и 800 локтей полотно усчин и ряднин⁴²⁸; в 1611 г. у шунжана Кузьмы Голика — 1930 локтей точива⁴²⁹ и т. д. У жителя соседней с Шунгой Толвуйской волости в 1578 г. было куплено 200 локтей усчин, 260 локтей холстов, пять рубах холщевых⁴³⁰. Никита Иванов Колмаков из Толвуя пожертвовал в Соловецкий монастырь скатерть в 15 локтей и 80 локтей точива⁴³¹.

Другим пунктом, откуда вывозились полотна и т. п., был Повенец. Например, Соловецкий монастырь постоянно покупал текстильные изделия у жителей Повенца. Так, в 1581 г. он купил у Михаила Яковлева и Фрола Селеева 1500 локтей холста; у крупного повенецкого торгового человека, Сидора Кузьмина Росолова, в том же году — два паруса, 324 локтя холста и 60 мотов прядена⁴³², у него же в 1578 г. было куплено 60 локтей усчины, 14 локтей ряднины толстой, две рубахи, парус и 17 пятков льна⁴³³. В 1588 г. у обонежан с Повенца Кузьмы Терентьева

⁴¹⁷ ЦГАДА. Солов., № 208, л. 61.

⁴¹⁸ Там же, № 422, л. 62.

⁴¹⁹ Там же, № 422, 1581, л. 51, 51 об.

⁴²⁰ Там же, № 212, л. 15.

⁴²¹ ЛОИИ. Солов. синодик, л. 746 об.

⁴²² Там же, л. 717.

⁴²³ Там же, л. 718 об.

⁴²⁴ Там же, л. 22 об.

⁴²⁵ ЦГАДА. Солов., № 423, л. 2, 2 об.

⁴²⁶ В книге он в одном случае назван шунжанином, а в другом сунменином.

⁴²⁷ ЦГАДА. Солов., № 422, лл. 46, 46 об., 64.

⁴²⁸ Там же, № 5, лл. 57—57 об.

⁴²⁹ Там же, № 217, л. 196 об.

⁴³⁰ Там же, № 208, л. 62 об.

⁴³¹ ЛОИИ. Солов. синодик, л. 719.

⁴³² ЦГАДА. Солов., № 422, лл. 50, 55.

⁴³³ Там же, № 208, л. 65—65 об.

Ряхлова с товарищами купили 2770 локтей холста. Наряду с сукнами скупались холсты, полотно, точиво в Андоме и Вытегре⁴³⁴. Достаточно указать, что в 1582 г. в Кирилло-Белозерском монастыре у одного продавца из Андомы купили восемь холстов льняных⁴³⁵, в 1583 г. в Соловецком монастыре у одного продавца из Андомы — 200 локтей точива⁴³⁶ и т. д.

Центром, где производилась в крупных размерах торговля «заонежским» текстилем и льном, был Сумский острог. Ежегодно Соловецкий монастырь покупал здесь тысячи локтей полотен и т. п. Например, в 1610 г. — 3518 локтей ряднины, 8230 локтей простых холстов, 16 680 локтей усчин, 1068 локтей полотен олонечских, шесть рубах усчиных и 22 пуда 18 гривенок льна⁴³⁷ и, сверх того, 750 локтей точив, полотен и рядин⁴³⁸, в 1611 г. — 3310 локтей ряднин и простынь, 10 240 локтей усчины, 800 локтей полотен тонких⁴³⁹. Очевидно, сюда свозились продукты ткачества из заонежских погостов, потому что около Сумского острога лен не разводился. Сумляне скупали текстиль и развозили его по Поморью. В приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря постоянно отмечаются покупки точива, полотен и холстов у сумлян: например, у Дементия Окатова и у Первого в 1581 г.⁴⁴⁰ Николо-Корельский монастырь покупал в 1588 г. корельские гребенины⁴⁴¹. Благодаря скупщикам попадали они и в такие глухие промысловые поселки на море, как Порья губа и Пилевская губа: в 1610/11 г. в Порье губе было куплено 700 локтей точива на 10½ рублей у сумлянина Мокея Алексеева и в Пиле губе у него же сукон и точив на 30 рублей⁴⁴². Торговали «корельским» текстилем и на Вологде, где в 1605 г. Соловецкий монастырь купил «холстов корельских» на рубашки⁴⁴³ и в 1608 г. — 5186 аршин полотен и усчин заонежских⁴⁴⁴.

В XVI в. определился уже ярославский льноводческий район. В Пошехонье крестьяне еще в конце XV в. платили оброк льном; например, в погосте Раменском монастырь, в числе прочих мелких доходов, взыскивал с выти по десятку льна⁴⁴⁵. Как видно из одного судебного дела 1543 г.⁴⁴⁶, в хозяйстве любого крестьянина производился лен и выделывались из него ткани: у одного из местных крестьян мы находим 3 керби льна, 20 полотен, 7 холстов, 9 гребенин, он же «умял» 3 керби льна; у другого 6 загонов льна, 8 полотен, 6 гребенин, 9 холстов, «умял» 3½ керби льна; у третьего 6 загонов льна и «умял» 6 кербей. В соседнем Углицком уезде в конце XVI в. с села Прилук и тянувших к нему деревень в пользу Троице-Сергиева монастыря шел оброк по гривне с выти за холсты, собиравшийся первоначально, очевидно, натурой⁴⁴⁷.

Петрей де Ерлезунда в начале XVII в. писал про ярославскую область, что «там ткуются прекраснейшие во всей России полотна»⁴⁴⁸.

⁴³⁴ Там же, № 209, л. 87 об., 1579 г.; № 422, л. 67, 1581; № 424, л. 63, 1588 г.; № 211, л. 22, 22 об., 1583 г. и т. д.

⁴³⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. СХХII.

⁴³⁶ ЦГАДА. Солов., № 211, л. 21 об.

⁴³⁷ Там же, № 217, л. 160—160 об.

⁴³⁸ Там же, л. 164 об.

⁴³⁹ Там же, № 217, л. 192 об.

⁴⁴⁰ Там же, № 422, лл. 60 об., 63 об.

⁴⁴¹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 952, л. 9.

⁴⁴² ЦГАДА. Солов., № 217, л. 195.

⁴⁴³ Там же, № 9, л. 146.

⁴⁴⁴ Там же, № 11, л. 81.

⁴⁴⁵ Н. В. Калачов. Писцовые книги, отд. I, стр. 39.

⁴⁴⁶ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.

⁴⁴⁷ Н. В. Калачов. Писцовые книги, отд. I, стр. 35.

⁴⁴⁸ «Чтения ОИДР», 1865, кн. 4, стр. 40.

Однако в изучаемую нами эпоху Ярославлю далеко еще было до того господствующего положения, которое ему предстояло занять в русском государстве в XVII в. как поставщику во все города Европейской России и Сибири полотен, холстов, крашенин, ярославских рубашек и т. п. Только в первые годы XVII в. появляются на вологодском рынке ярославские крашенины. Соловецкий монастырь в 1609 г. купил в Вологде 21 крашенину ярославскую⁴⁴⁹. Имели значительное распространение и крашенины, выделявавшиеся в Угличе. Соловецкий монастырь в 1602 г. купил в Вологде 182 аршина «углецких лазоревых крашенин»⁴⁵⁰.

В Поволжье было известно также и «полотно казанское», которое мы находим в 1601 г. в Николо-Корельском монастыре, т. е. близ Холмогор⁴⁵¹.

На западной окраине Русского государства к XVII в. сложился льноводческий район в Смоленщине, на базе которого развивалось текстильное производство. Это видно из того, что во время набега интервентов на Порецкую волость они пограбили у здешних крестьян полотна тонкие, холсты посконные и много рубашек, портков и других предметов одежды «олненных и посконных»⁴⁵². Но у нас нет данных, чтобы судить о том, поступала ли и в каком количестве ткацкая продукция смоленских крестьян на рынок. Мы можем только отметить, что и Можайск и Вязьма обслуживали округу крашенинами и холстом. Так, в Можайске Болдин-Дорогобужский монастырь купил в 1586 г. две крашенины⁴⁵³, Волоколамский монастырь в 1581 г. — две крашенины и нитей черных на 7 гривен⁴⁵⁴, в 1588 г. — шесть крашенин, две холстины, полотно⁴⁵⁵, в 1589 г. — нитей черных⁴⁵⁶, в 1592 г. — крашенину и две гребенины⁴⁵⁷. В Вязьме Болдин монастырь постоянно производил закупки крашенин «тонких и ровных и синих и лазоревых», например, в 1586 г. — две крашенины, в 1591 г. — 51 аршин, в 1592 г. — две крашенины и 10 аршин, в 1598 г. — 168 аршин⁴⁵⁸. Весьма правдоподобно, что городское население Смоленщины, подобно своим новгородским собратьям, специализировалось на окраске тканей, поступающих из деревни, но из имеющихся данных не видно, чтобы продукция смоленских красильщиков имела широкое распространение.

Москва не была непосредственно связана с каким-либо одним большим льноводческим районом, но в числе прочего промышленного сырья и полусырья в ней скоплялось значительное количество привозного льна, который мог служить материалом.

В Москве славились произведения кадашевских и прозоровских ткачей — мастеров царских хамовных слобод, выделявавших полотна прозоровские и кадашевские⁴⁵⁹, но полотна эти шли на нужды двора и на

⁴⁴⁹ ЦГАДА, Солов., № 11, л. 104 об.

⁴⁵⁰ Там же, № 9, л. 17 об.

⁴⁵¹ «Чтения ОИДР», 1879, кн. 1, стр. 42.

⁴⁵² «Памятники обороны Смоленска, 1609—1611 гг.» М. 1912, № 7, стр. 5.

⁴⁵³ РИБ, т. II, № 102, Стб. 296.

⁴⁵⁴ ЛОИИ, Волок., № 4, л. 89.

⁴⁵⁵ Там же, № 6, л. 179 об.

⁴⁵⁶ Там же, № 7, л. 81.

⁴⁵⁷ ЦГАДА, Волок., № 10, л. 81.

⁴⁵⁸ РИБ, т. XXXVII, стб. 100, 110, 114, 122; РИБ, т. II, № 102, стб. 296.

⁴⁵⁹ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884, ч. 1, стб. 1201—1223. Название «прозоровских» полотен, по мнению Забелина, может указывать или на новое место на Прозоровскую слободу, или на имя владельца и хозяина этого производства (стб. 80). Так как «хозяином» предприятия был дворец, а не частное лицо, то речь может идти только о слободе Прозоровской, но где она находилась, неизвестно.

рынок не поступали. Только в исключительных случаях, иногда в виде милости разрешалось «по государеву и великого князя указу» продать небольшое их количество придворным; например, в 1586 г. было продано детям боярским 380 полотен прозоровских и кадашевских и 120 столпцов скатертных⁴⁶⁰. У княгини Тутаевской в 1568 г. были три «свитки прозоровские», очевидно, сделанные из пожалованной ей материи⁴⁶¹.

Зато широкой известностью пользовались московские и троицкие середь и нитки черные и белые. Волоколамский монастырь посылал специально в Москву деньги «на нитки троецкие»⁴⁶². Соловецкий монастырь купил в 1606 г. 700 мотков «серяди шитьи московские» и 39 мотков «серяди троецкие»⁴⁶³. Из двух сортов середь троицкая ценилась много выше простой московской: в 1606 г. 10 мотков первой стоили в среднем около двух гривен (приблизительно 19½ копеек), а второй — всего 8 денег. Упоминаются как особый сорт «нити черные братские», может быть, те же троицкие⁴⁶⁴.

В общем итоге крупные центры, поставлявшие на русские рынки полотна, холсты и т. п. текстильные изделия, возникали в XVI в., естественно, в районах с развитым льноводством. Но и тут наблюдается, правда, в меньшей степени, явление, отмечавшееся в отношении производства сукна. В первую очередь спрос предъявлялся на продукты квалифицированного ремесла, на крашенины и т. п., представлявшие специальность отдельных центров ткачества, и на высшего качества лен. Кроме областей, в которых льноводство не было распространено (например, в северном Поморье), местный спрос на простые холсты и полотна удовлетворялся местным крестьянским ткачеством.

е) РАЙОНЫ ДЕРЕВООБДЕЛОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В лесных районах России «тутошние крестьяне» издавна промышляли торговлей лесными товарами и секли в черных лесах «лес ...хоромный и судовой на суды и на драпицы и на доски и на дрова на продажу»⁴⁶⁵. В Клинском уезде, например, Изосиминой пустыни принадлежала «река Сестрица, а по ней леса вверх до реки Городенки, вниз до реки Ламы»⁴⁶⁶. В окрестностях Москвы в это время строевой лес был уже значительно истреблен, судя по многочисленным пням больших деревьев, которые видел Герберштейн⁴⁶⁷, но лесной массив на р. Сестрице представлял собой, повидимому, исключение. Изосимовские крестьяне снабжали Подмоскovie строевым лесом и другим строительным материалом. Так, Волоколамский монастырь в 1574 г. купил в Изосимове 20 дерев больших «на выбор»⁴⁶⁸, в 1576 г. — 20 «дерев сосен»⁴⁶⁹, в 1580 г. сосен на 2½ рубля⁴⁷⁰, в 1581 г. — 20 сосен и 100 елей⁴⁷¹, в 1582 — 30 дерев бревенного

⁴⁶⁰ Там же, стб. 1209.

⁴⁶¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. ХСVII.

⁴⁶² ЛОИИ. Волок., № 3, лл. 93, 110 об., 148 об., 1580 г.; № 7, л. 81, 1589 г.

⁴⁶³ ЦГАДА. Солов., № 426, л. 8.

⁴⁶⁴ ЛОИИ. Волок., № 7, л. 81, 1589 г.

⁴⁶⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. 1, стр. ХСII.

⁴⁶⁶ Леонид, архим. Клинская Изосименская пустынь и ее акты. — «Чтения ОИДР», 1876, кн. 2. Смесь, стр. 72.

⁴⁶⁷ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 98.

⁴⁶⁸ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 206.

⁴⁶⁹ Там же, № 1028.

⁴⁷⁰ Там же, № 3, л. 149 об.

⁴⁷¹ Там же, № 4, л. 120 об.

леса и сосну на верею ⁴⁷² и т. д. Там же он приобретал драницы. Самому Волоколамскому монастырю принадлежало Круговское село, население которого продавало ему драницы, доски и тесницы. Например, в 1606 г. у круговских крестьян Ермока с товарищами были куплены 21 доска донная, в 1607 г.— 24 доски дверные, еще две доски, четыре тесницы. 950 драниц ⁴⁷³. У тех же самых крестьян, которые торговали строительным материалом, покупались сохи, очевидно, деревянные, которых в 1607 г. было приобретено 47 ⁴⁷⁴, а в 1608 г.— 18 ⁴⁸⁵. В другом своем селе, Селижарове, монастырь в 1607 г. купил 5000 драниц и 1000 скал на 16 рублей и дал на те же товары задатка 3 рубля 8 гривен ⁴⁷⁶.

В лесистом белозерском крае можно также найти ряд сельских пунктов, население которых было занято главным образом лесными промыслами. Таково, например, село Санниково Кирилло-Белозерского монастыря. Санниковские крестьяне выделывали и продавали сани возовые, пошевни и кошевные, дровни, дуги и оглобли вязовые, колеса тележные, хомутины, доски дубовые, лыка ломовые и молодичные, деревянную посуду и материалы для токарных работ. В 1567—1568 гг. монастырь приобрел у них 29 саней, 50 дуг, более 1000 пучков лык, «кряж дубовый» на доски к царским кельям, столбы дубовые, колеса, отесков для производства деревянной посуды и ложек и т. д. ⁴⁷⁷. Точно так же и в 1600-х годах монастырский приказчик и особенно местный крестьянин Дубас Губин энергично скупали в Санникове для монастыря всевозможные лесные материалы и деревянные изделия: например в 1604 г.— 11 саней, 23 900 лык, 116 дуг, 7 оглобель вязовых и т. д. ⁴⁷⁸, в 1606 г.— 130 000 лык, 15 саней ошевной, 16 колес, 2 вала дубовых к колоколам и т. д. ⁴⁷⁹.

В Новгородском уезде само правительство создало в Шелонской пятине Новгородского уезда слободу колесников для выработки деревянных частей артиллерийских орудий. Слобода эта, состоявшая из Мусецкого погоста с сельцом Сольдою и деревней Заборовьем, образована была по указу Ивана IV и населена выходцами из новгородских пятин, и возглавлялась «колесных мастеров староскою». «Колесные мастера» Мусецкого погоста были обязаны «делати к государеву служилому наряду волока и доски на станы и колеса и оглобли и пыжи и всякие пушечные деревянные запасы и во Псков и в Новгород возити собою», за что были освобождены от прочих государевых повинностей. Привилегии слободы были закреплены жалованной грамотой царя Федора в 1584/5 г. ⁴⁸⁰. Таким образом, Мусецкий погост с самого начала приобрел общегосударственное значение как поставщик определенного вида деревянной продукции для артиллерии.

В XVI в. уже отчетливо определились районы, специализировавшиеся на выделке одного из самых ходких в стране товаров — деревянных ложек и деревянной посуды, употреблявшихся в громадном количестве всеми без исключения слоями населения, среди которого оловянная посуда была еще мало распространена. Легкость перевозки «щепья» (деревян-

⁴⁷² ЛОИИ. Волок., № 4, л. 137 об.

⁴⁷³ ЦГАДА. Волок., № 16, лл. 104, 106, 108 об., 109 об.

⁴⁷⁴ Там же, № 16, лл. 104 об., 106, 108 об.

⁴⁷⁵ Там же, № 19, л. 144 об.

⁴⁷⁶ Там же, № 16, лл. 43, 43 об., 141 об.

⁴⁷⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. XXVI, XXXII, XCII, XCIX.

⁴⁷⁸ Там же, стр. CXLVII, CLVIII.

⁴⁷⁹ Там же, стр. CCII, CCXIII. Ср. сведения о покупках 1605 г. (стр. CLXV), 1607 г. (стр. CCLVI, CLXXV), 1608 г. (стр. CCLVI, CCLXXVII), 1608 г. (CCLXXIV, CCLXXVIII) и т. д.

⁴⁸⁰ ЦГАДА. Прик. дела ст. лет. 1677 г., № 222, указано В. Н. Шумиловым.

ных изделий) обеспечивала широкий сбыт его вне зависимости от расстояний.

Особенно крупное значение в снабжении страны деревянной посудой и ложками имели Тверь и окружавший ее лесной район. Здесь выделяли ложки, простые и олифленные, блюда белые и красные, корцы, солоницы, ковши, ставцы и т. д. За этими изделиями покупатели приезжали в Тверь издалека. В 1573 г. Волоколамский монастырь купил в Твери 50 блюд, ставцев на $4\frac{1}{2}$ алтына, ложек на 2 алт. 2 д.⁴⁸¹, в 1579 г.— шесть корцов⁴⁸², в 1580 г.— пять ковшиков⁴⁸³, в 1581 г.— 400 блюд, 300 ложек, шесть корцов⁴⁸⁴, в 1582 г.— 400 ложек, 200 блюд белых, 10 солониц и корцов на $4\frac{1}{2}$ деньги⁴⁸⁵, в 1588—1590 гг.— три корца и девять корчиков, 300 блюд белых⁴⁸⁶, в 1591 г.— 300 блюд белых, 600 ложек олифленных, в 1603 г.— 200 блюд⁴⁸⁷, в 1606 г.— два блюда неолифленных, 100 блюд красных, 1000 ложек, 100 ковшиков погребных, ковшей белых на 10 алтын и ковшей питьих и блюд осиновых на 30 алтын⁴⁸⁸, в 1608 г.— 100 ковшей питьих, 120 блюд осиновых, 500 ложек расхожих⁴⁸⁹. Кирилло-Белозерский монастырь в 1581 г. купил в Твери 100 блюд тверских и в 1582 г.— 15 ставов блюд и 300 ставцев⁴⁹⁰.

Тверскую посуду можно было купить и в других городах. В Вологде, например, Прилуцкий монастырь приобрел в 1606 г. два десятка тверских ковшей⁴⁹¹; там же купил в 1609 г. Соловецкий монастырь 133 блюда тверских олифленных и в 1614 г.— 420 блюд тверских⁴⁹².

Много тверской посуды продавалось и на Белоозере. В 1581 г. здесь было куплено, например, для Кирилло-Белозерского монастыря 30 ставцев тверских и 10 блюд тверских⁴⁹³, и в последующие годы покупались в большом количестве тверского производства ставцы белые и с кровлями, блюда осиновые белые и другие и т. д.⁴⁹⁴. В монастыре для обеденного стола монахов держали «ковши тверские, что кладут по большим чашам» и «ковши малые тверские»⁴⁹⁵.

Торговали тверской посудой и на всех больших ярмарках вологодско-белозерского района. В 1576 г. прилуцкие монахи приобрели 250 ложек тверских на Ивановской ярмарке в Заозерье⁴⁹⁶; на Холопьем городке агенты Кирилловского монастыря покупали в 1567 г. тверские ложки и, может быть, ставцы и ковши⁴⁹⁷.

Попадаясь тверская посуда и на далеком севере, например в Варзуге, где в 1616 г. старец московского Спасского монастыря приобрел «два стафца тверских на монастырский двор»⁴⁹⁸.

Среди тверичей посадских людей образовалась группа крупных торговцев «щепьем». Таков, повидимому, тверской посадский человек

⁴⁸¹ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 100.

⁴⁸² Там же, № 3, л. 87.

⁴⁸³ Там же, л. 144.

⁴⁸⁴ Там же, № 4, лл. 82, 87, 133.

⁴⁸⁵ Там же, лл. 133 и 134.

⁴⁸⁶ Там же, № 7, лл. 59 об., 64 об.

⁴⁸⁷ ЦГАДА. Волок., № 12, л. 115.

⁴⁸⁸ Там же, № 19, л. 133; № 16, лл. 92, 148 об.

⁴⁸⁹ Там же, лл. 133, 166.

⁴⁹⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CIV, CXIV.

⁴⁹¹ ЛОИИ, Прилуцкого м-ря, № 8, л. 26.

⁴⁹² ЛОИИ. Солов., № 12, лл. 60; № 429, л. 93.

⁴⁹³ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CIII.

⁴⁹⁴ Там же, стр. CXIV, CCLV, CCLXX, CCCXV.

⁴⁹⁵ Там же, стр. 222.

⁴⁹⁶ ЦГАДА, Мазур., № 200.

⁴⁹⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. XCVI.

⁴⁹⁸ «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, Пг., 1922, стб. 890.

Матвей Бушмарин, который в 1610 г. пожертвовал Троице-Сергиеву монастырю вместе с половинкой сукна англинского 1000 ложек тверских и 50 ковшей тверских⁴⁹⁹.

Развозили тверскую посуду по городам и селам Русского государства не только тверичи, но и иногородние скупщики. Так, в 1610 г. Соловецкий монастырь купил 50 блюд тверских у каргопольца Владимира Захарьина Петли⁵⁰⁰; на Белоозеро блюда тверские привозили иногда вологжане⁵⁰¹.

В Твери, как в центре производства ложек и других деревянных изделий, производилась торговля и олифой, которая употреблялась при их изготовлении. Здесь купил в 1588 г. Волоколамский монастырь олифы «образовой», т. е. для писания образов⁵⁰². Соловецкий монастырь приобрел в 1599 г. 8 пудов олифы тверской и в 1614 г.— 1 пуд⁵⁰³. Кирилло-Белозерский монастырь в 1605 г. купил в Твери 8 ведер олифы и столько же в 1607 г.⁵⁰⁴; тверитин Андрей Жито пожертвовал тому же монастырю 11 ведер олифы⁵⁰⁵. Продавались в Твери и инструменты токарного ремесла, например бруски «острить для токарей»⁵⁰⁶.

Кроме деревянной посуды и ложек, в Твери выделялись сита «обычные», «гривенные» и «денежные», т. е. стоимостью в денгу и в гривну. Волоколамский монастырь ежегодно покупал здесь сита в 1570-х 1580-х и последующих годах⁵⁰⁷. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в 1581 г. в Твери 43 сита⁵⁰⁸ и в 1607 г.— пять сит.

С тверской деревянной посудой конкурировала калужская (братины, блюда, ставцы, ковши), тоже повсеместно распространенная. Уже в начале XVI в. в районе Калуги, по сообщению Герберштейна, выделялись «искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева, имеющие отношение к домашнему хозяйству», которые, по его словам, вывозились в Москву и даже в Литву и «другие окрестные страны»⁵⁰⁹. Действительно, в 1568 г. для Кирилло-Белозерского монастыря на Москве было куплено три ставца блюд калужских⁵¹⁰. В 1572 г. подмосковный Волоколамский монастырь купил 50 ковшей калужских⁵¹¹. На крайнем севере в имуществе Николо-Корельского монастыря упоминаются две братины и 10 блюд калужских⁵¹² и 100 ложек калужских⁵¹³, в имуществе Николо-Коряжемского монастыря в 1567 г. было девять братин калужских, 25 блюд обычных калужских и 50 ставцов калужских⁵¹⁴. В 1594 г. игумен Соловецкого монастыря пожертвовал в Антониев-Сийский монастырь 100 ставцов, 30 блюд калужских, 30 братин, 20 мисок, 10 солониц, «все суды деревянные простые»⁵¹⁵.

⁴⁹⁹ Собр. Загорского музея. Вкл. кн., № 1, л. 498.

⁵⁰⁰ ЦГАДА. Солов., № 127, л. 168.

⁵⁰¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. ССХV.

⁵⁰² ЛОИИ. Волок., № 6, л. 195.

⁵⁰³ ЦГАДА. Солов., № 7, л. 23 об.; № 12, л. 84 об.

⁵⁰⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CLXXI, CCLII.

⁵⁰⁵ ЛОИИ. Вкл. книга Кир.-Бел. м-ря, л. 213 об.

⁵⁰⁶ ЦГАДА. Волок., № 13, л. 114 об.

⁵⁰⁷ ЛОИИ, № 1028, л. 100; ЛОИИ. Волок., № 3, лл. 139, 143 об.; ЛОИИ. Волок., № 7, л. 59; ЦГАДА. Волок., № 10, л. 56 об.; ЦГАДА. Волок., № 13, л. 114.

⁵⁰⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. СІП, СIV.

⁵⁰⁹ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 108.

⁵¹⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. LXXXVI.

⁵¹¹ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 82 об.

⁵¹² АИ, т. I, № 158.

⁵¹³ «Чтения ОИДР», 1879, кн. 1, стр. 43.

⁵¹⁴ РИБ, т. XXXII, стб. 468, № 227.

⁵¹⁵ Из текста неясно, вся ли эта посуда была «калужской» или только поставцы и блюда (А. Ф. Изюмов. Вкладные книги Антониева-Сийского монастыря.— «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 17).

Очевидно, калужская деревянная посуда была широко распространена на севере в Поморье.

Из других пунктов на западной окраине государства, в которых сосредоточивалось производство деревянных ложек, можно назвать район до-рогобужский. Болдин монастырь покупал в 1599 г. ложки и чарки «здешнего дела»⁵¹⁶. И тут, как у Троицы и в белозерском районе, ложкарное ремесло концентрировалось вокруг монастыря. Болдину монастырю принадлежала Благовещенская слобода, в которой процветало производство «белых», т. е. простых, неолифленных ложек. 20 июня 1591 г. монастырь приобрел «ложек 70 белых у Благовещенья» за 3 алтына и в том же году купил еще «благовещенских белых ложек» на 3 алт. 4 д.⁵¹⁷

На севере крупнейшим поставщиком деревянной посуды и ложек был вологодско-белозерский край. Известны были «ложки репчатые вологодского дела» и «ложки шадровые с костями вологодского дела»⁵¹⁸. Соловецкий монастырь покупал ежегодно на Вологде сотни ложек красных и «росхожих», например в 1573 г.— 300 ложек, в 1581 г.— столько же, в 1576 г.— 100 ложек, в 1605 г.— 130, в 1606 г.— 200 красных и 780 «росхожих»⁵¹⁹, в 1607 г.— 500 росхожих, в 1608 г.— 240⁵²⁰. Вологодские ложки вывозились и на белозерские ярмарки. Так, в 1607 г. на ярмарке «о чудотворцове Кирилове памяти» в Кирилло-Белозерском монастыре были куплены три ложки «вологодского дела»⁵²¹. Но деревянная продукция вологодского района не ограничивалась ложками. В 1606 г. Прилуцкий монастырь купил в Вологде 106 блюд деревянных, ковш белый, три братины и заказал расписать 100 стаканов и 100 братин⁵²²; в 1602 г. он приобрел восемь братин золотных, т. е. расписанных золотом⁵²³. В 1600 г. Соловецкий монастырь купил в Вологде 60 чаш коренева-тых⁵²⁴, 90 чаш⁵²⁵, в 1609 — 35⁵²⁶.

Но главным центром деревообделочного ремесла в белозерском крае был Кирилло-Белозерский монастырь. При монастыре была токарная мастерская — «изба токаренная», выпускавшая деревянные ложки, посохи, кочерги, ножевые черенья и всякие «точеные сосуды». О размерах деятельности этой мастерской говорит наличие в монастырской казне в 1600 г. 6873 ложек, в том числе 300 ложек репчатых добрых с присадками из рыбьего зуба, 327 репчатых тоже с присадками, 83 корельчатых, 6000 шадровых с присадками и 63 черных⁵²⁷. Для работ мастерской заготавливались большие запасы сырья, которые хранились в особом амбаре, «а держат в нем токари дерева вязовые и березовые, в которых суды делают»⁵²⁸ (в 1601 г. в монастыре хранилось «на ложки и на ножовое черенье дерева репчатого и шадрового» на 15 рублей и 45 «дерев валов репчатых больших и малых»⁵²⁹). В 1613 г. во время набега

⁵¹⁶ РИБ, т. XXXVII, стб. 134, 143, 180.

⁵¹⁷ Там же, стб. 91, 95.

⁵¹⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. ССХ, ССXI, ССXII.

⁵¹⁹ ЦГАДА. Солов., № 2; № 4, л. 84; № 9, лл. 108, 142.

⁵²⁰ Там же, № 8, л. 52 об.; № 11, л. 84 об.

⁵²¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. ССXI.

⁵²² ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 141, лл. 42 об., 61, 64 об.; ЛОИИ. № 8, лл. 13 об., 31, 35, 36.

⁵²³ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 115, л. 4 об.

⁵²⁴ ЦГАДА. Солов., № 8, л. 22 об.

⁵²⁵ Там же, л. 52 об.

⁵²⁶ Там же, № 429, л. 92 об.

⁵²⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. LXI.

⁵²⁸ Там же, вып. I, стр. 270.

⁵²⁹ Там же, стр. LXI.

интервентов, погромивших монастырь, сторело много «дерев репчатых и посохов и точеных и всяких сосудов»⁵³⁰.

За сырьем монастырь посылал своих мастеров в лесные местности. В 1568 г., например, Митя ложечник ездил в Надпорожье «шадры добывать»; он купил лодку и проехал на ней за р. Ковжу⁵³¹, в том же году двое других слуг были отправлены «за Санниково вязнику добывать на чаши»⁵³². В 1582 г. санниковские крестьяне привезли с Стомилова Борку в монастырь «отесков на чашки 104 чурки вязовых»⁵³³. Наряду с добытием сырья собственными средствами монастырь широко скупал по всей округе и на Белоозере древесный материал, иногда в полуобработанном виде: вязник чашный и посошный, отески шадровые, «на ложки и выбитые», дерево репчатое, подрепчатое и щетковое, плахи осиновые и т. д. Скупка производилась в крупных размерах: в 1567/8 г. куплено было, например, 982 батога вязника посошного и кочережного и 190 отесков шадренных⁵³⁴, в 1604 г.— дерев репчатых на 32 р. 17 алт.⁵³⁵; в 1605 г. ездили Посник новгородец и Андрей ложечник на Заозерскую ярмарку и купили 40 дерев «деревья репчатого»⁵³⁶; в 1607 г. тот же Андрей ложечник купил 100 дерев репчатых на 33 р. 19 алт. 2 д.⁵³⁷; в 1607 г.— 92 дерева репчатых, подрепчатых и щетковых, 100 вязов посошных, 310 отесков шадровых и щетковых»⁵³⁸ и т. д.

Весь этот материал перерабатывался в монастырской «токаренной избе» на ложки «добрые репчатые с присадками из моржевого зуба», «шадровые», белые и другие, ложки вязовые, на черепья репчатые, шадровые, корельчатые, черные и белые, на посохи игуменские вязовые, черемховые, самородные игуменские и простые монашеские, на кочерги, на «мисы брацкие» и на иную посуду.

Все это использовалось не только в монастырском хозяйстве.

По всему государству славились кирилловские ложки, которые можно было найти в любом городе. В соседней Вологде Прилуцкий монастырь приобрел в 1605 г. 120 ложек кирилловских⁵³⁹, в 1606 г.— 208 ложек и еще на 8 алтын⁵⁴⁰. По пути с Вологды на Холмогоры агенты того же монастыря купили в 1602 г. 20 кирилловских ложек⁵⁴¹. Соловецкий монастырь в 1593 г. купил на Вологде 200 кирилловских ложек и в 1607 г.— 750⁵⁴². В Николю-Корельском монастыре в 1601 г. хранилось 50 кирилловских ложек⁵⁴³. Итак, продукция Кирилло-Белозерского монастыря широко была распространена в Поморье. Но можно было достать кирилловские ложки и в центре государства, в Москве, где Волоколамский монастырь приобрел их 60 штук в 1592 г.; в том же году он купил еще 90 кирилловских ложек, повидимому, на местном рынке близ Волоколамска⁵⁴⁴. Насколько ценились кирилловские ложки, видно из того,

⁵³⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. LXXXVIII.

⁵³¹ Там же, стр. CXV.

⁵³² Там же, стр. XCVI.

⁵³³ Там же, вып. II, стр. CXII.

⁵³⁴ Там же, стр. XCVIII, LXXXIII.

⁵³⁵ Там же, стр. CXII, CLIV.

⁵³⁶ Там же, стр. CLXVII.

⁵³⁷ Там же, стр. CCLI.

⁵³⁸ Там же, стр. CCLII, CCLVII.

⁵³⁹ ЛОИИ, № 9, л. 26.

⁵⁴⁰ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 141, л. 60; ЛОИИ. № 8, л. 36; И 9, л. 67 об.

⁵⁴¹ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 19, л. 6.

⁵⁴² ЦГАДА. Солов., № 6, л. 6; № 8, л. 52 об.

⁵⁴³ «Чтения ОИДР», 1879, кн. 1, стр. 43.

⁵⁴⁴ ЦГАДА. Волок., № 10, лл. 61 об., 84, 121 об.

что в 1607 г. сотня их стоила на Вологде 20 алтын, между тем как расхожие продавались менее чем 11 алтын за сотню.

Имела широкий спрос и другая деревянная кирилловская посуда. В 1576 г. в Псковском Печерском монастыре было, например, пять братин «на кирилловское дело»⁵⁴⁵.

«Кирилловские» деревянные изделия не выходили из одной только монастырской мастерской, которая не обеспечивала вполне собственных потребностей обители и, повидимому, даже и не работала на рынок. По крайней мере, ни в сохранившихся приходных книгах, ни в смете 1600/1 г. такой приходной статьи нет. Помимо постоянной нужды в посуде и ложках для обслуживания многочисленной братии и штата служебников, кирилловские ложки, «потешельные чаши», «чаши гостиные» требовались в большом количестве для «раздачи» богомольцам и жертвователям как своего рода благословение от обители. Поэтому монастырь скупал и заказывал в массе и готовые изделия, и полусырье для своей мастерской в соседних деревнях и селах, которые и были в сущности поставщиками на рынок ложек и других деревянных предметов «на кирилловское» или «на вологодское» дело. Весь край был усеян гнездами сельских ложкарей и судовщиков (мастеров, производивших деревянную посуду). К этим сельским мастерам и обращался монастырь с заказами, передавая им на обработку имевшиеся у него «деревья репчатые», шадру и другие материалы. В 1568 г., например, «Соболевым детям Ваське да Косте» в два приема заказали сделать 300 ложек и черенов шадровых⁵⁴⁶; колдомскому токарю заплатили за точенье 100 чаш вязовых 4 алтына; Ситку Мохиреву за 300 посохов и 200 кочерг «от дела» — 20 алтын⁵⁴⁷; Сенька Мохирев (может быть, тот же) сделал тоже 200 кочерг⁵⁴⁸; ложечник Ефимко с Пугина — 100 ложек вязовых. Всего с ноября 1567 г. по декабрь 1568 г. по заказу монастыря было сделано 1500 ложек, 946 чаш и чашек, 633 черена, 450 кочерг, 360 посохов. Сверх этого, в округе скупалась готовая продукция деревенских токарей. За то же время было приобретено 2813 ложек, 1012 черенов кремлевых, 32 посоха и 30 кочерг. В 1582 г. в один прием купили 155 чаш «потешельных», т. е. предназначенных на «потешенье» (подарок) и 15 поставцов чашек «гостиных» для подношения приезжавшим в монастырь гостям⁵⁴⁹.

Такая же скупка ложек, олифленых и белых, черенов репчатых и шадровых производилась и в последующие годы. Покупались и другие деревянные изделия, например в 1604 г. два посоха строганых, 10 кочерг черных⁵⁵⁰; в 1605 г. девять ковшов шадровых, 10 подковцев кочережных⁵⁵¹, в 1606 г. — 25 чашек гостиных, три чаши потешельные, 10 ковшов валовых, 10 кочерг нестроганых⁵⁵².

В монастыре скупленная деревянная посуда подвергалась художественной обработке. Монастырский судописец⁵⁵³ не справлялся один со всей работой, и посуду приходилось отдавать расписывать на сторону. В 1568 г. дьякон Иван Ширяев расписывал 35 чаш, за что получил

⁵⁴⁵ «Старина и новизна», кн. VII, СПб., 1904, стр. 266.

⁵⁴⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. LXXXVI, LXXXVIII.

⁵⁴⁷ Там же, стр. XCV.

⁵⁴⁸ Там же, стр. CIII.

⁵⁴⁹ Там же, стр. CXXV.

⁵⁵⁰ Там же, стр. CXLIX.

⁵⁵¹ Там же, стр. CLXIV, CLXVII.

⁵⁵² Там же, стр. CCVI, CCVIII, CCXXI, CCXXII.

⁵⁵³ Там же, стр. CLXXXI.

5 алт. 2 д.⁵⁵⁴; другой художник Бессонко Коровников расписывал 20 чаш и венцы красками да три чаши золотом, за что получил могольца 4 алтына⁵⁵⁵. В 1604 г. судописцы расписывали 100 чаш гостиных да 10 ставцев чашек гостиных⁵⁵⁶; в 1605 г. живописец Сенька Жогулев получил пятачок от подписки (расписки) 100 чаш и на следующий год гривну «от подписки» тоже 10 чаш⁵⁵⁷.

Из других деревянных изделий Кирилло-Белозерский монастырь заказывал и покупал в большом количестве кресты кремлевые, т. е. из дуба (иначе «черные») тоже местной работы. В 1568 г. их было куплено 947. Иногда эти кресты были украшены резьбой («два креста рез на кремле», в 1605 г.)⁵⁵⁸, даже довольно сложной, например, в 1605 г. купили два креста «резаны страсти господни на кремле»⁵⁵⁹.

На севере широкое распространение имела корельская деревянная посуда и корельские ложки. В имуществе Николо-Корельского монастыря в 1551 г. были две братинки корельские⁵⁶⁰; в том же году этот монастырь приобрел 10 ложек и три ставика корельских⁵⁶¹; в 1554 г.— одну братину и 30 ложек корельских, в 1555 г.— 20 ставцев и 20 ложек корельских, в 1556 г.— 10 ложек корельских⁵⁶². Среди имущества, пожертвованного тому же монастырю одним жителем Варзуги, был тоже «ставец корельский»⁵⁶³. Из других северных монастырей Соловецкий монастырь в 1611 г. купил у олончанина Артемия Никитина в один прием 1232 ложки корельских по 2 гривны за сотню⁵⁶⁴. Последний пример свидетельствует о массовом потреблении на севере корельских ложек, чем и вызвана скупка их для перепродажи предприимчивыми торговыми людьми, каковым, очевидно, был и Артемий Никитин. Соловецкий монастырь и сам производил в своей мастерской для продажи ложки. По крайней мере в 1589 г. Николо-Корельский монастырь приобрел 90 ложек «соловецких»⁵⁶⁵.

Столица государства поставляла более ценную, художественно отделанную, расписанную золотом и красками деревянную посуду — «братины подписаны золотом», «братины красные, венцы подписаны золотом»⁵⁶⁶ и т. п., а также ложки «с костями», т. е. вкладками из моржовой кости.

В 1585 г. Болдин-Дорогобужский монастырь приобрел в Москве 220 ложек «с костями московских»⁵⁶⁷. В последующие годы опять отмечаются покупки таких ложек⁵⁶⁸. В 1594 г. монастырь купил в Москве в один прием 300 ложек с костями, в 1600 г.— 250⁵⁶⁹. Иногда специально посылали из Дорогобужа в Москву деньги на покупку ложек⁵⁷⁰. Точно так же и Волоколамский монастырь приобрел в 1573 г. в Москве

⁵⁵⁴ Н. К. Никольский, Указ. соч., т. I, вып. II, стр. ХСІХ.

⁵⁵⁵ Там же, стр. ХСІІІ.

⁵⁵⁶ Там же, стр. СLV.

⁵⁵⁷ Там же, стр. СLXIV, СCL.

⁵⁵⁸ Там же, стр. СLXXXI.

⁵⁵⁹ Там же, стр. СLXXXIX.

⁵⁶⁰ РИБ, т. XXXII, № 186.

⁵⁶¹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 936, л. 6.

⁵⁶² Там же, № 935, лл. 25, 33 об., 38 об., 46.

⁵⁶³ Там же, № 941, л. 11.

⁵⁶⁴ ЦГАДА. Солов., № 127, л. 190 об.

⁵⁶⁵ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 954, л. 7 об.

⁵⁶⁶ РИБ, т. XXXVII, стб. 135, 177.

⁵⁶⁷ РИБ, т. XXXVII, стб. 20, 21, 23, 27; II, стб. 307, 308.

⁵⁶⁸ Там же, стб. 50, 76, 78, 84, 135.

⁵⁶⁹ Там же, стб. 125, 177.

⁵⁷⁰ Там же, стб. 92, 100, 108, 114.

300 ложек⁵⁷¹, в 1576 г.—100 ложек⁵⁷², в 1579 г.—200 ложек⁵⁷³, в 1581 г.—300 ложек. Кирилло-Белозерский монастырь купил в 1568 г. 200 ложек кленовых⁵⁷⁴. Московские ложки ценились дорого—около 10—15 копеек за десяток, между тем как простых красных ложек можно было за гривну купить пять десятков⁵⁷⁵. Болдин монастырь приобрел их «в отдачу», т. е. для подарков именитым лицам. Возможно, что «московскими» ложками слыли ложки, выделявшиеся не в самом городе, а в его округе. Выделкой ложек и деревянной посуды занималось, в частности, село Клементьево, принадлежавшее Троице-Сергиеву монастырю, у стен которого оно было расположено. Ложечный промысел здесь существовал еще в первой половине XVI в. Писцовая книга 1594 г. называет в Клементьевом двух судописцев, пятерых ложечников, четырех токарей и одного олифляника. Кроме того, в Синодике монастыря упоминается об одном ковшечнике⁵⁷⁶. Из села Клементьева, очевидно, выходили ложки и посуда, известные под названием «троицких». Троицкие братины, чаши, ковши, ставики, ложки имели широкое распространение. В Кирилло-Белозерском монастыре, например, мы находим в 1604 г. 10 чаш троицких с кровлями⁵⁷⁷ и в 1606 г.—четыре «чаши троицкие кубоватые, подписаны золотом»⁵⁷⁸. Насколько ценилась троицкая посуда, видно из того, что при посещении Троице-Сергиева монастыря патриархом константинопольским Иеремиею в 1588 г. царь Федор распорядился преподнести ему пять братин троицких, ковш троицкий, ставики троицкие»⁵⁷⁹.

Вероятно, из дерева делались и «устюжские достоканцы и братины», которые мы встречаем в Николо-Корельском монастыре в 1601 г.⁵⁸⁰ Нельзя того же сказать с полной уверенностью про «стаканы свирские», девять штук которых было в 1586 г. в Псковском Печерском монастыре⁵⁸¹.

Особую специальность в области обработки дерева имела Вязьма, где изготовлялись парадные, так называемые «вяземские», сани. Представление об этих вяземских санях дает описание саней, которые были в 1583 г. пожертвованы Иваном IV Волоколамскому монастырю на помин души сына его Ивана⁵⁸². «Сани вяземские подволочены бархатом немецким, алым... дуги и оглобли вязовые.. хомут ременный и листьями (должно быть лисими) красными хвосты.. возжи врванные.. Полость подложена зуюфу желтою, образцы сафьяновые». Это, конечно, исключительно роскошные сани, вероятно, принадлежавшие царевичу. Вяземские сани вообще были в обиходе придворной знати. Так, в имуществе убитого в 1608 г. в Новгороде окольничего Михаила Игнатьевича Татищева находились сани вяземские⁵⁸³. Болдин-Дорогобужский монастырь в 1585 и 1586 гг. купил трое саней вяземских «в отдачу от монастыря», т. е. для подношения нужным людям: купленные монастырем в 1591 г.

⁵⁷¹ ЛОИИ. Волок, № 2, л. 115.

⁵⁷² Там же, № 1028, л. 93 об.

⁵⁷³ Там же, № 33, л. 93; л. 110, 133 об.

⁵⁷⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. С.

⁵⁷⁵ РИБ, т. XXXVII, стб. 117.

⁵⁷⁶ «Село Клементьево, ныне часть Сергиевского посада».—«Чтения ОИДР», 1887,

кн. 2. Смесь, стр. 6.

⁵⁷⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. CLV.

⁵⁷⁸ Там же, стр. ССII.

⁵⁷⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, прим. 214.

⁵⁸⁰ Макарий. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря.—«Чтения ОИДР», 1879, кн. 1, стр. 48.

⁵⁸¹ «Старина и новизна», кн. VII, стр. 266. Возможно, что надо читать: «свицкие».

⁵⁸² ЦГАДА. Книги записные Иосифова м-ря, № 141/96.

⁵⁸³ «Временник МОИДР», кн. 8. М., 1850. Смесь, стр. 14.

двое саней были отосланы в Москву, очевидно, тоже в подарок кому-нибудь⁵⁸⁴. Богатые монастыри сами держали у себя вяземские сани; они имелись на «дворе санном» Кирилло-Белозерского монастыря⁵⁸⁵; в 1573 г. Волоколамский монастырь посылал в Вязьму 1 рубль для покупки саней «брацких», т. е. приспособленных для поездок монахов⁵⁸⁶. Двое саней вяземских приобрел и Тихвинский монастырь в 1591 г.⁵⁸⁷ Ценились вяземские сани очень высоко. В то время как простые сани ошевни покупались оптом приблизительно за 5 алтын, вяземские сани стоили от 8 гривен до рубля, самые дешевые — полтина с небольшим, а такие роскошные, как те, которые пожаловал Иван IV Волоколамскому монастырю, — 2 рубля без снасти и свыше 2½ рублей со всею снастью. За вяземскими санями ездили обычно в Вязьму, но их можно было приобрести и в Москве⁵⁸⁸.

Кроме вяземских, упоминаются и сани новгородские, в частности такие сани были куплены Антониево-Сийским монастырем в 1581 г.⁵⁸⁹

ж) РАЙОНЫ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Точных сведений о районах гончарного производства в XVI в. у нас нет. Несомненно, что такие районы существовали, поскольку гончарное ремесло зависело от месторождений глины.

Нам известно, например, что в Деревской пятине в Боровичах на р. Сушанке эксплуатировались залежи глины: в одном месте «того берегу, в котором глину копают, на полверсты, а поперек на десятину». В 1564 г. дворцовые крестьяне с рядка Потерпельца копали здесь глину на поместных землях, платя за сажень вскопанной земли по 6 алтын и по 2 гривны, и изготовляли из этой глины горшки⁵⁹⁰.

Славилась глина псковская, которую вывозили на продажу даже в Москву, где в 1589 г. власти Волоколамского монастыря купили два бруска «глины псковские» за 1 алтын⁵⁹¹. Ценилась на рынке также «глина коломенская», которую продавали в Москве. В 1606 г. здесь купили «глины коломенские» представители Соловецкого монастыря⁵⁹². Наличие хорошей глины в окрестностях города способствовало развитию кирпичного производства в Коломне. В 1577/8 г. здесь существовала белая слобода кирпичников в восемь дворов, а в торговых рядах было несколько лавок, тоже принадлежавших кирпичникам.

Повидимому, значительно развито было производство кирпича в районе Смоленска, и там в конце XVI — начале XVII в. на посаде и в уезде были «печи... владычни, монастырские и всяких людей, где дельвали кирпич, известь и кирпич жгли»⁵⁹³. Но эти печи обслуживали только местные нужды. Поэтому, когда предпринималось крупное казенное строительство, в принудительном порядке вызывали кирпичников на место стройки. Так, для постройки стен в Смоленске при Борисе Году-

⁵⁸⁴ РИБ, т. XXXVII, стб. 28, 32, 108—109.

⁵⁸⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 266.

⁵⁸⁶ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 138.

⁵⁸⁷ ЛОИИ. Тихв., № 1, л. 52. Тихвинский монастырь заплатил в данном случае за вяземские сани необычайно дешево — 7 алтын 4 московки (московских денег).

⁵⁸⁸ ЛОИИ. Тихв., № 1, л. 52.

⁵⁸⁹ ЛОИИ. Сийск., кн. 1, л. 63 об.

⁵⁹⁰ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стб. 929, 945.

⁵⁹¹ ЛОИИ. Волок., № 7, л. 68.

⁵⁹² ЦГАДА. Солов., № 426, л. 9 об.

⁵⁹³ А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 40.

нове кирпичников и горшечников «к городовому делу имали» из разных городов⁵⁹⁴. Из Кашина не только были вывезены вместе с каменщиками все кирпичники, но и было предписано, чтобы «в Кашине на посаде и в слободах и в волостях и в уезде и у митрополита, и у архиепископов и в монастырех и у дворян, и у детей боярских, и у гостей, и у торговых, и у всяких людей... горшков и кувшинов и печей и жерновов, и точил и на гробы плит не делали никто»⁵⁹⁵. Все это показывает, что гончарное производство носило почти исключительно местный характер. Как на исключение можно указать производство в Твери синих кувшинов, которые имели спрос и вне Твери. Кирилло-Белозерский монастырь в 1605 г. купил в Твери 140 кувшинов, в 1607 г.— 105 кувшинов синих⁵⁹⁶.

з) РАЙОНЫ МЫЛОВАРЕНИЯ

Торговая книга одним из лучших сортов считала мыло «вологодские вари», которое на Вологде покупали по 60—80 копеек за косяк⁵⁹⁷. В 1567 г. Николо-Корельский монастырь купил косяк «мыла вологодского»⁵⁹⁸.

Выше по качеству было мыло «борисоглебское», производившееся в Борисоглебской слободе близ Ярославля, косяк которого стоил, по данным Торговой книги, 28 и 30 алтын, «и дороже и дешевле временем и по мылу смотря». В 1609 г. Соловецкий монастырь купил в Вологде два с половиной косяка мыла борисоглебского по 25 алт. 5 д.⁵⁹⁹

Ярославское мыло, распространенное по всей стране в XVII в., в XVI в. еще совершенно не упоминается. Можно думать, что в Ярославль производство мыла проникло из соседней Борисоглебской слободы лишь в более позднее время. Впервые ярославское мыло, стоимостью по 1 р. 10 к. за косяк, встречается в расходной книге Соловецкого монастыря в 1613/4 г.⁶⁰⁰

Наоборот, соседняя с Ярославлем Кострома, подобно Ярославлю славившаяся производством мыла в XVII в., уже в середине XVI в. выступала как поставщица хорошего сорта этого продукта. По крайней мере не случайно отдаленный от Поволжья Николо-Корельский монастырь в 1555/6 г. купил на 3 алтына «мыла костромского»⁶⁰¹. В 1605 г. Соловецкий монастырь купил в Вологде четыре косяка мыла костромского по 55 копеек за косяк и в 1614 г.— девять косяков по 85 копеек⁶⁰².

Третьим центром производства мыла в Поволжье в XVII в. была Тверь, из которой в 1675 г. было вывезено 225 косяков мыла⁶⁰³. Тверь уже в XVI в. снабжала очень обширную территорию как простым мылом, так и мылом мельничным (мельничной мазью), или пестретью, употреблявшейся для смазывания мельничных колес. Волоколамский монастырь приобрел в 1573 г. в Твери мыла мельничного на 10 алтын⁶⁰⁴, в 1574 г.— косяк мыла простого и на 2 гривны мельничного⁶⁰⁵, в 1576 г.— бочку

⁵⁹⁴ Там же, стр. 41.

⁵⁹⁵ Там же, стр. 41—42.

⁵⁹⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. CLXVI, CCLII.

⁵⁹⁷ «Сборник Муханова», стр. 371.

⁵⁹⁸ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 940, л. 7.

⁵⁹⁹ ЦГАДА. Солов., № 11, л. 107 об.

⁶⁰⁰ Там же, № 12, л. 59 об.

⁶⁰¹ ЛОИИ. Ник.-Корел., № 935, л. 36.

⁶⁰² ЦГАДА. Солов., № 9, л. 143; № 12, л. 59 об.

⁶⁰³ ЦГАДА. Город. книги, Тверь, № 1, лл. 5 об., 6 об., 12 об., 24 об., 33 об.

⁶⁰⁴ ЛОИИ. Волок., № 2, лл. 123 об., 101 об.

⁶⁰⁵ Там же, л. 193 об.

мази на мельницу за 20 алтын и косяк мыла⁶⁰⁶, в 1579 г.— бочку мыла мельничного⁶⁰⁷, в 1581 г.— две бочки мыла мельничного и косяк мыла⁶⁰⁸, в 1589 г.— два косяка и бочку пестрети мельничной⁶⁰⁹. Кирилло-Белозерский монастырь купил в Твери в 1605 г. шесть косяков мыла⁶¹⁰.

Тверское мыло попадало и на более отдаленные рынки. В 1593 г. Вологодский Прилуцкий монастырь купил на Вологде 30 косяков мыла тверского и перепродал его на Холмогорах⁶¹¹. В 1587 г. Волоколамский монастырь приобрел три косяка мыла у одного тверитина у себя в Волоколамске⁶¹².

По сравнению с другими сортами мыла тверское было дешевле. Обычно его продавали по 40—50 копеек за косяк, а мельничное мыло — по 40—60 копеек за бочку.

Подводя итоги, можно сказать, что в XVI—начале XVII в. уже складывался определенный район мыловарения, охватывавший верхнее Поволжье с довольно широким рынком. Тверское мыло не только имело спрос в центре страны, но и проникало через Вологду на далекий север в Холмогоры. Район этот в XVII в. делается основным поставщиком мыла для всего государства.

и) РАЙОНЫ РАЗВИТИЯ ИКОНОПИСАНИЯ

Главным центром иконописания в России XVI в. была Москва. Этому способствовало присутствие в столице придворной иконописной мастерской, в которой работали наиболее квалифицированные художники. Их произведения распространялись по всей стране, попадая в самые далекие ее углы. Мы находим их и в северном Поморье в Антониево-Сийском монастыре, и в строгановских вотчинах в Приуралье, и на западной границе в Дорогобуже. В XVI в. они создали определенную школу с характерными особенностями, известную под названием «строгановского письма», потому что она получила широкое признание благодаря меценатству Строгановых, для вотчинных церквей которых работали лучшие царские мастера.

От более позднего времени (1610) имеются сведения о вотчинной иконописной мастерской, устроенной Троице-Сергиевым монастырем в принадлежавшей ему Неглиненской слободе в Москве; работавшие в ней иконники и серебряники торговали в иконном ряду⁶¹³.

Наконец, было много вольных иконописцев, которые писали иконы, научась «самовольством и самоловкою», как гласит приговор Стоглавого собора.

Вероятно, уже в XVI в. возник иконный ряд, впервые упоминаемый в источниках 1606—1610 гг.⁶¹⁴, в котором производилась торговля иконами, или, как тогда говорили, «промен» икон, так как продавать иконы считалось грехом и их можно было только «променивать» на деньги.

Это было массовое производство, рассчитанное на широкий спрос. За иконами приезжали в столицу издалека. В расходных книгах Бол-

⁶⁰⁶ ЛОИИ. № 1028, л. 100 об.

⁶⁰⁷ ЛОИИ. Волок., № 3, лл. 15 об., 144.

⁶⁰⁸ Там же, № 4, лл. 84, 133.

⁶⁰⁹ Там же, № 7, л. 64 об.

⁶¹⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. CLXX, CLXXI.

⁶¹¹ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 116, л. 9—9 об.

⁶¹² ЛОИИ. Волок., № 7, л. 64 об.

⁶¹³ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М., 1947, стр. 282.

⁶¹⁴ Там же.

дина-Дорогобужского монастыря постоянно встречаются записи о закупке в Москве значительных партий икон. Например, в 1585 г. в мае «выменено» в Москве 17 образов «пречистые на золоте штилистовые пядници для монастырского обиходу», 3 июля «выменили три образа осмилистые пядници... по игуменскому веленью»⁶¹⁵, в августе 1596 г. из монастыря в Москву послали 1 рубль на поупку икон⁶¹⁶, а в апреле 1599 г. ездивший в Москву с игуменом священник Иринарх «выменил» здесь образов «троиц на золоте» на 3 р. 8 к.⁶¹⁷; в феврале 1600 г. «выменено» 10 образов пядниц на 1 р. 10 алт.⁶¹⁸; в сентябре того же года старец Серапион, «живучи на Москве», выменял 26 образов «троиц» — «на заре и на красках», 15 образов Бориса и Глеба и три образа «пречистой», всего 44 иконы на 9 р. 18 алт. 2 д.⁶¹⁹ и т. д. Для Кирилло-Белозерского монастыря в 1568 г. в Москве было куплено 184 иконы, в 1581 — 34 иконы⁶²⁰. Соседний с Москвой Волоколамский монастырь тоже посылал в столицу деньги на образа. Так, в 1573 г. было послано 3 рубля⁶²¹; в декабре 1575 г. куплено в Москве 11 образов «про государя», т. е. для подношения царю, заплатили 6 р. 10 д.⁶²²; в 1581 г. было куплено там же 12 образов⁶²³ и т. д.

В Москве можно было приобрести и целый набор икон. Например, представитель Болдина монастыря выменял в 1581 г. в подмосковную монастырскую вотчину в церковь устроенного в ней небольшого Никольского монастыря «деисус стоячей, 11 образов на красках, венци золоченые» для иконостаса за 3 р. 10 алт. и в 1589 г. туда же — «на святые ворота деисус поясной, писан на красках, 9 образов на семи тцках» за полтину и 3 деньги»⁶²⁴.

Помимо покупки готовых изделий иконного ряда, богатые люди обращались непосредственно к лучшим московским мастерам с заказами. Так, 9 мая 1585 г. московский иконник писал, по велению игумена Болдина монастыря, образ «святого» патрона этого монастыря⁶²⁵. В 1608 г. иконник Богдан Дмитриев москвитин написал для Кирилло-Белозерского монастыря 50 образов пядниц на красном золоте, за что получил 3 рубля; в 1609 г. — пять образов по 3 алтыны каждый⁶²⁶.

Чаще всего заказы направлялись к высококвалифицированным «государевым» иконникам. Так, в 1586 г., по приказу болдинского игумена, «дано иконнику государеву Поснику Дермину задатку 1½ руб. денег, а написати ему в монастырь к Троице образ пречистые богородицы с празники с чудотворные иконы пречистые Смоленские»; за эту копию с почитаемого в то время образа «всего решено с Посником взяти ему 7 рублей», т. е. очень высокую по тому времени цену⁶²⁷. В том же году дан писать «образ Николин листной» — копию тоже с какого-то «чудотворного его образа», который находился в принадлежавшей Болдину монастырю подмосковной вотчине — иконнику государеву

⁶¹⁵ РИБ, т. XXXVII, стб. 23 и 24.

⁶¹⁶ Там же, стб. 100.

⁶¹⁷ Там же, стб. 135.

⁶¹⁸ Там же, стб. 159.

⁶¹⁹ Там же, стб. 177.

⁶²⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 104.

⁶²¹ ЛОИИ. Вол., № 2, л. 131.

⁶²² ЛОИИ. № 1028, л. 29.

⁶²³ ЛОИИ. Вол., № 4, л. 83, 83 об., стр. 97.

⁶²⁴ РИБ, т. XXXVII, стб. 86—87. Деисус — изображение Христа, богородицы и Иоанна Предтечи.

⁶²⁵ Там же, стб. 23.

⁶²⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 99.

⁶²⁷ РИБ, т. XXXVII, стб. 41—42.

Еуфимью за 40 алтын⁶²⁸. Заказывал и дальний Антониев-Сийский монастырь иконы «государьскому иконописцу» Максиму, который в 1582 г. писал образ патрона монастыря — Антония «чудотворца» и из благочестивых соображений отказался от платы⁶²⁹.

Московских живописцев приглашали даже на место производить те или иные работы. Так, в 1567 г. был выписан из Москвы иконник Иван с двумя учениками, который проработал в монастыре несколько месяцев и получил за работу 5 рублей, а его ученики — 1 рубль⁶³⁰. Царские иконники тоже нанимались ездить в Болдинский монастырь «образов починивать»⁶³¹.

Крупными центрами производства икон были Новгород и Псков. В этих городах в 1580-х годах были иконные ряды; в Новгороде насчитывают в эти годы до 40 иконников⁶³². После московского пожара 1547 г. в столицу были выписаны иконники из Новгорода и Пскова для производства живописных работ: «иконы писати... а иным полати подписывати, и у града над враты святых образы писать». По распоряжению руководившего реставрационными работами благовещенского священника Сильвестра, в то время очень влиятельного при дворе, новгородским мастерам было поручено написать пять ответственных по композиции икон, сообразуясь с образцами старинной московской живописи, которые сохранялись в Троице-Сергиевом и Симоновом монастырях. Псковским иконникам было поручено написать четыре образа, особенно сложных по тематике. Повидимому, псковские художники, привлеченные для работы в Москве, были знаменитостями своего времени, так как в источниках четверо из них названо по имени («Останя, да Яков, да Якушко, да Семен Высокой Глаголь с товарищи») и подчеркивается, что они заказ выполнили самостоятельно в Пскове, а не в Москве, на глазах у церковных властей⁶³³.

К началу XVII в. намечаются и другие центры иконописания — Ярославль и Ростов, которые в массовом масштабе снабжают иконами, в частности, Кирилло-Белозерский монастырь. Ярославцы иконописцы Владимир и Евстафий с его учеником Иваном с сентября 1608 г. по июнь 1612 г. написали 607 икон, в 1613/14 г. — Владимир изготовил еще 50 икон. Всего с сентября 1608 г. по август 1619 г. ярославцы поставили в монастырь 1029 икон. Рука об руку с ярославцами работали ростовцы: Григорий ростовец в августе 1611 г. закончил «письмо» 60 икон и в декабре еще десяти, а в марте 1612 г. совместно с названным выше ярославцем Иваном — 30 икон и т. д.⁶³⁴ Судя по этим данным, значение Ярославля в иконописном деле в изучаемую эпоху еще не вполне определилось. Расцвет ярославского иконописания относится уже к XVII в.

⁶²⁸ РИБ, т. XXXVII, стб. 50.

⁶²⁹ «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2.

⁶³⁰ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 96.

⁶³¹ РИБ, т. XXXVII, стб. 179, 177—178.

⁶³² А. В. Арциховский. Указ. соч.

⁶³³ «Чтения ОИДР», 1847, кн. 3, стр. 19—20.

⁶³⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 99—101.

О Ч Е Р К III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В XVI в.

Наблюдаемый в XVI в. рост общественного разделения труда способствовал ускорению процесса отделения города от деревни. «Первым крупным общественным разделением труда,— говорит Энгельс,— было отделение города от деревни»¹. Изучая процесс отделения промышленности от земледелия в пореформенную эпоху, В. И. Ленин точно так же видит наглядное выражение рассматриваемого процесса в росте городов и фабричных и торгово-промышленных местечек и сел².

Таким образом, вопрос об отделении города от деревни и возникновении новых поселений городского типа не может быть обойден при изучении развития общественного разделения труда и связанных с ним рыночных отношений в России XVI в.

Историки города обратили внимание на значительный рост числа городов в России XVI в. По подсчету П. П. Смирнова, из 113 городов, известных в XVI в., 45 (т. е. почти 40%) были основаны в этом столетии³. Он правильно ставит «гороδοобразующий процесс» в связь с «общественно-экономической дифференциацией сельского населения», но, повидимому, при составлении списка исходит не из социально-экономической характеристики отдельных городов, а из понятия «города», как его понимали в XVI в. Поэтому в список вошли города-крепости, создание которых преследовало чисто военные цели, и, наоборот, не вошли поселения городского типа, которые не были укреплены и поэтому формально не считались городами в XVI в.⁴

Смещение понятия города-крепости с понятием города как места сосредоточения промышленности и торговли является обычным в трудах буржуазных историков, которые подходили к изучению русского города с точки зрения главным образом юридической. Городом для них было

---

¹ К. Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 295.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 489, 497.

³ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.—Л., 1947, стр. 77.

⁴ Автор, к сожалению, не приложил к своим цифровым выкладкам полного перечисления отмеченных им городов. Основания, которыми он руководствовался, могут быть лишь отчасти установлены на примерах, приведенных в примечаниях. Из них видно, что в список вошли некоторые города-крепости, основание которых вызвано чисто военными целями и которые никак не могут быть названы городами в социально-экономическом смысле этого слова, например Орлец на р. Емце, Новый город на р. Ругодыве и др. С другой стороны, неясно, изучены ли поселения городского типа вроде рядков, которые официально городами не числились. Указанная неясность не позволяет безоговорочно пользоваться цифрами, приводимыми П. П. Смирновым, хотя в своих исследованиях он правильно понимает под городом только посады, т. е. торгово-промышленные поселения.

поселение, которое официально носило это название в данную эпоху, а так как городом в XVI в. называли крепость, то именно города-крепости были объектами изучения, и наличие в поселении укрепленного острога или кремля придавали исключительно большое значение. В литературе высказывалось мнение, будто зародышем посада даже в Поморье с его преобладающим сельским населением был «осадный городок»⁵.

Не приходится отрицать, что в отдельных случаях городские поселения в XVI в. возникали около укрепленных «городов». Так, например, основанный в 1551 г. в качестве форпоста для завоевания Казани и для удержания в повиновении Горной стороны Свияжск уже в 1560-х годах имел значительный посад с населением в 291 человека «жильцов» (из них более трети ремесленников) и с большим торгом, состоявшим из 254 лавок, не считая полков, скамей и т. п.⁶ Такой быстрый рост посада в Свияжске объясняется выгодным положением на путях к Казани и в центре недавно присоединенной обширной области, открывавшей широкие возможности для эксплуатации покоренного населения и для колонизации. Но рядом, в пограничной крепости Лаишеве, защищавшей подходы к Казани с юга, посада не было, так как нельзя считать таковым шесть жильцов «жалованных и нежалованных» из осевших тут полоняников⁷. Можно привести ряд других примеров почти полного отсутствия посада при городах-крепостях, например в Дедилове, в Пронске.

Таким образом, возникновение посадов при вновь строящихся и старых «городах» — явление, может быть, характерное для более ранней эпохи, — в XVI в. не может считаться основным моментом в складывании городских поселений. Гораздо важнее уже отмеченное в советской литературе⁸ превращение сельских поселений в поселения городского типа, вызванное углублением общественного разделения труда.

Этот процесс образования поселений, средних между городом и деревней, может быть конкретно прослежен на фактическом материале XVI в. Изучение таких поселков вскрывает условия, которые способствовали их выделению из массы крестьянских деревень и сел, и позволяет установить связь этого явления с развитием рыночных отношений, так как, по правильному определению академика Б. Д. Грекова, «рост городов как ремесленных и торговых центров всегда есть показатель роста внутреннего рынка»⁹.

Я позволю себе остановиться на нескольких наиболее ярких примерах перерастания деревень и сел в поселения городского типа.

В конце XVI в. еще сохранялась память о принадлежавшей Богоявленскому монастырю деревне Андреевской в Мерском стане Костромского уезда на р. Костроме. В 1594/5 г. это был уже небольшой торгово-ремесленный поселок, «слободка, что была деревня Ондреевская». Из 20 дворов (не считая четырех дворов причта и двора монастырского приказчика) 19 принадлежали мастерским людям, в числе которых было

⁵ М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. 1. М., 1909, стр. 115.

⁶ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889, стр. 208—209.

⁷ Там же, стр. 208.

⁸ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946, стр. 555 и сл.

⁹ Там же, стр. 556.

шесть плотников, два токаря, рукавичник, сапожник. Пашни при бывшей деревне Андреевской уже не было ни чети; из сельскохозяйственных угодий были только огороды с хмельниками, три чети перелога и около 7½ десятин пожен на 150 копен. Очевидно, земледельческого хозяйства жители уже не вели. К слободке были приписаны значительные рыбные ловли на речках Мизе и Туровке, но и они не эксплуатировались и были заброшены: оба еза «не колотут, стоят пусты». Частично слободка образовалась из пришлох ремесленников — корелян плотников и токарей, осевших в монастырской деревне¹⁰.

Другим примером может служить слободка Костромского Ипатьевского монастыря Спасово в Дмитровцове стане, состоявшая в 1598 г. из 21 двора «непашенных». В числе ее жителей упоминаются кожевник, три мошеника, холщевник, два кузнеца, мясник. Но особенно любопытно отметить присутствие в слободке работных людей; упоминаются пять дворов (жилых и пустых), принадлежавших казакам, из которых большинство названы «волскими», т. е. очевидно, работавшими на волжских судах; кроме того, названы два передовщика и один перевозчик. Повидимому, характер слободы определялся ее близостью к большому речному волжскому пути. О развитии экономической жизни ее свидетельствует присутствие в слободе площадного дьячка, исполнявшего обязанности нотариуса¹¹.

Обе монастырские слободки дают конкретное представление о возникновении в сельских местностях небольших ремесленных поселков, которые совершенно оторвались от земледельческого хозяйства.

Но в XVI в. мы имеем примеры также сравнительно очень крупных сельских поселков, частновладельческих и черных, которые постепенно превращались в значительные поселения городского типа.

Характерен в этом отношении неоднократно приводившийся в литературе пример села Медны, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю. «Находясь на одном из важнейших торговых путей того времени — Тверь — Торжок — Великий Новгород, село Медна, — пишет С. В. Веселовский, — очень рано было втянуто в торговый оборот»¹².

Приводимые тем же автором документы позволяют установить с сравнительной точностью время, когда это произошло. В 1430 г. Медна представляла собой центр крупного боярского хозяйства с большим количеством живого инвентаря (42 лошади, 65 голов рогатого скота, 130 штук мелкого скота), с значительными посевами разнообразных культур (ржи, овса, пшеницы, ячменя, гречихи, гороха и конопли), с житницами, переполненными запасами зерна; значительные по тому времени суммы денег (54 рубля новгородских) были вложены в ссуды крестьянам. Это чисто земледельческое хозяйство. Через сто лет, в 1539 г., торжок в Медне, перешедшей в руки монастыря, уже конкурирует с другими торжками, существовавшими в соседних с селом феодальных вотчинах. Сеньор Медны — Троице-Сергиев монастырь устраняет эту конкуренцию, добившись от великого князя соответствующей грамоты. К этому времени Медна уже резко изменила свой хозяйственный облик: в 1544 г. в ней из 71 двора было всего только 15 пашенных (21,1%), а 56 дворов были непашенные;

¹⁰ ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Кострома, № 5140.

¹¹ Там же, № 5144. Мошеник — ремесленник, изготовлявший кожаные кошельки — мошны.

¹² С. В. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 25.

среди владельцев последних названы восемь хлебников и калачников, 19 ремесленников, снабжавших население одеждой и обувью (девять сапожников, восемь портных, овчинник, колпачник), четыре кузнеца, горшечник, смычник и, наконец, один скomorох. Совершенно очевидно, что хозяйство в селе перестало быть натуральным, и что большинство населения удовлетворяло свои нужды вне собственного хозяйства. Превращение центра земледельческой округи в торгово-промышленный подтверждается тем, что к Медне теперь тянуло только четыре небольших деревни, насчитывавших всего 19 дворов, и из них один непашенный.

Описание 1588 г. рисует ту же картину: из 99 дворов пашенных было 23, а непашенных — 76, иначе говоря, более трех четвертей населения было слабо связано с земледелием. Среди непашенного населения преобладали продавцы пищевых продуктов (семь хлебников и калачников, пивовар, два мясника, солодовник, два рыболова — всего 13 человек) и мастера, выделывавшие одежду и обувь (пять портных, четыре сапожника, овчинник, полстовал, лапотник — всего 12 человек). Из других ремесленников было два кузнеца, седельник, решетник; новую группу ремесленников составляли семь плотников, появление которых в селе свидетельствует о дальнейшем отходе населения от натурального хозяйства; такую же новую группу образуют три казака, т. е. чернорабочих; вольные профессии представлены попрежнему одним скomorохом. Пашенной земли у крестьян села было в 1594 г. всего 60 десятин да перелога, покоса и леса около 25 десятин. Среди жителей села было два торговца солью.

Торг Медны, состоявший из 29 лавок, обслуживал довольно значительную округу: «торгуют... тутошние меденци и приезжие из деревень»; но наличие в числе лавковладельцев двух новоторжцев показывает, что торговля округа Медны выходила за пределы ближайших сельских местностей¹³.

Нельзя не признать верным вывод С. Б. Веселовского, что Медна в XVI в. «представляется крупным торгово-промышленным селом, превосходящим по количеству населения многие городские посады»¹⁴.

Однако приписывать это явление исключительно географическому положению села, как это делает названный автор, едва ли будет правильным, так как из списка профессий видно, что, за исключением хлебников и калачников, кузнецов и седельника, которые могли обслуживать частично проезжих, остальные ремесленники работали на местное население.

Петровский Борисоглебский погост в Боровичах заслуживает более детального изучения, так как на этом примере особенно ярко наблюдается процесс образования городского населения.

В 1564 г. в нем было всего 115 тяглых дворов, из них 18 на церковной земле. Тяглою населения считалось 122 человека¹⁵. Жители погоста в значительной своей части уже не занимались земледелием. Пашни при погосте было очень мало, всего 62 $\frac{1}{4}$ чети. Худой земли, сена меж полей около нив — 100 копен, да на отхожих пожнях 50 копен. Из 115 дворовладельцев только 29 названы «пашенными людьми» (несколько более

¹³ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 25, 92—94.

¹⁴ Там же, стр. 94.

¹⁵ Для меня неясно, почему Б. Д. Греков (указ. соч., стр. 556—557) считает 114 человек.

четверти). Большинство было занято ремеслами и торговлей¹⁶. Характерно, что в этом по происхождению земледельческом поселении значительная группа жителей (34 человека) занималась изготовлением для продажи пищевых, в частности хлебных, продуктов (18 человек); кузнецов было семь, других ремесленников — девять человек (четыре портных, швец, три сапожника, судоплат). Торговыми людьми названы 16 человек, к ним следует прибавить двух торговцев солью, двух рыбаков (про одного сказано точнее, что он торгует свежей рыбой) и одного ржаника. Для торгового села характерно довольно большое число людей, обслуживавших транспорт (15 человек, в том числе 10 кормщиков и три извозчика). Наконец, происходивший в погосте процесс разделения труда выразился в выделении группы домовладельцев (шесть человек) — казаков, которые «наймутся», т. е. работают по найму, в том числе один «ходит по найму в посохе», т. е. исполняет посошную повинность за известную плату вместо своих односельчан.

Таким образом, в Боровичах мы наблюдаем уже значительное расхождение: с одной стороны, торговые люди, лавковладельцы, ведущие значительную торговлю частично привозным товаром, с другой — эксплуатируемые более состоятельными соседями по погосту казаки. Большинство торговых людей (16 человек) владело на Боровичском погосте лавками и амбарами. Среди них особенно выделялась торговая семья Быковых (Босковых)¹⁷: Степан Клементьев торговал щепетьем в соб-

¹⁶ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стр. 911—925 и 942—946. Мой подсчет профессий не вполне совпадает с подсчетом, произведенным Б. Д. Грековым. Итог, к которому я пришел, следующий:

Пашенные люди	29	Обслуживающие транспорт:	
Торговые люди	16	Кормщики	10
Соленики	2	Перевозник	1
Рыбники	2	Извозчики	2
Ржаник	1		(кроме того один захребетник извозчик)
<hr/>		Ямщик	1
Всего торговых людей	24	<hr/>	
Пищевики:		Всего	14
Пирожники	8 (кроме того один захребетник пирожник)	Чернорабочие:	
Хлебники	4	Казаки	5
Мясники	2	Ходит в посохе наймучись	1
Калачник	1	<hr/>	
Пивовар	1	Всего	6
Молодежник	1	Другие профессии:	
<hr/>		Звонец	1
Всего	17	Бирич	1
Ремесленники по изготовлению одежды и обуви:		Коровий пастух	1
Портные мастера и швец	5	<hr/>	
Сапожники	3	Всего	3
<hr/>		Неизвестные	9
Всего	8	<hr/>	
Прочие ремесленники:		Итого	115 человек
Кузнецы	7		
Судоплат	1		
<hr/>			
Всего	8		

¹⁷ В печатном издании они называются то Босковыми, то Быковыми; очевидно, в одном случае мы имеем опечатку.

ственной лавке и имел еще два амбара, в которых «ставят соль и хлеб», Истома Клементьев — лавку, в которой торговал солью и рожью, и амбар («а в нем ставят соль и рыбу»), а Прокопий Клементьев — лавку для торговли солью и амбар; всего у трех братьев было семь торговых помещений. У Якуша Васильевича Пономарева было две лавки, в одной из которых он торговал солью, чесноком и иным товаром, в другой — щепетьем, и соляной амбар; у Истома Анисимова — две лавки (торговал солью и сапогами). Семен Исаков ржаник, т. е. скупщик хлеба, владел двумя амбарами (в один ссыпал хлеб, рожь и овес, а другой сдавал в наем торговым людям) и, может быть, еще одной лавкой и т. д.

Для торгового села характерно довольно большое число людей, занятых на транспорте как речном, так и сухопутном (15 человек, в том числе 10 кормщиков и три извозчика); некоторые из них использовали свои поездки для того, чтобы приторговывать. Так, торговали в своих лавках извозчики: Григорий Шумов — солью и Лобан Гаврилов — «всяким товаром».

Торг в Боровичах был очень оживленный. «На ряду» стояли 42 лавки, один прилавок и 11 амбаров. Главным предметом торговли была соль, которой торговали в 24 лавках (как общее правило, в сочетании со «всяким иным товаром»), соль «ставили» также в четырех амбарах. Хлеб продавали в четырех лавках и на одном прилавке. Из других предметов питания на рынке можно было купить овощи, хмель, чеснок, солод; в одном амбаре был склад рыбы. Почти совершенно беспашенный погост нуждался в привозном хлебе. Из 11 амбаров в семь «сыплют хлеб» — рожь и овес, очевидно привозившийся из деревень как местных, так и приезжими торговыми людьми. Как мы видели, среди боровичских крестьян был один ржаник, т. е. торговец рожью, Семен Исаков, который ссыпал хлеб в один из принадлежавших ему амбаров; можно с уверенностью сказать, что это был скупщик.

Ремесленными изделиями торговали в 19 лавках. Наибольшим спросом пользовались сапоги, которые можно было купить в семи лавках, и щепетье (тоже в семи лавках). В других лавках продавали сельскохозяйственные орудия (лемеш и косы), рукавицы и шапки. Большая часть торговых помещений принадлежала коренным жителям погоста (около 30 лавок, один прилавок и не менее восьми амбаров). Владельцами чаще всего были местные торговые люди (восемь лавок, восемь амбаров). Но торговали и ремесленники, причем не предметами своего производства. Портные, например, торговали солью, кузнец — сапогами и рукавицами; только пирожник Захар Трофимов предлагал покупателям товар, вероятно, собственного изделия — хлебы. Как указано выше, три лавковладельца были пашенными крестьянами и двое — извозчиками. Наряду с боровичскими торговцами в Боровичи приезжали торговые люди со стороны; некоторые складывали свои товары в амбары местных владельцев, как это видно из того, что Семен Исаков один амбар «отдает... в наем торговым людям», а другие имели собственные лавки¹⁸.

¹⁸ Боровичским торговым людям принадлежало не менее	18 лавок, и 8 амбаров
„ ремесленникам приблизительно	5 „
„ пашенным крестьянам	3 „
„ извозчикам	2 „
Боровичскому пирожнику	1 прилавок

Это лишь приблизительный подсчет, так как далеко не все владельцы могут быть отождествлены с жителями погоста, а относительно посторонних лиц сведений вообще нет.

Ряд на Волоке-Дершкове был значительно меньше. В нем всего было 37 дворов государевых и церковных с населением в 51 человек и торг, состоявший из 14 лавок. Связь жителей с земледелием здесь еще довольно значительна. Несмотря на то, что численность населения была около 44% по сравнению с Боровичами, размеры запашки были одинаковые (62½ четверти); из 35 человек, профессии которых известны¹⁹, 16 человек названо пашенными. Но эта связь с земледельческим хозяйством к 1564 г. была уже слабой. Пашенные крестьяне бросают и здесь земледелие для более выгодных занятий; трое имеют лавки на торгу, причем один из них, Иван Иванов, в книге назван «пашенным и торговым». Среди остального непашенного населения Тимофей Гаврилов владеет лавкой и «торгует всяким товаром»; владельцами лавок были еще два человека, профессии которых не обозначены. Как и в Боровичах, в торговле участвовал отмеченный книгой извозчик, который также имел лавку. Ремеслами были заняты 10 человек, не считая двух мясников. Любопытно, что даже в том ограниченном списке ремесленных профессий, который до нас дошел, встречаются такие специальности, как скорняжное дело и красильное, чего не было в Боровичах. Это показывает, что процесс разделения труда на Дершковом волоке шел интенсивно. Скорняк и один из кузнецов владели лавками, но не известно, торговали ли они в них изделиями своего ремесла²⁰.

Как и в Боровичах, торг на Дершковом волоке привлекал иногородних — одна из лавок принадлежала новгородцу²¹.

* * *

Правда, в XVI в. мы можем наблюдать отдельные случаи, когда деревенские поселения превращались в поселения городского типа вследствие непосредственной близости к большим укрепленным усадьбам крупных феодалов. Но это явление вызывалось не соображениями безопасности, а экономической конъюнктурой. Два обстоятельства в эту эпоху способствовали такому превращению: это были, во-первых, сравнительно льготные условия жизни на землях крупных феодальных владельцев, в первую очередь монастырей, вследствие иммунитетов, которыми они пользовались. Но главная причина заключалась не в иммунитетах, а в том, что в лице привилегированного феодала, особенно монастыря, мы имеем крупного потребителя крестьянской ремесленной и сельскохозяйственной продукции; соседство с хозяйственным центром крупной феодальной вотчины облегчало сбыт деревенских товаров, благодаря чему экономика окрестных сел и деревень постепенно приобретала черты, характерные для городского хозяйства.

¹⁹ Профессии 35 жителей ряда следующие:

пашенных	15 чел.	мясники	2 чел.
пашенный и торговый . . .	1 „	красильник	1 „
торгуют в лавках	3 „	скорняк	1 „
кузнецы	4 „	извозчик	1 „
сапожники	2 „	ямщик	1 „
плотники	2 „	коновалы	2 „

Всего . . . . . 35 чел.

²⁰ В книге не упоминается ни одного торговца мучными изделиями; если это не случайность, то это свидетельствует о домашнем самоснабжении хлебными продуктами.

²¹ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стб. 972—975.

В XVI в. в результате последовательной политики великих князей Ивана III и Василия III и разгрома крупных феодальных вотчин при Иване Грозном старые удельные замки бывших самостоятельных государей были уничтожены, либо пришли в упадок.

На месте прежнего стольного города князей Микулинских в Тверском уезде во второй половине XVI в. оставались, например, только развалины крепости — «городище», на котором стоял двор нового временного владельца, великого князя Симеона Бекбулатовича. Память о старом городе сохраняли лишь названия улиц Дунаевой и Большой, вдоль которых стояло всего 40½ «живущих» дворов с населением в 64 человека. 38 пустых мест и 7⅓ пустых дворов свидетельствовали о том, что еще недавно здесь должно было быть вдвое больше жителей. В упадке был и расположенный на городище монастырь, в котором возвышались две деревянные шатровые церкви, «обе ветхи»²².

Но если замки старой феодальной знати уже исчезали с территории Русского государства, то в интересах обороны южных границ со стороны крымских степей правительство не только допускало, но и поощряло одно время строительство частновладельческих городков для защиты от татарских набегов.

Представление о таком укрепленном частновладельческом замке дает «городок» окольного царя Федора Ивановича Андрея Петровича Клешнина-Печерники Моржевского стана Рязанского уезда, описанный уже после смерти его владельца в 1615/6 г. Острог, увенчанный пятью башнями, стоял на осыпи и был окружен рвом глубиной в 2 сажени, через который к воротам был перекинут мост на столбах; защитой городку служил также находившийся под осыпью пруд. Городок был снабжен в достаточной мере артиллерией. Внутри острога были только избы и клетки стрелецкие и казачьи, «для приходу воинских людей», служившие для помещения гарнизона в случае осады. В мирное время гарнизон, состоявший в момент описания из 129 стрельцов и 29 пушкарей и затинщиков, жил на посаде в четырех слободах, к которым было отведено 656 четвертей пашни паханой, перелога и дикого поля. Посада в смысле торгово-ремесленного пригорода не было. По существу это была военная крепость с гарнизоном²³.

Среди частновладельческих городков, призванных служить форпостами государственной обороны границ, одним из самых мощных был Городенск, основанный И. В. Шереметевым как оборонный пункт против набегов крымских татар и затем перешедший вместе со всей округой к племяннику царя Ивана IV князю Ивану Федоровичу Мстиславскому. В 1571 г.²⁴, после нашествия Девлет-Гирея, Городенск был отобран у его владельца по распоряжению Ивана IV, убедившегося в невозможности оградить страну от татарских набегов силами частных вотчинников.

Подобно Печерникам Клешнина, Городенск прежде всего был сильно укрепленной пограничной крепостью с бревенчатыми крытыми тесом стенами высотой в 1½ сажени, насыпанными землей; высокая крытая

²² Н. В. Калачов. Писцовые книги XVI в., отд. II, стр. 341.

²³ «Временник МОИДР», кн. 13. М., 1852. Смесь, стр. 3—4.

²⁴ «Книга межевая Веневского и Елифанского уезда» издана крайне небрежно, с большими и существенными пропусками Н. В. Калачовым, в 1 вып. «Писцовых книг XVI в.». Издатель неверно датировал книгу 1572 годом согласно архивной рубрике, хотя в подлиннике дата «письма» дана совершенно точно — лета 7080, сентября в 12 день, т. е. сентябрь 1571, что устанавливает связь конфискации обоих городков с набегом Девлет-Гирея летом того же года.

тесом и лубьем башня поднималась над косыми воротами, против которых «для приступа» было воздвигнуто «струбишко дубовое на 4 угла»; другим выходом из города служили пробитые в подошве стен «воротечки малые», которые вели к р. Веневе. Городская артиллерия состояла из трех пищалей, водруженных на башне.

Город был хорошо защищен с одной стороны р. Веневой, с другой — оврагом, который «впал в реку Веневу», и надолбами. Внутри крепости стояла церковь, богато обставленная благодаря щедрости владельцев замка И. В. Шереметева и князя Мстиславского, и здания, рассчитанные на военные надобности: изба, в которой «живут стрельцы для городского береженья», изба «воротникова», две избы стрелецкие, в которые «сходятца стрельцы с пищальми», и 71 клетка княжих слуг и крестьян, построенные «для осадного времени». Гарнизон города состоял из ста стрельцов, которые образовали слободу на посаде; из них «в сполшное время» стояли на городе с пищальми 50 человек²⁵.

Но Городенск был не только крепостью, защищавшей южные границы государства от набегов татар. Это был центр большого феодального хозяйства князя Мстиславского. Под защитой города выросла обширная усадьба владельца. Здесь стоял окруженный тыном большой двор И. Ф. Мстиславского с несколькими избами и горницами, с двумя поварнями («в одной есть варят, а в другой пиво варят»), с погребом и избой, в которой «держат кабак». Двор этот был резиденцией начальника гарнизона «осадного головы» и целовальника, который «продает вино и пиво и мед». Против большого княжеского двора был расположен конюшенный двор, окруженный дубовым тыном, «двор псарской», на котором, кроме других построек, находился «струб медвежий»; тут же на посаде были дворы и приказчика, заведывавшего хозяйством князя Мстиславского, и других княжеских слуг и огородников. На р. Веневе стояла мельница, принадлежавшая кн. И. Ф. Мстиславскому²⁶.

Мы имеем, таким образом, дело с укрепленной усадьбой крупного феодала. Но для нас важно отметить, что эта феодальная усадьба постепенно обрастает ремесленно-торговым посадом, т. е. поселением городского типа.

В момент перехода Городенска из рук князя Мстиславского в руки государства около «городка» находился посад, где рядом со стрелецкой слободой стояло уже 75 тяглых дворов. Происхождение населения большей части тяглого посада не вызывает сомнения — 42 двора принадлежало пашенным крестьянам, не утратившим связи с землей. Это была приютившаяся под стенами крепости большая деревня. Но остальные 33 двора посада были заселены «черными людьми беспашенными», т. е. уже переставшими заниматься земледелием. Можно смело утверждать, что в значительной своей части это были те же крестьяне, но оторвавшиеся от земли и перешедшие к городским занятиям. Процесс такого перехода можно наблюдать по данным писцовой книги, которая отмечает среди лавковладельцев трех пашенных крестьян, торговавших солью и рыбой, т. е. продуктами не своего сельского хозяйства.

На посаде «против городка от заповедного лесу подле надолоб на враге» расположен был торг, обслуживавший нужды стрелецкого гарнизона Городенска, на котором стояли 53 (по моему подсчету, 54 — по подсчету книги) лавки и 17 полков, образовавших два ряда. Здесь торговали «еженедель по пятницам». Главным предметом этого торга было продовольствие, на первом плане — соль и рыба (специально

²⁵ ЦГАДА. Город. книги по Веневу, № 1, лл. 2—5, 7 об.— 8, 13.

²⁶ Там же, лл. 8—11 об.

солью торговали в девяти лавках, рыбой и солью — в 14, солью, рыбой и сукнами — в одной, солью в сочетании с другими товарами — в восьми), мясо (в пяти лавках), хлеб и калачи (в двух). Всего съестными припасами торговали в 30 лавках из 53, не считая 17 полков, на которых, вероятно, как это было обычно в других городах, продавали хлеб, калачи и т. п.

Такое преобладание на рынке торговли съестными припасами с очевидностью свидетельствует о довольно глубоко идущем процессе общественного разделения труда, характерном для города.

Некоторое место на торгу занимали произведения ремесла, в частности местного: сапоги в пяти лавках, горшки — в одной, посуда — в одной, кожи — в одной и «москотинье» (разный мелкий товар, в частности галантерея) — в 13 лавках, всего в 21 лавке. Несомненно, со стороны привозились сукна и крашенина, которыми торговали в двух лавках; в одной торговали «мелким товаром» без более точного определения. В торговле участвовали все разряды населения Городенска. 20 лавок принадлежало местным стрельцам, один из которых, Ширяй Иванов, был крупным торговцем и владел тремя лавками; основным предметом его торговли было мясо, которым он торговал в двух лавках, кроме того, соль и сапоги. К стрельцам примыкали два конных мастера (коновала), торговавших каждый в своей лавке москотиньем. Следующую большую группу лавководельцев составляли посадские и черные люди — 20 человек; четверо из них могут быть отождествлены с жившими на посаде черными людьми, а трое — с пашенными крестьянами; происхождение остальных не может быть установлено, так же как и происхождение сапожного мастера, торговавшего сапогами и солью в собственной лавке; это могли быть жильцы посада, не имевшие собственных дворов и не попавшие в список «черных людей», или жители соседних деревень. Во всяком случае, участие в торговле осевших на Веневском посаде «черных людей» заслуживает внимания; одного из них книга называет даже торговым человеком, что свидетельствует о значительных размерах его торгов. Еще важнее отметить, что и пашенные крестьяне выделяют несколько владельцев лавок, которые торгуют солью и рыбой, т. е. продуктами не своего земледельческого хозяйства, а товаром привозным, каковым, несомненно, была соль, или являвшимся предметом скупки (рыба). Наконец, по очень неполным данным, на Веневском посаде зарождается ремесленное производство. Среди черных людей и крестьян мы встречаем шваля, дехтяря, стрельника, полстовала; производством съестных продуктов заняты были мельник и масленик. Были на посаде и представители свободных профессий: один лекарь-«кровопуск» и один гусленик. Таким образом, на наших глазах вокруг Городенска на Веневе складывается небольшое поселение городского типа. Городенский рынок уже привлекает иногородцев. На посаде жили два выходца из Коломны, один из которых владел москотильной лавкой; другая лавка принадлежала посадскому человеку Харе коширенину; возможно, что и в числе других лавководельцев, происхождение которых неизвестно, были также иногородцы, которых под стены пограничной крепости, испытывавшей постоянную угрозу со стороны татар, привлекли расчеты на возможные доходы²⁷.

Вновь основанный князем И. Ф. Мстиславским Епифанский острог представлял собой первоначально чисто военную крепость, «прямо военный лагерь», по справедливому выражению Чечулина²⁸, с большим

²⁷ ЦГАДА. Город книги по Веневу, № 1, лл. 13 об.— 19 об.

²⁸ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889, стр. 263.

военным гарнизоном (123 стрельца, семь сотников и 497 рядовых казаков, всего 627 человек), но и тут, под острогом, сложилась слобода черных людей, состоявшая из 72 дворов (78 человек), о которой, впрочем, более подробных данных не имеется.

Значительно бóльшую роль в хозяйственной жизни страны в XVI в. играли поселения городского типа, возникшие близ крупных монастырей. Соседство с богатым монастырем открывало для населения подмонастырских сел много источников доходов, которых лишены были крестьяне захолустных деревень. Монастыри с их многолюдными коллективами монахов и слуг не могли ограничиваться продуктами, которые они выкачивали из зависимого крестьянского населения внеэкономическим способом, посредством оброка и барщины, и для удовлетворения многочисленных своих нужд обращались в близлежащие деревни с заказами на ремесленные изделия и за продуктами питания. Кирилло-Белозерский монастырь купил, например, в 1582 г. у подмонастырских крестьян 2399½ аршин сукон более чем на 46 рублей, 50 сажен поясков, чан «под рыбу»²⁹.

По заказам того же монастыря «околомонастырные» крестьяне заготавливали лесной материал. В 1604 г., например, крестьянину подмонастырской деревни Бозина Максиму Максиму «с товарищи» был дан задаток «на золу зжечи и в монастырь им привезти»³⁰; в 1605 г. он же «с товарищи» снова нанялся «200 саж. дров зольных высечь и на золу сжечь»³¹; в 1607 г. у подмонастырских крестьян было куплено 110 сажен «известных дров к печам»³²; в 1608 г. крестьянам околомонастырских деревень было уплачено 3 р. 20 алт. «от угольных дров от 90 саж. от сеченья и от зжения»; в том же году названный выше Максим Максимов поставил в монастырь 200 сажен дров зольных, и староста подмонастырского села купил для монастыря 110 сажен дров для жжения извести³³ и т. д.

Окологородние крестьяне выделяли по найму сырые овчины, которые в виде оброка собирались Кирилло-Белозерским монастырем с населения его вотчин. Так, овчинник Ларя Леневский иногда совместно с братом или с каким-нибудь другим овчинником сделал в 1604 г. 261 овчину, в 1605 г.— 128 овчин, в 1606 г.— 71 овчину, в 1607 г.— 581 овчину, в 1608 г.— 197 овчин и т. д.³⁴

Работали на Кирилло-Белозерский монастырь и плотники — крестьяне деревень, расположенных около монастыря³⁵.

Наконец, крестьяне тех же деревень подрабатывали извозом, доставляя на своих лошадях монастырскую кладь из Москвы и других местностей³⁶.

Монастырские заказы и покупки способствовали, несомненно, развитию ремесленной промышленности в расположенных в соседстве с монастырями деревнях. Превращению их в торгово-ремесленные поселки содействовало и то обстоятельство, что рядом с монастырем обыкновенно возникали слободки, населенные монастырскими мастерами, работавшими на монастырь за ежегодное «жалованье», а иногда и сдельно. Феодално зависимые от своего сеньера — монастыря, ремесленники

²⁹ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. СХХVII, ССХХIII.

³⁰ Там же, стр. СXLVIII.

³¹ Там же, стр. CLIX.

³² Там же, стр. ССXLIV.

³³ Там же, стр. ССXLIV, ССLXXVII, ССLXXIX.

³⁴ Там же, стр. СXLVIII, СLXXVI, СXCIX, ССXXVI, ССXXX.

³⁵ Там же, стр. ССXIX.

³⁶ Там же, стр. СХХIII.

имели, однако, возможность работать и на сторону. Нам известно, например, что Кирилло-Белозерский монастырь неоднократно давал заказы «ферапонтовскому кузнецу» Михаилу, т. е. мастеру соседнего Ферапонтова монастыря. Слободы монастырских ремесленников, сливаясь с ближайшими к монастырю деревнями, и являлись тем зерном, из которого вырастали монастырские посады, нередко и по размерам и по торгово-ремесленной деятельности мало чем отличавшиеся от посадов больших городов.

Процесс образования монастырского посада может быть иллюстрирован на примере села Клементьева Троице-Сергиева монастыря.

Село Клементьево, ныне входящее в состав города Загорска, было расположено под самыми стенами Троицкого монастыря и впоследствии составило центральную часть Сергиева посада. Выгодное положение на большой Ярославской дороге, в ближайшем соседстве с крупнейшим монастырем Русского государства способствовало быстрому его росту и хозяйственному развитию. Уже в 1504 г. это было очень большое поселение, в котором насчитывалось 134 двора. В течение XVI столетия численность населения в нем увеличилась почти вдвое. В 1594 г. в нем числилось 262 двора, не считая четырех дворов духовенства и 22 келий, в которых жили старцы-черноризы, питавшиеся от церкви, и один рудомет. Даже в конце XVI в. село Клементьево еще далеко не утратило своего сельского характера. В состав его населения входило в 1594 г. 125 пашенных крестьян. К Клементьеву было приписано 330 четвертей «пашни паханые добрые земли», 500 четвертей перелога, «да лесом поросло» 500 четвертей, сенокосов на 100 копен и «лесу рощи под монастырем» 30 десятин. За пользование этими обширными угодьями монастырь взysкивал с крестьян ежегодно с 25 вытей 10 ведер сметаны, три ведра сливок, 500 яиц, «копричь изделия, что на монастырь пива и квасы варят»; кроме того, монастырскому приказчику давали с выти по алтыну и за брачные пошлины по алтыну. Это — характерное средневековое крестьянское поселение, живущее сельским хозяйством и обложенное соответствующими повинностями в пользу феодала.

Но рядом с этим феодальным селом ширился торгово-ремесленный посад. Уже в первой половине XVI в. в нем было значительное ремесленное население. Обилие лесов кругом монастыря особенно благоприятствовало развитию деревообделочного мастерства. В Синодике упоминается умерший в 1527 г. ложечник, и это свидетельствует, что производство деревянных «троицких» ложек, которым славилось село позже, существовало в это время, а резьба крестов из дерева была распространена еще в первой половине XV в.; известен «Василь хрестешник», упоминаемый в 1429—1440 гг.; в начале XVI в. Синодик называет Евсевия крестечника, а также Протасия токаря и Анфимия ковшечника. Из других более простых отраслей деревообделочного ремесла жители Клементьева занимались, повидимому, изготовлением повозок; по крайней мере среди монастырских вкладчиков того времени были санник и колесный мастер. Однако среди клементьевских ремесленников были и более квалифицированные, такие, как бронник Гаврила, умерший в 1538 г.

К концу XVI в. село Клементьево, частично сохраняя еще, как отмечено выше, свой земледельческий характер, выросло и превращается в большой торгово-ремесленный посад из 26 непашенных оброчных и 111 непашенных, но бобыльских дворов, всего 137 дворов, из которых следует откинуть 15 дворов вдов и три двора нищих. Производительным трудом, таким образом, заняты были владельцы 118 дворов. Только в 15 дворах мы находим лиц, занятых в домашнем монастырском хозяй-

стве (двое слуг, недельщик, четыре детеныша, три повара монастырских, погребной, ларешный монастыря, два воловика). В остальных 103 дворах писцовая книга отметила 55 ремесленников³⁷, двух торговцев пищевыми продуктами (хлебник и масленик), трех рыбаков (в том числе неводник). В ремесленное производство втягивалось и крестьянское население села, среди которого названы кузнец, два ложечника, шапочник, овчинник.

Несмотря на неполноту наших сведений³⁸, можно сделать некоторые наблюдения над характером подмонастырского ремесла. Состав ремесленных профессий определялся в основном спросом, который предъявлял монастырь. Не случайно сложилась в селе большая группа строительных рабочих (пять плотников, шесть каменщиков, 11 кирпичников), обслуживавшая крупное монастырское строительство. В Синодике назван специалист по постройке церквей — церковный мастер Никифор Бакалдин. Иконописное ремесло, существовавшее в Клементьеве уже в XV в., в конце XVI в. было представлено тремя иконниками и одним олифлеником; основным делом серебряного мастера было окладывание икон; очевидно, и эти ремесленники работали на монастырь³⁹. Зелейщик Гриша немчин снабжал монастырскую крепость порохом.

Особое положение занимала выделка деревянной посуды, которой Троицкий монастырь широко снабжал московский рынок. В этом ремесле были заняты четыре токаря, три ложечника и два судописца, расписывавшие красками деревянные изделия. Это, однако, неполный список связанных с данным ремеслом профессий. Синодик XVI в. называет ковщечника, крестечника и умершего в 1570 г. посошника Леонтия. Но очевидно, что этими несколькими ремесленниками не могло ограничиваться число мастеров, наводнявших через Москву всю страну прославленными троицкими поставцами, братинами, ложками и другими деревянными изделиями.

Наряду с ремеслом ширилась и развивалась торговля села Клементьева. В 1594 г. в сельце было 30 шалашей, в которых по воскресеньям приезжие люди торговали мелким товаром. В декабре этого года, по ходатайству монастыря, торг, который раньше производился «на городке на Радонеже», был перенесен в село Клементьево, а в мае 1595 г. была выдана таможенная уставная грамота о порядке сбора здесь таможенных пошлин «кто привезет в село Клементьево из сел, из деревень и из волостей Московского уезду каков товар ни буди продавать». Предусматривалась возможность, что в село Клементьево не только «москвичи и иных городов и станов и волостей Московского

³⁷ Из них:	кирпичников	11	овчинник	1
	сапожников	10	колесник	1
	каменщиков	6	кузнец	1
	плотников	5	оловянник	1
	токарей	4	олифленик	1
	портных	3	паусник	1
	иконников	3	серебреник	1
	ложечников	3	зелейщик	1
	судописцев	2		

В Синодике за XVI в. из других ремесленников в селе Клементьеве названы кожевник, колесник, санник, бронник, калачник и пряничник.

³⁸ Профессии 42 человек непашенных крестьян не обозначены.

³⁹ В Синодике имеется указание и на умерших в XVI в. иконника Стефана и серебряного мастера Петра (1564)

государства», но и «чужеземцы не Московского государства учнут в селе Климентьевском товар свой продавати».

В первую очередь торжок должен был обслуживать сельскую округу: «сельские крестьяне и иных городов и станов и волостей торговые люди пригонят в село Климентьевское животину на продажу». Монастырские власти могли здесь «на монастырь купити сукна и иной товар», а «того села сельчаний» — приобретать на льготных условиях «себе на лавку рогозину соли или пошев соли, или бочку сельдей» и «опроче того который товар ни буди купит на лавку»⁴⁰.

Таможенные пошлины шли в пользу монастыря. Таким образом, к концу XVI в. село Клементьево уже сложилось как торгово-ремесленный центр местного значения. Но оно уже начинало привлекать население и со стороны: среди плотников упоминается угличанин, среди рыбаков — нижегородец, среди сапожников — пскович, попадаетея даже один немчин — зелейщик.

Польская интервенция временно оборвала торгово-промышленный рост села Клементьева, которое было выжжено бандами Лисовского и Сапеги. Осада Троицкого монастыря, в героической обороне которого деятельное участие принимали клементьевские крестьяне, выдвинула на первый план военные задачи, поскольку выяснилось крупное стратегическое значение монастыря как первоклассной крепости, господствовавшей на важнейшей дороге к столице с севера. После осады на территории села Клементьева были поселены участвовавшие в осаде стрельцы и пушкари, образовавшие две слободы с 122 дворами, крестьянских же дворов в 1614 г. было всего 33; кроме того, тут жили 10 каменщиков, работавших на монастырь, и три бобыля. Однако село быстро восстанавливалось. В 1623/4 г. в нем уже стояло 76 дворов крестьянских и бобыльских и 60 дворов монастырских мастеровых людей с населением в 86 человек, а через 20 лет Клементьево было уже снова крупным торговым центром, в котором были «лавки и анбары, и шалаши и скамьи и кузницы и харчевни и походячий торг... и таможенная пошлина, и квас, и сусло и баня... и овсяная продажа и конская продажа,... и мыльная продажа, и на велик день (пасху) яичная краска, и против святых ворот лавки и шалаши»⁴¹. Подобные же посадки возникали в XVI в. почти около каждого монастыря.

Другой яркий пример монастырского села, перераставшего в городское поселение, дает большое подмонастырское село Спасо-Прилуцкого монастыря Выпрягово близ Вологды, население которого насчитывало в 1543/4 г. 191 тяглеца мужского пола. Из этого числа только 16 человек были заняты в сельском хозяйстве или принадлежали к административному аппарату монастыря (шесть слуг монастырских, четыре половника, четыре месячника, т. е. детеныша, два конюха), двое служили при церкви (часовник и пономарь) и один на монастырской квасоварне; все остальные 172 человека были торговыми людьми, ремесленниками или жили работой в монастыре; но и из них лишь 16 человек — «швали, портные мастера, и сапожники, и плотники, и кузнецы, и кирпичные, и всякие мастера» принадлежали к монастырской дворне и обслуживали непосредственно хозяйство своего вотчинника⁴². Основную же массу населения

⁴⁰ ААЭ, т. I, № 363.

⁴¹ Материалы по селу Клементьеву опубликованы в «Чтениях ОИДР» за 1887 г., кн. 2. Смесь, в статье «Село Клементьево, ныне часть Сергиевского посада», стр. 1—19. В приложении к ней напечатаны две таможенных грамоты 1595 г., № VII.

⁴² Три плотника, три шваля, два кузнеца, два кирпичника, овчинник, оловяничник и иконник.

составляли крестьяне, торговые и мастеровые люди (143 человека); к ним следует присоединить живших на монастырской же земле 13 человек «молотчих людей», которые «кормятся в монастыре» черной работой⁴³. Вся эта большая группа жителей Выпрягова была, очевидно, первоначально крестьянами, которые втянулись в торгово-промышленную жизнь большого города, каким была Вологда, в соседстве с которым находился Спасо-Прилуцкий монастырь.

Таким образом, по сравнению с селом Клементьевым, в котором почти все ремесленное население было связано с хозяйством монастыря и получало от него жалованье, село Выпрягово представляет собой следующий шаг в развитии монастырского посада, когда вотчинное ремесло уже перестает играть в нем большую роль.

Дальнейший ход хозяйственного развития монастырского посада наглядно показывает Тихвинский посад, принадлежавший местному Богородицкому монастырю.

Под Тихвином в 1583 г. уже существовал целый посад из 137 дворов, из которых один двор был монастырский, 31 двор принадлежал слугам монастырским, 53 двора — торговым людям, 22 двора мастеровым и сапожникам и 31 двор — бобылям. Все население посада фактически уже совершенно оторвалось от земледелия; «под монастырем пахут пашни» только 30 четверти в поле⁴⁴.

Слабые следы связи с сельской округой можно усмотреть лишь в поставке тихвинскими посадскими жильцами в монастырь лесных материалов: в 1591 г. у посадских жильцов Лутка Уха «с товарищи» было куплено 40 бревен мельничного леса, ему же и Гришке Васильеву дехтярю заплатили 2 рубля «за бременной за мельничной запас за 200 бревен, что они секли и припавили к мельнице»; ему же и Первушке Исакову Оконничникову с товарищи дано «найму... от сеченья дров, от 120 саж.» 4 р. 13 алт. 1 д.⁴⁵

На глубоко зашедшее отделение Тихвинского посада от деревни указывает развитие торговли на нем хлебными продуктами: торговые люди как отмечено писцовой книгой 1583 г., «торгуют солью и хлебом и колачи», и в поименном списке «посадских жильцов» названы три калачника и хлебник. О том же говорит и торговля мясом; среди торговых людей было три мясника, один из которых, Зеха, владел собственной лавкой⁴⁶. Упоминается и торговец рыбой («Самсонко рыбник»). В основном это типичный ремесленно-торговый поселок городского типа, питающийся привозными продуктами, в том числе главным образом покупным хлебом.

На Тихвинском посаде в конце XVI в. ремесло уже получило значительное развитие. Писцовая книга сочла даже нужным выделить в особую группу 22 двора «мастеровых людей и сапожников, составляющую более 16% всего населения, но были ремесленники и среди бобылей и торговых людей. Этот список совершенно случаен и неполон. Тем не менее уже намечается выделение сделавшейся впоследствии ведущей профессии обработки металла, характерной для района, поставлявшего тихвинский уклад. Среди торговых людей было три кузнеца, среди лавководельцев — один замочник; в 1591 г. упоминается посадский жилец Василий Трепахин, который служил в монастыре «в оружейниках».

⁴³ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902, стр. 68—69.

⁴⁴ ЦГАДА. Писц. книги по Новгороду, № 965, лл. 51 об.—55.

⁴⁵ ЛОИИ. Тихв., № 1, лл. 60, 63 об.

⁴⁶ Там же, л. 12 об.

Из других ремесленников названы сапожники, седельник, иконник, щепетник, гончар, два свечника, дехтять и, кроме того, калачник и хлебник⁴⁷.

Торговля Тихвинского посада достигала также значительных размеров: на торгу было 50 лавок, из которых только восемь принадлежали монастырю и две — монастырским слугам. Монастырь сам торговли не вел, и в монастырских лавках «торгуют наймом». О большом сравнительно съезде торговых людей в Тихвин свидетельствует постройка монастырем особого «двора гостиного на приезд». Но главное участие в тихвинской торговле принимали, разумеется, тихвинские «жильцы»: из 40 лавок, не составлявших собственности монастыря и его слуг, 13 принадлежали тихвинским торговым людям и четыре — мастеровым⁴⁸. Из общей массы выделяется семья Голошаповых, владевшая четырьмя лавками; попадались состоятельные торговые люди и в числе мастеровых: одному из них, Максиму Михееву, принадлежали две лавки.

Среди тихвинских посадских людей были скупщики, снабжавшие монастырь продуктами питания. В 1591 г. калачник Васюк продал в монастырь три бочки лудоги на 4 р. 95 к., т. е. товар, не имеющий ничего общего с его основной профессией⁴⁹. В 1592 г. у посадских жильцов Суботки Мельникова и Степана Мелова было куплено 46 пудов масла на значительную сумму в 29 р. 15 алт. и у Луки Брякунева — 8 пудов⁵⁰. Некоторые из тихвинских жильцов завозили свои товары на далекие рынки. Так, в 1580 г. Соловецкий монастырь купил у тихвинца Семена Афанасьева 593 локтя сукон сермяжных, 220 ремней, всего на 17 рублей с лишним⁵¹.

Наконец, на Тихвинском посаде можно заметить и наличие представителей таких профессий, которые обычно появляются в местах оживленного торгового, вроде банника и обслуживавшего местный транспорт извозчика.

Итак, в Тихвине уже в XVI в. сложился настоящий город в нашем смысле этого слова. Как показывает в своей монографии К. Н. Сербина, Тихвинский посад в XVII в. вступил в ожесточенную борьбу со своим сеньером — монастырем, добиваясь освобождения из-под его власти; борьба эта увенчалась успехом лишь в конце XVIII в., когда в 1773 г. монастырский посад был преобразован в уездный город⁵².

Мы меньше знаем о посаде, возникшем под Псковским Печерским монастырем. Вследствие пограничного положения монастыря посад этот приобрел в XVII в. крупное значение как пункт сношений с ливонским зарубежьем; в монастырском гостином дворе останавливались приезжие «немцы», и печерские бобыли сами ездили с торгом в «Свийские города» Прибалтики. Надо думать, что торговая роль Печерского посада определилась уже в XVI в., так как в 1586 г. за конюшениным двором, находившимся за оградой монастыря, стояли «лавки печерских панковских бобылей», а из того, что в них торговали, кроме соли, хлебом и

⁴⁷ ЛОИИ. Тихв. № 1, лл. 113 об.—114; ЦГАДА. Писц. книги по Новгороду, № 965, лл. 51 об.—55.

⁴⁸ ЦГАДА. Писц. книги по Новгороду, № 965, лл. 55—56 об. Дело идет только о тех лавковладельцах, которые могли быть более или менее точно отождествлены с дворовладельцами.

⁴⁹ ЛОИИ. Тихв., № 1, л. 95 об.

⁵⁰ Там же, лл. 141, 150 об.

⁵¹ ЦГАДА. Солов., № 5, л. 72.

⁵² К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 376—427. (Примечание редакции).

калачами, надо полагать, что непашенное население подмонастырской слободки было значительно⁵³.

Нам известен один случай, когда уже в конце XVI в. посад на церковной территории превратился в настоящий город. Это «город Николы Зарайского» (Зарайск). При соборе Николы Зарайского, по преданию, еще в первой половине XIII в. сложилась своеобразная, выведившая свой род из греческого Корсуня династия протопопов, которые по наследству от отца к сыну занимали свою должность. Династия эта около 1560 г. уже насчитывала восемь поколений⁵⁴. Расположенная на высоких и крутых берегах («заразах») притока Оки — Осетра, крепость, сооруженная кругом собора, приобрела большое стратегическое значение как оборонный пункт против набегов татар. В первой половине XVI в. деревянные стены были заменены каменными, и начиная по крайней мере с 1541 г., к «Николе Зараскому» стали назначаться воеводы для защиты «берега»⁵⁵. Но владельческие права протопопов на территорию, окружавшую собор, были подтверждены «даньем» великого князя Василия III и царей Ивана IV и Федора⁵⁶. На этой территории у стен «града» уже в первой половине XVI в. сложились значительные «посады», населенные «гражданами», которые в июле 1541 г. помогли с успехом отразить татар⁵⁷. Для защиты этих посадов был поставлен деревянный острог. Судя по описанию, произведенному в 1594—1597 гг.⁵⁸, поселение «на посаде, в остроге и за острогом» было чисто городского типа. Не считая гарнизона и духовенства, в нем числился 441 двор с населением более 527 тяглых людей и дворников⁵⁹. Из этих дворов 169 дворов, стоявших «у Николы же в городе в каменном и в остроге и за острогом и за речкою за Монастырскою», принадлежали рязанским и каширским помещикам, державшим в них дворников в числе 198 человек; 171 двор были тяглыми и 26 бобыльскими (считая и население пожертвованной собору кабальной слободки Назарьевской); 57 пахотных и 18 бобыльских дворов числилось за Рождественским или Круглым монастырем, расположенным за острогом на посаде. Кроме помещичьих дворов, всеми остальными «теми посадскими тяглыми и бобыльскими дворами, которые в остроге и за острогом в Круглом монастыре и которые за монастырем на монастырской земле и в Назарьевской слободе и владеет Николы Зарайского протопоп».

Зарайский посад в конце XVI в. еще не вполне отделился от деревни. Как отмечено выше, на нем было 57 дворов пахотных и, кроме того, среди помещичьих дворников было 18 пашенных людей, всего 75 человек, или около 6% всего неслужилого населения. Но наряду с ними среди тех же дворников было 47 торговых людей, 58 мастерских людей

⁵³ «Старина и новизна», кн. VII, СПб., 1904. «Псковский Печерский монастырь в 1586 г.», стр. 272.

⁵⁴ «Временник ОИДР», кн. 15. М. 1852, отд. III, стр. 11—21.

⁵⁵ П. Н. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга. М., 1901, стр. 113.

⁵⁶ «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России», изд. А. Федотов-Чеховский (далее: «Акты Федотова-Чеховского»), т. II, Киев, 1863, стр. 491.

⁵⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 138.

⁵⁸ Платежные книги Зарайска за 1594—1597 гг., напечатаны в издании Н. А. Найденова «Зарайск. Материалы для истории города», М., 1888, стр. 1—2. Из содержания видно, что книги окончательно оформлены были уже после вступления на престол Бориса Годунова.

⁵⁹ В сохранившейся платежной книге 103—105 гг. (ЦГАДА. Писц. книги, № 396) пропущена точная цифра крестьян, которые жили в 57 дворах, принадлежавших Рождественскому монастырю; в остальных 384 дворах числилось 470 человек. Отмеченным пропуск был уже в том списке, на который находим ссылку в правой грамоте 1684 г. («Акты Федотова-Чеховского», т. II, № 152).

и 75 человек «кормятца по миру, делают наймующись». Мы не имеем сведений о занятиях собственно посадских людей, но приведенные данные о 198 дворниках, очевидно, характерны для всего посадского населения Зарайска⁶⁰. В дворники шли «молотчие убогие люди», как сказано в платежной выписи — мелкие торговые и мастеровые люди и чернорабочие, но на Зарайском посаде были люди и очень состоятельные. В 1613/4 г., например, кабак, таможенная пошлина и оброк с лавок и бани в Михайлове были отданы на откуп «Николы Заразского посадскому человеку Мишке Буклеву за 80¹/₂ руб. и наместничь доход, тамга и кабак в Данкове за 23¹/₄ руб.»⁶¹. Таких «лутчих» людей на посаде во время составления платежной 1594—1597 гг. в Зарайске было пять дворов, кроме того, 25 дворов были признаны «средними»⁶². Посад постепенно пополнялся и выходцами из зарайского гарнизона, которые втягивались в торгово-промышленную деятельность. В конце XVI в. «в чернослободцы» взято было несколько человек из затинщиков и пушкарей⁶³.

В конце XVI в. Зарайский торг достигал значительных размеров: на посаде и в каменном городе торговали 276 лавок, и 53 скамьи для продажи хлеба, калачей и всякого мелочного товара⁶⁴. Из окрестных сел «сенные трушники» привозили сено. Рекой Осетром приезжали и иногородцы, с которых в пользу причта соборного взимался «мыт воденой» по 3 деньги с шеста. Но это были годы далеко не наибольшего расцвета зарайской торговли: судя по числу пустых лавок и порозжих лавочных мест, раньше было 347 лавок и на р. Осетре семь амбаров⁶⁵.

Экономический рост Зарайского посада характеризуется и обширными операциями местного кабака, который за год (с июля 1613 по июль 1614) наторговал на 324 р. 11 алт. 4¹/₂ д., а за три следующих месяца — на 108 р. 28 алт.⁶⁶

Торговая деятельность Зарайска начала захватывать и торговую верхушку соседних сел. В 1613 г. крестьянин села Ловец Василий Шустов, откупивший в Зарайске кабак за 361 р. 3 алт. 4¹/₂ д., заплатил при приеме кабака за кабацкий двор 50 р. 10 алт. и 8 р. 3 алт. 3 д. за отпущенный запас меда и пива⁶⁷.

Мы видим, что принадлежавший причту собора Николы Зарайского посад в конце XVI в. экономически уже развился в город с населением, занятым городскими промыслами, и значительным рынком. Поэтому при «посадском строении» Бориса Годунова Зарайский посад был взят «на государя»; указ об этом состоялся, повидимому, еще при жизни царя Федора⁶⁸, но окончательно введен в жизнь был в царствование Бориса Годунова.

После избрания на русский престол Михаила Романова, когда все крупные и мелкие феодалы торопились урвать от своего избранника всевозможные льготы, и никольский протопоп Михаил добился возвращения собору утраченного посада, но это был лишь очень кратковре-

⁶⁰ В процентном отношении среди дворников чернорабочие составляли приблизительно 38%, ремесленники — 29,3%, торговые люди — 23,7% и пашенные люди — 9%.

⁶¹ РИБ, т. XXVIII, стб. 25, 27.

⁶² Н. А. Н[айденев]. Указ. изд., стр. 1.

⁶³ РИБ, т. XXVIII, стб. 59.

⁶⁴ На посаде 260 и в каменном городе 16.

⁶⁵ Н. А. Н[айденев]. Указ. изд., стр. 1, 2; РИБ, т. XXVIII, стб. 59—60.

⁶⁶ РИБ, т. XXVIII, стб. 60.

⁶⁷ Там же, стб. 60—62.

⁶⁸ «Акты Федотова-Чеховского», т. II, стр. 484; подтверждается и содержанием платежной 1594—1597 г., согласно которой посад уже был положен в сошное письмо.

менный успех, так как через год посад был снова освобожден из-под власти причта и с тех пор оставался государевым посадом, хотя зарайскому духовенству и удалось кое в чем ограничить в свою пользу земельные владения зарайских посадских людей.

Зарайский посад был в сущности исключением. В условиях господства феодального строя посады, возникавшие на земле частных владельцев и монастырей, не могли развиваться нормально. Феодальные сеньеры крепко держали в своих руках крепостное население этих посадов и при поддержке правительства подавляли всякие попытки эмансипации с его стороны. Судьба Тихвинского посада и села Клементьева, из которых первый только в конце XVIII в. был преобразован в город, а другое официально стало городом только после Октябрьской революции, в этом отношении показательна. Даже Зарайск при царе Михаиле был временно возвращен причту Никольского собора, а в конце XVII в., по проискам никольского протопопа, потерял Назарьевскую слободу и был фактически лишен выгонных земель.

* * *

Исследователи обычно выдвигают один основной момент, способствовавший перерастанию сельского поселения в поселения городского типа,— выгодное положение на торговых путях. Этот момент, несомненно, играет большую, но не исключительную роль и сам является производным, поскольку торговые пути складываются под влиянием общих экономических условий, переживаемых страной. Без учета оживления в XVI в. рыночных связей в Русском государстве нельзя объяснить, почему положение на больших дорогах начинает оказывать определенное воздействие на хозяйственное развитие сельских районов, через которые эти дороги проходили. Влияние усилившегося в XVI в. торгового обмена можно наглядно проследить на большом речном пути, соединявшем западное побережье Белого моря с центральными областями государства. Путь этот шел из Онежской губы вверх по Онеге и получил большое значение в связи с развитием солепромышленности в северном Поморье. Суда с солью шли «рекою Онегою вверх в Турчасовской уезд, рекою Онегою к Петру святому на порог», и дальше на Турчасово. «Здесь,— по словам Штадена,— в первый раз взвешивается соль, которую вываривают из моря»⁶⁹. «Хто каргополец, и турчасовец и усть-мошанин и мехренжанин и поморянин придет от моря от варниц в Турчасово с солью лете в судех, а привезши ту соль, учнет ее в Турчасове продавати...»,— сказано в каргопольской таможенной грамоте 1554/5 г.⁷⁰ «Дальше по Онеге соль доставляется в Каргополь»,— продолжает Штаден. Каргополь, по его выражению, был «складом соли». Это сообщение всецело подтверждается актовым материалом. «А придут каргопольцы и турчасовцы и усть-мошане и мехренжане и онежаня в Каргополь в судех, и там им соль выкладывати из судов в анбары или на завалы»,— говорит таможенная грамота. В Каргополь за солью приезжали торговцы из Вологды, Белоозера, Холмогор и из других городов: «Которые белозерцы или вологжаня или двиняне приедут в Каргополь соли купити зиме на санех, а лете в судне, да, купив, ту соль в Каргополе учнут передельвати»⁷¹. Кириллов монастырь, например, выхлопотал

⁶⁹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 65.

⁷⁰ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 3096, л. 3.

⁷¹ Там же, лл. 4—5.

себе в 1546 г. грамоту на беспощинную покупку в Каргополе 10 000 пудов соли для вывоза в Москву и другие города с целью продажи⁷².

Одна грамота 1545 г. дает полную картину соляного торга в Каргополе: «Каргопольцы и онежане и турчасовцы и порожане и усть-мошане и мехренжане ездят к морю соли купити, да купив-де у моря соль у поморцов, да возят ея в Турчасово ...и на Порог, лете в судех, а зиме на санех, да в Турчасове де и на Порозе ту соль бьют у них в рогожи казаки... да и, сделав ту соль в рогожи, да возят ее в Каргополь, да в Каргополе продают ея белозерцем и вологжаном и иногородцем всех городов Московские земли,... и белозерцы де и вологжане и иных городов люди, купив соль в Каргополе, возят ея в... московские городы продавати»⁷³.

Из Каргополя путь шел через озеро Лаче в реку Свидь: «Которой гость иногородец или белозерец или вологжанин иного города, которого ни буди, приедет в Каргополе соли купити, да купив ту соль в Каргополе, повезет за озеро на Короткое или Пунему или на Перечное или в Вондогу или в-ыные реки в которые ни буди в судех до волоков»⁷⁴. На р. Свиدي «у Николы святого на порезе ж» «порозички» брали с судов пошлину⁷⁵. Расположенное на той же реке селение Короткое в XVI в. было складочным местом соли и других товаров, шедших с Онеги на Белоозеро и в Вологду. Из духовной грамоты Леонтия Дмитриева мы узнаем, что ему принадлежали на Коротком два амбара, в одном из которых лежали купленная для него в Каргополе соль (128 рогозин), а 108 рогож соли, оставленных им «по душе» Кирилло-Белозерскому монастырю, были им оставлены в чужом амбаре⁷⁶. Сам Кирилло-Белозерский монастырь тоже имел склад соли в Коротком, по крайней мере в 1581 г. из Короткого в монастырь привезли 27 рогож соли (694³/₄ пудов), причем оплачен был только провоз, следовательно, соль куплена была не в Коротком⁷⁷. Установить с такой же точностью речной путь от озера Воже до Белого озера не представляется возможным. Можно только с уверенностью, сказать, что в изучаемое время такой путь существовал, так как Кирилло-Белозерский монастырь посылал в 1606 г. своих старцев и служек «на Короткую и на Сведь и в Каргополе и на Турчасово и на Усть-Меши»⁷⁸. Следовательно, обычная дорога с Белого озера на Онегу шла через Короткое по Свиدي.

Из Белоозера суда спускались по Шексне. У самого истока Шексны из Белого озера стояло селение Крохино Чарондского уезда. По существу это был рыбачий поселок, торговавший рыбой из Кубенского озера; здесь в 1568 и 1582 гг. Кирилло-Белозерский монастырь покупал судаков, стерлядей и другую рыбу⁷⁹. Чарондцы и сами возили рыбу на продажу на Белоозеро⁸⁰. Но вследствие положения у выхода из Белого озера в Шексну Крохино превратилось в место временного склада

⁷² А. И. Андреев. Описание актов, хранящихся в Постоянной историко-археологической комиссии, ч. 1.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», кн. 34. Л., 1927, стр. 306, № 165.

⁷³ ААЭ, т. I, № 211, стр. 200—201.

⁷⁴ ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 3096, л. 9.

⁷⁵ ЛОИИ. Акты Археологической комиссии, № 165 по описи А. И. Андреева (Указ. соч., стр. 306).

⁷⁶ «Акты юридические» (АЮ), № 415.

⁷⁷ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. СІХ.

⁷⁸ РИБ, т. XXXV, № 49.

⁷⁹ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. LXXXIII, XCIV, CXVI.

⁸⁰ Там же, стр. LXXVII—LXXVIII.

товаров. У названного выше Леонтия Дмитриева (XVI в.) рожь «лежала в Крохине, на острове в Иванове онбаре Матюхина» в количестве 550 рогозин⁸¹.

Следующим важным перевальным пунктом на изучаемом пути был Волочек-Словенский между Шексной и Кубенским озером, через который пролежала «вологодская» дорога. Волок шел с Шексны от озера Словенского в озеро Порозобицкое на впадающую в Кубенское озеро р. Порозобицу и, таким образом, соединял Белое озеро с Вологодой и связанным с нею Ярославлем.

Путь «на Волочек на Словенское озеро да с Словенского озера волок на Прозобицкое озеро»⁸² уже сложился в XV в., и им пользовались в течение всего XVI в. Этим волоком гоняли «большою дорогою» от Вологды на Словенской ям и далее на Белоозеро и до Короткова в Чарондском уезде и «мимо Короткова до Каргополя».

В XVI в. Волочек был густо заселен. В 1543/4 г. на нем было 87 черных деревень и пять починков; по переписи 1577 г., деревень было 85 с 266 дворами и пять церковных погостов, а к ним четыре деревни. Это был по существу земледельческий район. В 1577 г. в нем считалось 588 четвертей пашни в поле⁸³.

Крестьяне с Волочка-Словенского жертвовали в Кирилло-Белозерский монастырь значительное количество ржи, овса, пшеницы, сена, скота и лошадей. Так, в 1560-х годах Малыга Турыгин дал 100 четвертей ржи, столько же овса и 30 возов сена⁸⁴; Захар Захаров — лошадей, скота, хлеба и сельской рухляди на 12 р. 5 алт., в 1612/3 г. Михаил Беляков — ржи, овса, лошадь, трех коров более чем на 40 рублей и в те же годы Федор Алексеев Шиловцев — ржи, ячменя и пшеницы на 7 р. 13 алт. 4½ д.⁸⁵ и т. д.

Выгодное положение на большой Вологодской дороге очень рано способствовало возникновению на Волочке довольно оживленного торга. Уже в конце XV в. здесь останавливались для торговли гости «из Московские земли, из Твери, из Новгородские земли и с Устюга, и с Вологды». Поэтому Уставная грамота 1488 г. предоставляла наместнику белозерскому держать на Волочке своих пошлинников для сбора таможенных пошлин⁸⁶. С переходом Волочка-Словенского во владение Кириллова монастыря эта практика прекратилась. Только в 1602 г. Кириллов монастырь выхлопотал официальное разрешение на устройство еженедельного воскресного торга на Волочке, причем сбор таможенных пошлин был правительством уступлен монастырю за ежегодный оброк в 2 рубля. Торг на Волочке-Словенском сразу «стал велик, съезжаются торговые люди торговати со всякими товары Белозерского и Вологодского уезда и Чаронские округи крестьяне... и те-де крестьяне с товары и с хлебом на Белоозеро не поехали». Правительство поэтому поторопилось менее чем через четыре месяца отнять у монастыря предоставленное ему право собирать таможенные доходы и, вернув ему выплаченные им оброчные деньги, распорядилось посылать на Волок «в торговые дни» таможенных целовальников, так как предвиделась возможность, что «на Волоку на Словенском белозерцы и вологжане и новгородцы и каргопольцы и иных городов посадские люди и Белозер-

⁸¹ АЮ, № 415.

⁸² С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II. М., 1900, стр. 43, 92.

⁸³ Там же, стр. 143—144.

⁸⁴ ЛОИИ. Рук. собр. 1074, Вкл. кн. Кир.-Белоз. м-ря, л. 236 об.

⁸⁵ Там же, дл. 498, 508, 509.

⁸⁶ РИБ, т. XXXII, № 55.

ского и Вологоцкого и Чаронские округи и иных сел и волостей и деревень крестьяне учнут съезжаться торговати какими большими товары и с хлебом»⁸⁷.

Местные крестьяне торговали преимущественно продуктами сельского хозяйства. Кирилло-Белозерский монастырь покупал на Волочке сено для своих лошадей, масло, яйца. Так, в 1606 г. было куплено: 10 пудов 38 гривенок масла и в 1608—12 п.⁸⁸; в 1606 р. яиц на 1 рубль; в 1607 г.—1535 яиц на 25 алт. 4 д.⁸⁹; в 1604 г.—21¹/₃ возка да 15 стожков сена и четыре возка соломы (на 17 р. 3 алт. 4 д.); в 1607 г.—300 копен сена и семь овицев соломы ржаной и яровой на 10 р. 1 д.; в 1609 р.—56 возов сена и шесть возов соломы и в том же году на Волочке и в Рукине—42 воза сена и 18 соломы⁹⁰.

Несомненно, благодаря торговле некоторые из местных крестьян в XVI в. скопили значительное состояние. Так, в 1570-х годах один из них, Старко Тимофеев Лукьянов, смог пожертвовать в монастырь денег, ржи, сена на 43¹/₂ рубля и еще хорошую лошадь за 10 рублей⁹¹, в начале 1590-х годов его внук приплатил еще деньгами 8 рублей. Названный выше Шиловцев, кроме хлеба и инвентаря, дал 19 рублей деньгами—всего на 60 рублей, не считая трех коров.

Но в XVI в., наряду с земледелием, здесь получают большое развитие ремесла, особенно железодельные. В 1581 г. волоцкий кузнец сковал для Кириллова монастыря 50 ножей репчатых⁹² и 100 ножей шадровых с дорогами⁹³, в 1582 г. волоцкие кузнецы Петруша—100 ножей шадровых, Степан Жилинский—100 ножей, Яким Глазков—100 ножей репчатых и 30 матерских⁹⁴, волоцкий кузнец Ермола участвовал в ковке языка большого монастырского колокола⁹⁵. Мы видим, что на Волочке образовалось целое гнездо опытных кузнецов.

Кузнечное ремесло не было единственным, получившим развитие на Волочке. В начале XVII в. Кириллов монастырь беспрестанно обращался с значительными заказами к местному овчиннику Сысою и его брату. В 1603—1608 г. они ежегодно выделяли для монастыря от 100 до 260 с лишком овчин; кроме того, в 1606 г. волоцким овчинникам, без указания кому именно, было дано на выделку 665 овчин⁹⁶. Из других ремесел упоминается выделка волоцкими крестьянами Степаном и Григорием Кошелевыми кож в 1606 г. Волоцкие крестьяне занимались также производством кирпича: в 1581 г. кирпичники волочане Федор Лыко с товарищи сделали для Кирилло-Белозерского монастыря две печи, на что пошло 47 000 кирпичей⁹⁷. Наконец, покупка в 1582 г. на Волочке 1383 ложек шадровых и в 1607 г. 660 отесков ложечных свидетельствует, что здесь было также распространено производство ложек⁹⁸.

Таким образом, положение на Волочке между Кубенским озером и Белым создавало, несомненно, благоприятные условия для образова-

⁸⁷ РИБ, т. XXXII, №№ 24 и 25.

⁸⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. ССХIII, ССХIX.

⁸⁹ Там же, стр. ССХXI, ССLVI.

⁹⁰ Там же, стр. СXLIV, ССXXXI, ССXCIX, ССХCVII.

⁹¹ ЛОИИ. Вкл. кн. Кир.-Белоз. м-ря, л. 145 об.

⁹² Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. II, стр. CV.

⁹³ Там же, стр. CVIII.

⁹⁴ Там же, стр. CXI, CXIV, CXVII, ССХII.

⁹⁵ Там же, стр. СХIX.

⁹⁶ Там же, стр. СХХII, СХХVIII, СXLVIII, СXLIX, CLIV, CLXII, ССXX, ССLIX, ССXXX, ССXXXI, ССXLII, ССLXI, ССLIX.

⁹⁷ Там же, стр. CV.

⁹⁸ Там же, стр. СХХV, ССХХIX.

ния торгово-промышленного населения, но конкуренция со стороны старинного соседнего Белозерского посада, повидимому, явилась помехой для экономического развития Волочка.

Более благоприятная для развития городской жизни обстановка сложилась к северу от Волочка Словенского в отдаленном от других городов районе озера Вожа. Здесь на самом берегу озера лежало рыбацье селение Чаронда. Жители Чаронды первоначально промышленляли рыболовством и развозили для продажи рыбу довольно далеко. В 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил у чарондцев 330 шук⁹⁹. Прилуцкий монастырь в Вологде в 1605 г. приобрел девять чанов «рыбы чаронские»¹⁰⁰. Но и Чаронда приобрела к концу XVI в. значение важного торгового пункта на пути с Онеги в Поволжье. В 1592 г., когда она была пожалована на вотчинном праве брату всемогущего в то время правителя государства Д. И. Годунову, новый хозяин выхлопотал разрешение «уоставити торг и торговати по вся дни» на Чаронде с правом собирать таможенные пошлины в свою пользу. Его приказный человек Второй Хомутов поставил на Чаронде гостин двор с двумя избами и с чуланами, «на гостине же дворе» по обе стороны было устроено 20 амбаров и 10 лавок, а посреди двора сарай «за важни места», для взвешивания товаров, подлежащих обложению «весчим». Против гостина двора в ряду стояли 13 лавок торговых людей из местных посадских людей и волостных крестьян. Одновременно с разрешением торгового правительства выдало Д. И. Годунову уставную таможенную грамоту¹⁰¹.

Мы ничего не знаем более подробно о Чарондском посаде в XVI — начале XVII в. Торг, повидимому, процветал: «торговати всякие люди съезжаются по вся дни». Во время интервенции начала XVII в. посад подвергся страшному разорению: «на посаде и в волостех многие люди, кои лавки ставили, высечены и животы пограблены»; еще в 1615 г. лавки стояли пустыми — «торгу нет, не торгуют ничем»¹⁰², но вследствие выгодного местоположения посад вскоре возродился. В 1708 г. Чаронда была даже приписана как город к Архангельской губернии, но к концу XVIII в., ввиду изменений, происшедших в хозяйственной жизни Поморья в связи с переходом морской торговли на Балтийское побережье, ее значение пало, и в XIX в. она была простым селом.

* * *

Время основания Устюжны-Железопольской неизвестно. От некогда стоявшей на ее месте крепости в XVI в. оставалось только городище «на стрелице промеж реки Мологи и речки Ижины»¹⁰³. Но торговое значение Устюжны определилось уже в первой половине XVI в., судя по тому, что в 1542/3 г. она получила от правительства малолетнего Ивана IV таможенную грамоту¹⁰⁴. Устюжна в то время была административным центром края и резиденцией наместника. Еще в 1566/7 г. здесь стояли в развалинах наместничий двор и рядом с ним тиунский двор, постройки которых — «плоские избы на взмостех и niskие,

⁹⁹ Там же, стр. LXXVIII.

¹⁰⁰ ЛОИИ, ф. Прилуцкого м-ря, № 11, л. 24 об.

¹⁰¹ РИБ, т. XXXII; АЮБ, т. II, № 128, стр. 47; ААЭ, т. I, № 356, стр. 431—435.

¹⁰² АЮБ, № 128, стр. 47.

¹⁰³ ЦГАДА. Прик. дела, ст. лет., 1669 г., № 214, л. 49—50.

¹⁰⁴ ЦГАДА. Город. книги по Устюгу, № 1, л. 55. Таможенная грамота Ивана IV от 7051 г. сохранилась в тексте таможенной грамоты, выданной Борисом Годуновым 25 января 1599 г. (там же, л. 55 и сл.), однако в переработанном виде, судя по тому, что в ней упоминается приезд казанцев (л. 58).

и сenniки, и погребы, и ледники, с напогребницами, и житницы, и поварни и мыльни, и конюшни и около дворов заметы и ворота» к тому времени были «ветчаны добре и розвалялись»¹⁰⁵. После отмены кормлений управление посадом было передано в руки земских целовальников, которых «выбирают и переменяют все посадские люди сами промеж себя, кому верят»¹⁰⁶, на них, в частности, возлагался сбор податей и суд, за исключением разбойных дел, ведавшихся тоже выборными губными старостами. На городской площади стоял окруженный заметом «двор земской» с судной избой губных старост и целовальников, в которой «данные деньги и иные доходы на государя в ней ж збирают же», и другая изба «судная ж устюжских посадских земских выборных целовальников, да и в розметы всякие подати посадские люди в ней же верстаютца»¹⁰⁷. Все это свидетельствует о том, что уже в половине XVI в. Устюжна сложилась в очень значительный город. Действительно, в 1566/7 г., по официальным сведениям, Устюженский посад был чрезвычайно многолюден: на нем числилось 713 посадских дворов с населением в 811 человек и 75 дворов в монастырских слободках¹⁰⁸. Громадное большинство жителей было связано с ремеслами и торговлей. По крайней мере из 307 человек, о занятиях которых имеются сведения, 220 были ремесленниками, 28 торговыми людьми (в том числе девять прасолов и два соленика) 27 казаками, т. е. наемными рабочими и 25 обслуживали торговый транспорт (17 судовщиков и восемь извозчиков). Значительная группа ремесленников была занята изготовлением пищевых продуктов (27 человек), платья и обуви (35 человек), что характерно для городского хозяйства, при котором хозяйственные нужды обывателей удовлетворяются покупками на рынке и заказами на стороне.

Устюженский торг был довольно значительным. На площади стояло «в розных рядах» 124 лавки, в которых торговали «товары розными через лавки, а не ряды» и восемь стулов мясных¹⁰⁹. Тут же была расположена таможенная изба¹¹⁰.

Резкое отделение города от деревни подтверждается и незначительным числом пашенных людей на посаде — всего 58 дворов, или немногим больше 8%, и ничтожными размерами посадской пашни. К посадским пашенным дворам всего было приписано «добре худой земли» 150 четвертей в поле, а всего посаду принадлежало 250 четвертей в поле, «опричь тех пашен, которые ко всему посаду из оброку придано на выпуски на лошадей и животины их», т. е. кроме 250 четвертей, вся остальная пригородная пашня была заброшена и обращена в выгоны. На церковной земле было, кроме того, шесть крестьянских дворов, которым принадлежало 150 четвертей худой земли. Но мы можем проследить по согнаой выписи и дальнейший ход отделения города от деревни. Пашенные люди посада переходили к ремесленному производ-

¹⁰⁵ ЦГАДА. Прик. дела, ст. лет, 1669, № 214, л. 60.

¹⁰⁶ Там же, л. 121.

¹⁰⁷ Там же, лл. 59—60.

¹⁰⁸ Данные об Устюжне-Железопольской почерпнуты из списка с сотной 7075 г., сохранившегося в Прик. делах ст. лет, 1669 г., № 214. Сотная эта не была известна Н. Д. Чечулину. Открыл ее С. Б. Веселовский («Сошное письмо», т. II. М. 1916, стр. 637). П. П. Смирнов использовал другой список, принадлежащий Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из которого почерпнул только краткие итоговые данные (П. П. Смирнов. Города Московского государства до середины XVII в., т. I, вып. 2. Киев, 1919, стр. 6, 96—98, 120—121).

¹⁰⁹ ЦГАДА. Прик. д. ст. л., 1669, № 214, лл. 90—94.

¹¹⁰ Там же, лл. 59.

ству, и среди них мы встречаем семь кузнецов, портного, свечника и судовщика. В 1567 г. к посаду была приписана целая слобода рыболовов, которые были приравнены к посадским людям, очевидно, потому, что мало чем отличались от них по занятиям; среди них один прямо назван кузнецом.

Слобода соборной церкви Рождества богородицы на Шилове улице, состоявшая из 38 дворов, не имела никакой пашни, и ее население составляли преимущественно «торговые люди мастеровые», в том числе пять кузнецов, гвоздочник, портной, горшечник, серебряный мастер, хлебник и калачник. В слободке Рождественского монастыря жители «питаютца по миру и о монастыре, а иные из них питаютца и своими промыслы», в частности упоминаются два сапожника, замочник. По прежнему письму к слободским дворам была приписана пашня размером всего 2 четверти в поле, в 1566/7 г. она была уже перелогом.

Особенно любопытна судьба подгородной посадской черной деревни Смельцова, которой владели посадские люди Власко Михайлов Кривошин, Пятунка Мальцев и Порошка Васильев. Из них первый был крупным торговым человеком и владел на Устюженском посаде двумя лавками, из которых одну приобрел по закладу. Все три владельца деревни сочли для себя более выгодным перебраться на посад и били челом о разрешении перенести туда их дворы; ходатайство их было удовлетворено, а пахотная земля и прочие угодья, принадлежавшие к их деревне, были отведены к посадским выпускам. Очевидно, дело идет о крестьянах, которые первоначально «пахали» Смельцовскую землю, не имели собственных дворов на Устюжне и теперь забросили свою пашню, чтобы заняться городскими торгами и промыслами.

На Устюжне сильно отразились последствия кризиса, который поразил русские посады в 70-х годах XVI в. Это выразилось в катастрофическом уменьшении населения: в 1597 г. на посаде было всего 210 дворов, вместо прежних 713, с населением всего в 382 человека вместо 810¹¹¹. Понизилось и благосостояние жителей: ни одного «лучшего» человека уже не зарегистрировано (раньше их было 50), средних было всего семь человек вместо прежних 250¹¹². Несмотря на упадок города, он не изменил своего общего профиля. Связь с деревней еще более ослабла: пашенных дворов осталось только 12, т. е. немногим более 6%; пашня их была совершенно ничтожна (25 четверти); некоторые из них уже втянулись в торговую и промышленную деятельность посада: среди них книга называет одного владельца амбара и одного молотника.

Точно так же и у слободки, поставленной Никольским монастырем, пахотной земли не было, и из 24 жителей только один был пашенным крестьянином, а 11 были определены торговыми и промышленными. Поэтому слободка была в 1597 г. присоединена к посаду. К этому можно прибавить, что из 124 бобылей и вдов, не положенных в тягло, только семь человек владело 9 четвертями пашни.

Устюжна оставалась попрежнему ремесленным посадом. В сотной

¹¹¹ Данные почерпнуты из писцовой книги по Устюжне, 1597 г., хранящейся в ЦГАДА (Город. книги по Устюгу, № 1). Эта книга использована и Н. Д. Чечулиным.

¹¹² Тяглых посадских дворов — 122, пашенных — 12 (тех и других — 258 человек), вдов и бобылей 76 дворов (124 человека), всего 382 человека. По подсчету Н. Д. Чечулина, получалась большая цифра — 500 человек (стр. 72). Но поскольку нам приходится сравнивать с официальной цифрой населения в 1566/7 г. (811 человек), мы вынуждены оперировать официальной же цифрой 1597 г. Громадная убыль населения видна из сокращения числа дворов более чем в три с половиной раза.

назван 231 ремесленник¹¹³, среди которых 39 человек (т. е. около 17,7%) были заняты производством продуктов питания и 29 человек — предметов одежды и обуви (более 12%). Несмотря на пожар и другие невзгоды, постигшие город, устюженский торг меньше пострадал, чем можно было ожидать. В сотной перечислено 96 лавок, четыре амбара и восемь стулов. Среди посадских названы семь торговых людей, правда, не крупных, пять солеников и два прасола. Приезжают на Устюжну и «уездные люди», крестьяне и люди «из иных городов», «и привозят товары и те товары на Устюжне продают». Для приезда иногородцев «служила пристань на Мологе — «Гостин берег»¹¹⁴.

О размерах торгового оборота говорит сумма ежегодного таможенного дохода, достигавшая 136 р. 15 алт. 1/2 д. (таможенных пошлин 122 1/2 рубля, свальных — 8 р. 30 алт. 2 д., с лавок оброка — 4 р. 24 алт. и пошлин 9 алт. 5 д.), что составляло более 73,8% из общего дохода государства с Устюжны (184 р. 23 алт. 5 д.).

Подводя итоги, можно сказать, что в Устюжне Железопольской во второй половине XVI в. отделение города от деревни наблюдается с большей определенностью, чем в большинстве русских городов XVI в., хотя следы происхождения посада от сельского поселения еще не утратились.

Объяснить эту характерную для Устюжны черту не представляет особой трудности, если мы вспомним, что Устюжна Железопольская была центром железоделательного района и сосредоточивала очень значительное производство железных изделий.

Сотная 1566/7 г. называет в Устюжне 124 ремесленников, работающих в этой специальности, а именно — 71 кузнеца, 47 молотников, котельника, подковщика, замочника, гвоздочника и двух угольщиков, что составляет приблизительно половину всех названных в ней ремесленников. Фактически число их было значительно больше, так как в железоделательном производстве были заняты многие из казаков (которых насчитывалось 24) и бобылей и других жителей, профессии которых не названы. Сотная выделяет в особую группу 213 дворов «молотчих казаков молотников», т. е. около трети всего посадского населения работало в качестве подручных в кузницах¹¹⁵. Такую же картину представляет Устюжна и в 1597 г.: из 231 ремесленника, профессии которых известны, более половины (118 человек) составляли молотники (66), кузнецы (34), железник, укладник, гвоздочник, замочник, сковородник, котельник, угольники (12). Этому выводу соответствуют и итоги описания посада, согласно которому из 127 дворов (не считая дворов убогих вдов и бобылей) 115 дворов были зарегистрированы как дворы «молодчих кузнецов и молотников»¹¹⁶.

Сосредоточение на посаде Устюжны-Железопольской железоделательных ремесел и обусловило резкое отделение города от сельской округи. В одном документе первых лет царствования Михаила Федоровича этот момент нашел себе конкретное выражение: «уездные крестьяне отдают крицы ковать, наймуют, устюженским кузнецом и товары всякие покупают на Устюжне»¹¹⁷.

¹¹³ По подсчету Чечулина, — 245; но из этого подсчета надо исключить семь торговцев (пять солеников и двух прасолов), трех рыболовов, двух пастухов, перевозника, казака.

¹¹⁴ ЦГАДА. Город. книги по Устюгу, № 1, л. 87—87 об.

¹¹⁵ ЦГАДА. Прик. дела ст. лет, 1669 г., № 214.

¹¹⁶ ЦГАДА. Город. книги по Устюгу, № 1, л. 73.

¹¹⁷ Там же, л. 87.

* * *

Городом, возникшим на базе соляных промыслов, была Соль Камская. Первыми насельниками Камского Усолья еще в середине XV в., по преданию, были посадские люди Калининковы, вероятно, привлеченные в этот край возможностью эксплуатировать соляные источники. В течение всего XVI в. Соль Камская оставалась пригородом Чердыни и управлялась тиунами чердынских воевод. Тем не менее в последней четверти XVI в. она уже была значительным посадом. В 1578/9 г., когда ее описывал И. Яхонтов, в ней на посаде было 190 дворов, из них 55 дворов, т. е. около 29% населения, были пашенные, жители которых владели в трех полях 445 четвертями пашни и 126 четвертями перелога, 20 десятинами пашенного леса и значительными сенокосами (на 2135 копен). Остальные 135 дворов были непашенные и пользовались лишь сенокосами на 950 копен. Сверх того, к Усолью было приписано, кроме животинных выпусков, 50 десятин перелогов непашенных и пашенного леса по речке Черной в длину на 1 версту, а поперек на полверсты. Таким образом, следы деревенского происхождения посада были еще очень явственны как по числу пашенных крестьян, так и по размерам земельно-хозяйственных угодий. Однако не менее очевидно громадное преобладание беспашенного населения (71%). Уход из деревни в одном случае может быть установлен по данным Яхонтова: в уезде еще пустовала деревня Чапуринская усольца посадского человека Тумаша Чуолпанова, — вероятно, того Тумаша Васильева, который назван в числе беспашенных дворохозяев посада и лавковладельцев. Еще более показательно то, что многие пашенные крестьяне фактически занимались уже торговлей и промыслами, притом некоторые в очень крупных размерах. Так, Михаил Ряхин владел лавкой и двумя варницами, Сергей Никитин — тремя с половиной варницами, Андрей Клестов — двумя варницами и мельницей мукомольной с «немецким колесом», на речке Черной, Семен Талашманов, Васюк Александров, Никитко Пядыш, Никитко Аверкиев, Кондак Алексеев имели по одной варнице; кроме того, один из пашенных крестьян был кузнецом. Естественно, что крупные промышленники из пашенных крестьян уже не пахали землю, а пользовались трудом зависимых людей: у Сергея Никитина в деревне Могильникове были два крестьянских двора, а в принадлежавшем ему в деревне Тонец дворе жил его человек. Мы наблюдаем, следовательно, на конкретных примерах, как пашенные крестьяне переходят к новым видам хозяйственной деятельности.

Как сказано выше, превращение сельского поселения в посад в данном случае обусловлено развитием соляных промыслов. В 1579 г. в Камском Усолье было 16 варниц, из них девять принадлежало лучшим посадским людям и семь — молодым. Из этих 16 варниц девять эксплуатировались названными выше крестьянами, и это с полной очевидностью свидетельствует, что посад сложился в связи с тем, что крестьяне стали обращаться к разработке соляных источников. Потребности солеваров вызвали спрос на кузнечные изделия (устройство и починка пренов и т. п.), поэтому нас не должно удивлять, что среди названных восьми посадских ремесленников было четыре кузнеца.

По сравнению с промыслами торговля в Усолье Камском имела меньшее значения. На торгу было всего 26 лавок. Но есть признаки некоторого подъема и торговли: Иван Яхонтов считал нужным отвести «на реке на Каме, на усть реки Усолки, острову 5 дес. на судовую пристань посадским людям и проезжим торговым».

Развитие соляных промыслов привлекало в посад «приходцев» (их в книге названо три человека); таким приходцем был, вероятно, также Тимошка устюжанин. Активное участие в промышленной жизни посада принимали два московских «веденца»: Нечайко Шубин, владевший лавкой, варницей и небольшим пахотным участком в починке Спирино, и Андрюшка Григорьев, которому тоже принадлежала лавка и, может быть, участок земли в том же Спирино¹¹⁸.

Дальнейшее развитие города Соли Камской шло быстро. В 1623/4 гг. в нем было уже 333 посадских двора, 37 варниц, 60 лавок¹¹⁹, а с 1636 г. из Чердыни сюда, в бывший его пригород, переведена была резиденция воеводы — управление всем краем. Приписывать рост городского поселения исключительно «изменению транзитного пути в Сибирь, пошедшего южнее Чердыни, через Соль Камскую», не учитывая и значительного развития солепромышленности в Камском Усолье, мне представляется неправильным¹²⁰.

* * *

Таково же, очевидно, происхождение Старой Русы, впервые появляющейся на переломе между XV и XVI вв. под названием «Новой Соли». В это время это небольшой промысловый поселок солепромышленников, в котором всего 25 дворов, но уже имеется 22 соляных варницы. Через полвека, в 1540-х годах, это уже город, насчитывающий 120 дворов, а по другим сведениям — до 131 двора¹²¹.

Особенно благоприятные промысловые условия для возникновения городских поселений складывались в северном Поморье, где соляные промыслы (выварка морской соли) часто сочетались с рыбными ловлями в реках и на море.

Представление о том, как складывался на Поморье посад вокруг промыслов, дают описания Умбы в 1578 и 1585 гг., составленные в момент перехода ее под власть Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей¹²².

Основные богатства района составляли ловля семги и соляные варницы. Административным центром Умбы была в 1578 г. так называемая «волость» на реке того же имени. Здесь стояли две церкви с дворами церковников и двумя кельями «старушек», живших «от божиин церкви», и «волостной двор на посланников». Против волости за рекой находилась тоня, в которой ловили неводом «красную рыбу семгу», а вверх по Умбе, верстах в трех от волости, был «забор»; на протяжении от волости по Умбе до забора ловили «рыбу семгу» поездами и харвалей (рыба). На устье реки находилась тоня Райма, «да к той же тоне в реке у креста мечют одну харву 20 сажень». Семгу ловили забором также в Оленнице, одна половина которой до 1578 г. принадлежала «Умские волости жильцом», а другая — жильцам Варзутской волости. Ставили заборы также на речке Хлебной. Наконец, производилась «ловля красной рыбы семги» в многочисленных тонях по морскому берегу. По отводной 1585 г. Кирилло-Белозерский монастырь прио-

¹¹⁸ А. А. Дмитриев. Пермская старина, вып. III. Пермь, 1891, стр. 118—121. В приложении напечатана Писцовая книга Яхонтова 7087 г., из которой мною использовано описание посада (стр. 162 и сл.).

¹¹⁹ Там же, стр. 121 и сл.

¹²⁰ Там же, вып. II. Пермь, 1890, стр. 59.

¹²¹ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, стр. 71 и 73.

¹²² ЦГАДА. Солов., № 210, ч. 1, 3 и 4.

брел на морском берегу 29 тонь, а Соловецкий — Пилский наволоок с речкой Пилой и 10 тонь.

Кроме того, «всею Умскою волостью» ловили белую рыбу на Кумше-озере, Мун-озере и Выж-озере и иных «озерках в суземье».

Другим промыслом умбских волостных людей было солеварение. В 1577—1578 гг. у жильцов Умбской волости по морскому берегу было семь «живущих» (действующих) варниц.

Наконец, на р. Умбе «тутошные жильцы» и приезжие люди эксплуатировали жемчужные промыслы («промышляют жемчугом»), а в окрестных лесах «в суземье по обе стороны р. Умбы» имелись в «леших ужожеях звериные и птичьи ловли».

Таким образом, волость Умба открывала широкие возможности для развития самой разнообразной промысловой деятельности. В этих благоприятных условиях небольшой поселок на Умбе, состоявший в 1578 г. из 46 тяглых дворов, имел все данные для превращения в посад. Для скупки продукции местных промыслов сюда съезжались торговые люди, предприимчивые каргопольцы и двиняне, и «стали вновь» лавки и амбары приезжих людей. По данным 1578 г., на Умбе было всего шесть амбаров и одна лавка. Из амбаров два принадлежали двинянину Ивану Булыгину, два — двинянам Селивестру и Федыке Фешуре и два — каргопольцам Зориным, которым принадлежала и единственная лавка. Мы видим, что умбскую торговлю пытались захватить в свои руки три семьи богатых торговых людей из Каргополя и с Двины. Но за несколько лет, протекших до следующего описания в 1585 г., картина изменилась. На Умбе было уже 18 амбаров, из которых 10 принадлежало, несомненно, местным жителям. Из среды умбских волостных крестьян выделяется зажиточная верхушка, разбогатевшая на эксплуатации местных промыслов. Таков Игнат Заец Пирожников, которому принадлежали три амбара, две трети мельницы, варница и вместе с другим Пирожниковым — $3\frac{1}{8}$ лука земли, т. е. почти десятая часть всей тяглой земли на Умбе (ее считали 32 лука). Федор Малафиев и Василий Кисляков владели каждый двумя амбарами. Показательно и то, что приезжие торговые люди, раньше торговавшие наездом, находили для себя выгодным осесть в Умбской волости. Так, двинянин Иван Булыгин уже в 1577 г. владел одним луком земли; в 1585 г. среди владельцев земли находим каргопольцев Киприяновых.

Мы видим, что на почве умбских промыслов в последней четверти XVI в. растет посад, но дальнейший процесс образования городского поселения был насильственно прерван пожалованием Иваном IV всей Умбы с ее рыбными ловлями, соляными варницами, амбарами и со всем населением двум монастырям — Кирилло-Белозерскому и Соловецкому.

Таким образом, Умба не получила дальнейшего развития вследствие грубого вмешательства феодальной власти. Но мы имеем другой и очень яркий пример возникновения в Поморье промыслового города, а именно Кольский острог.

В 1565 г. в Коле или Малмидсе, как вначале называли это местечко норвежцы, а с их слов и другие иностранцы¹²³, было всего три избы. Однако промысловый характер района уже намечался довольно отчетливо. В 1550-х годах на Рыбачьем полуострове в Петров день происходил «многолюдный съезд на тамошнюю ярмарку», на которой «русские, корелы и лопляне, с одной стороны, и норвежцы и люди из

¹²³ РИБ, т. XVII, стб. 235.

Финмаркена, подданные датского короля, с другой, торговали, обменивая рыбу на другие товары»¹²⁴. К этому дню приходили суда даже из Трондгема и Бергена.

Монахи Печенгского монастыря скупали семгу, ворвань и пр. и сами возили для продажи за границу в норвежский порт Вардегуз¹²⁵.

Развитию промыслов, однако, препятствовал недостаток сбыта. Русские и корелы говорили Берро в 1557 г.: «Если бы сюда приходило больше кораблей, то больше народа стало бы прилагать силы к ловле и заготовке рыбы. Это подтвердил и царский чиновник, наблюдавший за торговлей»¹²⁶.

В 1564 г. голландцы сделали попытку проникнуть в Вардегуз и завязать непосредственные сношения с печенгскими монахами, но столкнулись с Бергенской компанией, монопольные права которой энергично поддерживались датской администрацией. Вынужденные отказаться от торговли в Вардегузе, они, по инициативе властей Печенгского монастыря, перенесли свои торговые предприятия на русскую территорию, и в следующем году один голландский корабль появился у Печенгского монастыря (в Монкефорте, как называли голландцы этот монастырь) и принял груз семги, ворвани и прочего товара, а другой прошел в Колу. С этого момента голландские суда стали более или менее регулярно посещать Колу. Кроме голландцев, в Колу наезжали «дацкие торговые корабли» преимущественно из Вардегуза¹²⁷. Фактические данные о начале голландской торговли в Коле, на основании показаний Салингена, подробно сообщает В. А. Кордт¹²⁸. Очерк истории Колы в XVI в. в интересной статье А. В. Тищенко «Торговые книги, как исторический источник»¹²⁹ ныне надо признать устаревшим.

Усилившийся внутренний обмен в собственной стране и спрос на продукты мурманских промыслов со стороны иностранных рынков значительно стимулировали развитие промысловой деятельности вокруг Колы и содействовали быстрому росту маленького поселка. «Всякий год,— рассказывает Салинген,— земли все гуще заселялись, мореплавание также развивалось, отчего все товары вздорожали»¹³⁰.

В окрестности Колы хлынули промышленники со всего западного Поморья: двиняне, холмогорцы, каргопольцы, кандалакшане и другие «поморских волостей крестьяне».

Уже в последней четверти XVI в. многие кандалакшане владели в Коле «удебными (рыболовными) судами» и промысловыми строениями, и занимались рыбной ловлей. Так, в 1577/8 г. сапожный мастер отдал в Кандалакшский монастырь «судно удебное со всею снастью и с парусом» и т. д.¹³¹ В 1590-х годах сумленин Иван Емельянов держал в Коле судно удебное со всей рыболовной снастью и имел в Опасове становище-избу¹³².

¹²⁴ R. Hakluyt. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation, с предисл. J. Masefield в изд. Everyman's Library, ed. by E. Rhys, v. II, p. 165. См. также v. I, p. 375—376.

¹²⁵ Записки Салингена, напечатанные в переводе А. И. Филипповым под заглавием «Русские в Лапландии в XVI в.».—«Литературный вестник», 1901, т. I, стр. 297—298.

¹²⁶ R. Hakluyt. Указ. соч., т. I, стр. 376.

¹²⁷ РИБ, т. XVI, № 53.

¹²⁸ В. А. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 г.—Сб. РИО, т. 116, СПб., 1902, стр. XVIII—XXIX.

¹²⁹ Сб. А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916.

¹³⁰ «Литературный вестник», 1901, т. I, стр. 304.

¹³¹ ЛОИИ. Рук. собр. № 900. Вкл. книга Кандалакшского Рождества богородицы монастыря, лл. 3, 11 об., 32 об.

¹³² Там же, л. 52.

По данным 1608—1611 гг., из 238 владельцев изб и «ский» (шалашей) в приморских становищах 76 были постоянными жителями, а остальные 162 — «прихожими людьми», выходцами из других волостей, как соседних, так и отдаленных: двинян было 37, кандалакшан — 36, корелян — 34, сумлян — 16, ковденцов — пять, каргопольцев, умлян, кемлян, княжегубцев, варзужан — по четыре, пудожан и суховольчан — по три, заонежан и нюхчан — по два, керечан, маслоозерцев и шуян — по одному и; кроме того, было два крестьянина Соловецкого монастыря. Участвовали иногородцы и в ловле семги в реках Кольского полуострова. Каргополец Федор Шинко пожертвовал, например, в Соловецкий монастырь, кроме денег, тоню на Кольской губе, два карбаса, невод и две харвы¹³³.

Постоянное население Колы образовалось тоже главным образом из «приходцев»; среди постоянных кольских «жилыцов», мы встречаем даже москвитина Богдана, который обзавелся двумя амбарами, тремя луками земли, избой и скиею на морских промыслах, и владельца двух луков кандалакшанина Михея Клепикова, среди кольских стрельцов — кемлянина и т. д.

Коренное «лопское» население было в течение каких-нибудь 50 лет вытеснено из большей части принадлежавших ему угодий. Этот процесс захвата «приезжими» и «прихожими» людьми кольских промыслов может легко быть прослежен по дозорным книгам 1608—1611 гг. Обитавшие в окрестностях Колы муномошские саами (лопарь) пострадали больше всех: коляне завладели р. Средней, которая «была прежде сего тоня и река муномошских лопарей»; на морском берегу кольский никольский поп владел тоней, которая прежде принадлежала тем же саами: муномошские саами Селиванка Юрьев с товарищи должны были уступить свою тоню за долг; тоня Саявного острова была прежде муномошских саами, теперь перешла в руки кольских жителей Тараса Вязгина и Антона Кипреянова; тоня на Шелейке была тоже «прежде сего муномошских лопарей»; тоней Палокоргой муномошского саами Гаврилка Семена Шивуева «ныне владеют Тарас Вязгин и Ник. Злогость»; за муномошскими саами были раньше тоня Мохнаткина Пахта, на волоку с Китовой губой; долю в реках Териберке и впадающей в нее речке заложил Васье Хлопкину саами Проня Гаврилов сын Шивуев и т. д. Половина забора в р. Туломе некогда принадлежала тоже саами Нотозерского погоста, но в 1598 или 1599 г. они поступились этим угодьем посадским людям за освобождение от тяжелой «городовой поделки»¹³⁴. На море становище саами Поган волок было в руках одного кольского жителя и одного заонежанина¹³⁵. Лишь в виде исключения у Алыш-камечи на устье Ваенской губы один саами с сестрой сохранили целиком тоню их деда, и в нескольких редких случаях саами упоминаются в качестве владельцев небольших долей в тонях.

Таким образом, во второй половине XVI в. на крайней северо-западной границе Русского государства сложился обширный промысловый район. На первом месте здесь стояли морские промыслы: сюда «приходят на удьбу... двиняне и кореляне и поморских волостей люди, да ловят на Мурманском море рыбу треску и палтус и ахулы»¹³⁶.

¹³³ ЛОИИ. Рук. собр. № 58. Синодик Солов. м-ря, л. 650 об.

¹³⁴ ЦГАДА. Писц. книги, № 208. Дозорная книга Кольского острога 1608—1611 гг., л. 43 об.; Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 421.

¹³⁵ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 64 об.; Н. Н. Харузин. Указ соч., стр. 426.

¹³⁶ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 29 об.; Н. Н. Харузин. Указ. соч. стр. 417.

«По морскому берегу в Мурманской конец» тянулись «становища, а в них избы и ский колян посацких людей и иногородцов и поморских волостей крестьян, а промышляют в тех становищах в весну на море, удят рыбу треску и палтус в карбасех». В 1608—1611 гг. таких становищ было 19, а «по морскому ж берегу, едучи от Кольского острогу в Руской конец» было расположено еще 30 становищ удобных, в том числе два становища на острове Кильдине, «а промышляют в них коляня ж и иногородцы, да по тем же становищам промышляют двиняня и каргопольцы, приезжая на лодьях, а на море выезжают в карбасех, удят треску ж и палтус»¹³⁷. Всего в 49 становищах было разбросано 196 изб (в том числе шесть изб, принадлежавших Печенгскому монастырю), 91 ския, клеть, два амбара и чулан.

Наряду с морскими промыслами большое значение имела ловля семги в реках. В р. Коле ловили «красную рыбу семгу» забором, причем половина забора принадлежала кольским посадским людям — «всему посаду», а другая — Печенгскому монастырю¹³⁸. Кроме того, коляне посадские люди промышляли «по морскому берегу в реках и на тонях» и ловили семгу «заборами и неводами и гарвами». В 1608—1611 гг. им всего принадлежало по морскому берегу и в Кольской и Туломской губе четыре реки с третью, 42³/₄ тони и в р. Туломе выше Падуна ползабора¹³⁹.

Рыбные ловли не были единственными промыслами в Кольском уезде. На реках Коле и Туломе «промышляют тутошние жильцы и прихожие люди жемчюг»¹⁴⁰, а «на лесу (коляне) зверье бьют и птицу ловят»¹⁴¹.

Бурное развитие кольских промыслов способствовало образованию и быстрому росту Кольского посада. Жалкое поселение, в котором Салинген насчитал всего три двора, менее чем через 10 лет, в 1574 г., насчитывало 37 тяглых дворов «тутошних жильцов» и семь дворов прихожих людей; кроме того, здесь жило, неизвестно в своих ли дворах или в чужих, 43 бобыля¹⁴². В Печенгском монастыре, в котором в 1565 г. было всего около 20 монахов и 30 служек, в 1572 г. уже числилось 50 монахов и до 200 бельцов или монастырских работников¹⁴³.

Попрежнему на Петров день в 1590-х годах в Коле происходил торг, на который саами привозили треску и семгу для продажи русским, датчанам, норвежцам и англичанам¹⁴⁴.

Кола приобрела настолько крупное значение в стране, что в 1582 г. правительство назначило сюда особого воеводу, и одновременно, ввиду пограничного положения поселка, построен был острог и в нем размещен значительный гарнизон. Следует отметить, что не острог предшествовал образованию посада, а, наоборот, острог возник в целях обороны существовавшего поселка. Это обстоятельство вносит значительную

¹³⁷ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, лл. 64—73 об.; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 426—428.

¹³⁸ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, лл. 28 об.—29; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 416.

¹³⁹ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, лл. 33—45 об.; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 418—421.

¹⁴⁰ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 29 об.; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 417.

¹⁴¹ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 33; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 418.

¹⁴² П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2. Киев, 1919, стр. 73.

¹⁴³ «Литературный вестник», 1901, т. I, стр. 303.

¹⁴⁴ Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 88.

поправку в мнение академика М. М. Богословского, будто в Поморье происхождение городов связано с строительством военных крепостей.

Во время войны с Швецией при царе Федоре Кола подверглась в 1590 г. осаде со стороны шведов, а Печенгский монастырь был ими сожжен и монахи перебиты (всего было убито 95 человек, в том числе и сам игумен). Тем не менее в 1608—1611 гг. Кольский посад уже заключал в себе, по официальному исчислению, 71 посадский двор с населением в 150 посадских людей и 43 бобылей, не считая стрельцов¹⁴⁵. Печенгский монастырь, перенесенный в Колу, уже имел, кроме игумена, пять попов, дьякона, 52 старца, 61 дьячка и трудника и 150 наемных казаков¹⁴⁶.

Так маленький промысловый поселок, «место самое убогое», в течение полувека разросся в значительный город.

Вся жизнь Кольского посада была теснейшим образом связана с промыслами. В остроге, на Верхнем и Нижнем посадах в 1608—1611 гг. было 107 торговых помещений: 88 $\frac{1}{3}$ амбаров, 10 лавок и девять чуланов. Преобладание амбаров на Кольском торгу не было случайностью. Значительная часть этих амбаров (36 $\frac{2}{3}$) принадлежала приезжим промышленникам, которые «кладут в них судовую снасть и запас»¹⁴⁷.

Среди владельцев амбаров мы встречаем кандалакшан (которым принадлежало 13 $\frac{1}{3}$ амбаров), княжегубцев, умлян, крестьян Соловецкого монастыря, корелян, каргопольцев, двинян, заонежан, варзужан, сумлян; они же владели несколькими чуланами и половиною всех лавок (пять лавок, в том числе две — кандалакшан, одна — двух умлян Пухтовых, одна — варзужина, одна — трех княжегубцев). Правительство с своей стороны устроило «двор государев на приезд торговым людям двиняном и каргопольцем и иных городов, которые приезжают в Кольской острог на лодьях в лето для торговли, огорожен тыном вострым, а во дворе 5 амбаров нижних, да 5 верхних, да 4 чуланы верхних, да 4 нижних, а в них торгуют в лето приезжие люди»¹⁴⁸. «Тугошние жильцы» тоже держат амбары для сдачи этим промышленникам: «отдают их из найму прихожим людям»¹⁴⁹.

Как сказано выше, одной из причин, вызвавших расширение кольских промыслов и рост посада, была внешняя торговля, в первую очередь с Голландией. В 1585 г., с открытием порта «у нового города на Колмогорах» (будущего Архангельска) русское правительство ограничило торговлю в Коле, не разрешив торговать здесь «никакими большими товарами... опричь троски и палтасу и сала троскина и китова»¹⁵⁰. Этот запрет, невыгодный для иностранцев, мало отразился на русской торговле Колы, поскольку не коснулся основного предмета вывоза — продуктов мурманских промыслов, мало отразился и на иностранном спросе на эти продукты.

Приезжие промышленники, ловящие треску, палтус и пр., «меняют ту рыбу с немцы на товар»¹⁵¹. На Нижнем посаде стоял специальный «двор государев же на приезд иноземцом, а во дворе изба, огорожен

¹⁴⁵ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 27; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 415.

¹⁴⁶ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, лл. 89—92; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 432—433.

¹⁴⁷ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 7—7 об.; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 110.

¹⁴⁸ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 19—19 об.; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 414.

¹⁴⁹ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 6; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 410.

¹⁵⁰ РИБ, т. XVI, №№ 53, 57.

¹⁵¹ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 29; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 417.

тыном вострым, а в нем дворник Недко Ермолин сын, да во дворе же 10 анбаров верхних и нижних да 8 чуланов верхних же и нижних»¹⁵². Спрос со стороны голландцев на продукты морских промыслов был так велик, что его не могли удовлетворить одни лишь кольские промыслы. Коляне и двиняне закупали сало в Понойском погосте у местных жильцов и промышленников «из иных поморских городов», которые «ходят в весне на море и зверь всякой бьют, и из них вынимают сало». Сало это «коляне и двиняне продают в Коле и на Двине немцам на корабли, а иные отвозят на Русь»¹⁵³.

В кольских промыслах и торговле, в частности с иностранцами, деятельное участие принимало правительство. С промыслов колян и иных волостей промышленников, «которые промышляют на Мурманском берегу и на русской стороне на море по становищам в карбасех», в царскую казну «верными цоловальниками» в Коле собиралась «десятая большая рыба и с троски на сала десятина», «и ту десятую рыбу те цоловальники, что возьмут у промышленников у колян и у иногородцев, меняют с неметцкими с торговыми людьми... на товар — на сукна, и на ефимки, и на медь и на олово и на питье»¹⁵⁴. Точно так же и «с своих с рыбных промыслов... с красные рыбы с семги речные и с тонные и с ручьевые» кольские посадские люди давали в казну большую рыбу, которая таким же образом шла на мену «с немцы на товар»¹⁵⁵.

В 1613/4 г. «таможенные пошлины з десятые рыбы, с троски и с палтуса, и з сала и судов, и с явочных денег, и с проезжих и со всяких людей, с русских и с-ыноземцев и весчего и подымные пошлины верного бранья» составили крупную сумму в 616 р. 12 алт. 1½ д. деньгами и ефимками, а в следующем году — 772 р. 12 алт. 1 д. (в том числе 808¾ ефимка); доходы с кабака выразились в 1613/4 г. — в 1101 р. 4 алт.¹⁵⁶ Крупные размеры казенных доходов свидетельствуют и о значительности кольских торгов и промыслов.

Торгово-промысловое развитие города захватило все население Кольского острога, не только посадских людей, но и ратных людей гарнизона и духовенство. Стрелецкий пятидесятник Прокопий Павлов владел двумя лавками и третью промысловой избы; два амбара принадлежали рядовым стрельцам, трем другим стрельцам — участки в промыслах. Пушкарь Бажен Кондратьев был владельцем половины амбара, избы в одном промысловом становище и совладельцем избы и ский в другом становище. Кроме него, среди участников промыслов названы еще два пушкаря. Довольно значительное участие в промыслах принимали северные монастыри, в первую очередь Печенгский, которому принадлежали шесть изб и четыре ский в становищах; к нему, в частности, к 1608 г. перешли промыслы разоренного шведами Петровского монастыря. Протянул руки к кольским морским промыслам и Рождественский монастырь с Кандалакши. В 1591/2 г. он получил в виде вклада «на Мурманском море в Лок-наволоке пол-избы да пол-сеней да вежу да скокию(скию?) целую» со всем оборудованием и по завещанию там же пол-избы и две ский «со всею снастью» и чулан в Коль-

¹⁵² ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 20; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 414.

¹⁵³ М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. М., 1909, прилож., стр. 8.

¹⁵⁴ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 73 об.—74; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 428.

¹⁵⁵ ЦГАДА. Писц. книги, № 208, л. 46; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 421

¹⁵⁶ РИБ. т. XXVIII, стб. 219—220.

ском остроге и позже, в 1609/10 г., еще пол-избы, а через несколько лет — избу в Спасове становище¹⁵⁷.

Вместе с тем, начиная по крайней мере с 1570-х годов, монастырь принимал в дар от жертвователей судна удебные «мурманские» (иногда прямо говорится о «судне удебном в Коле») с парусами, удами и прочей «судовой рухлядью»¹⁵⁸ и посылал своих трудников на промыслы¹⁵⁹.

Среди становищ, описанных в 1608—1611 гг., мы встречаем упоминание о принадлежавших Кандалакшскому монастырю долях угодий. Отдаленный от Колы Соловецкий монастырь имел в это время тоже одну промысловую избу на Кольском побережье.

---

¹⁵⁷ ЛОИИ. Рук. собр. № 900. Вкл. книга Кандалакшского Рождества богородицы монастыря, лл. 34, 39 об., 52, 84 об.

¹⁵⁸ Там же, лл. 3, 11 об., 4 об., 85, 52.

¹⁵⁹ В 1583/4 г. за вклад некоего Мини монастырь зачел, между прочим, то, что он «сам промыслял весну на Мурманском берегу» (Вкл. кн., л. 11).

ОЧЕРК IV

РУССКИЙ ГОРОД XVI в.

В XVI в. город является средоточием ремесла и мелкого производства на рынок. Полного представления о числе ремесленников, работавших в больших городах, составить невозможно, потому что в сохранившихся писцовых книгах XVI в. обозначение профессий посадских людей часто случайно и во всяком случае никогда не бывает исчерпывающим. Но данные, почерпаемые из писцовых описаний, не давая абсолютных цифр, позволяют в какой-то мере судить о развитии ремесел и торговли в городах. На основании отрывков писцовых и лавочных книг Новгорода 1580-х годов А. В. Арциховский дал очень яркую картину Новгорода как крупного ремесленного центра. В изученных им книгах упомянуто около 4400 ремесленников, считая более 670 поставщиков пищевых изделий¹. Наряду с ремесленниками в Новгороде существовала значительная группа купцов, занятых скупкой и перепродажей товаров; к таковым относятся «корыстные купчины» или «корыстные рядовики»; среди новгородских лавковладельцев были «деревенские купчины», «отъезжие купчины», сурожане, суконники (по списку Арциховского — 41 человек). В их числе были специально торговавшие хлебом (житники, коробейники, ржаники, всего, по Арциховскому, 40 человек) и другими предметами питания (175 рыбаков, 155 мясников, семь солеников и др.) и сельскохозяйственными продуктами (89 хмелевиков, 77 яблочников, 17 трушников, 14 сеников и др.); наконец, упоминается в книгах 31 железник, очевидно, торговали железом.

Новгород, несомненно, выделялся среди русских городов размерами ремесленного производства и торговли, но и другие города подтверждают наблюдения, которые можно сделать на основании новгородских данных. На востоке Русского государства, во вновь основанной на месте взятой резиденции казанских ханов русской Казани в 1567/8 гг., т. е. через каких-нибудь 15 лет после присоединения Казанского ханства, писцовая книга уже зарегистрировала приблизительно 400 ремесленников, в том числе около 120 человек работало в пищевой промышленности (33 калачника, 16 пирожников, 28 хлебников и т. д.), и более ста

---

¹ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла.— «Новгородский истор. сборник», вып. 6, Новгород, 1939. А. В. Арциховский составил список ремесленников, торговцев и других специалистов, упоминаемых в книгах и живших в Новгороде разновремененно. Поэтому список этот не дает абсолютной цифры за какой-либо определенный год; кроме того, неизбежные повторения уравниваются тем, что список далеко не полон. В целом список дает общее представление о ремесленном характере Новгорода. Выделить из списка собственно ремесленников и торговцев можно лишь приблизительно, так как не всегда можно определить значение той или иной профессии.

торговых людей; среди посадских людей, как и в Новгороде, преобладали торговцы сырыми припасами (девять мучников и прасолов мучных, 33 рыбника и прасолов рыбных, 16 мясников и др.)².

В Серпухове в 1550 г. зарегистрировано более 214 ремесленников (в том числе 40 пишевиков), более 70 «торговых людей», мясников и других торговцев³. В той части писцовой книги города Тулы 1588/9 г., которая сохранилась, названо 225 ремесленников, считая 27 казенных ремесленников (плотники, кузнецы) и 50 пишевиков, 21 торговец сырыми припасами и один барышник⁴.

Даже в пограничных городах, неоднократно подвергавшихся нападениям неприятелей, прослойка ремесленников и торговцев очень значительна. Так, в Торопце, который еще в начале XVI в. переходил из рук в руки от Литовского великого княжества к Русскому государству и обратно, в 1540 г. было 60 ремесленников⁵. В сильно опустевшем к середине 1590-х годов Можайске писцовая книга отметила около 200 ремесленников и пишевиков и 11 торговых людей⁶. В Можайске в эти годы «пустота» выразилась в 127 пустых дворах и 1446 местах дворовых.

Учитывая неполноту и случайность записей профессий в писцовых книгах, я полагаю, что приведенных данных достаточно для доказательства того, что города в XVI в. сосредоточивали в своих стенах большие группы ремесленников и торговцев. Что таков был основной контингент населения, собиравшегося в городе, видно из данных о тульских и зарайских дворниках, юридически не связанных с посадом. Из 144 дворников в Туле, занятия которых известны, не менее 85 человек занимались ремеслами или приготовлением пищевых продуктов, 12 торговали мясом, один — солью, один был барышником и т. д.⁷ В Зарайске среди живущих «в дворничестве» в 1590-х годах тоже имеется значительная группа «молотчих убогих мастеровых людей» (58 человек)⁸. В отрывке описи торговой стороны Новгорода, опубликованном Б. Д. Грековым, названо 27 «приходцев» преимущественно из примыкавших к городу районов — Тихвина, Ракомы, Свинорук, Котельнов, Белой Мсты, Старой Русы, Орехова; несколько человек пришло из Поморья — из Корелы, Заволочья, Холмогор; один пришел из Пскова, четверо из Москвы (в их числе один корелянин, уроженец Каргополя), один из Ярославля. Среди этих переселенцев было много ремесленников: четыре каменщика из Тихвина, плотник корелянин, токарь, щепотник, четыре специалиста по кожевенному делу (кожевник, подошевник, ременник), скобочник, а также торговцев: два корелянина торговые люди, корыстный купчина из Москвы, отъезжий купчина, который «пришел с Двины с Колмогор», рыбник — «приходец с Ракомы», мясник из Тихвина⁹. Мы видим, как властно стягивает большой город не только из

² «Материалы по истории Татарской АССР», Л., 1932.

³ П. Ф. Симсон. История Серпухова, стр. 153—154.

⁴ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 304.

⁵ И. Побойнин. Торопецкая старина.— «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, стр. 191.

⁶ Дионисий, архим. Можайские акты. СПб., 1892. В изд. «Об-ва любителей древней письменности», вып. 102 (в дальнейшем цитируется: «Можайские акты»), стр. 11; ср. Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 170—171 и 181—182.

⁷ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 280.

⁸ «Зарайск. Материалы для истории города XVI—XVIII ст.», М., 1883, стр. 1.

⁹ Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому в XVI в.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 24, СПб., 1912, стр. 1—88.

округи, но и из отдаленных местностей ремесло и торговлю на свою территорию.

Очень показательным для определения возросшего торгово-промышленного значения городов в XVI в. является число в них торговых поместий, дающее представление о размерах торгова. Торги в городах сосредоточивались в XVI в. в рядах, где торговали местные жители, и в гостиных дворах, устроенных для приезжих купцов. Организация торговли по рядам, по крайней мере в таком большом городе, как Новгород, складывалась издавна¹⁰, но в середине XVI в. рост торговли и в Новгороде выразился в постройке каменных лавок: в 1546 г. «почали ставити ногородци лавки каменные у Пречистые на великом ряду и по другой стороны от Пятницы, да в Сермяжниках 2 лавицы»¹¹.

В середине же XVI в. была произведена какая-то реформа устройства рядов в Новгороде, повидимому, в связи с общим стремлением ввести унификацию во все стороны государственной жизни, характерным для времени деятельности так называемой «Избранной Рады»: в 1550 г. по распоряжению из Москвы были отобраны «грамоты рядовские всего Новгорода» и ряды были отставлены¹². Очевидно, они были восстановлены уже на новых московских началах. Но если относительно системы рядов мы с большей или меньшей вероятностью можем предполагать раннее их возникновение и лишь частичное переустройство их в XVI в. в связи с развитием торговли и вмешательством в ее организацию централизованного государства, то относительно гостиных дворов у нас имеются более точные данные. Впервые гостиные дворы в Москве упоминаются как самостоятельная статья великокняжеского дохода в завещании Ивана III; подозревать случайное умолчание в предшествующих духовных грамотах у нас нет основания, тем более, что в той же духовной грамоте Ивана III тоже впервые говорится об обязательности для иногородцев торговать на гостиных дворах как о порядке, вновь введенном при нем, Иване III. Завещая московские дворы своим младшим сыновьям, Иван III оговаривает, что они «в тех дворах торгов не дрѣжат, ни жытом не велят торговати, ни лавок не ставят, ни гостей с товаром иноземцов и из Московские земли и из своих уделов в своих дворах не велят ставити, а ставятся гости с товаром иноземци и из Московские земли и из их уделов на гостиных дворах, как было при мне; а дети мои у моего сына у Василья в те дворы в гостиные и в те пошлыны не вступаютца»¹³. Итак, в княженье Ивана III был установлен порядок обязательной торговли приезжих купцов на гостиных дворах.

Мы не имеем точных сведений о размерах московского торгова в XVI в. Зато мы можем создать себе довольно полное представление о торгах таких крупных городов, как Псков и Новгород. По официальному подсчету, в Пскове в 1585—1588 гг. «всего в Петровском и Полонишском и Запсковском конце в большом торгу и по улицам» считалось 1263 лавок, амбаров и клетей, 36 полков, пять чуланов и восемь навесов, кроме того, на двух гостиных дворах 160 амбаров и на третьем «Со-

¹⁰ «Большой ряд» упоминается в Уставе о местах, который Б. А. Рыбаков датирует, на мой взгляд, довольно убедительно первой половиной XIII в. Ряды, тянувшиеся до моста, отмечены в конце XV и начале XVI в. (Новгородская 4-я летопись.— ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. III, стр. 439, 533).

¹¹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. III, Л. 1929, стр. 618.

¹² Там же, стр. 622.

¹³ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVII вв.». М.—Л., 1950, стр. 361.

ляном» — шесть навесов с 48 местами, где клали соль,— всего, следовательно, 1478 торговых помещений различных размеров, не считая прилавков и лавочных мест¹⁴. Уже одни эти цифры создают впечатление большого торгового центра. Крупная торговля была сосредоточена на Большом торгу, где расположены были ряды. Самым богатым был ряд сурожский, торговавший преимущественно привозными товарами: сукнами, тафтами, камками, среднеазиатскими зенденями, шелком, золотом, серебром, склянницами, ладаном¹⁵. Если судить по размерам лавочного оброка (1 рубль), именно здесь, в сурожском ряду, продавались наиболее дорогие товары, но удельный вес торговли сурожского ряда, обслуживавшего состоятельные слои Пскова, был невелик: в нем насчитывалось только 60 лавок, причем в некоторых из них продавались более расхожие товары, например свечи, хлеб.

Наиболее видное место в псковской торговле занимала торговля не иноземными товарами, а продовольствием и произведениями местных ремесленников. «Рожью и пшеницей и овсом и горохом» торговали в двух рядах — Старом хлебном и в клетях на Ржаной ниве, образовавших Новый ряд¹⁶. Были еще ряды гречковый и кисельный и за Большим рядом в тыну стояли житницы посадских людей¹⁷. Мясом торговали в мясном Полонищском ряду¹⁸, был и другой мясной ряд в Запсковье¹⁹. Существовал и особый соляной ряд²⁰. Очень много рядов было занято торговлей одеждой: суконный, сермяжный, ветошный (бывший тоже сермяжный), колпачный, шапочный и шляпный, однорядочный, кафтанный и шубный, овчинный, скорняжный и бобровный, рукавичный; галантереей и ювелирными изделиями (женский, серебряный), обувью и другими изделиями из кожи (сапожный, ременный,

¹⁴ «Сборник МАМЮ», т. V, М., 1913. Число торговых помещений составлено из следующих цифр:

Стр. 63.					
Официальный подсчет . . .	1220	лавок, амбаров и клетей,	2	полка, 4 чулана, 8 навесов	
Стр. 63.					
На церковной земле . . .	27	„ „ „	—	1 чулан	—
Стр. 64.					
За Великой рекой на церковной земле	7	„ „ „	—	—	—
Стр. 75.					
В рыбном ряду	39	„ „ „	34	„	—
Стр. 14.					
На дворе гостином гостей московских	79	(по ошибочному подсчету клетей 69)			
Стр. 15.					
На дворе гостином льняном	51	лавок, амбаров и клетей	—	—	—
Стр. 14.					
На дворе соляном	—		—	—	6
	1423		36	5	14

¹⁵ Там же, стр. 15—17, 24.

¹⁶ Там же, стр. 32, 38.

¹⁷ Там же, стр. 55.

¹⁸ Там же, стр. 27, 29—30.

¹⁹ Там же, стр. 28.

²⁰ Там же, стр. 39.

седельный, плетный). Большой спрос имела продукция металлургического ремесла: в тверском и железном рядах торговали «железом и замками и всяким железным товаром»²¹, а в котельном — «медью и оловом и котлы и сковородами и оловяники»²². Одним из крупнейших рядов был «большой» ряд щепетинный, торговавший щепетью, т. е. деревянной посудой, существовал отдельный ряд ведерный. Поскольку в экономике псковской области большую роль играло рыболовство, в Пскове возник ряд «вершаный», торговавший вершами. Одну из основных хозяйственных потребностей горожан обслуживал мыльный ряд. В иконном ряду были лавки иконников, но в описываемое время в нем почему-то сосредоточивается торговля медом и воском²³.

Всего в Пскове было более 40 рядов, в которых шла оживленная торговля главным образом продовольствием и предметами псковского ремесленного производства.

Привозные товары, кроме сурожского ряда, складывались в гостинном дворе приезжих гостей московских, в 77 амбарах которого «держат гости на время всякой товар», а два амбара сдаются в аренду новгородцам; тут же на открытой площадке «торгуют маслом конопляным и коровьим». Другой гостинный двор — Льяной был рассчитан на оптовую торговлю скупщиков льном, между тем как упоминаемый в той же книге льяной ряд, очевидно, вел розничную торговлю. В третьем гостинном дворе — Соляном под навесами складывалась соль и посконь. Тут тоже соль продавалась оптом «ластами», весившими 120 пудов, а затем перепродавалась мелким покупателям в соляном ряду²⁴. Псковский торг не ограничивался, однако, рядами и гостинными дворами. «Под горою у Псковы реки на берегу под городовой стеною, от живого мосту по левой стороне», тянулись лавки, клети и полки «рыбничьи» двух рыбных рядов «сушového и просольного»²⁵. На жилых улицах на посаде и в Запсковье были разбросаны продовольственные лавки, в которых торговали хлебами, калачами, заспой, квасом, киселем, молоком, маслом, сельдями, яблоками²⁶. У Петровских ворот торговали «хлебами и калачи и железом ветошью», свечами. На Петровской улице в лавках с полками и под навесами шла бойкая торговля хлебами, калачами, солью, молоком, лаптями, коробьями, сундуками и посудой²⁷. Аналогичная торговля хлебными изделиями и сеном шла в лавках, расположенных на Трунеховской улице в Полонищском конце²⁸. Точно так же в пригороде за р. Псковой у плувучего моста торговали хлебами, калачами, квашениной, сухой рыбой, свечами и сеном²⁹.

Все эти конкретные данные: разбросанные по всему городу лавки съестных продуктов, сотни лавок, заваленных щепетью, ведрами, сапогами, железными и медными изделиями, одеждой, колпаками и шапками, склады соли и главного продукта области — льна, сурожский ряд с его иноземными камками, зенденями и шелками, гостинный двор для приюта купцов из других русских областей — рисуют живую картину торгово-промышленного города. Ее дополняют сведения о восьми

²¹ «Сборник МАМЮ», т. V, М., 1913, стр. 42.

²² Там же, стр. 24.

²³ Там же, стр. 37—52.

²⁴ Там же, стр. 14—15.

²⁵ Там же, стр. 74.

²⁶ Там же, стр. 35, 57, 59.

²⁷ Там же, стр. 60.

²⁸ Там же, стр. 63.

²⁹ Там же, стр. 62.

варницах, в которых варили пиво, вино, воск, мыло, сало, о кожевенной мастерской, о 25 мельницах, обеспечивавших город мукой³⁰. А между тем 1580-е годы отнюдь не были годами торгово-промышленного расцвета Пскова. Потеря Ругодива (Нарвы), отвоёванного шведами после того, как он в течение многих лет находился в составе Русского государства, тяжело отразилась на вывозе льна. Еще не оправился Псков и от осады его в 1580 г. Стефаном Баторием и от последствий «псковского большого пожара». Пустыми стояли 340¹/₂ лавок, 17 скамей и полков и 107 лавочных мест; кроме того, в рыбных рядах «в псковской большой пожар городовой стеною» засыпало 61 лавочное место. Всего, таким образом, количество торговых помещений сократилось на 525³¹.

Заброшены были и шесть трепален льна³². Целые ряды, как, например, воротничкий, перестали существовать, остатки некоторых самостоятельно существовавших рядов слились воедино.

До этих тяжелых испытаний существовало несколько рядов, как воротничкий, клетный, которые с тех пор перестали существовать; работали семь трепален льна. До Ливонской войны функционировал Немецкий двор, закрытый после начала военных действий. Повидимому, был особый Шведский гостиный двор³³, который в 1580-х годах не был объектом описания.

Таким образом, в более ранние годы XVI столетия торгово-промышленное развитие Пскова стояло еще выше, чем в 1580-х годах, когда составлялось описание псковского торгова, которым мы пользуемся.

Ту же картину восстанавливающегося после тяжелых лет Ливонской войны и погрома 1571 г. значительного крупного торгово-промышленного города дают лавочные книги Новгорода Великого в 1583 г. В Новгороде тоже был очень большой торг. К сожалению, лавочные книги не дают итогов для Торговой стороны, и это затрудняет подсчет. Автор специальной статьи «Топография Новгородского торгова в 1583 г.» А. И. Семенов³⁴ насчитал более 1500 лавок живущих и пустых. Этот расчет подтверждается тем, что в 1605 г. на Торговой стороне сгорело 700 лавок, а по лавочным книгам 1583 г. нам известно, что на Софийской стороне было живущих и пустых 194 лавки (из них лавок и мест

³⁰ Там же, стр. 10—11.

³¹ Это число лавок устанавливается путем подсчета пустых лавок и лавочных мест.

Стр. 63—64.

В большом торгу и по улицам отмечено . . . 88 мест 37¹/₂ лавок

Стр. 63.

На церковной земле . . . . . 4 места

Стр. 64.

То же . . . . . 15 мест

Стр. 70.

В городе . . . . . 259 лавок, 17 скамей и полок

Стр. 71.

В Запсковье . . . . . 44 лавки

Стр. 75.

В рыбных рядах . . . . . 61 место

$$168 + 340\frac{1}{2} + 17 = 525$$

³² «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 70.

³³ Там же, стр. 42.

³⁴ «Новгородский истор. сборник», вып. 1, Л., 1936, стр. 26.

пустых 44), 11 амбаров (три пустых), шесть городских мест (одно пустое), одно сенное место.

На торгу, немного на отлете, стояли два гостиных двора: двор гостиной Тверской с 46 амбарами, в которых ставились гости «из всяких городов», и двор гостиный Псковской с 41 амбаром. К Псковскому двору примыкал льняной ряд, торговавший основным продуктом новгородско-псковского района — льном³⁵.

Новгородский торг конца XVI в. резко отличается от старого торга времен республики. Правда, не утратила еще своего значения святыня новгородских «пошлых» купцов времен Новгородской республики — церковь Ивана на Опоке, в которой попрежнему собиралась «весчая тамга», но теперь уже не в пользу патронального храма влиятельной гильдии торговцев воском, а собирали ее целовальники «на государя»³⁶. Немецкий двор с его иммунитетами и привилегиями, представлявший своего рода иноземную крепость в стенах «вольного» Новгорода, был закрыт в связи с Ливонской войной, «хором на нем нет», сохранилась одна «полатка камена», половина территории его отведена под государев двор³⁷. Другой средневековый гостиный двор — Готский, повидимому, перестал существовать еще в 1540-х годах³⁸. Зато возникли два новых гостиных двора, уже не в качестве укрепленных факторий иностранных купцов, а организованных в фискальных целях торговых помещений для приезда иногородних торговцев.

Основным средоточием новгородской торговли был торг, расположенный на Торговой стороне, непосредственно примыкавший к вечевому центру древнего Новгорода. Он разбивался на 42 ряда. Как и в Пскове, богатое купечество, ведшее торговлю заграничными товарами, образовало особый так называемый Великий или корыстный ряд, носивший также название Сурожского, Большого или Пробойного (по Пробойной улице, вдоль которой он тянулся). Здесь торговали наиболее богатые и экономически мощные «корыстные купчины», в частности московские «веденцы». «Людие, иже в Великом ряде сидяху» содержали в первой половине XVI в. патрональную святыню торга — церковь Параскевы³⁹. Богатое купечество — «суконники» — торговали также в суконном ряду, в котором, в частности, сидели шелковники⁴⁰, т. е. торговцы ценным привозным шелком. Остальные ряды были предназначены для продажи произведений местных новгородских ремесленников. Таковы были многочисленные ряды, торговавшие одеждой: три терличных, где производилась торговля всевозможными видами одежды, а также холстом, сермяжный, чупрунный или кошурный, шубный ветошный, ветошный, скорняжный, пушной и овчинный, в которых сидели мастера, отделявавшие меха, — скорняки, бобровники и шапочники, холщевный ряд в котором продавали холст, и, наконец, многолюдные красильный и белильный ряды, поставлявшие тот же холст, но подвергнутый дальнейшей обработке. Не менее многочисленны были ряды, торговавшие обувью и другими кожевенными изделиями: два кожевенных, тимовый, ирошный (в 1583 г. уже, впрочем, не существовавший), четыре сапожных, ременный, шпанный; в ряду сапожном сидели обособленным гнез-

³⁵ «Лавочные книги Великого Новгорода 1582/3 г.», стр. 91—92.

³⁶ Там же, стр. 94.

³⁷ В. В. Майков. Книга Писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. — «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 24, СПб., 1912, стр. 238, 244.

³⁸ А. И. Семенов. Указ. соч., стр. 38.

³⁹ Там же, стр. 31.

⁴⁰ «Лавочные книги Великого Новгорода 1582/3 г.», стр. 16—17.

дом сумочники, утратившие к этому времени свой отдельный ряд. Свои ряды имели котельники и мыльники (мыльный ряд в 1583 г., повидимому, пустовал), и представители квалифицированного ювелирного ремесла серебряники. Иконники в 1583 г. обосновались в переулке, шедшем к рыбному свежему ряду⁴¹, а в прежнем иконном ряду торговали судьяники (торговцы посудой) и рыбники-просольники⁴².

К торгу примыкала Хлебная горка, на которой «торгуют всяким хлебом посадские люди и всякие приезжие люди изо всех городов»; тут же стояла таможенная изба, в которой откупщики собирали тамгу с хлеба⁴³. Торговля готовыми продуктами питания сосредоточивалась рядом с Хлебной горкой вокруг Георгиевской церкви на торгу; здесь, за церковным алтарем, находился «рядок, торгуют хлебами»⁴⁴, тут же «даваны места пирожником и блинником лавки ставити»⁴⁵, и образовался ряд пирожный⁴⁶. Скупщики хлеба — коробейники имели лавки в различных рядах.

За Хлебной горкой находилась Конева горка, первоначально начинавшаяся за алтарем Георгиевской церкви, но затем частично занятая лавками пирожников⁴⁷. Рогатый скот, по данным 1576 г., пригонялся «на продажу к Ивану святому на Опоки»⁴⁸.

Масленики, торговавшие льняным маслом, сосредоточивались у ворот Тверского гостиного двора⁴⁹.

Соседство с Ильменским озером и Волховом с их рыбными богатствами способствовало особенному развитию торговли рыбой, свежей и просольной. Рыбу и рыбные продукты не только потребляли на месте, но и возили в Москву и другие города. По всему торгу были разбросаны рыбные лавки, амбары просольных и свежих рыбников, полки рыбников, которые торгуют свежей рыбой, «мостцы» свежих рыбников, амбары, в которых «ставились, приезжая, рыбники». Помимо отдельных лавок и амбаров, рыбники захватывали целые пустовавшие участки рядов⁵⁰.

По левой стороне проезжей улицы от Большого ряда к Ивану на Опоках рыбники, «которые торгуют свежою рыбой», откупили 10 мест, «а поставили на тех местех анбары и полки рыбные». Точно так же и в Новом сапожном ряду на пустых местах «поставили анбары рыбники, которые торгуют свежою рыбою», и «полки рыбничьи, которые торгуют свежою рыбою», — всего восемь полков, восемь амбаров (из них семь с полками) и один ледник, образовавшие целый ряд. По Пробойной улице к Ивану на Опоках тянулись сплошными рядами лавки, амбары, полки и примостки для торговли просольной рыбой⁵¹.

Собственно Рыбный свежий ряд, состоявший из 10 лавок, 22 амбаров и 52 полков, был расположен на берегу Волхова за пристанью, тянувшейся вдоль реки на пространстве 40 сажень⁵².

⁴¹ Там же, стр. 13—14.

⁴² Там же, стр. 29.

⁴³ Там же, стр. 101.

⁴⁴ Там же, стр. 99.

⁴⁵ Там же, стр. 97.

⁴⁶ Там же, стр. 58.

⁴⁷ Там же, стр. 97.

⁴⁸ ААЭ, т. I, стр. 320.

⁴⁹ «Лавочные книги Великого Новгорода 1582/3 г.», стр. 92.

⁵⁰ Там же, стр. 33—34, 42, 49, 92.

⁵¹ Там же, стр. 19, 33—34, 36.

⁵² Там же, стр. 109—110.

На Волхове была и другая пристань, позади Тверского двора, «где приставают молодожники»⁵³.

По берегам Волхова тянулись лесные склады; находились места «под досками»; тут же складывались дрова и «лес, с которых дерут драгицы»⁵⁴.

Таким образом, торг широко расползлся за пределы собственно рядов. Очень оживленным торговым пунктом был мост через Волхов. Застроенный домами и лавками, он представлял собой «целую и весьма длинную улицу»⁵⁵. По обеим сторонам моста было по 12 лавок; на мосту же были отведены места «трушником держати сено в учанах» и «пристани солецким и свинорецким насадщикам», вероятно, привозившим соль⁵⁶.

Несмотря на отмеченное выше стремление правительства сосредоточить торговлю главным образом на Торговой стороне, на Софийской стороне было довольно много торговых помещений: по подсчету лавочной книги 1583 г., там числилось 165 лавок (в том числе 15½ пустовавших), восемь амбаров и 29 мест лавочных и три амбарных⁵⁷. Лавки даже выходили за пределы Деревянного города в Заполье.

Как и Псков, Новгород в 1583 г. был в некотором упадке, еще не оправившись от последствий Ливонской войны, мора и карательного похода Ивана Грозного. Только что началось восстановление его торга, расшатанного событиями предшествующего десятилетия. Это видно из большого числа пустующих лавок, которые писцы энергично раздавали желающим. В конце XVI в. мы находим явные признаки быстрого роста торгово-промышленного благосостояния города. В начале XVII в. упоминаются новые ряды, которых не было в 1583 г., свидетельствующие о развитии ремесел,— железный или железники, саадачный, седельный, свечной или свечники, рукавичный или рукавичники; особенно заслуживает внимания возникновение особого книжного ряда. Кроме того, называются ряды перечневый, торговавший перцем, и курятильный⁵⁸. Расширены уже существовавшие ряды. Так, по ходатайству торговцев рыбного ряда была расширена территория, отведенная под этот ряд⁵⁹. Конева горка превратилась в конный ряд⁶⁰. Наконец, возобновилась и торговля с немцами, нарушенная Ливонской войной.

Те же явления мы наблюдаем и в других городах.

В Ладого, например, в 1568 г. было 45 амбаров и шербетей, в Орешке — 15⁶¹.

В Устюжне-Железопольской на посаде было 124 лавки и восемь стулов мясных. В отличие от других городов здесь торговали «через лавки, а не ряды»; к концу века население посада сильно уменьшилось, более чем втрое, но это гораздо менее отразилось на состоянии торга, на котором все еще было 96 лавок, четыре амбара и восемь стулов⁶².

⁵³ «Лавочные книги Великого Новгорода 1582/3 г.», стр. 101.

⁵⁴ Там же, стр. 123—125.

⁵⁵ «Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв.», пер. Любича-Романовича, СПб., 1843, стр. 9.

⁵⁶ «Россия», под ред. В. Н. Семенова, т. III, СПб., 1909, стр. 320.

⁵⁷ «Лавочные книги Великого Новгорода 1582/3 г.», стр. 143.

⁵⁸ «Временник МОИДР», кн. 8, М., 1890. Смесь, стр. 32; ЛОИИ. Собр. Соловьева, № 535.

⁵⁹ АЮБ, ч. II, № 159.

⁶⁰ ЛОИИ. Собр. Соловьева, № 535.

⁶¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 40—41.

⁶² ЦГАДА. Город. книги по Устюгу, № 1.

Очевидно, устюженский торг обслуживал всю округу, а не только посад.

Запустение посада не влекло за собой упадка местного торгова. Так, Можайск во второй половине XVI в., в результате ряда стихийных бедствий (голод 1561 г., мор 1570—1571 гг.) совершенно запустел — «много множество разыдесе людей из Можайска... на Рязань и в Мещеру и в понизовые города в Нижней Новгород», и к концу столетия на территории этого еще недавно многолюдного города стояло всего 205 посадских дворов среди обширных пустырей (1446 пустых мест) и развалин (127 пустых дворов). А между тем на Можайском торгу стояло два двора гостиных, 259 лавок, три полка, 69 скамей. Правда, и здесь пустовало более ста лавок и амбаров, но это уменьшение числа торговых помещений никак не идет в сравнение с грандиозным сокращением числа дворов⁶³.

Псков и Новгород и по развитию ремесленной промышленности и по размерам торгов, несомненно, выделялись среди русских городов XVI в. В меньшем масштабе мы наблюдаем такое же сосредоточение ремесел и торговых и в других городах. В маленьком Муроме в 1565/6 г. «во всех рядах» числилось 315 торговых помещений и целых три гостиных двора. Надо думать, что Муром пострадал во время нашествия Девлет-Гирея в 1571 г., так как в 1573/4 г. в нем было всего 111 дворов живущих и 677 пустых дворов и дворовых мест, но торг все-таки был довольно значителен: «лавок и лавочных мест и полков и лубеников [шалашей] в живущем» 202, причем возникли вновь после разгрома «лавки новые мясные»⁶⁴. В Серпухове в 1552 г. — 250¹/₃ лавок и амбаров. Пострадала в 1571 г. и Коломна, в которой писцы 1577/8 г. нашли жилыми всего 34 тяглых двора, в 662 дворов и дворовых мест лежало впусте. Но этот опустошенный посад оставался бойким торжищем. «За мясным рядом у Москвы реки» стоял двор гостиный соляной; большой соляной амбар принадлежал Строгановым, ряды состояли из 378²/₃ лавок, четырех прилавков, 35 скамей, двух шалашей — всего около 417 торговых помещений, не считая трех трушников, торговавших сеном. О торговом значении расположенной близ впадения Москвы-реки в Оку Коломны свидетельствует и то, что в ней имели свои дворы Аника Строганов, гости Никита и Иван Петровы и Фуник Васильев Сухобоков, владевшие в городских рядах 17-ю лавками, и суконник Семен Борисов Синий Зуб⁶⁵. Очевидно, такие города, как Устюжна, Можайск, и Коломна, являлись торговыми центрами сельскохозяйственной округи, тянувшей к ним.

Такой же торгово-промышленный характер имели совершенно новые города, возникшие в XVI в. почти на девственной почве недавно присоединенного, еще не вполне заселенного Поволжья. Через 15 лет после падения татарской Казани, на ее развалинах в русской Казани уже возник большой торг⁶⁶, состоявший из большого гостиного двора с 82 амбарами и 13 рядов лавок (Большой, Костромской, Псковской, горшечный, железный, серебряный, мясной, рыбный, хлебный, калачный и др.). Между рядами на крестцах торговали хлебом, калачами, маслом, и стояли бочки кваса. От рядов до Спасских ворот Кремля тоже

⁶³ «Можайские акты»; П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2, стр. 89—90, 102.

⁶⁴ АЮ, № 229.

⁶⁵ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 159, 191, 194.

⁶⁶ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 56—71

сидели с квасом. За торгом была расположена Коневая площадка, на которой у «государевой светлицы» стояли шалаши, где «сидят... с рыбою» (вареною) и «с пироги пряженными и с кисели»⁶⁷. На той же площади, за шалашами работало 10 кузниц. В другой части Казани, в пригороде у р. Казанки за Булаком, в шалашах происходила продажа пирогов и рыбы. Всего на Казанском торгу числилось 376 лавок, 82 амбара (в гостином дворе), 35 шалашей, шесть междулавочий, два прилавка, 86 полков, 102 скамьи, всего 689 торговых помещений различных размеров, не считая 16 квасных бочек⁶⁸. Из промышленных заведений в городе было всего 19 кузниц (не считая трех государевых) и три оброчных поварни⁶⁹. Ввиду большого торгового значения крупные люди, вроде Аники Строганова, Никиты Никитникова, имели в ней «приезжие» дворы⁷⁰.

В соседнем с Казанью Свияжске тоже имелся гостиный двор с двумя лавками, 19 амбарами, и четырьмя избами, в которых «ставятца гости», и очень значительное для небольшой крепости количество торговых помещений: 254 лавки, три межлавки, 21 скамья, шесть полков, три шалаша, одна изба с полком⁷¹.

В. И. Ленин, говоря о росте «индустриального населения на счет земледельческого» и об отделении «промышленности от земледелия» в капиталистическую эпоху, пишет: «Самым наглядным выражением рассматриваемого процесса является рост городов»⁷². Эти слова нельзя, конечно, целиком переносить на феодальную эпоху, но некоторую аналогию мы можем наблюдать в истории средневековых русских городов с той существенной разницей, что при слабости рыночных отношений разрастание городов происходило недостаточно интенсивно.

Развитие в городах ремесленной промышленности и торговли способствовало росту городов в XVI в. Дон-Хуан персидский, возвращавшийся в 1599—1600 г. через Россию на родину, был поражен многолюдством русских городов, через которые он проезжал. «Я очень внимательно осматривал город,— рассказывает он про Москву,— и мне показалось, что население его составляет не менее 80 000». Он утверждает, что в Казани одних русских более 50 000 человек, в Нижнем около 80 000; в Ярославле — 30 000, в Вологде — более 40 000, в Холмогорах — свыше 30 000, а в Архангельске — около 12 000⁷³. Не приходится говорить о фантастичности всех этих более чем преувеличенных подсчетов увлекающегося южанина, но они свидетельствуют о том, что русские города производили впечатление большой населенности. Такое впечатление производила Москва не на одного Дон-Хуана. Все посещавшие ее и писавшие по литературным источникам иностранцы в один голос сравнивают ее с самыми большими городами Западной Европы. М. Меховский (1517) находил, что Москва более нежели вдвое превосходила размером Флоренцию и Прагу⁷⁴, Фабр (1522), со слов очевидцев утверждал, что она больше Кельна⁷⁵; в середине столетия Ченслер

⁶⁷ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 70.

⁶⁸ Там же, стр. 58—71.

⁶⁹ Там же, стр. 71 и 13.

⁷⁰ Там же, стр. 24, 34.

⁷¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 209.

⁷² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 489.

⁷³ «Из рассказов Дон-Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию в 1599—1600 г.», пер. с испанского С. Соколова.— «Чтения ОИДР», 1899, кн. 1, стр. 12.

⁷⁴ М. Меховский. Трактат о двух сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 113.

⁷⁵ П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, вып. 2, стр. 86.

писал, что, по его мнению, Москва «больше Лондона с его предместьями»⁷⁶; Флетчеру она тоже казалась «немного более Лондона»⁷⁷. Последний повторяет фантастическую цифру дворов, которую дает Герберштейн (41 500) якобы на основании произведенной незадолго до него переписи. Все эти замечания, хотя и лишенные конкретной точности, показывают, что по своим размерам и населенности Москва занимала видное место среди городов Европы.

Более достоверные сведения дают русские официальные источники, хотя все они страдают одним основным недостатком: помимо — неточности статистических приемов XVI в., официальные данные касаются, как известно, только той части взрослого мужского населения городов, которая была обложена тяглом, и не всегда даже включают цифры взрослых бобылей. Поэтому для получения ясной картины эти официальные цифры приходится увеличить минимум в три-четыре раза и все-таки они будут, вероятно, значительно ниже действительности. С этими оговорками можно использовать те отрывочные данные, которые мы почерпаем из приказного делопроизводства XVI в.

Одним из крупнейших городов Русского государства был в изучаемое время Новгород, в котором в 1547 г. числилось 5096 дворов, в том числе 4355 черных тяглых дворов и 244 гостиных; в соседней Русе числилось 1473¹/₂ двора. В Пскове, если верить летописи, перед уничтожением псковской автономии в Среднем городе было 6500 дворов; сведений о населении Пскова в последующее время мы не имеем, но нет основания думать, что оно сильно уменьшилось, так как на место сведеных псковичей поселены были «гости сведеные москвичи», а главная масса псковичей, если верить той же Повести, «остаща, ано земля не расту-питца, а оуверх не взлететь»⁷⁸.

Из других городов, связанных с Новгородом, отметим Тверь, в которой до пожара 1616 г. было 800 жилых дворов⁷⁹, а по некоторым другим данным, одних черных дворов, вероятно, до 1570 г. было более 1000; в Устюжне-Железопольской в 1567 г. насчитывалось 713 черных дворов⁸⁰.

В Среднем Поволжье мы тоже встречаем уже крупные посады. В Ярославле в начале XVII в., по расчету П. П. Смирнова, насчитывалось около 900 черных дворов⁸¹. В Нижнем-Новгороде в 1613 г. после пожаров еще оставалось 1088 дворов⁸². В Казани в 1560-х годах посадских и слободских людей считалось 765 человек⁸³. На юго-западной окраине Русского государства — в Калуге до интервенции начала XVII в. числилось 723 посадских и бобыльских двора, а в Путивле — тоже свыше 700 дворов⁸⁴, на западной — Можайск в первой половине XVI в., прежде чем его посетили мор и голод, судя по громадной пустоте, отмеченной в конце столетия, был очень большим городом.

Вязьма в 1594/5 г., по официальным данным, имела 500 черных дворов⁸⁵. Примеры городов, население которых фактически насчитывало

⁷⁶ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. Ю. В. Готье, М., 1937, стр. 56.

⁷⁷ Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 17.

⁷⁸ «Псковские летописи», вып. 1, пригот. к печати А. Н. Насонов, М.—Л., 1941, стр. 97.

⁷⁹ П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 93—94.

⁸⁰ ЦГАДА. Город. книги по Устюгу, № 1.

⁸¹ П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 104—105.

⁸² Там же, стр. 110—115.

⁸³ «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 180—181

⁸⁴ П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 29—32.

⁸⁵ Там же, стр. 27.

несколько тысяч человек, могли бы быть умножены. Однако, наряду с таким сравнительно блестящим состоянием отдельных городов, в ряде случаев мы имеем и сокращение населения других городов. Это объясняется тем, что населенность городов зависела от их места в экономической жизни страны. Рост Новгорода не столько объясняется его значением в международной торговле, сколько его ролью как центра железодельного производства и льноводческого района; рост таких городов, как Устюжна-Железопольская или Старая Руса, объясняется развитием ремесла или промыслов, в данном случае железодельного и соляного; многолюдство поволжских городов — их торгово-ремесленным преуспеванием и т. д. Наоборот, другие города, экономически слабые, хиреют и теряют население, обстоятельство, которому исследователи придают иногда преувеличенное и общее значение. Такая судьба постигла, например, многие пригороды и рядки Новгородской области.

Говоря о росте русских городов XVI в., следует, далее, иметь в виду характерную для феодальной эпохи неустойчивость численного состава их населения. Голод, эпидемии, как было в Можайске, могли уничтожить целый город. Война разоряла в несколько дней целые сравнительно большие города: так, набег Девлет-Гирея в 1571 г. снес с лица земли почти целиком Коломну, в которой в 1577/8 г. писцы нашли всего 34 жилых тяглых двора и 662 пустых; Каширу, где на 315 пустых мест осталось 18 жилых дворов и на месте прежних 104 лавок стояло в 1578/9 г. 16 плетеных шалашей; Муром, где в 1574 г. еще было 111 дворов, а 627 пустовало⁸⁶; в Нижнем Новгороде в два пожара сгорело в начале XVII в. 1013 дворов и разбилось 830 семей⁸⁷. Ливонская война, моровое поветрие и погром Ивана IV почти совершенно уничтожили Новгород. Характерно, однако, что разоренные города восстанавливались сравнительно быстро. Очень показательны данные по Новгороду. Уже в 1585 г. энергично идет восстановление разоренного столькими невгодами посада. Согласно отрывку описания Торговой стороны, опубликованному Б. Д. Грековым в этом году, из 438½ пустых тяглых дворов 290 (т. е. 66,13%) были уже вновь заселены. Всего с прежними жилыми дворами «в жилье» было 74,13%, процент очень большой, если иметь в виду, что за несколько лет перед тем, в 1581—1582 гг., на Торговой стороне при 17,8% жилых было 82,2% пустых⁸⁸. Такой же процесс восстановления мы наблюдаем и в лавочных книгах 1583 г., в которых отмечены многочисленные случаи раздачи желающим пустых лавок. В Пскове торг, как мы видели, в значительной мере уже оправился от последствий осады города Стефаном Баторием. Насколько быстро росло население, видно на примере Коломенского посада, в котором в 1577/8 г., как сказано, было всего 34 жилых тяглых двора, а при Борисе Годунове считалось 783 посадских и тяглых двора⁸⁹.

Очень разителен пример Устюжны-Железопольской. По переписи 1566—1567 гг., в ней было 713 тяглых дворов и населения 811 человек, из которых 50 человек принадлежали к «добрым»; в 1597 г., когда уже процесс восстановления экономического благосостояния посадов сделал значительные успехи, в ней числилось всего 134 тяглых дворов.

⁸⁶ П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 42—43, 45.

⁸⁷ Там же, стр. 119.

⁸⁸ О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. — «Юбилейный сборник статей студентов ист.-этногр. кружка при Киевском ун-те», Киев, 1914, стр. 226—227.

⁸⁹ П. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 42—43.

Сократился и торг — вместо прежних 124 лавок в 1597 г. было всего 96, т. е. число их сократилось более чем на 22%. Об упадке Устюжны свидетельствует и катастрофическое сокращение казенных сборов. Все сборы в 1597 г. исчислялись в 184 р. 23 алт. 5 д., т. е. меньше, чем 30 лет перед тем посад выплачивал княгине Ульяне в виде только надбавки к поступавшей в казну сошной дани. Можно предполагать, что именно двойное обложение Устюжны в пользу казны и в пользу вдовствующих княгинь довело ее до такого разорения.

Роль городов в жизни ближайшей округи может быть конкретно показана на примерах Волоколамска и Белоозера. В Волоколамск как в ближайший городской центр постоянно обращался соседний Волоколамский монастырь за покупками. На первом месте тут стоят покупки ремесленных изделий, преимущественно кож, кожаных изделий и овчин, на втором месте — холстов и других материй. В 1570-х годах в Волоколамск постоянно командировался монастырский купчина Клим «на покупку» юфтей красных и белого товара и холстов. В 1580-х годах монастырский кожевник Оксен производил закупки кожевенных товаров. Монастырь покупал кожи красные, телятины красные и белые, яловичные, «бараны» (т. е. бараньи кожи), урезки, опойки, тимы, сыромяти, шлеи, вожжи, ремень, рукавицы, подошвы и подошвенные и подпяточные кожи, ирхи и другой кожевенный товар, часто про запас, иногда по случайной надобности, как то: «красный баран на войлока к игуменскому седлу», «две кожи меха ошивать», пять кож «на сумы». В большом количестве приобретались овчины, сотнями штук одновременно, в одном случае, например в 1573 г., — 590 овчин, в другом случае в 1581 г. — 304 овчины и т. д., иногда специально 20 овчин маленьких на игуменскую шубу, овчинки на обшивку. Другим предметом частых покупок были холсты, усчина, сермяжники, сукна (например, на свитки), гребеники, посконные холсты, изредка крашенины. Раз купили «скатерть на стол постилать» и т. п. В отличие от кожевенного товара текстиль покупался небольшими количествами, вероятно, потому, что все эти холсты и сермяжные сукна не были произведениями городского ремесла, и монастырю было выгоднее скупить его «по селам и торгам», как он обычно и поступал.

В общем итоге в городе приобретались материалы, которые затем использовались в монастырском хозяйстве на изготовление обуви, конской сбруи и одежды. Приобретались и материалы, необходимые для работ монастырских мастеровских, особенно клей мездринный (иногда урезки для клея), реже мел (для иконописи), лубье каблучное, деготь, зола (для кожевенного производства), горшки «олифа варить», сера, уголь и т. д.

Помимо покупки готовых изделий, монастырь очень часто обращался с заказами к городским ремесленникам. Так, в 1573 г. было заплачено «от Волока кузнецу найму две гривны от 2000 гвоздей»⁹⁰ и в том же году волоцкому кузнецу от 1000 гвоздья от дела — гривну и гвоздарю волочанину тоже за 1000 гвоздей — гривну⁹¹. Такие же заказы давались волоколамским кожевникам.

В 1575 г. даны в Волоколамск «в дело» две кожи, «да кожа коневая дана дубить»⁹² и заплачено «от дела» 26 опойков; в 1576 г. заплатили «от кож белых», которые делали на Волоце», 20 алтын, и «делали на Волоце ирхи в казну», за что дали 7½ алтын.

⁹⁰ ЛОИИ. Волоч., № 2, л. 100 об., 1573 г.

⁹¹ Там же, л. 120 об.

⁹² ЛОИИ. Рук. собр., № 1028, л. 106 об.

Отдавали и монастырскую кудель в город прясть. Так, в 1576 г. в Волоколамске заплатили «от трех кудель от пряжи» 3 деньги⁹³.

В 1588—1589 гг. закупки кожевенного товара в Волоколамске производил монастырский кожевник.

Покупались и произведения волоколамских кузнецов — гвозди, в частности обойные и колодки, клепаки и другие ремесленные изделия — четки, сита, хомутины, кувшины, иногда привозные, как тески троичкие.

Другую статью покупок составляли предметы продовольствия. Особенно много покупали сала. Например, в 1573 г. в один прием купили 57½ пудов, в 1575 г. — 48 пудов. Покупали овощи — свеклу, хрен, бочками капусту, чеснок, зеленый лук и т. д. и рассаду семенную; в одном случае огородный староста купил четыре «огороды капусты». В 1573 г. купили 14 четвертей пшеницы. Попадают случаи покупки яиц и сыров. Из привозных продуктов покупали сельди. Постоянно обращались в город за готовыми хлебными изделиями: согласно обычаю, для поминок по умершим жертвователям калачи не пеклись в монастыре, а регулярно посылались в Волоколамск 20—30 алтын на покупку таковых. Покупали калачи в городе и по различным экстренным случаям, например для преподношения новгородскому архиепископу в 1573 г.⁹⁴

Иногда даже специально заказывали калачникам изготовить необходимые продукты. Так, в 1573 г. в Волоколамске заплатили калачнику 5 алтын, «что четверть пекли калачей к игуменскому поезду, как поехали к Москве»⁹⁵.

Другим продуктом питания, который приобретался в Волоколамске, было масло конопляное. Бывали случаи, когда в городе покупали конопляное семя и тут же «делали масло», т. е. отдавали выбивать из семени масло⁹⁶.

⁹³ ЛОИИ. Рук. собр., № 1028, стр. 116.

⁹⁴ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 183 об.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, лл. 82, 86, 87, 98—98 об., 100, 100 об., 104, 104 об., 106, 110, 112, 116 об., 118, 120 об., 121, 134 об., 135, 150, 152 об., 161, 162 об., 172 об., 179, 181 об., 183 об., 192, 193, 196, 200 об., 208, 212, 212 об., 213 об., 214 об., 216 об., 229, 230 об.; № 3, лл. 103, 108, 113 об., 114 об., 115 об., 120 об., 129, 149, 149 об.; № 4, лл. 76, 83 об., 96, 96 об., 104, 114, 117—119 об., 129 об., 132, 136 об., 137 об., 141; № 6, лл. 105, 187—188, 196 об., 211 об., 212 об.—213 об., 208 об.; № 7, лл. 55, 61, 61 об., 72, 80, 84, 88 об., 90, 101; ЛОИИ. Рук. собр., № 1028, лл. 66, 67 об., 72, 73 об., 74 об., 77, 78 об., 83, 91, 98 об., 102, 104, 104 об., 106 об., 107, 113, 114 об., 117 об., 116, 116 об.

О Ч Е Р К V

МОСКВА КАК РЕМЕСЛЕННЫЙ И ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР XVI в.

Образование в конце XV в. Русского централизованного государства, столицей которого сделалась Москва, было прогрессивным явлением в истории нашей Родины. «Только страна,— пишет И. В. Сталин,— объединённая в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьёзного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»¹. В XVI в. особенно в третьей его четверти, во время деятельности «Избранной Рады» и позднее «Опричнины», развернулась борьба за укрепление Русского централизованного государства.

Но политическое объединение Русской земли возможно было лишь при условии хотя бы частичного преодоления экономической раздробленности. Централизованное Русское государство строилось в условиях феодального хозяйства, на базе начавшегося хозяйственного объединения страны.

В XVI в. в результате развития общественного разделения труда наметились предпосылки «всероссийского рынка».

В процессе постепенного складывания рыночных связей между отдельными областями возрастает значение Москвы как экономического центра, куда сходились многообразные нити хозяйственной жизни государства.

Но и из самой Москвы в разные стороны разбегались сухопутные и речные пути, связывавшие между собой самые отдаленные углы страны. Тесно связана была Москва с Верхним и Средним Поволжьем. Тверская дорога, начинавшаяся Тверской улицей, шла через Тверь в Новгород Великий. Дмитровская начинала тракт на Дмитров и Кимры на Волге. Сретенская улица, проходя через село Ростокино, продолжалась Переяславской или Слободской дорогой (как ее стали называть после учреждения Опричнины)². Этот очень важный тракт соединял Москву с Ярославлем (почему его звали также Ярославской дорогой), Вологдой и Устюгом, откуда открывался речной путь по Северной Двине к Белому морю. Он приобрел исключительно большое значение в хозяйственной жизни страны с тех пор, как с открытием в 1550-х годах англичанами беломорского пути в «Московию» Холмогоры (а позже Архангельск) получили значение единственного порта для морских сношений с Западной Европой. Этим путем, как сказано в царской грамоте 1583 г., «гости-де агличане и многие поморские торговые люди ездят с товаром через Волгу

¹ Приветствие тов. И. В. Сталина.— «Правда» от 7 сентября 1947 г.

² ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., СПб., 1904, стр. 222—223, 273; т. XIV, 1-я полов., СПб., 1910, стр. 475—476.

и через Которосль»³. На северо-восток — на Киржач и Суздаль — через село Стромынь вела до сих пор существующая «Стромынка»⁴. На восток — в Нижний Новгород и Казань сухопутный тракт лежал через Владимир; в Москве он начинался в Рогожской слободе. Этой дорогой ходил Иван IV в казанские походы в 1548 и 1552 гг.⁵ Водный путь в Москву из Среднего Поволжья шел из Нижнего Новгорода «Окою вверх до Коломны, а с Коломны Московоу-рекою вверх». Пристань города Москвы в XVI в. была на устье р. Угреши, где находился Николо-Угрешский монастырь. В мае 1546 г. Иван IV «от Николы с Угреши пошел на Коломну в судех»; в 1555 г. его брат князь Юрий Васильевич встретил «у монастыря святого Николы на Угреши у судна» икону Николая великорецкого, которую везли из Нижнего Новгорода. Из города Москвы к пристани вела от Варварки Большая улица, которая пересекала по деревянному мосту Язу и проходила мимо Симонова монастыря⁶. Этот же речной путь через Коломну служил для сношений с Рязанью; существовала и сухопутная дорога в Коломну.

По Замосворечью тянулся прямой тракт на юг через Серпуховские ворота, Котлы и пригородное царское село Коломенское в Серпухов, Тулу и Курск; за Котлами от него ответвлялась дорога на Каширу. В юго-западном направлении через Калужские ворота открывался путь в Калугу.

На запад, через Арбат и Дорогомилово, шла Можайская или Смоленская дорога, ведшая не только в пограничный Смоленск, но и дальше, за литовский рубеж.

Выходившие из Москвы пути в дальнейшем разветвлялись на целую сеть дорог, расходившихся по всему широкому пространству Русского государства. Роль Москвы как самого крупного промышленного и торгового центра Русского государства определяла ее ведущую роль в экономике страны и способствовала установлению тесных отношений с ближними и отдаленными рынками.

Как крупный потребляющий центр, Москва в первую очередь черпала продукты питания и ремесленного сырья из своей ближайшей округи. Коломенские огородники снабжали столицу огурцами «на соление», из Коломны шли также бочки щучины⁷, в Серпухове приобретался серпуховский уклад (сталь). Со своей стороны из Москвы ездили с товарами в Дмитров, в Кимры⁸, в село Клементьево под Троице-Сергиевым монастырем⁹, значительный пункт ремесленного производства, откуда столица получала троицкую деревянную посуду и «троицкие» ложки и, может быть, также текстильные изделия: нити и «суконца» троицкие. У вязьмичей москвичи приобретали сани и дровни.

Продукты питания поступали в Москву также издалека, из Среднего Поволжья. Поляки в начале XVII в. прямо говорили, что города, расположенные за Троицким монастырем, «доставляли продовольствие столице»¹⁰. По Ярославской дороге непрерывно двигались многочисленные возы с хлебом. Кроме хлеба, в Москву шла с Волги рыба. Ярославцы

³ «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахрамеевым, т. I, М., 1896, стр. 65.

⁴ «Сборник кн. Хилкова», СПб., 1879, стр. 50.

⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., СПб., 1904, стр. 155, 191.

⁶ Там же, стр. 149, 254, 259.

⁷ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273.

⁸ ААЭ, т. I, № 223, стр. 212—213.

⁹ «Чтения ОИДР», 1887, кн. 2. «Село Клементьево», стр. 56.

¹⁰ РИБ, т. I, стб. 141.

продавали в Москве бочками сигаину, белужину, сотнями осетров и севрюгу, пудами икру черную. В Ярославль и Кострому посылали московские монастыри своих слуг специально для закупки рыбы. С верховьев Волги из Осташкова шли снетки и другая рыба из озера Селигера. Поставляли в Москву рыбу и Белоозеро и Шексна с ее притоками. Чудов монастырь, например, приобрел в 1586 г. у белозерцев Логина Родионова и Якова Матвеева 2000 судаков и бочку рассольных сивов. Доставлялась в Москву рыба также из Казани и Астрахани.

Из других поволжских и связанных с ними городов Углич и Вологда пудами снабжали Москву коровьим маслом. Вологда служила крупным передаточным пунктом торговли солью между Москвой и Холмогорами, а Тверь и Белоозеро — между Москвой и Каргополом, в который свозились с севера большие запасы соли «морянки». Из лесных районов Верхнего и Среднего Поволжья в Москву шли мед и воск, а также изделия деревообделочного ремесла — тверская деревянная посуда и «кирилловские» ложки из Белозерского края. Расположенный на Ярославской дороге у Клещина озера Переяславль-Залесский торговал в Москве сельдями паровыми и свежими, которыми славилось это озеро.

Возникший уже в XVI в. район железодельной ремесленной промышленности в Устюжне-Железопольской снабжал Москву железными изделиями. Из одной грамоты 1583 г. мы узнаем, что власти Троицкого монастыря посылали в Устюжну-Железопольскую старцев и слуг покупать «железа на варничный обиход и судов и всяких запасов». В 1592 г. из Москвы ездил на Устюжну царский посланец для приобретения скоб железных судовых, гвоздей больших «притяжных» и тесовых, железа прутowego и т. д.¹¹

Большое экономическое значение Поволжья в жизни Москвы вызывало постоянные поездки московских торговых людей в большие приволжские города. В 1614—1615 гг. в Казани было зарегистрировано девять московских торговых людей с товарами на сумму 1117 рублей¹². В 1612 г., в самый острый год «московского разорения», когда весь торговый посад Москвы, сожженный поляками, лежал в развалинах, в Нижнем-Новгороде торговали два москвича — Оникей Порынкин и Филипп Дошанников¹³. В марте того же года московский торговый человек Федор Замошников скупил имевшийся в нижегородской казне оброчный воск на 302 рубля с лишком с обязательством в счет уплаты за него «привести с Вологды в Нижней зелья и свинцу»¹⁴.

Оживленные торговые связи существовали также между Москвой и Новгородом Великим. В новгородских таможенных грамотах 1571, 1586, 1587 гг. беспрестанно упоминаются «которые торговые люди москвичи учнут в Великий Новгород приезжати с каким товаром»¹⁵. В Новгороде московские гости и другие торговые люди скупали поступавшие сюда из-за границы металлы: медь, олово, свинец¹⁶. В 1556 г. само правительство распорядилось закупить здесь «к литью меди 1500 пуд... к

¹¹ ААЭ, т. I, № 320; ЛОИИ. № 530 (по описанию актов, напечатанному А. И. Андреевым в «Летописи занятий Археогр. комиссии», вып. 34).

¹² С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег. М., 1909, стр. 145—147.

¹³ С. Б. Веселовский. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М., 1910, стр. 152.

¹⁴ Там же, стр. 121.

¹⁵ ААЭ, т. I, № 282, стр. 320—328; № 331, стр. 398—400; № 332, стр. 400—402; № 334, стр. 402—403.

¹⁶ Там же, № 334, стр. 402—403.

пушечному и к пищальному делу»¹⁷. Из других привозных из-за границы товаров москвичи приобретали в Новгороде ладан, темьян, серу горячую, киноварь, ртуть, «стекла оксные разных цветов» и т. д.¹⁸, а из произведений местных ремесленников — «новгородские коробки», кованые железом. Сами новгородцы привозили в Москву в большом количестве рыбу из Волхова и Ладожского озера — сига, лещей, судаков.

Московская торговля не ограничивалась одним Новгородом. Москвичи ездили в новгородские пригороды «на Понеделье, и на Шелоню, и на Липно с товаром, с белкою и с воском и со всяким товаром»¹⁹. Даже в таком отдаленном пригороде, как Орешек, в числе других торговых людей, ходивших туда «с товаром на вьюках и на телегах и в судах, а зиме на санях», встречались москвичи²⁰. Следует отметить связи с Москвой далекой Корелы. Москву в значительной степени обстраивали плотники кореляне; упоминаются и торговые люди из Корелы, привозившие в Москву рыбу.

В Пскове в XVI в. был специальный «двор гостин приезжих гостей московских»²¹, здесь, как и в Новгороде, скупалась между прочим медь. Сами псковичи привозили в Москву иностранные товары — бархат, немецкую сельдь и т. д.

Постоянные сношения шли между Москвой и другим важным в экономическом отношении районом, расположенным к северу от Волги, — Поморьем с его богатейшими промыслами. На Холмогоры регулярно приезжали москвичи «с товаром и с деньгами»²². Из года в год из Поморья тянулись в Москву обозы с продуктами поморских промыслов, особенно высоко ценившейся в столице «терской» семгой и с солью²³. Так, в 1586 г. Чудов монастырь купил у каргопольца Оники Бабыкина восемь возов семги.

Устюг и Пермь были посредниками между столицей и охотничьими районами Севера и Зауралья в поставке пушнины, имевшей широкий спрос в столице. Сам Иван IV в 1573 г. обращался из Александровской слободы к Якову Строганову, находившемуся в Москве, с поручением купить для него соболей «сорок по осми рублев и по девяти рублев и по десяти рублев и по одиннатцати и по двенатцати и по тринатцати рублев», «да и дорогих соболей одинцов купил [бы] сколько добудешь» Строганов, однако, «добрых соболей одинцов на Москве не допытал», потому что «на Москве соболей продажных не мог добыти ни у кого». «В привозе» оказалось только «сорочек соболей» «пермской купли» самих Строгановых, «а цена тому сорочку по... пермской купле десять рублев»²⁴. В 1585 г. устюжане Василий Горох, Игнатий Костылев и Иван получили от царя Федора значительную по тому времени награду за то, что «купили они на Вологде на государя соболи и куницы и белку, и в том товаре учинили государю прибыли 1550 рублев»²⁵. Устюжане же, как специалисты, производили в Москве работы по «правлению» и «вывязке» соболей. Свидетельством оживленных сношений с Москвой

¹⁷ ДАИ, т. I, № 112, стр. 157.

¹⁸ ААЭ, т. I, № 334, стр. 402—403; ДАИ, т. I, № 92, стр. 144.

¹⁹ ААЭ, т. I, № 282, стр. 322.

²⁰ ДАИ, т. I, № 116, стр. 163.

²¹ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 14.

²² ААЭ, т. I, № 338, стр. 408—411.

²³ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 119; ЦГАДА. Волок., № 15, л. 158.

²⁴ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв., Л., 1924, стр. 92—93.

²⁵ ДАИ, т. I, № 131, стр. 199.

является в XVI в. особый Устюжский гостиный двор в Москве на Варварском крестце.

С конца XVI в. сами москвичи стали ездить за пушниной во вновь открытую Сибирь; с собой они везли московские товары, в которых остро нуждались только что возникшие за Уралом города. В 1603 г., например, москвич Докучайко Семенов поехал «торговати в Сибирские города» и повез с собой «всякого железного товару»²⁶. В обмен вывозились мягкая рухлядь и среднеазиатские бумажные ткани. Так, в 1607 г. из Тюмени отпущен был московский торговый человек Захарий Козлов с двумя приказчиками; с ними пошло 50 соболей, 16 бобров, три росомахи и другие меха, всевозможные среднеазиатские ткани (зендени, выбойки, пестрядь, кушаки), 10 фунтов бумаги хлопчатой синей, 1 ансырь шелку²⁷.

С западной окраины, из смоленской области, которая в XVI в. была в основном сельскохозяйственным районом, шли в столицу продукты сельского хозяйства: растительное («семенное») масло, мед, соленые сливы и вишни в патоке; смоленское семенное масло частично направлялось через Москву за границу. Со своей стороны смоленские купцы приобретали в Москве для вывоза в Литву ценную пушнину. Так, в 1586 г. смольнянин Федор Дрищев с товарищами купил у монахов Чудова монастыря 5 сороков соболей за 70 рублей. В Вязме москвичи покупали сани.

Из Калуги, славившейся своими деревянными изделиями, в Москву еще в начале XVI в. вывозилась деревянная посуда — братины, ставцы, блюда²⁸. Упоминаются также на московском рынке калужские ножики. Бортные леса калужского края поставляли в Москву мед. Так, в 1592 г. для Волоколамского монастыря куплено было в Москве 321¼ пудов меда у двух жителей Козельска.

Очень большое значение в хозяйственной жизни Москвы имели связи с южными областями государства, особенно с Рязанью, служившей житницей многолюдной столицы. Из Рязани в Москву поступало «добре много» хлеба. «Всякие же запасы приходили (в столицу) Коломенскою дорогою», что дало повод полякам, осаждавшим Москву в 1609—1610 гг., говорить, что из Коломны Москва получает все свое продовольствие. Царю Василию во время блокады Москвы тушинцами пришлось даже ставить на коломенской дороге острожки «для проезде хлебу»²⁹. Рязань посылала в Москву также мед, которым славились рязанские бортные леса.

Таковы многообразные экономические связи, завязывавшиеся вокруг Москвы и превращавшие ее в XVI в. в главный хозяйственный центр страны.

Укреплению экономического значения Москвы в XVI в. способствовали и мероприятия правительства.

При господстве феодальных производственных отношений в развитии экономики Москвы в XVI в. продолжал играть большую роль и момент принуждения. Помимо естественного притока капиталов и людей в Москву как в главный хозяйственный центр государства, правительство принудительно переводило в столицу торговых людей из других городов:

²⁶ ЛОИИ. По описанию А. И. Андреева.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 244, № 106.

²⁷ Там же, № 337; см. также № 342. Апсырь (перс.) = 1 фунту.

²⁸ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 108.

²⁹ ПСРЛ, т. XIV, 1-я полов., стр. 93; РИБ, т. I, стб. 151. Новый летописец по списку кн. Оболенского.— «Временник МОИДР», кн. 17, стр. 109.

«Самые богатые,— по словам Штадена,— противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов» (в Москве)³⁰. Это принудительное переселение в столицу ремесленников и торговых людей из других городов, широко практиковавшееся правительством часто по соображениям политическим, способствовало значительному подъему торговли и промышленности Москвы. Исключительно большое влияние оказал на хозяйственное процветание Москвы «свод» из присоединенных городов наиболее состоятельных и предприимчивых групп купечества. В этом случае имелось в виду сосредоточить в столице наиболее мощный экономический слой торговых людей. Когда оформилась организация столичного купечества, массовый свод сменился переводом в Москву отдельных представителей городского купечества с включением их в состав гостей или гостиной сотни, но сущность дела от этого не менялась.

Уже вскоре после присоединения Новгорода значительная группа новгородских купцов была переселена в центральные районы государства: в 1487 г. 50 человек было послано «на житие» во Владимир, а в следующем году «новгородцев торговых людей много ж» было посажено «на житие по всем городам московским»; уже в 1504 г. из Владимира 11 новгородцев и из Переяславля 5 человек были переведены в Москву. В 1546 г. 25 опальных новгородцев были посланы в Москву³¹, но особенно крупное переселение было произведено при Иване IV в связи с делом о «новгородской измене»: в 1569 г. поехали к Москве 145 семей новгородцев и пять семей москвичей из переведенных раньше на жительство в Новгород³², а в октябре 1571 г. из Земской половины Новгорода «гости веденые 40 семей» и из Опричной 60 человек с детьми³³. Надо думать, что из этих сведенцев и образовалась в Москве «Новгородская сотня», известная с 1598 г.

Произведен был свод и из Пскова после присоединения его в 1510 г. к Москве. В Москве псковичи образовали особый квартал «Псковичи» в районе Сретенки. Василий III «подавал им двory по Устретенской улице, всю улицу дал за Устретение, а не промешал с ними ни одного москвитина». В 1518 г. псковичи переведенцы поставили здесь церковь Введения, которая и стала религиозным центром их поселения. В 1569 г. Иван IV свел в Москву еще 500 человек из Пскова³⁴. Среди сведенцев были люди очень состоятельные: так, псковский сведенец Гаврило Алексеев в 1578—1579 гг. пожертвовал Кириллову монастырю каменную лавку с погребом в наиболее богатом из московских рядов — суконном. Повидимому, псковские и новгородские сведенцы 1569—1571 гг. были поселены и в Замоскворечье «за Болотом»³⁵.

Особенно крупное значение имел перевод в 1514 г. на жительство в Москву большой группы богатых смоленских купцов, образовавших здесь особый разряд «смольнян», занимавший в торговой иерархии Москвы второе место после гостей. В. О. Ключевский ошибочно полагал, что в лице «смольнян» мы имеем «не купцов г. Смоленска, а особый разряд столичного московского купечества» и что купцы, принадлежавшие к это-

³⁰ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 67.

³¹ ПСРЛ, т. IV, 2-я полов., стр. 618.

³² Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1843, кн. III, т. IX, прим. 282.

³³ Там же, прим. 398.

³⁴ Там же, прим. 282; М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца». — «Исторические записки», кн. 15, стр. 293.

³⁵ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство..., т. I, вып. 2. СПб., 1910, стр. LXXI, LXXV, прилож.

му разряду, назывались смольнянами потому, что вели торговлю с Западной Русью и с Литвой через Смоленск³⁶. Таможенные грамоты XVI в. не оставляют никаких сомнений в этом вопросе. Дмитровская таможенная грамота 1549 г. говорит, что «в Дмитров, на Кимру и в Рогачево приезжают торговати сведенцы смольняне, паны московские, Тиша Смывалов да Федько Кадигробов с товарищи»³⁷; этот Смывалов участвовал в числе прочих «смольнян» в заседании собора 1566 г.³⁸ Новгородские таможенные грамоты 1571 г. очень последовательно говорят о «смольнянах из Смоленска» и о смольнянах — «Московских жильцах»³⁹. Точно так же и Орешковская таможенная грамота различает «смольнян, которые в Москве и в Смоленске живут»⁴⁰. Неверна также и догадка В. О. Ключевского, будто смольняне явились ядром будущей гостинной сотни. Наиболее видные из них скоро вошли в состав гостей или сделали блестящую карьеру на государственной службе в качестве дьяков⁴¹. «Смольняне» играли очень видную роль в московской торговле и не случайно особо оговариваются в таможенных грамотах времен Ивана IV. Афанасий Юдин, например, вел крупнейшие дела с англичанами; ему должны были в 1589 г. английские купцы Ульян Фомин и Антон Марш огромную сумму — 6200 рублей⁴². Правительство давало смольнянам ответственные финансовые поручения. Так, один из Твердиковых в качестве «купчины» царя Ивана IV ездил в Англию с царскими товарами, а Тимофей Смывалов с той же целью был командирован в Антверпен⁴³. В Москве у смоленских сведенцев был свой «смоленский» суконный ряд⁴⁴.

Наряду со смольнянами в Москве в 1580-х годах упоминаются и сведенцы из Вязьмы, некоторые из них вели довольно крупную торговлю медом⁴⁵.

Свод коснулся также Поморья и, повидимому, в значительных размерах. О сведенцах с Устюга говорится во вкладной книге Михайло-Архангельского монастыря, в которой фигурируют «московские жильцы», в том числе Козьма Дмитриев Лиханов, «устюжский веденец». Таким же «устюжским веденцем» был, очевидно, и другой московский жилец, Михайло Фалалеев. Оба они были крупными торговыми людьми, торговавшими иностранными материями и галантереей; в числе их вкладов были тафта турецкая, кафтан бархатный, ширинка «золотом да серебром шита», 500 листов золота сусального⁴⁶. В конце 1580-х годов Фалалеевы были уже гостями; об их богатстве говорит сделанный ими

³⁶ В. О. Ключевский. Опыты и исследования. 1-й сборник статей. М., 1912, стр. 464—465.

³⁷ ААЭ, т. I, № 223, стр. 212—213.

³⁸ СГГид, ч. 1, № 192, стр. 554.

³⁹ ААЭ, т. I, № 282, стр. 322.

⁴⁰ ДАИ, т. I, № 116, стр. 164.

⁴¹ Упоминаемые в сборном приговоре 1566 г. Афанасий Юдин, Степан Котов были гостями в 1598 г.; имя Игнатия Твердикова позже в документах не встречается, но другой Твердиков — Григорий был гостем в 1598 г., а Максим Твердиков — в 1610 г. (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, стр. 590; он же. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы..., ч. 2. М., 1891, стб. 632). Степан Твердиков в царствование Федора Ивановича был дьяком при Казенном дворе (И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 1, стб. 1221).

⁴² «Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера». — «Временник МОИДР», кн. 8, стр. 32.

⁴³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX, прим. 260.

⁴⁴ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1101.

⁴⁵ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, лл. 38, 144 об.

⁴⁶ В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, В. Устюг. 1912, стр. 154, 164.

в 1597 г. вклад в 100 рублей. В 1589 г. Михаил Фалалеев был таможенным головою в Казани; в 1598 г. Иван Фалалеев участвовал в избрании царя Бориса⁴⁷. В 1580 г. упомянут еще один устюжский сведенец — Тит Гиганов, торговавший между прочим церковным вином, т. е. тоже иностранным товаром⁴⁸. Возможно, что от устюжских сведенцев получила свое начало Устюжская полусотня.

«Двинские переведенцы, московские жильцы» упоминаются в Двинской таможенной грамоте 1588 г. Они тоже сохраняли связь со своей родиной и ездили на Двину с товарами и деньгами⁴⁹.

Сравнительно меньше данных мы имеем о своде из поволжских городов. Среди торговцев рыбой в Москве в 1580 г. встречается сведенец ярославец Алексей⁵⁰, в числе вкладчиков Троицкого монастыря в 1577 г. — один балахонский сведенец⁵¹.

Имеются сведения о тверских сведенцах, один из которых, Кузьма Семенов Аврамьев, в 1604—1608 гг. был членом гостиной сотни и купил две полулавки в Верхнем москотильном ряду, которые пожертвовал в Соловецкий монастырь за вклад в 130 рублей⁵². В 1580-х годах известны также «старички веденцы» Улановы и ржевский сведенец Иван Матвеев, сын Нос⁵³. Трудно сказать, связано ли с выводом из Ржева образование Ржевской сотни.

Исключительно большой свод (470 семейств) был произведен, по неясным причинам, в 1569 г. из Переяславля-Залесского⁵⁴. Если верна гипотеза о происхождении названий московских сотен от сведенцев, то Ростовская сотня могла также возникнуть именно таким образом.

«Свод» не только способствовал сосредоточению в Москве крупных капиталов. «Сведенцы» сохраняли живые связи с городами, откуда были родом. Двинские сведенцы везли свои товары и деньги на Двину. Устюжане «московские жильцы» обогащали своими вкладами патрональную святыню родного Устюга — Михайло-Архангельский монастырь. Не порывали своих отношений с Смоленском и московские «смоляне», к которым еще в 1566 г. русское правительство обращалось по вопросам, связанным с пограничными спорами с Литвой.

Такие же последствия имел и перевод на жительство коренных москвичей в другие города. «Московские гости» составляли значительную и влиятельную колонию в Новгороде: среди них встречаем представителей таких богатых купеческих семей, как сурожане Таракановы и известные своей строительной деятельностью в Новгороде Сырковы. Московские гости в Новгороде жили на Торговой стороне в Плотницком конце. Здесь, на месте старой церкви, они совместно с новгородскими купцами построили в 1536 г. церковь Бориса и Глеба⁵⁵. После взятия Пскова Василий III перевел туда на жительство сперва 15 москвичей, а затем 120 «других людей и москвич»⁵⁶. Были московские сведенцы

⁴⁷ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, стр. 106; ААЭ, т. II, № 7, стр. 45.

⁴⁸ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273.

⁴⁹ ААЭ, т. I, № 338, стр. 411.

⁵⁰ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 162.

⁵¹ Собр. Загорского музея. Вкл. кн. Троице-Сергиева м-ря, № 1, л. 414.

⁵² И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 612—614.

⁵³ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 36 об.

⁵⁴ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX, прим. 284.

⁵⁵ А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Под ред. Б. Д. Грекова, Л., 1939, стр. 185—187.

⁵⁶ М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца». — «Исторические записки», кн. 15, стр. 293.

и в Твери, например богатый московский переведенец, который в 1572 г. пожертвовал Троицкому монастырю храм «своего сооружения», два амбара соляных в Твери и 200 рублей⁵⁷. Перевод московских торговых людей в бывшие центры самостоятельных княжеств имел, несомненно, непосредственной задачей укрепить политическую связь этих центров с Москвой, но так же, как и «свод», он приводил к установлению более тесных экономических отношений между столицей и периферией.

Наряду со «сводом» в Москву городского купечества русское правительство в целях поднятия ремесленного производства столицы широко практиковало вызов в Москву специалистов из других городов. В 1556 г. Иван IV вытребовал из Новгорода в Москву «ноугородцов серебряных мастеров Ортемка да Родивонка Петровых детей з братьею и з детьми, которые их братья и дети горазди серебром образов окладывати»⁵⁸, и в том же году вызвал «вборзе» из Новгорода мастера Васюка Никифорова, который «умеет резати резь всякую» на камне⁵⁹. В том же 1556 г. состоялся общий указ, предписывавший всех «неметцких полоняников», умеющих «делати руду серебряную и серебряное дело, и золотное, и медяное, и оловяное, и всякое», выслать в Москву, причем их владельцам обещалась щедрая компенсация⁶⁰. В других случаях специалисты привлекались не на постоянное жительство, а на время, для выполнения определенных работ по заданию правительства. После пожара 1547 г. Иван IV послал «по иконописцов в Великий Новгород и во Псков и в иные города, и иконники съехались, и царь государь велел им иконы писати, кому что приказано, а иным полати подписывати, и у града над враты святых образы писати»⁶¹.

Вызываемые для выполнения правительственных заданий на постоянное жительство или временно специалисты оказывали, несомненно, очень большое влияние на местных московских ремесленников, способствуя повышению качества их производства. Известно, какой шум вызвали в столице навеянные западноевропейскими образцами новшества в иконописи, которые вводили псковские художники, работавшие в пострадавших от пожара кремлевских зданиях. Потребовался специальный соборный приговор, чтобы санкционировать эти новшества, допущенные благодаря покровительству псковской школе со стороны всеильного в те годы священника Сильвестра.

Москва становилась, таким образом, точкой, куда сходились все нити хозяйственных и культурных связей страны. Это обстоятельство способствовало быстрому экономическому росту Москвы.

Москва XVI в.— уже крупный промышленный центр, обслуживающий не только местное население, но и все государство. Это город ремесла и мелкого товарного производства. О мануфактурном производстве еще рано говорить. Правительство делало, правда, попытки устройства мануфактур. При Иване Грозном была заведена бумажная фабрика на р. Уче, в 30 верстах от Москвы. При царе Борисе в Москву прибыл венецианец Марк Чинопи, приглашенный еще царем Федором для тканья парчей, штофов и бархатов, который организовал мастерскую в самом

⁵⁷ Вкл. кн. Троице-Сергиева м-ря, № 1, л. 498.

⁵⁸ ДАИ, т. I, № 92, стр. 144.

⁵⁹ ДАИ, т. I, № 96, стр. 148.

⁶⁰ Там же, № 102.

⁶¹ «Московские соборы на еретиков XVI века». — «Чтения ОИДР», 1847, № 3, стр. 19.

Кремле, близ колокольни Ивана Великого⁶². Не имея базы в местных экономических условиях, эти опыты не давали прочных результатов. Обе мануфактуры оказались недолговечными и вскоре прекратили свое существование (мануфактура Чинопии просуществовала всего два-три года). Только Пушечный двор, устроенный Иваном III, продолжал развиваться и достиг в XVI в. большого расцвета. Однако, будучи основан для удовлетворения военных нужд государства и обслуживавший почти исключительно армию, он мало характерен для московской промышленности.

Московский ремесленник XVI в. работал обычно в одиночку, во всех производствах, где это было возможно. В кузнечном ремесле, например, хозяин кузницы не мог обойтись без наемного казака (рабочего). Встречаются упоминания о работниках и в других ремеслах. Так, в 1600 г. сын торгового человека ржевитина Афанасий Иванов рассказывал, что, лишившись родителей, убитых во время набега литовцев на Ржеву, «жил на Москве у посадцкого человека у Иванка у плетника в наймах лет с 8 и инде жил»⁶³.

Обычной формой использования чужого труда было ученичество. В ученики поступали чаще всего малолетки. Условия жизни в ученье были нелегкие, как видно из того, что ребята убегали от своих хозяев. В 1594 г. мальчуган 12 лет Кирилко Офромеев сын Горончаров говорил в Новгороде, что «наперед сего... жил на Москве и учился портного мастерства у портного мастера у Филипка у Дементьева и от него збежал, а не снес от него ничего»⁶⁴. Особенно распространено было ученичество в ремеслах, требовавших более высокой техники, например в иконописном. Большие работы, вроде росписи церквей, иконописец производил совместно с одним или двумя учениками. В ремеслах, в которых мастер не мог справиться один и даже с помощью ученика, ремесленники объединялись в небольшие артели. В Москве работали, например, артели плотников, иногда приходившие издалека, особенно часто из Корелы. Нередко и роспись церквей производилась артелями иконников.

В московском ремесле была очень распространена работа на заказчика из его материала, иногда с добавкой материала ремесленником. Но наряду с этим широко практиковалась работа непосредственно на рынок. Отсутствие данных не позволяет установить, всегда ли сами производители выносили свой товар на рынок или пользовались посредничеством скупщика — «торгового человека».

Ремесленное производство в Москве XVI в. характеризуется большой его дробностью. Московские ремесла поражают своим разнообразием и многочисленностью. Из ремесленников, вырабатывающих одежду, выделяются специалисты по изготовлению отдельных видов платья и даже частей одежды, из числа ремесленников, работающих на металле, — мастера, изготавливающие ножи или замки, и т. д.⁶⁵

Естественно, что в Москве, как большом городском поселении, быстро разраставшемся в XVI в., были очень развиты ремесла, связанные

⁶² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. X, прим. 451.

⁶³ РИБ, т. XV. Новгородские кабальные книги 7108 (1599/600 г.), стр. 61.

⁶⁴ «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг.», под ред. А. И. Яковлева, М.—Л., 1938, стр. 445.

⁶⁵ Данные о московском ремесле почерпнуты из прихода-расходных книг Чудова м-ря 1585/6 г. (ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273); Волоколамского м-ря 1579 г.— по выпискам, любезно сообщенным проф. М. Н. Тихомировым, 1591/2 г., 1602/3 г., 1605—1608 гг. (ЦГАДА. Волж., № 10, 12, 15, 16, 19, 31) и Болдина м-ря (РИБ, т. XXXVII). Другие источники см. в ссылках.

со строительством. Постройки возводились главным образом деревянные, поэтому основными кадрами строительных рабочих были плотники.

Власти Болдина монастыря постоянно нанимали в Москве плотников то «избу прикрыти», то «подрубить лавку», то «подельвати замет... да и пристеня», то «делати ворота», то «подельвати окно», то «житницу срубити большую» на своем московском подворье или в подмосковных вотчинах. Плотники не только строили («рубили») новые постройки и ремонтировали старые, быстро приходявшие в негодность, но и делали «нутрь», т. е. деревянные предметы обстановки.

В XVI в. значительно усилилось каменное строительство в Москве, в связи с чем расширилась деятельность московских каменщиков. Любопытно отметить, что когда в 1552 г. в церкви Иоанна Лествичника в Кремле, построенной за 20 лет перед тем фрязином Петроком Малым, понадобилось пристроить лестницу, то это сделали уже не иностранные, а московские мастера, как определенно подчеркивает летопись⁶⁶. При ремонте стен Китай-города и Белого города в 1613 г. правительство пользовалось трудом московских каменщиков и кирпичников; наряду с каменщиками названы и «каменных дел подмастерья», т. е. архитекторы⁶⁷. Правительство командировало московских каменщиков и в другие города, когда там предстояли ответственные постройки. Так, царь Федор посылал из Москвы в далекий Антониево-Сийский монастырь для постройки каменной церкви «мастера церковного» Захарья, который в 1592 г. «подошву завел и сваи набил и камнем до половины вырубил»⁶⁸. Из других ремесленников, связанных со строительством в Москве, в XVI в. работали печники, к которым очень часто обращались и Болдин и Чудов монастыри, когда нужно было выложить и побелить печь в той или иной келье или сделать «печь... большую для хлебного печенья». Особо упоминаются колодезные мастера, которые делали новые колодцы и чинили старые.

С городским строительством было связано и ремесло оконечное. Выделялись окончины слюдяные паюсные, но в Москве в XVI в. начинали входить в обиход и окончины «стекольчатые», и не только Чудов монастырь обзаводился таковыми для архимандричьей кельи и для церквей, но и Болдин монастырь приобретал их как для своего московского подворья, так и для построек в самом монастыре.

Кроме плотничных работ, в Москве и ее окрестностях производились другие виды работ по дереву. На московском торгу продавались самые разнообразные деревянные предметы домашнего обихода, на первом месте изделия бочарников: бочки малые и большие, кади липовые («на капусту», «для молочного скопу» и т. д.); бочарники же чинили («закручивали») старые кади. Не менее важна была «санная и тележная поделка». Большое место в деревообделочном ремесле занимала выделка деревянной посуды: блюд красных, ставцов, братин. Волоколамский монастырь в 1579 г. выписал, например, из Москвы 160 блюд расходных.

В громадном количестве выделялись в Москве деревянные ложки «с костями», которыми столица снабжала монастыри по всей стране. Так, Волоколамский монастырь приобрел в апреле 1579 г. в Москве

⁶⁶ ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904—1906, стр. 145, 444.

⁶⁷ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича». — «Чтения ОИДР», 1915, кн. 4, стр. 20—21.

⁶⁸ Макарий, епископ. Исторические сведения об Антониевом-Сийском монастыре. — «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3, стр. 31.

200 ложек. Болдин монастырь в 1585—1600 гг. неоднократно закупал тоже значительные партии, например в 1600 г.— 300 ложек, для чего специально посылались деньги с доверенными лицами.

Наряду с деревянной посудой употреблялась посуда глиняная: горшки и кувшины зеленые. Гончары в Москве имели свою слободу на месте теперешней Гончарной улицы.

На окраинах Москвы в начале XVI в. тянулся длинный ряд «домов кузнецов и других ремесленников, действующих огнем»⁶⁹. На так называемом плане Федора Борисовича Годунова помечены кузницы также на берегах Неглинной в районе теперешнего Кузнецкого моста. Кроме «подкованья» лошадей, кузнецы исполняли всевозможные другие поделки: делали новые и чинили старые сошники, топоры, косы, железные горшки и котлы и т. д. Особенно большой спрос был на гвозди большие и малые, на гвозди сапожные, наконец, на гвозди, «что оклад к образам прибавати». Отдельные профессии представляли замочники (в Москве продавались замки различной конструкции: нутряные, висячие, двусмычные и т. д.) и ножевики⁷⁰.

Мастерские медников и оловянных выпускали предметы домашнего обихода: котлы «медные поваренные», блюда оловянные и т. п., а также всевозможные предметы, предназначавшиеся для надобностей культа: кадила, паникадила и т. п. Особое место среди ремесленного населения Москвы занимали государевы колокольные литцы Пушечного двора, состоявшие на государевой службе, но работавшие и на сторону, по заказам церковных учреждений. В 1587 г. для Болдина монастыря «переливали (колокол) на Москве государевы колокольные литцы», и в том же году колокольный литец Иван Афанасьев по государеву указу «лил благовестный колокол» в тот же монастырь. В 1607 г. московский колокольный мастер Игнатий отливал два колокола в 280 и 30 пудов в Кирилло-Белозерском монастыре. Частные лица покупали колокола для пожертвования в ту или иную церковь у царских дьяков на Пушечном дворе⁷¹.

Очень славились московские оружейники, бронники, самопальные мастера, пищальники⁷². По отзыву иностранцев, московские сабли и по качеству и по художественной отделке не уступали турецким⁷³. Очень хороши были и московские «пансыри»; недаром бухарские послы в 1589 г. домогались разрешения купить их в Москве⁷⁴. Выделялось и огнестрельное оружие — ручницы, которые приобретались состоятельными москвичами «для дворового береженья». Порох (пищальное зелье), свинец и пульки продавались в рядах, точно так же как и порошницы для хранения пороха.

При дворце существовала специальная Серебряная палата, состоявшая в начале XVII в. в ведении Серебряного приказа⁷⁵. Произведения этой мастерской — серебряные бочки, слитые из посуды, взятой в ливонских городах, множество огромных серебряных тазов, серебряных ков-

⁶⁹ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 99.

⁷⁰ Упоминаются в акте об избрании Бориса Годунова.— ААЭ, II, № 7.

⁷¹ «Введенская и Пятницкая церкви в Сергиевском посаде Московской губернии». — «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, стр. 28.

⁷² Собр. Загорского музея. Вкл. кн. Троице-Сергиева м-ря, № 1, л. 415.

⁷³ Н. Г. Устрялов. Сказания современников о Димитрии-самозванце, ч. 2. СПб., 1859, стр. 47.

⁷⁴ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, стр. 105.

⁷⁵ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича». — «Чтения ОИДР», 1915, кн. 4, стр. 29.

шей — все это «русской работы» — выставлялись в царских палатах во время пиршеств, вызывая изумление иностранных гостей⁷⁶.

При царе Федоре в царской мастерской работали 14 мастеров, которые получали регулярно государево жалование; сверх того, в числе награжденных за исполнение особого царского заказа было еще шесть человек, может быть, вольнонаемных. Из всех царских серебряников только двое — Клеус Савостьянов и Борис Томосов — были иностранцы, остальные все были русские⁷⁷. Очевидно, тоже для обслуживания царского двора были вызваны новгородские серебряники в 1556 г. Серебряная палата исполняла в первую очередь различные заказы царя. Например, царь Федор указал сделать 20 ковшей и 20 чар золотых⁷⁸. По его же распоряжению серебряные мастера в 1583 г. делали раку для гробницы основателя Троицкого монастыря Сергия⁷⁹.

Но в Москве были также вольные серебряники из московских тяглиц, которые работали на рынок. Много серебряников жило в пригородном Красном селе⁸⁰. В конце XVI в. славился как искусный ювелир дьякон Ильинской церкви на торгу Даниил, о котором долго еще вспоминали в Москве как о выдающемся мастере. Такие изделия, как «перстень золот литой московское дело» — произведение дьякона Даниила или им же сработанный «крест золотой тельной», ценились очень высоко еще в следующем столетии. Выделялась для продажи и серебряная посуда — чарки и ковши. Большой спрос имели предметы церковного культа из серебра. Так, дьякон Даниил в 1599 г. сделал, по заказу Болдина монастыря, дискосное блюдо серебряное, звезду с копейцем и панагию⁸¹. Одной из специальностей московских серебряников были серебряные оклады на иконы. Из их мастерских выходили тонкая изящная скань и художественные басмяные оклады, до сих пор вызывающие восхищение знатоков.

Продукция московских серебряников вывозилась и за границу⁸². Правительство, опасавшееся отлива благородных металлов в чужие страны, принимало даже в этом отношении запретительные меры против вывоза москвичами «денег и серебра и золотых, и судов, и пуговиц серебряных и золотых... из Новагорода в Литву и в Немцы». Запрещение это распространялось и на иностранных купцов; в 1542 г., например, у одного литовского купца были конфискованы купленные в Москве серебряные сосуды (12 ковшей и чарка) и слитки серебра⁸³.

Очень видное место в ремесленной промышленности Москвы XVI в. занимало хамовное дело, т. е. производство полотен и холстов. Кадашево в Замоскворечье представляло собой большую ремесленную слободу, население которой поставляло как тягло (повинность) на дворец громадное количество полотен кадашевских, убрусов шитых и браных, столбцов скатертных, утиральников, нитей⁸⁴. Другая слобода, подведом-

⁷⁶ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 274.

⁷⁷ ДАИ, т. I, № 131, стр. 202.

⁷⁸ «Временник МОИДР», кн. 7. Смесь, стр. 35.

⁷⁹ ДАИ, т. I, № 131, стр. 210.

⁸⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 43.

⁸¹ РИБ, т. XXXVII, стб. 138, 141; «Акты времени междуцарствия», под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябина. — «Чтения ОИДР», 1915, кн. 4, стр. 97. Дискос и звезда — предметы богослужебного культа; панагия — небольшая нагрудная икона у епископа.

⁸² Сб. РИО, т. 59, стр. 168.

⁸³ ААЭ, т. I, 282, стр. 324; Сб. РИО, т. 59, стр. 168.

⁸⁴ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884, ч. 1, стб. 1201—1223.

ственная непосредственно царицам, — Екатерининская белильная на Ордынке, получившая название по церкви Екатерины-«мученицы», изготовляла для дворца беленую пряжу⁸⁵. Продукция казенных слобод не могла, однако, удовлетворить потребностей даже дворцового хозяйства, и когда дело шло о более дешевом и простом материале, казна сама обращалась к вольному рынку. В 1586 и 1587 гг., например, на рубашки для нищих старцев, получавших из казны милостыню, полотна то и дело покупались «на торгу»⁸⁶.

Рынок в Москве был завален дешевым текстилем, посконной холстиной, которой шло очень много на рубашки, портки, подкладки, мешки и т. п., сукном сермяжным, крашеной черной и лазоревой и т. п. Часть этого текстиля поставлялась подмосковными крестьянами; известны были, например, «троецкие полотенца», «суконца», изготовлявшиеся в вотчинах Троицкого монастыря⁸⁷. Но такое производство существовало, несомненно, и в самом городе. Специальные красильники в Москве были заняты крашением материй. Наряду с материями торговали и нитками разных сортов. Лучшими считались нити троиецкие.

Обшивали и одевали московское население многочисленные ремесленники, занятые «портною поделкою». Портным мастерам заказывали шитье нового платья из своего материала и отдавали в переделку старое. Так, в августе 1587 г. болдинский старец Герасим купил крашеную черную на шубу и пуговицы, полтора аршина холстины посконной на подкладку да нитей, «чем шити шубы», и дал мастеру «от дела тое шубы» — 8 денег; в октябре он же «давал поделовати ряску ветчаную, а прикупил к ней сукна на поделку и рукавы у ряски поставить»⁸⁸.

Особенно высокие требования предъявляли к портным высмеиваемые митрополитом Даниилом московские франты, у которых «ум... всегда плавает о ризах, о ожерелиях (богато расшитых воротниках), о пугвицах»⁸⁹.

Помимо работы на заказ, портные мастера поставляли на рынок готовое платье: шубы заячьи, бараньи и другие, кафтаны, сарафаны, однорядки, чупруны (род женской одежды), рубашки и портки холстинные и более нарядные рубашки красные, шитые шелком, и портки льняные. В громадном количестве изготовлялись пояски, составлявшие обязательную часть монашеской одежды; их покупали монастыри целыми пучками и сотнями аршин. Очень много поясков выделывал на продажу Троицкий монастырь, вернее, его крестьяне. Изготавливались и отдельные части одежды, например завязки к однорядкам.

Обделка мехов для шуб способствовала развитию скорняжного ремесла. Существовали скорняки и при царском дворе.

Царский обиход в XVI в. обслуживала собственная дворцовая портняжная мастерская; при царе Федоре получали жалованье шесть казенных портных мастеров⁹⁰. Существовал при дворе и штат мастеров-золотошвеев. В мае 1585 г., например, золотошвеям Мартыну Петрову, Юрию Андрееву и Богдану Григорьеву было дано государево жалованье по сукну доброму и по 2 рубля деньгами за то, что они делали царице Ирине Федоровне «шляпу большого наряду»⁹¹. В то время при дворце

⁸⁵ И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1901, стр. 564.

⁸⁶ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. I, стб. 1210, 1212, 1213.

⁸⁷ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. X, прим. 214.

⁸⁸ РИБ, т. XXXVII, стб. 171—173.

⁸⁹ В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 31, прилож.

⁹⁰ ДАИ, т. I, № 131, стр. 195; И. Е. Забелин. Материалы..., ч. I, стб. 1205.

⁹¹ ДАИ, т. I, № 131, стр. 206

служил особый «знаменщик» — Посник Дмитриев сын, ростовец, расширивший дорогие материи жемчугом; он, между прочим, «знаменовал» на гроб Ивана IV «покров — бархат венецицкой черн гладкой, садил жемчугом с дробницами»⁹². У князя Владимира Андреевича Старицкого тоже была в Москве собственная мастерская художественного шитья, из которой выходили произведения большой художественной ценности.

Многие золотошвеи и знаменщики в Москве работали непосредственно на рынок, потому что спрос на дорогие шитье был очень велик как в обиходе богатых домов, так и в церквах. В феврале 1600 г., например, для Болдина монастыря было куплено в Москве на церковные «сударии»⁹³ 17 золотников шелку; за работу мастерице заплачена полтина; ей же куплено «хлебов и колачей» на 9 денег; дьякону «от знаменья», т. е. за рисунок, дано 4 гривны и, кроме того, куплены свечи для работы ночью. Но можно было приобрести на рынке и готовые расшитые ширинки, как-овые царь Иван, например, поручал Строгановым купить для него в 1574 г.⁹⁴

Наряду с платьем в Москве очень значительно было производство головных уборов: шапок, колпаков. Кроме шапочников, торговавших в рядах, были казенные шапочники, обслуживавшие царскую семью⁹⁵.

В середине XVI в. «вниз возле реки Москву»⁹⁶ был расположен район, населенный кожевниками. Многочисленные сапожники изготавливали на рынок сапоги — «обычные притачные», барановые, телятинные — и подошвы; они шили обувь на заказ и чинили старую, подшивали «под сапоги подошвы новые». Московские франты много забот проявляли «о красоте сапожней» и, чтобы иметь успех у женщин, заказывали «сапоги вельми червлены и малы зело, якоже и ногам своим велику нужу терпети от тесноты съгнетения их»⁹⁷. В Москве уже в XVI в. существовал специальный сапожный ряд; был, повидимому, и особый ряд, где продавались рукавицы, в частности «рукавицы с варегами». Из других кожевенных изделий громадный спрос предъявлялся на кожаные четки; даже отдаленные монастыри посылали за ними в Москву и закупали их большими партиями: так, 7 апреля 1585 г. в казну Болдина монастыря было куплено 5000 четок.

Много ремесленников работало над изготовлением всевозможных видов конской сбруи как из кожи, так и из других материалов (уздечки, тебеньки, похвы, подпруги, приборки, гужи, снасти к седлам ременные, сбруи и чепраки). Седла московских седельщиков ценились иностранцами наряду с турецкими и, по словам Герберштейна, вывозились к татарам⁹⁸. Очевидно, именно для вывоза в Крым выделялись в Москве седла «крымские», т. е. по образцу крымских. Такое крымское седло — «краски на лазори с золотом московское дело» — принадлежало царю Ивану⁹⁹. Из войлока изготавливались в большом количестве узкие полсти, подхомутники полстяные и попоны «бисяги»¹⁰⁰.

Потребности культа и домашнего обихода вызвали в Москве большое

⁹² Там же, стр. 203.

⁹³ Сударь — род платка, которым накрывается один из церковных сосудов.

⁹⁴ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв., стр. 94.

⁹⁵ ДАИ, т. I, № 131, стр. 195.

⁹⁶ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 152.

⁹⁷ В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 19.

⁹⁸ Н. Г. Устрялов. Сказания современников о Дмитриии-самозванце, ч. 2, стр. 47; С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 91.

⁹⁹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, стр. 853.

¹⁰⁰ «Сборник Муханова», изд. 2-е, стр. 367; РИБ, т. XXXVII, стб. 75, 81, 163.

развитие «сканья» свеч, как восковых («вощаных»), так и сальных. Чудов монастырь постоянно производил расходы на сделную оплату свечников «от дела от сканья от свеч». В Москве иногородние монастыри, например Николо-Корельский, приобретали восковые свечи для богослужения¹⁰¹. Представитель Болдина монастыря в 1586 г. специально заказал для церкви в подмосковной монастырской вотчине свечу «местную» грандиозных размеров: «пересыкали ее всее изнова, а воску в ней потянуло тридцать две гривенки [фунта]; а прикупили к той свече воску в прибавку восем гривенок, а дали мастеру за прибавочной воск и за дело от свечи двадцать один алтын и пять денег»¹⁰².

О производстве мыла говорит наличие в Москве особого квартала, населенного «мыльниками».

Москва была крупнейшим центром иконописного ремесла. В развитии русской живописи той эпохи сыграла большую роль московская придворная иконописная мастерская. «Государевы иконописцы» обслуживали не только нужды двора. Их произведения расходились широко по всей стране и попадали в самые дальние ее углы, всюду распространяя и более усовершенствованную технику иконописания, и более высокие требования к исполнению, и более тонкий художественный вкус. Мы находим написанные ими иконы и в далеком Антониево-Сийском монастыре на севере, и в Кирилло-Белозерском монастыре, и в строгановских вотчинах в Приуралье, и на западной границе, в Болдине-Дорогобужском монастыре. В XVI в. они, как уже упоминалось, создали определенную школу с характерными особенностями, известную под названием строгановского письма.

Рядом с царской мастерской процветала митрополичья мастерская. В митрополичьих палатах производилось «поновление», т. е. реставрация, «состарившихся и обветшавших» старинных икон, которые свозились «в преименитый град Москву на обновление и украшение» со всех концов государства¹⁰³. Некоторые из митрополитов, как Варлаам и знаменитый Макарий, принимали участие в этих работах; преемник Макария, митрополит Афанасий, в бытность протопопом благовещенским (Андреем), участвовал в восстановлении шедевра греческой иконописи Владимирской иконы богородицы.

Наконец, было много вольных иконописцев, которые писали иконы, «научась самовольством и самоловкою», как гласит приговор Стоглавого собора. Митрополит Макарий пытался и этих вольных иконописцев подчинить правительственному контролю. На Стоглавом соборе был принят ряд постановлений по вопросу об обучении живописному мастерству. В Москве в целях повышения квалификации иконописцев вводилось испытание их искусства самим «святителем» после обязательного прохождения обучения у мастеров. «И аще которому открыет бог такое рукоделие, и мастер приводит того ко святителю, святитель же, рассмотрив, аще будет написанное от ученика по образу и по подобию..., благословит и наказует его... святаго онаго дела держаться со всяким усердием»¹⁰⁴. Не прошедшим подобного искусства постановлено было «положити в запрещение, чтобы училися у добрых мастеров... а которому не даст бог, и им впредь от такового дела престати»¹⁰⁵. Можно усомниться, что

¹⁰¹ РИБ, т. XIV, стб. 147.

¹⁰² Рубль в XVI—XVII вв. состоял из 200 денег (2 деньги = 1 копейке), 6 денег (3 копейки) составляли алтын.

¹⁰³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 29, 35, 58.

¹⁰⁴ «Стоглав», изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 151.

¹⁰⁵ Там же, стр. 152—153.

эта попытка организации иконописного цеха была проведена в жизнь, но она характерна для эпохи «реформ 1550-х годов», когда светская и духовная власти объединяли свои усилия для централизации государственной власти.

Основная масса московских иконописцев работала на рынок: «мы тем живем и питаемся»,— говорили они про свое мастерство. Уже в XVI в. возник иконный ряд, упоминаемый в 1601 г.

Помимо покупки готовых изделий иконного ряда, богатые монастыри обращались с заказами непосредственно к лучшим мастерам, чаще всего высококвалифицированным «государевым» иконникам.

Благодаря такому широкому развитию иконописного дела в Москве в XVI в. создаются фамилии, наследственно передающие свое искусство от отца к сыну; так, например, Иван Дерма (расписывал в 1509 г. собор Софии в Новгороде) был сыном иконника Ярца; сын Ивана Дермы, названный выше Посник Дермин, был известным художником в царствование Федора Ивановича¹⁰⁶.

Наряду с мастерами станковой живописи были специалисты фресковой живописи. Таким специалистом был старец Александр, который в 1586 г. «подписывал киоты у Архангела вверху у святых ворот» в Чудовом монастыре.

В Москве же приобретали для иконостасов деревянные «тябла», писанные «красками разными», в которых вставлялись в церквях иконы, и «деревца образные», т. е. доски, на которых писались иконы.

Особую профессию в Москве составляла переписка книг, преимущественно богослужебных. «От своего труда хлеб свой стяжем»,— говорили про себя специалисты-переписчики¹⁰⁷. Рукописные книги можно было «на торжищах куповати», хотя, по официальным отзывам, они не всегда были высокого качества: «малы обретошася потребнии, прочие же вси растлени от преписующих». «Груб и невежа, писания книжного добре не научился»,— аттестовал сам себя один из таких мастеров¹⁰⁸.

Среди переписчиков были, однако, и искусные мастера, которые брали заказы на ценные книги. В 1600 г., например, Болдин монастырь заплатил «на Москве от дву евангильев» 3 р. 14 алт. 1 д. Особо следует отметить иллюстрированные рукописи, украшенные миниатюрами исторического и бытового содержания, которые свидетельствуют о большом мастерстве московских специалистов миниатюрного дела.

В своем стремлении к централизации управления правительство в середине XVI в. делало попытки подчинить торговлю книгами известному контролю. Стоглавый собор потребовал, чтобы «писцы» писали книги «с добрых переводов, да, написав, правили, потом же бы продавали». Неисправленную книгу было воспрещено «с великим запрещеньем» не только продавать, но и покупать. «А предь только учнут тако творити продавцы и купцы, и вы бы у них те книги имали даром»,— предлагал собор церковным властям¹⁰⁹. Однако организовать книжную цензуру даже в Москве оказалось невозможным. Более радикальным средством борьбы с недоброкачественными рукописями было открытие типографии, которое мотивировалось именно необходимостью заменить «на торжищах» «растленные» книги проверенными печатными изданиями.

Из всех перечисленных ремесел некоторые являлись как бы специальностью Москвы. К числу чисто московских ремесел принадлежало,

¹⁰⁶ А. Н. Свирин. История московского искусства в XVI—XVIII вв. (рукопись).

¹⁰⁷ В. С. Иконников. Максим Грек, вып. I. Киев, 1865, стр. 20.

¹⁰⁸ Там же, стр. 20, 30.

¹⁰⁹ «Стоглав», изд. Кожанчикова, стр. 96.

например, оружейное дело, высокое качество которого признавалось иностранными наблюдателями. Маскевич, служивший во время интервенции начала XVII в. в польском гарнизоне, особо отмечал вырабатывавшиеся московскими оружейниками «сабли с золотою насечкою»¹¹⁰. Военные нужды обслуживались также московскими седельниками. Ценились нарядные седла «московского дела», особенно седла «Бабина письма», т. е. работы некоего Бабы¹¹¹.

Любопытно, что все перечисленные виды специально московских ремесел были ремесла художественные. Их расцвет в столице был связан с пребыванием здесь двора и с деятельностью дворцовых мастерских. В развитии экономических связей между отдельными русскими областями эта сторона промышленной деятельности Москвы сыграла большую роль, поскольку художественная продукция московских мастерских служила одним из моментов, привлекающих в центр страны заказы окраин.

Для ремесленного производства требовалось сырье, которое доставлялось в столицу из всех частей государства и из-за границы и не только потреблялось в самой Москве, но и расходилось отсюда по другим городам. Больше всего нуждались московские ремесленники в металлах, которые поступали из богатых рудой районов, — в укладе новгородском, корельском, тихвинском, серпуховском¹¹². Спрос на железо предьявляли также и иногородние покупатели; большие монастыри посылали в Москву деньги специально «на железо купити». Кроме русского железа, на московском рынке в сравнительно небольшом количестве попадалось и западноевропейское, «немецкое» железо: доски белого железа, проволока железная толстая¹¹³. Из-за границы поступала в Москву также медь, в частности «медь тянута», т. е. проволока. Олово «дельное» (в изделиях) шло преимущественно из Англии либо непосредственно, либо через Голландию.

Для золочения серебреники нуждались в сусальном золоте, требовалось оно и для монастырских мастерских. В 1579 г. Волоколамский монастырь купил, например, в Москве 318 листов золота; в 1591 г. из Болдина монастыря послано было в Москву 3 рубля тоже «на золото на сусальное»; для того же монастыря куплено в 1599 г. 100 листов сусального золота.

Для ювелирных изделий и работ «знаменщиков» привозился с востока жемчуг ормуздский — «зерна гурмыцкие»¹¹⁴.

Большой спрос в различных производствах, особенно в иконном, имели краски («образные» и другие), привозившиеся из Западной Европы, в частности из Англии, и отчасти из Средней Азии¹¹⁵. Краски были различных сортов: ярь, багор, бель, сурик, «черлень псковская», वोхра, киноварь. В феврале 1608 г. для иконной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря закуплено было, например, более 23 фунтов красок на 7 р. 4 алт. 2 д.¹¹⁶ Покупали в Москве также и другие материалы, нужные для иконописи, например «деревица» или «доски образные». Для столяр-

¹¹⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 2, стр. 47.

¹¹¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, стр. 853, 866.

¹¹² «Сборник Муханова», изд. 2-е, стр. 371; РИБ, т. XXXVII, стб. 31, 125.

¹¹³ «Торговые книги начала XVII в.» — «Временник МОИДР», кн. 8, стр. 21; РИБ, т. XXXVII, стб. 163.

¹¹⁴ «Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елиза-ра Флетчера».— «Временник МОИДР», кн. 8, стр. 67—71.

¹¹⁵ Там же, стр. 37.

¹¹⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 96—97.

ных и иных работ употреблялся клей «карлук», привозившийся в Москву из Астрахани; в 1579 г. Волоколамский монастырь купил его 100 «прутов».

Для выделки свечей требовалось очень большое количество сала и воска. Воск из Москвы развозился и по другим районам, как это видно из жалованной грамоты Николо-Корельскому монастырю 1595 г.¹¹⁷

В наших источниках мало сведений о торговле текстильным сырьем в Москве, хотя таковая должна была достигать значительных размеров. Лен поступал преимущественно из новгородской области. Болдин монастырь изредка производил в Москве сделки на пеньку, которую в виде оброка получал с крестьян своих вотчин в Смоленщине или скупал на деньги в деревнях¹¹⁸.

В огромном количестве ввозился в Москву из ее окрестностей лесной материал: доски сосновые, дубовые, липовые, осиновые различных размеров, «бревенья», тесницы, лубья и т. д. Можно было купить на торгу и целый сруб — «клетку» и целый дом с крышей.

«Московская», т. е. выжигавшаяся под Москвой, зола была невысокого качества и шла исключительно на внутренний рынок, так как «на немецкую руку не пригодится»¹¹⁹. Наконец, из подмосковных деревень поставлялись овчины и козлины, из которых московские портные шили шубы.

Сосредоточение в Москве ремесла и торговли свидетельствовало об успехах общественного разделения труда в XVI в., а это со своей стороны способствовало и более резкому отделению города от деревни. Этот процесс, однако, еще не вполне завершился в XVI в.: в Москве Ивана Грозного застроенные районы перемежались с садами и огородами и даже лугами.

Обширный заливной луг за Москвой-рекой, против дворца, давал ежегодно для царских конюшен большое количество сена¹²⁰. На том же берегу были раскинута обширный царский сад, монастырские огороды и огороды частных лиц. Другой царский сад находился между Покровкой и Яузой, где летопись упоминает Воронцовский сад и церковь Владимира «в садах»¹²¹. Небольшие сады и огороды были почти при каждом московском дворе не только в Белом городе, но и в Китай-городе. Их значение в хозяйстве городских жителей раскрывается с большой полнотой «Домостроем», который посвящает этому целую главу, рекомендуя припасать «про себя» всяких овощей, «ино велика прибыль, в торгу того не купишь», но «будет с лишком, и ты продашь»¹²². Во время пожара 1547 г. «всякие сады выгореша и в огородах всякой овощ и трава»¹²³. Москва была окружена, как и прочие города Русского государства, обширными «животинными выгонами»: «за земляным городом были животинные выпуски по всем дорогам от города версты по 3 и по 4 и по 5»¹²⁴. Благодаря этому московские жители могли держать не только лошадей, но и молочный скот. Это видно из того, что среди служителей Волоколамского монастыря в Москве были пастухи и коровники.

¹¹⁷ РИБ, т. XIV, стб. 147.

¹¹⁸ Там же, т. XXXVII, ч. 1, стб. 261.

¹¹⁹ «Сборник Муханова», изд. 2-е, стр. 369.

¹²⁰ П. Петрей де Эрлезунда. История о великом княжестве Московском. — «Чтения ОИДР», 1865, кн. 4, стр. 6.

¹²¹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 18, 153.

¹²² «Домострой» по Коншинскому списку..., М., 1908, стр. 45

¹²³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 153.

¹²⁴ ААЭ, т. IV, № 32, стр. 46.

На Яузе и в самом центре города на прудах, образовавшихся благодаря запруде Неглинной, стояли многочисленные мельницы ¹²⁵.

Таким образом, часть жителей Москвы еще в какой-то мере занималась в XVI в. сельским хозяйством как подсобным средством существования. Однако ни упоминаемые в источниках огороды и сады, ни «животинные выпуски», ни другие сельскохозяйственные угодья в городской черте не могли уже ни в малейшей степени обеспечить питание столицы. Не только ремесленное и торговое население Москвы и представители вольных профессий питались почти исключительно продуктами, приобретенными на рынке, но и стрелецкий гарнизон и духовенство, лишь отчасти обеспеченные казенным продовольственным пайком в виде государева хлебного жалованья и руги, должны были обращаться за продовольствием к рынку. «У ково поместья и пашни, сел и вотчины нет,— поучает «Домострой»,— ино купити годовой запас, хлеб и всякое жита зиме на возех, а полтевое мяса тако же, и рыбу всякую и свежую и длинную осетрину на провес и бочесную [в бочках] в год, и семжину и икру сиговую и черную... и капуста» ¹²⁶. Даже феодалы, получавшие продовольствие из своих подмосковных вотчин и поместий, не могли вполне обходиться без покупок на торгу ¹²⁷.

При еще не изжитом феодальном характере хозяйства некоторое количество ржи и овса попадало к покупателям из царских житниц через руки ружников и других «пожалованных» людей. Иногда можно было приобрести хлеб и на подворьях богатых монастырей, пускавших (впрочем, очень нерегулярно) в продажу незначительную часть получаемого с крестьян оброчного хлеба. В 1592 г., например, на Москве приказчики Волоколамского монастыря выручили «за третной (оброчный) продажный хлеб» 295 р. 25 алт. Всего было продано 1305 пудов овса, ячменя, солода и конопля. Но в основном Москву снабжали продовольствием крестьяне и скупщики, служившие посредниками между деревней и столицей. Громадные обозы хлеба и других продуктов тянулись с различных сторон в столицу. По словам «Домостроя», рачительный хозяин должен «всегда в торгу смотрити всяково запасу к домашнему обиходу или хлебного всякого жита и всякого обилия, хмелю, и масла и мяснovo и рыбнovo и свежево и просолу [просольного]... коли чему навоз [привоз] или коли чево много у приезжих людей и у христиан» ¹²⁸. Путешественника, ехавшего из Ярославля, то и дело обгоняли подводы с хлебом и рыбой, шедшие в Москву. Ежедневно, по словам Ченслера, можно было встретить на этой дороге от 700 до 800 саней с продовольствием ¹²⁹.

На первом месте среди продуктов питания москвичей стояли рожь и мука ржаная; наряду с рожью в Москву на продажу свозилось много овса и ячменя; из других зерновых в Москве продавались пшеница, пшено, гречиха, конопля. Зерно и мука подвергались в Москве переработке. Этим делом занимались хлебники, торговавшие в Зарядье, и калачники. Хлебы и калачи служили основным продуктом питания насе-

¹²⁵ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 100; П. Петрей де Эрлезунда. История о великом княжестве Московском...— «Чтения ОИДР», 1865, кн. 4, стр. 3.

¹²⁶ «Домострой» по Коншинскому списку..., стр. 40.

¹²⁷ Для характеристики торговли хлебом и другими продуктами питания использованы монастырские приходо-расходные книги Болдина-Дорогобужского (РИБ, т. XXXVII), Чудова (ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 273) и Волоколамского м-рей (ЦГАДА, Волк., № 10, 11).

¹²⁸ «Домострой» по Коншинскому списку..., стр. 38—39.

¹²⁹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», М., 1937, стр. 56.

ния и покупались в большом количестве на рынке; можно было приобрести на рынке и тесто блинное.

Из овощей большой спрос имела капуста; ее покупали монастыри тысячами кочанов; бочками продавалась кислая капуста; на рынке же можно было достать для домашней заготовки капусты впрок «травы к осени в капусту, мяты и гебру и тмины». Тысячами покупались огурцы «на домашний обиход солить». Из других овощей торговали морковью, луком, чесноком, редькой, свеклой; все эти овощи шли на борщ и «редьковню», — широко распространенные среди наименее обеспеченных слоев московского населения и рядового монашества кушанья. Торговали также белым горохом, свежим маком. Из фруктов продавались садовые яблоки. Большим деликатесом, высоко ценившимся московскими гурманами, были привозившиеся из Смоленска в громадном количестве вишни в патоке и соленые сливы; их бочками и тысячами покупали монастыри для подарков влиятельным лицам в столице. К сравнительно редким в Москве фруктам следует отнести арбузы и дыни, которые выращивались в «содилах» — парниках и на московских огородах¹³⁰.

Наряду с растительными продуктами на московском рынке продавались в огромном количестве рыба и мясо, в частности полти свиного мяса и короваи сала ветчинного. Зимой, вероятно так же, как это имело место в XV в., мясные туши привозились в Москву из окрестных деревень в замороженном виде, но много скота били в самом городе, где в приходе Фрола и Лавра в XVI в. существовал квартал мясников¹³¹. Скотину — быков, коров, телят, баранов и козлят на продажу в Москву пригоняли крестьяне из ближайших деревень, но и крупные землевладельцы поставляли рогатый скот на московский рынок.

Во время постов мясная пища сменялась рыбной. В столицу из всех рыболовных районов страны привозились ежегодно грандиозные запасы рыбы, которые частично расходились и в окрестные местности.

Представление о размерах торговли рыбой в Москве дают покупки монастырей: в 1580—1590-х гг. Болдин монастырь закупал на годовой обиход 50 осетров «на отбор», 3—4 пуда семги, до 24 пудов икры; иногда еще сельдей переяславских, 3—5 белуг и в одном случае 100 пудов вязиго. Из Волоколамского монастыря 26 декабря 1579 г. в Москву было послано «на рыбу на осятры» 100 рублей, кроме того, на Москве из местных средств было добавлено 70 рублей, и на все эти деньги было куплено «осятров и сиговины и лодуги, икры черной и красной». Всего же в 1579 г. Волоколамский монастырь издержал на покупку рыбы в Москве почти 350 рублей¹³².

Большое место в продовольствии Москвы занимали молочные продукты; масло коровье белое и «красное» (топленое), приобреталось на рынке пудами, берестенечками и даже блюдечками. Особенно повышалось потребление масла во время масленицы. Продавались сметана, которая шла «ко штям» (шам), сыр сметанный кислый, молодой творог, наконец, молоко «ряженое» (простокваша) и сладкое.

Наряду с коровьим маслом употреблялось в кушанье («на блины и в шти») масло конопляное — «семянное», или «конопель толчена», которое монастыри покупали иногда бочками. Спрос на яйца, как «сырые», «свежие», так и «красные», т. е. окрашенные, повышался значительно к «Великому дню», т. е. пасхе, в праздновании которой яйца имели

¹³⁰ «Домострой» по Коншинскому списку..., стр. 45.

¹³¹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 153.

¹³² М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в.— «Исторические записки», кн. 3, стр. 142—143; РИБ, т. XXXVII.

культовое значение. Продавались в Москве «губы» (грибы) соленые; ка- дочка соленых груздей стоила в 1586 г. 3 алтына без деньги.

Соль доставлялась из Поморья, причем поставщиками выступали нередко монастыри, владевшие на севере соляными промыслами. Так, Вологодский-Прилуцкий монастырь продал в 1589—1590 гг. в Москве соли, привезенной с собственного Унского усолья и из Холмогор, на 1036 рублей без 3 денег¹³³.

Большой спрос в зажиточных кругах московского населения имели привозные из Западной Европы и непосредственно из Азии (через Шемаху) пряности: перец нетертый и тертый («за стол для гостей в еству»), шафран, инбирь. Привозным был и уксус. Лимоны, продававшиеся по полторы копейки штука, и сахар, стоивший 4 гривны за голову, были доступны только для людей богатых. В обиходе сахар заменялся патокой и медом пресным; вишни в патоке употреблялись вместо конфет. Мед шел главным образом на изготовление питей. В ходу были меды фруктовые: малиновые, вишневые, яблочные. Мед для напитков монастыри покупали в Москве пудами. Кирилло-Белозерский монастырь, посылавший ежегодно в Москву «по мед», вывез в 1568 г. более 600 пудов меду и 33 пуда 15 гривенок патоки, всего на 231 р. 9 д.¹³⁴ Чудов монастырь в 1585—1586 гг. купил более 392 пудов меду сырцу и патоки¹³⁵.

Другими распространенными напитками у москвичей были брага, квас. Продавцы ходили по приказам с продажным питьем, которое называлось «сладкий морс». Летом по улицам Москвы «малые» разносили в кувшинах и деревянных чашках лед. «Если кто-нибудь пожелает пить,—рассказывает Штаден,—тот дважды или трижды может напиток за один чешский пфенниг»¹³⁶.

За столом у московской знати подавались привозные западноевропейские вина: романея, ренское, аликант, мушкатель, вино «францовское» белое, мармазея (мальвазия), бастр¹³⁷.

На московский рынок, кроме продовольствия, поступали и другие предметы первой необходимости для городских жителей, в первую очередь возы дров «избы топоти»¹³⁸. Ввиду трудностей, связанных с перевозкой, даже очень крупные вотчинники, проживавшие в Москве, находили для себя более выгодным приобретать дрова на рынке, чем доставлять их из собственных вотчин. Так в 1591—1592 гг. Волоколамский монастырь продавал дрова на дворы князя И. Ф Мстиславского (50 сажен) и князя И. Глинского (20 сажен)¹³⁹.

Точно так же и сено для конюшен крупных феодалов нередко покупалось за деньги. В 1587 г. Степану Васильевичу Годунову власти Болдина монастыря продали более 40 возов сена из подмосковной монастырской вотчины¹⁴⁰. Покупалась и солома.

Для продажи лошадей в Москве существовала особая Конская площадь близ Ильинских ворот. Согласно Судебнику, при покупке лошадей в Москве полагалось «те лошади пятнати у пятенщиков», причем пятенщики взимали пошлину «по старине»¹⁴¹. Кроме пошлины «с пятна и с

¹³³ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 120.

¹³⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. 1.

¹³⁵ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273.

¹³⁶ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 84.

¹³⁷ РИБ, т. XXXVII, стб. 16.

¹³⁸ Там же, стб. 20, 21, 23.

¹³⁹ ЦГАДА. Волк., № 11, лл. 119, 120, 121 об.

¹⁴⁰ РИБ, т. XXXVII, стб. 16.

¹⁴¹ АИ, т. I, № 153, стр. 248.

шерсти», в пользу царского конюшего шла особая пошлина с продажных лошадей. Последняя пошлина в конце XVI столетия сдавалась Конюшенным приказом на откуп, а сбор с шерсти и с «пятна», достигавший в среднем 91 рубля в год, был предоставлен Троице-Сергиеву монастырю, который держал на площадке своих служек, записывавших продаваемых лошадей в книги¹⁴². Все это приводило к многократным столкновениям монастырских служек с откупщиками, и в 1599 г. монастырь вынужден был ходатайствовать о замене права сбора ежегодной денежной компенсации из откупных сумм. Впрочем, очень скоро, по новому ходатайству монастырских властей, право записки было им возвращено.

При покупке лошадей прибегали, как общее правило, к содействию барышников. Так, Болдин монастырь пользовался в 1587 г. услугами барышника Фили стрельца, а поручителем был другой барышник, Ждан¹⁴³.

Москва не только занимала господствующее положение на внутреннем рынке страны. Она являлась вместе с тем средоточием иностранной торговли. В XVI в. в Москву стекались отовсюду «купцы иноязычные: турцы и армены и немцы [купцы Западной Европы] и Литва»¹⁴⁴.

Очень оживленные торговые сношения шли между Москвой и городами великого княжества Литовского после того, как Смоленск был присоединен к Русскому государству: литовские торговые люди «ездят к Москве многие... да живут на Москве год, иной и больше»¹⁴⁵. В 1537 г. польское правительство официально договорилось в Москве «о гостех, чтобы им торговати ослободили». Тогда «князь великий литовским гостем ослободил торговати на особом «Панском дворе» на Варварке¹⁴⁶. В 1570 г. с литовскими послами прибыло 645 купецких людей. Купцы, приезжавшие из Литвы, производили в русской столице крупные торговые операции. Например, около 1541 г. мещанин Гаврило Олферов послал в Москву своего сына Ивана и с ним, помимо денег, 50 поставов сукна «лунского», 22 поставы колтырю (сорт сукна) и 200 локтей дрizes (тоже), которые все были проданы московскому торговому человеку Алексею Алтобасову, а на вырученные деньги Иван Гаврилин купил в Москве 11 кругов воску, из которых пять послал в Вильну «наперед себя», а сам остался «еще покупати товару» и приобрел серебряной посуды, слитков серебра и мелкого товару на 20 рублей¹⁴⁷.

Из Литвы ввозились также бархат литовский и другие материи, полотенца литовские, шитые золотом, серебром и шелком, оружие (сабли литовские булатные) и особенно много драгоценностей и ювелирных изделий. В казне царей Ивана и Федора были золотная цепь, «куплена у Литвы», «ошек литовской чеканен, по меди золочен»¹⁴⁸. К свадьбе Лжедмитрия польский банкир Немтеский привез много жемчуга и разных драгоценных товаров¹⁴⁹. Со своей стороны московские купцы ездили торговать в Литву по Смоленской дороге до Вильны и даже в Польшу. Мы знаем, например, о двух торговых людях, московских жителях,

¹⁴² ААЭ, т. II, № 12, стр. 62.

¹⁴³ РИБ, т. XXXVII, стб. 63, 66.

¹⁴⁴ ПСРЛ, т. XIX, I-я полов., стр. 176.

¹⁴⁵ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. X, прим. 84.

¹⁴⁶ Сб. РИО, т. 59, стр. 107.

¹⁴⁷ Там же, стр. 168.

¹⁴⁸ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, стр. 845—870; «Временник МОИДР», кн. 7. Смесь, стр. 29, 37, 5, 12.

¹⁴⁹ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 248; «La légende de la vie et de la mort Demetrius l'Imposteur», М., 1839, стр. 20—21.

которые ездили в Польшу — в Варшаву и Познань — и продали познанским купцам соборей на 1500 рублей¹⁵⁰.

После открытия Беломорского пути в 1553 г. и заключения в 1555 г. англо-русского торгового договора в Москву стали наезжать «купцы Английские земли», для которых в Москве был устроен специальный Английский двор. Англичане привозили главным образом материи: английские сукна — настрафиль и стамед, а также металлы (особенно олово), кружева, жемчуг, ювелирные изделия, краски, вина всякие, соль немецкую и т. п.¹⁵¹. О размерах английской торговли в Москве дают представление встречные иски московских и английских купцов, бывшие предметом дипломатических переговоров в 1589 г. Члены английской компании Ульям Фомин и Антон Марш задолжали Афанасию Дементьеву Юдину 6200 рублей. В счет долга Марш дал ему 34 «кальи»¹⁵² красок, жемчуга на 64 рубля, перстень, 10 аршин атласа и два портища «сукна доброго». Тот же Антон Марш и московский купец Тараканов «торговали вместе великими деньгами», и Марш остался должен своему русскому компаньону 694½ рублей. Другим торговым людям в Москве Марш задолжал 7225 рублей, в том числе отдельным из них очень крупные суммы: Савве Емельянову — 1400, Бажену Иванову — 945, Семену Шорину — 525 рублей и т. д. На частичное покрытие этих долгов пошли как товары, скупленные Маршем в русских городах, так и привозные из Англии. Кроме того, у компаньона Антона Марша, Андрея Витта, взято было сукон и «суконных денег», т. е. полученных за продажу сукон, на 3681 рубль и у человека Антона Марша, «что сидит в Сурожском ряду», — 127 рублей. Такова картина торговых операций англичан в Москве XVI в.¹⁵³

О приезде в Москву других западноевропейских купцов сведений гораздо меньше. В конце столетия в Москве была довольно значительная немецкая торговая колония, состоявшая, по правдоподобной догадке Карамзина, в большей своей части из выходцев из завоеванных при Иване Грозном ливонских городов. В 1599 г. многие из этих немцев «московских жильцов» перешли в русское подданство и были пожалованы «гостиным именем» со всеми вытекавшими из того правами¹⁵⁴. Исключительным событием был приезд в 1606 г. на свадьбу Лжедмитрия группы крупнейших купцов из Западной Европы, прельщенных заманчивыми обещаниями нового царя. В их числе был итальянский купец Джиованни Амброзио Челлари из Милана, запродавший товаров царскому двору на 33 000 флоринов, аугсбургские купцы Филипп Гельбам, Андрей Натан, Ганс Георг Паерле и др. У Гельбама ко двору было взято товаров на 25 000 флоринов, а у Натана будто бы даже на 200 000. При майском перевороте 1606 г. все эти купцы сильно пострадали¹⁵⁵.

Не только Западная Европа дорожила московским рынком. Московское торжище привлекало также много купцов Востока. Для армянских

¹⁵⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2. Изд. 2-е, СПб. (6. г.), стр. 636.

¹⁵¹ «Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера». — «Временник МОИДР», кн. 8, стр. 1—96; «Сборник Муханова», изд. 2-е, стр. 370—371; ДАИ, т. 1, № 131, стр. 203. Настрафиль — род сукна; стамед (Hammeln) — шерстяная материя.

¹⁵² Калья — мера красок.

¹⁵³ «Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера». — «Временник МОИДР», кн. 8, стр. 1—96.

¹⁵⁴ СГГид, ч. II, стр. 151—152; Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. XI, прим. 41.

¹⁵⁵ «La légende de la vie et de la mort Demetrius l'Imposteur», стр. 21; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 197, 348.

торговых людей был устроен в Белом городе (близ современной площади Дзержинского) особый Армянский двор, который упоминается в конце XVI в.¹⁵⁶ С Шемахой в 1557 г. был заключен торговый договор; большой спрос имели в Москве шелк «шаморханский» и шелковые изделия: «кушаки шемахинские», ферези «шемахейское дело», шелк «червчатый шаморханский» и т. п. Через Шемаху главным образом шли в Москву очень ценившиеся в обиходе московской знати кизилбашские дороги¹⁵⁷, дорогое оружие: сабли в ценной оправе, окованные золотом, «с лалы и с яхонты и з бирюзами» и хонджары (кинжалы) булатные, роскошно убранные седла и седельные покрывцы. После присоединения Казани и Астрахани установились непосредственные сношения Москвы с среднеазиатскими ханствами. Бухарские, юргенские (хивинские), изюрские (из города Везира) купцы, многие в качестве послов от ханов и султанов, добивались от русского правительства разрешения на проезд в Москву; с собой они привозили ткани: дешевые бумажные бязи, миткали, зендени, узорчатые чары, мелли¹⁵⁸, быстро вошедшие в общее употребление в Москве, а также бухарские седла и краски. В Москве среднеазиатские купцы скупали воск, мед, кожу, шубы, белье, западноевропейские вина, изделия московских оружейников¹⁵⁹.

Среднеазиатские купцы привозили также и персидские шелковые материи (дороги). Можно полагать, что через их же руки попадали в Москву китайские ткани, начинающие встречаться в обиходе московской знати XVI — начала XVII в.: тафта китайская, атлас китайский, китайка.

О размере среднеазиатской торговли в Москве в XVI в. можно судить по присылке в 1589 г. бухарским ханом Абдуллою в Москву на продажу 200 дорог, 200 зенденей, 100 меллей и 10 калей краски¹⁶⁰.

Во второй половине XV в. установились торговые сношения с Турцией, и турецкие и греческие купцы упоминаются в числе «иноязычных» торговых людей, посещавших Москву¹⁶¹. Иногда происходили и недоразумения, как во время приезда турчанина Мустафы-Челеби в 1558 г. Как это часто практиковалось на Востоке, Мустафа-Челеби сочетал в своем лице купца и официального посла. Для нужд двора у него было забрано громадное количество тканей — золотых камок, атласов, бархатов и ковров шелковых с золотом. Все эти товары, предложенные Мустафой-Челеби, русское правительство склонно было рассматривать как «поминки» (подарки), посланные султаном; когда же выяснилась ошибка, то большая часть забранных материй была возвращена туркам.

Основную массу турецкого привоза в Москву составляли дорогие ткани, особенно знаменитые шелковые материи, выделявавшиеся в мастерских Бруссы, Дамаска и других ремесленных центров Османской империи, — камки и атласы бурские, бархаты и опояски бурские, тафты шамские (дамасские), зуфь ангульская (ангорская), камки и кушаки мисюрские (египетские), камки «царегородское дело» (константинопольского

¹⁵⁶ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. XI, прим. 34; «Временник МОИДР», кн. 7. Смесь, стр. 1—46; кн. 8. Смесь, стр. 1—40; И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, стр. 845—870.

¹⁵⁷ Дорога (дарага) — полосатая шелковая ткань, выделявавшаяся в Персии.

¹⁵⁸ Зендень — бумажная ткань, выделявавшаяся в Бухаре; мелли (мель) — льняная ткань, чары — полшелковая среднеазиатская ткань. Зендени и мелли продавались кусками, величина которых была не всегда одинакова.

¹⁵⁹ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, стр. 98, 99, 104.

¹⁶⁰ Там же, стр. 99.

¹⁶¹ «Стоглав», изд. Кожанчикова, стр. 224.

производства), кушаки и кафтаны турецкие, тесьма турецкая, выбойка турецкая, александрийская пестрядь (материя типа холста). Через Турцию шли, может быть, отчасти и гурмызский жемчуг (из Ормузда и Аравии) и миткали «арапские». Привозился также шелк «турской скани», бокан турецкий и мыло «грецкое»¹⁶².

Гораздо менее ценными были товары, которые доставлялись из Крыма «ордобазарцами», сопровождавшими приезжавших ежегодно в русскую столицу крымских послов. Это были предметы татарского ремесла: башмаки — ичетыги, наволочки крымские, камки крымские и гирейские, кушаки гирейские с разными шелками, тафьи крымские — те тафьи «проклятого и безбожного Махмета», против которых так вооружался Стоглавный собор. В Москве ценились крымские седла, выделке которых, как сказано, иногда подражали московские седельники. От кочевьѣх татар поступали на московский рынок незамысловатые продукты скотоводческого хозяйства: армяки и шапки ордынские¹⁶³. Но главным предметом ввоза из степей были лошади. Ногайские мурзы выхлопотали еще в княжение Василия III разрешение «ногайским гостем ездити к Москве с коньми и со всяким товаром», которое было подтверждено после смерти Василия III при его малолетнем сыне¹⁶⁴. Этим разрешением ногайцы пользовались очень широко: в 1534 г. от Шидяк-мурзы и других в Москву пришло 4700 гостей вместе с послами, пригнавших 8000 коней; в 1563 г.— 1000 человек с таким же числом лошадей¹⁶⁵ и т. д. Эти громадные табуны ставились «под Симановым на лугу», где и производился первоначально торг¹⁶⁶. Для приезда ногайских послов и гостей в XVI в. за Москвой-рекой был построен Ногайский двор и установлено было «базару быти против двора их». На этом «татарском базаре» покупали лошадей агенты Болдина монастыря.

Таким образом, Москва вследствие выгодного своего положения между Европой и Азией превратилась в XVI в. в международное торжище, на котором встречались азиатские товары, продукция западноевропейских мануфактур и изделия русских мастеров.

В XVI в. московская торговля сосредоточивалась преимущественно в Китай-городе. Здесь издавна находился главный городской торг¹⁶⁷. Когда в 1535 г. была построена Китайгородская стена, состоялось общее распоряжение «торги все вести в город»¹⁶⁸. В Китай-городе, по словам императорского посла Николая Варкоча, бывшего в Москве в 1593 г., была «славная площадь и большая торговля»¹⁶⁹.

Вдоль Красной площади перед Кремлем тянулись ряды (Kramstrassen, как их называет Штаден), «в каждом ряду торговали одним товаром». Поэтому Дженкинсон называет ряды «особыми рынками: для каждого ремесла отдельно»¹⁷⁰.

«Трудно вообразить, какое множество там (в Китай-городе) лавок... — восклицает Маскевич. — Какой везде порядок для каждого рода

¹⁶² «Временник МОИДР», кн. 7. Смесь, стр. 1—46; кн. 8. Смесь, стр. 1—40. Камка — шелковая цветная ткань; зуфь — шерстяная ткань; выбойка — бумажная ткань с набивным узором; пестрядь — грубая льняная или бумажная ткань из белых и цветных ниток; бокан — род лака.

¹⁶³ Там же. Ичетыги — обувь.

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 9.

¹⁶⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 80, 2-я полов., стр. 369.

¹⁶⁶ Там же, стр. 130.

¹⁶⁷ Там же, стр. 9, 31.

¹⁶⁸ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. VIII, прим. 64.

¹⁶⁹ «Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча». — «Чтения ОИДР», 1874, кн. 4, стр. 35.

¹⁷⁰ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 78.

товаров, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок... Лавок и товаров считалось несметное множество, и действительно было на что посмотреть и чему подивиться»¹⁷¹. Наряду с деревянными лавками и скамьями было много каменных лавок и погребов¹⁷². Торговавшие в отдельном ряду составляли корпорацию, возглавляемую старостой. Так, в царствование Федора упоминается староста сурожского ряда¹⁷³.

В лавках, принадлежавших купцам и ремесленникам, торговлю производили либо сами хозяева, либо их сидельцы. Церковные учреждения, многие из которых были владельцами пожертвованных торговых помещений, сдавали их обычно в наем.

В XVI в. ряды были расположены ближе к Кремлю, чем в позднейшее время, и занимали, повидимому, значительную часть теперешней Красной площади. Сапожный, красный и скобяной ряды находились ниже Покрова на рву (Василия Блаженного) и Тиунской избы до пожара 1626 г., когда были, по распоряжению правительства, сведены в целях благоустройства на Ильинский крестец¹⁷⁴. Тогда же сведены были с Большой улицы и с площади ножевный и укусный ряды¹⁷⁵.

Полного описания московских рядов от XVI в. не сохранилось, можно лишь отчасти восстановить их состав по случайным указаниям. Сурожский ряд возник, очевидно, еще в XV в., так как в XVI в. название «сурожане» уже вышло из употребления и сохранилось как пережиток только в Новгороде. В сурожском ряду сосредоточивалась торговля иностранными товарами. В 1580-х годах в нем торговал приказчик англичанина Антона Марша¹⁷⁶. С торговыми людьми, которые «сидели в Сурожском ряду», производили торговлю в царствование Федора также среднеазиатские купцы¹⁷⁷. Другим богатым рядом был ряд суконный, известный по источникам с 1570-х годов¹⁷⁸. Существовавший в первой четверти XVII в., наряду с суконным московским рядом, суконный смоленский ряд¹⁷⁹, вероятно, возник в XVI в. в связи с появлением в Москве смоленских сведенцев. К суконному производству имел отношение и стриговый ряд, который, по некоторым данным, уже функционировал до «Московского разорения»¹⁸⁰.

Несколько рядов торговало кожевенными изделиями; сапожный ряд уже упоминается в связи с пожарами 1547 г.¹⁸¹, в 1621 г. о нем и о рукавичном ряде говорится, что они существовали «изстари»¹⁸²; повидимому, имелся также ряд сырейный¹⁸³.

Из рядов, торговавших одеждой, документы 1621 и 1626 гг. называют

¹⁷¹ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 2, стр. 58, 69.

¹⁷² Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, стр. LXXI, прилож.; И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1144.

¹⁷³ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, стр. 104.

¹⁷⁴ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1107, 1120.

¹⁷⁵ Там же, стб. 1108.

¹⁷⁶ «Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера». — «Временник МОИДР», кн. 3, стр. 71.

¹⁷⁷ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, стр. 104.

¹⁷⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., т. I, стр. LXXI, прилож.; РИБ, т. XXXVII, стб. 244; ЦГАДА. Волок., № 15, л. 18 об.

¹⁷⁹ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1101.

¹⁸⁰ Там же, стб. 1148.

¹⁸¹ ПСРЛ, т. XXII, стр. 526.

¹⁸² И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1103.

¹⁸³ Там же, стб. 1148.

«старыми» кафтанный ряд, завязочный и женский¹⁸⁴, торговавший предметами галантереи. У Богоявленского монастыря в XVI в. был расположен ветошный ряд¹⁸⁵.

Из рядов, специальностью которых были металлы и металлические изделия, пережил «Московское разорение» железный ряд; в нем в мае 1613 г. приобретались для ремонта дворцовых построек гвозди кружальные и тесовые¹⁸⁶. Точно так же восстановлена была деятельность и серебряного ряда; 22 июня 1613 г. в серебряном ряду торговые люди спорили «о местах»¹⁸⁷, следовательно, деятельность серебряных мастеров получила уже некоторое развитие; к числу старинных рядов следует, вероятно, отнести и котельный ряд¹⁸⁸.

Москотильный ряд упоминается в 1547 г. по случаю пожара. В этом ряду торговали ртутью, серой горячей, камедью цареградской, клеєм рыбным и т. д.¹⁸⁹ Можно думать, что в XVI в. существовал мыльный ряд¹⁹⁰. Об иконном ряде имеются известия от первых лет XVII в.¹⁹¹

Очень многочисленны были ряды, торговавшие съестными припасами. Житный ряд расположен был, повидимому, вне Китай-города, на Неглинной¹⁹². К Зачатьевскому переулку выходил в XVI в. «свежий» рыбный ряд¹⁹³. Надо полагать, что был и просольный рыбный ряд. Торговые люди «торговали до Московского разорения» в старых масляном и ветчинном рядах¹⁹⁴. «Старыми» слыли в первой четверти XVII в. также ряды медовый и солодовый¹⁹⁵. В те же годы упоминаются «старинные» лавки в соляном ряду, запустевшие после 1611 г.¹⁹⁶ В овощном ряду в XVI в. производилась торговля не только овощами, но и пряностями, например перцем¹⁹⁷. В Зарядье до «Разорения» сидели хлебники, бойко торговавшие хлебами и калачами¹⁹⁸.

Развитие московской торговли вызвало постройку при Федоре Ивановиче более обширных «палат» купеческих «на упокоение и снабдение торжникам». Построенные по распоряжению Бориса Годунова Новые торговые ряды, судя по составленному в начале XVII в. плану, пред-

¹⁸⁴ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1103, 1104, 1146.

¹⁸⁵ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII в., стр. 95; Никодим, епископ. Описание Московского Богоявленского монастыря...—«Чтения ОИДР», 1876, кн. 4, стр. 149.

¹⁸⁶ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича».—«Чтения ОИДР», 1915, кн. 4, стр. 29.

¹⁸⁷ С. Б. Веселовский. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911, № 113, стр. 137.

¹⁸⁸ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1108.

¹⁸⁹ ПСРЛ, т. XIII, I-я полов., стр. 152; И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 612. Указ 1626 г. называет его «старым» в отличие от «нового», возникшего позже (там же, стб. 1128); встречающееся в 1608 г. название Верхнего москотильного ряда дает повод думать, что деление на два ряда установилось еще до «Московского разорения» (стб. 612). Камедь—вещество, вытекающее из коры деревьев, употребляется как загуститель красок.

¹⁹⁰ Вдова известного в царствование Федора Ивановича торгового человека Бажена Иванова в 1626 г. владела в мыльном ряду лавкой, очевидно, унаследованной от мужа (И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1134).

¹⁹¹ ААЭ, т. II, № 64, стр. 142. На плане времен Бориса Годунова также показаны «Tabernaе pictorum».

¹⁹² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. X, прим. 313.

¹⁹³ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 184; ЦГАДА, Волж., № 11, л. 135—135 об.

¹⁹⁴ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1104, 1117.

¹⁹⁵ Там же, стб. 1127, 1130, 1147.

¹⁹⁶ Там же, стб. 1121.

¹⁹⁷ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1103—1104; Собр. Мазурина, № 273, л. 207, 180.

¹⁹⁸ И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 2, стб. 1108.

ставляли собой длинное каменное одноэтажное здание углом; лавки помещались под сводчатыми арками нижнего этажа; под зданием находились кладовые, где купцы «прячут товары от огня».

За лабиринтом тесных и извилистых улочек, застроенных деревянными и каменными лавками, подымались здания гостиного двора с помещениями, отдававшимися в наем приезжим иногородним и иноземным торговым людям¹⁹⁹.

Кроме того, вне Китай-города существовали особые гостиные дворы²⁰⁰, торговавшие определенными товарами: Соляной²⁰¹, куда складывали привозную из Поморья соль, и Рыбный двор, где продавалась всевозможная рыба — поштучно, бочками и возами²⁰². Торговал преимущественно рыбой и Устюжский двор в Зарядье²⁰³.

В Китай-городе были расположены и дворы иностранных купцов.

Английский двор на Варварке представлял собой усадьбу приблизительно в 605 кв. сажен, обнесенную деревянным забором с сосновыми воротами, у которых стояла «избенка приворотная» для сторожа. На территории двора были разбросаны различные постройки: «палата» — двухэтажная горница на подклети с сениями и крыльцом — и рядом «горница поземная» с сениями и погребом дубовым и многочисленные службы: две белые и две черные избы, поварни, две конюшни с навесками; в небольшом саду росло десятка два яблонь и несколько груш, вишен и слив²⁰⁴.

Местожительством литовских послов служил упоминаемый уже в 1508 г. Панский двор, расположенный против церкви Варвары, т. е. на Варварском крестце, в самом оживленном пункте торгового города, которому он и дал наименование «в Панех»²⁰⁵. В конце столетия Панский двор был перенесен в Белый город, к церкви Гребневской иконы боготматери (на нынешней площади Дзержинского), где был устроен и Панский новый двор или Литовский гостиный двор. Рядом находился Армянский гостиный двор²⁰⁶.

Московской торговле в XVI в. уже было тесно в стенах Китай-города. Отдельные рынки, на которых продавали лошадей (Конская площадь у Варварских ворот), скот (Коровья площадка у Мясницких ворот), зелень, а также мучные и мясные лавки были разбросаны по Белому городу²⁰⁷. Большой лесной (Лубяной) торг был расположен на Трубе вдоль внешней стороны Белгородской стены, между Тверскими воротами и Неглинной. Другой лесной торг находился между воротами Белого города Фроловскими (Мясницкими, ныне Кировскими) и Покров-

¹⁹⁹ «Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII столетии». — «Чтения ОИДР», 1867, кн. 4, стр. 12. Годуновский (так называемый Петров) план, прилож. к книге И. Е. Забелина «История Москвы».

²⁰⁰ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 152 об. На Годуновском плане: «Nosocomium, ubi sal et pisces venditur».

²⁰¹ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 20, лл. 5 об., 6.

²⁰² Там же, № 273, лл. 112, 115 об., 152.

²⁰³ Там же, № 273, лл. 131 об., 133, 152 об.

²⁰⁴ Д. В. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 156.

²⁰⁵ В источниках иногда говорится, что урочище «в Панех» находилось на Ильинской улице, но церковь «Воскресенье в Панех» стояла в XVII в. у Булгакова двора, «что на Варварском крестце» (И. Е. Забелин. Материалы..., ч. 1, стб. 366). Летопись определенно говорит, что церковь Варвары была у Панского двора (ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 80, 111).

²⁰⁶ С. А. Белокуров. О Посольском приказе. — «Чтения ОИДР», 1906, кн. 3, стр. 81—82.

²⁰⁷ П. Петрей де Эрлезунда. История о Великом княжестве Московском. — «Чтения ОИДР», 1865, кн. 4, стр. 5.

скими. Здесь грудями лежали бревна, стояли срубы, целые дома с окнами и крышами, телеги; громоздились кучи теса и луба²⁰⁸.

С московской торговли царская казна получала в XVI в. очень большие доходы в виде всевозможных таможенных пошлин. «Таможенная изба» в начале XVII в. находилась близ Москворецких ворот²⁰⁹. В таможенне полагалось записывать товар при его привозе в Москву для продажи. Таможенное обложение товаров, прибывавших в Москву, было крайне разнообразно и в конечном итоге тяжело отражалось на торговых оборотах. Для сбора пошлин московская таможня подразделялась на два стола — «большой» и «меньший», и каждый взыскивал за один и тот же товар свою пошлину.

Так, зимой 1589/90 г. с 270 возов соли Прилуцкого монастыря было заплачено на большой стол по 5 алтын с воза и на меньший по гривне.

Кроме того, с некоторых товаров шла двойная пошлина — и на таможню и на Панский двор, на котором, повидимому, было отделение главной таможни. Так, в 1592 г. Волоколамский монастырь платил «медвешных пошлин», очевидно с покупки меда, — 2½ рубля, в таможне и ¼ рубля на Панском дворе.

Сверх основной пошлины, была масса мелких дополнительных сборов в пользу казны и служащего персонала таможни. При записке привозимых товаров в таможне платили за «подъем» и за «записку». Если дело шло «о весовом товаре», то его взвешивали на «важне», и эта процедура сопровождалась платой «от подъема», которая шла, повидимому, в пользу грузчиков — «дрягилей»²¹⁰. От провоза от Рыбного двора на важную драгилям платилось «деловье».

При выгрузке товара взыскивалась «свальная пошлина» с воза и с куля. За укладку соли в стопы при складывании в амбар полагалась особая плата. За исправление ошибок в таможенных документах в таможне подьячие брали «хировое»²¹¹. За соль надо было платить «на Москве откупным барышникам на Соляном дворе пощипельных денег», т. е. пошлину за пересыпку соли. Получали вознаграждение и придверники на таможне и на Панском дворе²¹². Не обходилось дело и без неизбежных угощений. Так, в 1605 г. на Волоколамском подворье кормили дьяка, подьячих и сторожей «Панской избы»²¹³. В целом таможенные расходы достигали значительной суммы. Так, Прилуцкому монастырю в 1589/90 г. за привезенную в Москву для продажи соль, оцененную в 1036 рублей без 3 денег, пришлось заплатить 78 р. 2 алт. 1 д.

Общая картина московских торгов и ремесел в XVI в. показывает нам в очень конкретных чертах роль Москвы в экономике страны. В Москву как крупный потребительский центр по многочисленным дорожным магистралям, связывающим ее с окраинами государства, отовсюду везут и продовольствие, и промышленное сырье, и ремесленную продукцию отдаленных районов, и иноземные — литовские, «немецкие», «кызылбашские» и «туркские» товары. Со своей стороны Москва делается могучим распределительным центром и снабжает всю страну не только

²⁰⁸ А. М. Васнецов. Лесной торг в старой Москве.— «Труды об-ва изучения Моск. обл.», вып. 5, стр. 153—155.

²⁰⁹ Местоположение таможни видно на «Петровом плане». См. История Москвы, г. I. М., 1952, стр. 252—253.

²¹⁰ ЦГАДА. Волок., № 12, л. 88.

²¹¹ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 20, л. 6 об.

²¹² Там же, л. 6—6 об.

²¹³ ЦГАДА. Волок., № 15, л. 100.

произведениями собственных ремесленников, иконописцев, оружейников и др., но и разнообразными товарами, поступающими в нее из других русских городов и из-за границы, за которыми в столицу приезжают и торговые люди, и монастырские «купчины», и иноземные гости. Москва стягивает в свои стены людей и капиталы. Многочисленные добровольные и недобровольные переселенцы из старых хозяйственных и культурных центров Руси приносят в «царствующий град» свои знания, свой опыт, свои таланты. Объединив все лучшие технические силы русского народа, Москва сама становится руководящей силой в промышленном развитии страны. Так готовится почва для возникновения «всероссийского рынка», который сложится постепенно вокруг Москвы — естественного хозяйственного центра страны.

О Ч Е Р К VI

СЕЛЬСКИЕ ТОРЖКИ И ЯРМАРКИ

Рост товарности сельского хозяйства вызывал к жизни сельские торжки, что хорошо подчеркивается ходатайством Кирилло-Белозерского монастыря об устройстве торжка в монастырской вотчине на Волочке-Словенском: Волочек-Словенский «от Вологды 80 верст, а от Белаозера 60 верст, а блиско тое вотчины, кроме тех городов, и торжков нет нигде, и их-де монастырским крестьяном хлеба и иного товару купить мелкого и продать негде, а на Белаозеро и на Вологду ездить и ходить далече»¹.

Торжки по городам и селам особенно быстро растут в течение XVI в. В 1564 г. около села Веси-Егонской, принадлежавшего Симонову монастырю, «в царевых подклетных селех», «у Пречистые в Кестьме и у Здвижения честного креста, в Шипине и в деревнях и в станех и в волостях и на погостех, и по деревням, и в Ясеницех... и в Озерковской слободке Углецкого уезда да в Ярославском уезде... по обе стороны реки Мологи и... на усть-реки Ламы, ...да на устье реки Себлы» в вотчинах князя Ивана Сицкого, княгини Аграфены Сицкой и князя Семена Палецкого и в многочисленных селех и деревнях, принадлежавших князьям Прозоровским в том числе у Бориса и Глеба на Старом Холопье и «у Леонтия святого на усть-реки Чеснавы» и «в-ыных во княжих и в боярских и в монастырских селех и деревнях и по иным малым торжком... торговые люди и скупщики, едучи... [к Веси-Егонской] рекою Мологою вверх и сухим путем на телегах и пешие, и из Веси, едучи наниз и сухим путем на телегах же и пешие, съезжаясь, торгуют всяким товаром о девятой и десятой пятнице, и по иным праздникам, и по неделям [воскресеньям] и во весь год»². В соседнем Тверском уезде, в окрестностях Торжка, в первой половине XVI в. идет оживленная торговля в пригородной слободке епископа тверского, в боярских селех Бернове, Загорье, Ивашкове, Ильинском и в селе Троице-Сергиева монастыря Медне³. Такую же картину мы наблюдаем в районе Москвы: в Радонежском уезде в городке Радонеже и «в сельских торжках, в дворцовом селе Воздвиженском и в княжих и в боярских и в монастырских селех... съезжаясь, торгуют торговые люди всяким товаром»⁴. Волоколамский монастырь производил, например, покупки в селех Стратилатском, Покровском, у Николы в городке и др. Московский Чудов монастырь получал в 1586 г. доходы с торгов в Высоцком, Вежинском и Вершин-

---

¹ ААЭ, т. II, № 21, 1602 г.

² ААЭ, т. I, № 269.

³ С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 25.

⁴ ААЭ, т. I, № 368.

ском и з селы»⁵. В северном Поморье в вотчинах Соловецкого монастыря в 1560-х годах значительные торжки были на р. Суме, в Вирме и в Колежме, «лавки и под избами анбарцы торговых людей, а в них держат товар всякой, мяжкой ноугородцкий тутошние люди, а иные отдают из бразги»; в Суме было девять лавок и амбарец, в Колежме и Вирме — по одной лавке⁶. В 1580-х годах был торжок и в другой соловецкой вотчине — в Варзуге⁷.

Феодалы торопились использовать выгодную экономическую конъюнктуру. От второй половины XVI в. до нас дошел ряд ходатайств крупных вотчинников об открытии торгов на их земле. В 1563 г. состоялась мировая о всеьгонской тамге между Симоновым монастырем и окрестными землевладельцами, по которой монастырь приобрел монопольное право на торжок⁸. В 1588 г. Ярославский Спасский монастырь выхлопотал разрешение устроить торг в монастырском селе Еремейцеве Ярославского уезда и в 1595 г. в сельце Федоровском на р. Касти⁹. В 1592 г. присвоил себе таможенные доходы в селах Чаронде и Короткове Дмитрий Иванович Годунов, брат правителя¹⁰. В 1596 г. всеильный печатник и думный дьяк Василий Яковлевич Щелкалов ходатайствовал об учреждении торгога в его селе Рождественском Мценского уезда¹¹ и т. д.

Как правило, торжки в селах происходили регулярно раз в неделю. Во второй половине XVI в. в Каширском уезде на торжке в «погосте Пречистые Гостунские» на речке Опране в Раставском стану Каширского уезда «торгуют... на неделю по одному дни, в воскресенье, всяким мелким товаром»¹², в погосте Люблине на р. Оке — «торжок, а торгуют на нем в неделю на один день в субботу солью и хлебом и всяким мелким товаром», в погосте Онтоновском на Вошане «торгуют один день в неделю»¹³. В Углицком уезде в селе Троицком, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю, торговля производилась «в торговые дни по вторникам»¹⁴. В Микулинском уезде бывшего Тверского княжества в селе Лотошине «торгуют... еженедель по середам», в селе Городище — «еженедельно по четвергам», в селе Кушалине — по пятницам¹⁵ и т. д.

Для торговли в указанные дни строились крестьянами лавки. В Лотошине в торгу было 17 лавок; на чистых местах между лавок ставились горшечники, кроме того, «иные места оплетены плетнем, а владеют ими и в наем отдают лотошинские крестьяне 5 мест». В Кушалине было 29½ лавок, в Городище — 21 лавка, в Суме девять лавок и т. д.

Торговали на этих торжках «всяким деревенским товаром», в первую очередь продуктами сельского хозяйства. На торжок Моревской слободы волостные крестьяне привозили хлеб — рожь и овес, гречу, пеньку;

⁵ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, лл. 14 об. и 85.

⁶ «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.», Л., 1930, стр. 162—164. Писцовые книги XVI в. отмечают только крупные торжки, сведения о которых сообщаются ниже. В мои задачи не входит составлять полный список известных торжков; моя цель — только показать широкое распространение мелких торжков в изучаемую эпоху.

⁷ ЦГАДА. Солов., № 211, л. 28.

⁸ Углицкие акты с предисл. С. А. Шумакова. — «Чтения ОИДР», 1899, т. 1, стр. 118—119.

⁹ ААЭ, т. I, № 342 и 362.

¹⁰ Там же, № 356.

¹¹ Там же, № 366.

¹² Н. В. К а л а ч о в. Писцовые книги XVI в., отд. II. СПб., 1877, стр. 1433

¹³ Там же, стр. 1431—32, 1487.

¹⁴ Там же, стр. 35.

¹⁵ Там же, стр. 340, 343, 361.

постоянно упоминается как предмет купли на торжках масло коровье; пригоняли на продажу лошадей и скот. В селе Городище две лавки принадлежали масленикам, торговавшим, очевидно, конопляным маслом. Владевший лавкой в Лотошине калачник обслуживал своей продукцией приезжавших из окрестных сел и городов людей. На торжках же продавались и всевозможные ремесленные изделия, выделывавшиеся крестьянами, как то: лесной товар (лыко, лапти, лукошки, хомутины и т. д.), домотканная материя (холст, усчина, рядина, полщенные и неполщенные сукна) и изделия из них (рубашки, кафтаны).

В Лотошине горшечники выносили свой незатейливый товар на торжок, а владелец одной лавки торговал щепьем, т. е. деревянной посудой.

На сельские торжки являлись и ремесленники — специалисты из местных крестьян: в селе Городище находились лавки сапожника и овчинника. Учитывали спрос сельского населения и приезжие из городов и других крупных торгово-ремесленных центров торговые люди, которые привозили свои товары иногда издалека и временно располагались в лавках, сдаваемых местными крестьянами в наем, а иногда и в собственных. На Никольском погосте на р. Шуге в Обонежской пятине в лавках, например, «торгуют, приезжая», наряду с местными «жильцами» и приезжие новгородцы; в Толвуе на торжке две лавки и клеть принадлежали новгородцам; в Моревскую слободу привозили свои товары купцы из Новгорода и Старой Русы и из таких отдаленных городов, как Осташков, Торопец, Холм. На торжке на Дершкове-волочке владельцем одной лавки был новгородец; на Городище среди лавководельцев был один себренник, очевидно, не из местных крестьян и т. д.

Роль сельских и мелких городских торжков не ограничивалась удовлетворением потребностей узкой сельской округи. Через посредство этих маленьких рынков происходила в широких размерах скупка торговыми людьми и монастырями сельскохозяйственных продуктов и произведений мелкой деревенской промышленности, и они являлись, таким образом, необходимым звеном в тех связях, которые начинают сплетаться в XVI в. между отдельными областями страны. Волоколамский монастырь в 1588 г. скупил, например, «по сельским торгом» 91 пуд масла¹⁶, в 1588 г. для того же монастыря куплено было «по торгом всяких льняных и посконных 59 холстин»¹⁷. Постоянно упоминаются покупки холстов посконин и льняных, крашенин по праздникам, т. е. на праздничных торжках в Стратилатском, у Покрова, в Спинове, на Городке¹⁸. Так, в 1574 г. монастырский купчина купил в Стратилатском 11 холстов посконины на скатерти¹⁹. Тот же монастырь покупал на сельских торжках «лесной товар», например, в Осуском торгу в 1608 г. 2000 лык²⁰. На Микулином городище для Волоколамского монастыря в большом количестве приобретались чеснок и лук и т. д.

Очень крупную роль сельские торжки играли в скупке ржи и овса. В Боровичах (Бежецкой пятине) на торгу были специальные амбары, в которых «сыплют» хлеб — рожь и овес, конечно, не для продажи местным крестьянам. В 1586 г. Болдин-Дорогобужский монастырь посы-

¹⁶ ЛОИИ. Волок., № 3, л. 143 об.

¹⁷ Там же, № 6, л. 211 об.

¹⁸ ЦГАДА. Волок., № 16, лл. 37, 126, 84, 123 об.; № 10, л. 105; № 19, л. 147 об. и т. д.

¹⁹ ЛОИИ. Волок., № 2, л. 187.

²⁰ ЦГАДА. Волок., № 19, л. 147.

лал 1½ рубля, чтобы «купить... на монастырской обиход на Сенкине торжку ржи на семя да овса на семя к лету»²¹.

Монастыри покупали товары на торжках на собственный «монастырский обиход». Но торговые люди, проезд которых на торжки отмечается неоднократно, скупали деревенские товары для перепродажи. На торгу в селе Кушалине Тверского уезда стояла лавка прасола, т. е. скупщика²². О деятельности скупщиков скота и хлеба в Моревской слободе мы узнаем из сохранившихся отрывков таможенной книги конца XVI в.²³

Примером чисто крестьянского рынка может служить торг в Емце в Поморье.

П. И. Челищев, посетивший Емецкий торг в 1791 г., писал: «В селе и погосте Емецком по четвергам каждой недели бывает ярмонка, на которую [кую] не только Холмогорского, но и из других окольных [окоевых] уездов много съезжается крестьян для продажи и покупки домашних продуктов и рукоделей»²⁴. Судя по книгам Антониева-Сийского монастыря, корни этой «ярмонки», или точнее торжка, надо искать уже в XVI в. В ноябре 1579 г. из монастыря ездил слуга «на Емцу, купил товару на 3 рубля»²⁵, «о Иване дни» 1581 г. ездил на Емцу старец тоже для покупок. и купил на 3 р. 80 к.²⁶

Такие же покупки на небольшие суммы отмечаются неоднократно в различные месяцы: в июне 1578 г., в декабре 1588 г.— на 1 р. 12 алт., осенью 1588/9 г.— на 2 р. 9 алт. 1 д., летом 1589 г.— на 3 р. 8 алт. 4 д., в сентябре того же года — на 22 алт. 4 д., в октябре — на 1½ рубля, в ноябре на 1½²⁷ деньги и т. д.

В Емце монастырь покупал произведения деревенских ремесленников: кожи добрые, сукна простые белые, сукна серые рядные, черные как полщенные, так и неполщенные и «нетоптаны», холст (в одном случае 186 локтей), гребенину, изделия из домотканых материй: рубахи простынные и холщевые, сермяги, «однорядки емские синие». Покупались и съестные продукты — рыба свежая, масло; так, в одном случае монастырь купил 31 череп масла, в другом «в вес» 2½ пуда 11 гривенок, в третьем — 15 криниц масла на 2½ рубля. В 1575 г. сам монастырь посылал на Емцу рожь, вероятно, для продажи²⁸. Но на Емецкий торг попадали и привозные товары вроде шелка.

Если судить по покупкам монастыря, сделки на Емецком торгу провозились не на большие суммы.

Емца может служить примером торжка в черносошном Поморье. Некоторые данные о торжке в частновладельческом селе мы имеем относительно Микулинского Городища.

Торг на городище на р. Шоше Микулинского уезда возник на развалинах стольного города князей микулинских — Микулина. В XVI в. бывшая удельно-княжеская резиденция превратилась в большое село, центр сельской округи, как его трактует и писцовая книга, составленная приблизительно в последнее десятилетие царствования Ивана IV²⁹. Торг, происходивший по четвергам на Городище, носил характер чисто

²¹ РИБ, т. XXXVII, стб. 34.

²² Н. В. К а л а ч о в. Указ. соч., отд. II, стр. 361.

²³ Об этом см. ниже.

²⁴ П. И. Ч е л и щ е в. Путешествие по северу России в 1791 г. Дневник, изд. под наблюд. Л. Н. Майкова. СПб., 1886, стр. 127.

²⁵ ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 88 об.

²⁶ Там же, л. 118 об.

²⁷ Там же, лл. 67 об., 34, 255—255 об., 259 об., 264.

²⁸ Там же, лл. 118 об., 289, 264, 19 об.

²⁹ Н. В. К а л а ч о в. Указ. соч., отд. II, стр. 341—342

сельского торгова. Здесь торговали преимущественно продуктами сельского хозяйства — чесноком, луком, маслом, сыром, яйцами, яблоками и крестьянскими изделиями — сукном, крашенинами и посконными холстами. В 1573 г. в Волоколамский монастырь привезено было купленных у микулинцев $13\frac{1}{2}$ четверти лука и около 2000 яблок, в 1574 г. на Микулинское городище ездил слуга монастырский и купил два сукна, холст посконный, девять сит, 200 яиц и 1 пуд масла; в том же году для монастыря приобретено еще 1 пуд 15 гривенок масла³⁰; в 1575 г. — 1000 чеснока и $1\frac{1}{2}$ осмины лука³¹, в 1586 г. — 2 четверти лука³², в 1582 г. — 3 четверти лука.

Торжки в XVI в. по размерам, по широте обслуживаемого рынка и по характеру торговых оборотов не были все одинаковы. Обычно они возникают при населенных пунктах и являются показателем торгово-ремесленного развития данного села и вместе с тем способствуют дальнейшему перерастанию его в поселок городского типа. В некоторых случаях они вырастают самостоятельно, на каком-нибудь церковном погосте, не имеющем постоянного населения, в качестве центрального рынка целой сельской округи, жители которой, живущие разбросанно по волости, съезжаются сюда для торговли и содержат здесь свои лавки. На такие центральные пункты приезжают и иногородцы со своими товарами.

На Никольском погосте на р. Шуге у Онежского озера на церковной земле стояло, например, шесть амбаров, из которых три принадлежали игумену и один монастырскому старосте. Амбары эти предназначались не для торговли самих владельцев, а на сдачу в наем. В них «торгуют, приезжая, ноугородцы и тутошние жильцы всяким мелким товаром». В частности, игумен свои амбары «дает... тутошним крестьянам из оборку». Это, следовательно, только центральный пункт для торговли окрестной сельской местности, куда заезжают иногородцы. Но наличие торжка уже сказалось в том, что на погосте началось оседание торгово-ремесленного люда. За монастырем у Шуги возникли двор торгового человека Григория Белозерова и при нем амбар и двор Ушака серебряника. Они торговали мягкой рухлядью новгородской, хмелем, рыбой и солью³³.

Другой такой торг, обслуживавший округу, мы находим в 1551 г. в Михайловском погосте в волости Лощемле Бежецкой пятины. На погосте, кроме трех дворов причта местной церкви архангела Михаила, не было жителей. Но на этом погосте на церковной земле в 1547—1548 гг. торговые люди — крестьяне окрестных помещиков поставили 15 лавок по подсчету книги 16³⁴, в том числе четыре крестьянина помещика Угрима Селинского, жившие на Никольском погосте в Клине в Павлове Раю имели по две лавки³⁵; две лавки имел и крестьянин Петра Толстого.

Другие окружные торжки достигали значительно больших размеров. Таков торжок в волости Удомли Бежецкой пятины. Здесь на земле монастыря Ивана Богослова возник рядок торговых помещений — 23 лавки с затворами и без затворов, четыре амбара с прилавками, три амбара без прилавков и три прилавка; в другом рядку позади лавок стояло девять житниц и «в них сыплют, привозячи, хлеб и всякой мелкой товар, да из них торгуют ж», и один прилавок. Всего на торгу было 43 торговых помещения. Тут же «у тех-же лавок и у житниц» находилось

³⁰ ЛОИИ. Волок., № 2, лл. 122, 185 об., 186 об.

³¹ Там же, № 1028, л. 78.

³² Там же, № 4, лл. 118 об., 119 об.

³³ «Писцовые книги Обонежской пятины...», стр. 113.

³⁴ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стб. 727—728.

³⁵ В тексте сказано глухо «с погоста», но из дальнейшего (стб. 731) видно, что Угриму принадлежал погост Никольский.

«дворишко гостиное торговых людей на приезд». Лавки принадлежали крестьянам Удомельского стана 26 окрестных черных деревень и трех помещичьих. Местный торжок, как обычно, привлекал торговых людей из городов — одна лавка на торгу принадлежала новоторжцу, а две — торговым людям, жившим в Новгороде³⁶.

В Толвуе на земле Никольского Вяжицкого монастыря в 1563 г. расположился очень большой торг, на котором стоял 51 соляной амбар. Развитию местного торжка способствовал промысловый характер района. На той же монастырской земле находилось восемь сальниц, т. е. небольших заводов для топки сала, принадлежавших местным крестьянам, из них четыре — вяжицким крестьянам, одна — государеву крестьянину из Шуи Морской, одна — местному «земцу» и две — новгородцам. Амбары тоже принадлежали преимущественно окрестным крестьянам, а именно 39 из 51. Среди амбаровладельцев крестьян значительную группу составляли монастырские крестьяне (важицким принадлежало 19 амбаров, хутынским — три, соловецким — один, тихвинским — один, митрополичьим — один, всего 26 амбаров); черным крестьянам принадлежало 13, а помещичьим только один. Такой состав объясняется, конечно, социальным характером окрестного землевладения. Четыре амбара принадлежало монастырям Вяжицкому, Палеостровскому и Медведицкому. Крупное место на торжке занимал «земец» Тяполков, которому, кроме сальницы, принадлежало еще два амбара и изба. Обычную предприимчивость проявляли новгородцы, которым принадлежало, кроме двух сальниц, еще два амбара и клеть; один из них, Михаил Кожемякин, был одновременно владельцем и амбара и сальницы. К крупным иногородним торговым людям надо отнести и Семена Пирожникова, черного крестьянина из Шуи Морской или Корельской, владевшего амбаром и сальницей. О приезде из волостей на длительные сроки говорит наличие «приезжего двора» богатых крестьян из Толвуя Андрея Алексея Попова и Власа Плаксина; оба они, кроме амбаров, имели сальницы (Влас Плаксин даже две), и их приезды были вызваны, очевидно, промысловыми целями. Имел приезжий двор и Палеостровский монастырь, заинтересованный в рыбных ловлях на Онежском озере; на монастырском дворе жил старец «да ловцы монастырские»³⁷.

С исчерпывающей полнотой изучила торжок на Вытегорском посаде в 1563 г. И. Л. Перельман в статье «Новгородская деревня в XV—XVI вв.»³⁸. На погосте было шесть лавок, в трех верстах от него вниз по р. Вытегре на Селюгином поле и на той же реке — семь амбаров и на земле Хутынского монастыря — шесть амбаров. В лавках торговали «того же погоста крестьяне всяким мелким товаром»; в амбары «сыплют хлеб и соль торговые люди», вероятно, приезжие, но принадлежали эти амбары тоже местным крестьянам. Владельцами торговых помещений были семь черных крестьян, из которых одному, Селивану Васильеву, принадлежало три амбара соляных, а другому, Семену Федорову — лавка и два амбара; двумя амбарами на земле Хутынского монастыря совместно владели два хутынских крестьянина. Об этих крестьянах И. Л. Перельман правильно говорит: «Каждого из наших крестьян-купцов мы находим в одной из волостей живущим в обычной деревне. Хозяйство его самое обыкновенное, ничем от прочих хозяйств не отличающееся». Итак, торжок в первую очередь обслуживает крестьянское

³⁶ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стб. 649—650.

³⁷ «Писцовые книги Обонежской пятины...», стр. 145—147.

³⁸ «Исторические записки», кн. 26, стр. 170—172; «Писцовые книги Обонежской пятины...», стр. 202—203.

население окрестных волостей. Среди крестьян, владеющих лавками и амбарами, упоминаются ремесленники — зелейщик и котельник, но они, очевидно, не выносят на рынок произведения своего ремесла — первый торгует крестьянской мягкой рухлядью, второй держит соляной амбар; возможно даже, что они вообще сами не производят торговлю, а сдают свои торговые помещения в наем. Участвует в торговле и причт местной церкви Покрова — поп Федор и отставной поп Михайло Старый, вероятно, его отец. Как и на других погостах, на Вытегорском торжке действуют и приезжие иногородние купцы — один амбар принадлежал белоцерцу Нечаю Мотылову.

Приезд на торжки иногородних купцов придавал многим из них довольно крупное значение в хозяйственной жизни отдельных областей. Счастливая случайность позволяет нам судить о торжке Моревской слободы, торговые операции которого охватывали в конце XVI в. значительный район от Новгорода на севере до Осташкова на юге. В виде исключения до нас дошли оборванные листки таможенной книги Моревской слободы около 1598 г.³⁹ Несмотря на их дефектность, эти обрывки таможенных записей довольно полно восстанавливают картину большого волостного торга.

Расположенная в Деревской пятине, Моревская слобода была бойким торговым поселком, благодаря своему выгодному географическому положению по соседству с крупным центром соляной промышленности Русой и собственным соляным промыслом. Уже в 1530 г. солевары Новой Соли Моревской волости добились, как известно, очень больших иммунитетов. Василий III освободил жителей слободы от суда как новгородских наместников и дворецкого, так и наместников торопецких (кроме душегубства и разбоя), а также от наездов их тиунов и приставов, и предоставил самим производить «суд в рубли или меньши рубля или больше» при непременно участии в суде выборных «добрых людей». По общепринятому феодальному порядку, в случае «смесного суда» с лицом, подвластным иному присуду, представители слободы участвовали в суде. Новопришельцы в слободе пользовались пятилетней отсрочкой уплаты долгов. Помимо других финансовых и хозяйственных прав, слобожанам предоставлялось право беспошлинного торга в слободе: «А приедет хто торговати из городов и из волостей к ним в слободу, с каким товаром ни буди, и они торгуют в слободе Новой Соли, а пошлин никаких не дают». Повидимому, эта привилегия была ограничена определенным сроком (судя по началу дефектной в тексте фразы «до тех...» и по тому, что в конце XVI в. этого права уже не существовало). Но «франко» в первые годы существования слободы должно было способствовать торговому ее развитию.

Грамота Василия III была подтверждена Иваном IV дважды — до 1547 г. и в 1555 г., его сыном Федором в 1581 г. и царем Борисом в 1598 г.

Торг Моревской слободы был не особенно велик: мы находим на нем всего 16 лавок⁴⁰. На нем совсем не отразилась промысловая деятельность слободы, которая, повидимому, к этому времени упала вследствие либо конкуренции Старой Русы, либо истощения соляных источников. По существу это типичный сельский торжок, на который «приезжие волостные люди» привозят на продажу небольшими партиями хлеб и другие

³⁹ ЛОИИ. Рук. собр., № 834. Документ датирован Б. Д. Грековым на основании совпадения имени одного из упоминаемых в нем посадских людей с именем одного из «Моревской слободы усольцев», которым дана была грамота 1598 г.

⁴⁰ Там же, л. 14 об.

продукты сельского хозяйства, лесные товары и незатейливые произведения деревенского ремесла, вроде хомути и лаптей. Разрозненные листки таможенной книги пестрят записями о взятии «с приезжих людей с волостных» «с хлеба померу», и «с масла, с меда», с «лесового запаса», «с саней и с лык», и «с лесового, с лыки, с лаптей, с хомути», с мочал, с лукошек и других «мелких товаров». Ничтожные размеры пошлины, иногда выражавшиеся в сумме 2, 2½ денег, свидетельствуют о том, что все это привозится, как правило, в небольшом количестве. В июне, например, с волостных людей собрали всего 4½ деньги. Иногда крестьяне пригоняли на продажу лошадей, но порой сами их покупали в Моревской слободе.

В торговле принимали участие как крестьяне Молвицкого погоста и других черных волостей, так и соседних помещиков Никиты Сартакова, Тимофея Веригина, окольного Петра Клешнина. В одном случае упоминается продажа нескольких коробей ржи приказчиком князя Дмитрия Бельского; сравнительно высокая пошлина (3 алтына)⁴¹, заставляет думать, что и количество проданной вотчинниковой ржи было довольно велико. Но хозяевами торжка были «Моревские слободы усольцы» или, как их величает таможенная книга, «посадские люди». Владельцы Усолья отчасти торговали солью. В таможенной книге мы встречаем несколько случаев уплаты всякими людьми пошлин за луб и больше за соль. Но соль уже не была в конце XVI в. главным предметом торговли в Моревской слободе. Моревские посадские люди в основном выступают в качестве скупщиков и перепродавцев лошадей и рогатого скота. Так, посадский человек Обросим заплатил пошлину с двух лошадей, жеребенка и двух животных; другой посадский человек — с семи животных. Посадский человек Софон купил в одном случае корову и пять баранов и продал другому посадскому человеку семь скотин. Скупали посадские люди для перепродажи также хлеб и другие продукты сельского хозяйства: Степан Козырев, например, купил 110 пудов сала сырца; посадский человек Семен явил к отвозу два воза хлеба, другой — Максим Корев — четыре воза, третий — девять возов. Посадский человек Абрам заплатил пошлину с четырех коробей гречи. Скупалась и пенька: так, у посадского человека Мартына Шилова было взято «весчего с пеньки подъему» — 1 деньга; он же продал лык на сравнительно большую сумму — 2 рубля без 1 деньга. Торговали посадские люди и рыбой: так, Пятко явил три бочки рыбы, повидимому, в отвоз; другой посадский человек — одну бочку; известный нам Степан Козырев — рыбу вялую. В числе товаров, предъявленных посадскими людьми в таможеню, были кожи (Потап Семенов — 10 опойков) и щепотный товар. (Мартын Шилов), но в последних двух случаях трудно сказать, идет ли дело о продуктах их собственного хозяйства или о перекупных.

Как ни отрывочны приведенные данные, но они показывают, что посадские люди Моревской слободы богатели за счет скупки у крестьян и перепродажи скота и продуктов сельского хозяйства.

В общем итоге Моревская слобода превратилась в бойкий рынок сельских товаров, который стал привлекать торговых людей со стороны. На моревскому торгу появились скупщики скота и хлеба из Новгорода и Старой Русы. Таков новгородец Василий мясник, купивший у посадского человека Карпа корову, новгородец Гаврила скотник и др. Торговец «из Старорусского присуда» явил к отвозу два воза хлеба на 2 рубля без 2 гривен. Очевидно, из Новгорода были и «коробейники рядовые люди»

⁴¹ С четверти брали 1/2 деньги, следовательно, предъявлено было 36 четвертей.

(т. е. торговавшие в городских рядах), уплатившие «помер» с четырех коробей. Коробейник Гашук купил 4 короба овса. С другой стороны, пользуясь съездом покупателей на моревский торжок, иногородцы привозили и свои продажные товары. Особенно много приезжало с товарами ошашковцев и старорушан. Ошашковцы привозили рыбу свежую, в частности вандыши и снетки. Один из них, Четверунка, кроме снетков, торговал щепетинным товаром и в два приема явил в таможене 13 топоров продажных. Старорушане привозили главным образом соль; один из них продал, например, 2 луба соли, другой 6 лубов, третий 7 лубов⁴²; сами они покупали в Моревской слободе хлеб; например, старорушанин Лашук в одном случае купил хлеба на 1½ рубля; вместе с двумя товарищами он заплатил «хлеба отвозу» 7 денег, т. е. за семь возов. Какой-то покупатель «ис Старорусского присуда» купил хлеба на 1 рубль 8 гривен и отпустил в отвоз два воза. Заезжали на моревский торжок и купцы из Торопца и Ржевы; один торопчанин, например, продал щепотного и другого товару на 2 рубля; «мимоезжий ржевин» явил пеньки на 30 алт. 1 д. Упоминается в отрывках и один холмитин.

* * *

Усилению экономических связей в стране способствовали также ярмарки, некоторые из которых уже в XVI в. вышли за пределы местных торжищ.

Ярмарки происходили в городах, где они обычно приурочивались к праздникам — обычай, который сохранялся в захолустных городах России до XX в.

В Белоозере например, в XVI в. ярмарка имела место «о сборном воскресенье»⁴³ и «о средохрестье»⁴⁴. На белозерской ярмарке продавались разнообразные ремесленные изделия: сукна белые, черные и серые, сермяги, кафтаны, кожи, овчины, мыло, деревянная посуда в большом количестве, гвозди и сохи, железо роскошное, производство которых было распространено в Белозерском районе; рыболовный характер края сказался в поставке на ярмарку рыбных продуктов (икры ряпушной, бочек судачины, лещовины и щучины, лещей свежих) и рыболовных снастей (мережек, бочек рыбных, проволоки на уды); из сельскохозяйственных продуктов продавались лен и конопля, тоже представлявшие собой распространенные в этом крае культуры. Таким образом, белозерская ярмарка в основном являлась местом скупки местных продуктов. Но, вследствие выгодного положения Белоозера на речных путях, на ярмарку попадали и произведения более отдаленных областей — так, наряду с местным льном продавался лен новгородский. Покупки на белозерской ярмарке производились в довольно крупных размерах. Так, Кирилло-Белозерский монастырь купил в 1568 г. «о сборном воскресенье» 10 сох большого железа роскошного к сошникам и 493 меньшего размера оральных сох, 218 сукон, 281 телятин к похвам и 10 шубных, 204 овчины в кожевенное дело, 2 косяка мыла, 10 братин, 7 пудов икры ряпушной и 5 рогож молю, 70 мереж, тетив неводных, 66 груд конопли и 5 кирбей льну, две насадки дегтю, точило, 30 брусков, два рога оленых; в 1582 г. —

⁴² Луб — мера соли, равная по весу 5 пудам (Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки», кн. 19, стр. 339).

⁴³ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. LXXXV, 1568 г.; CXXIII, 1582 г.; CCLXIV, 1608 г.

⁴⁴ Там же, стр. LXXXVII, 1568 г., CXXIV, 1582 г. Сборное воскресенье — воскресенье на первой неделе великого поста; «средохрестье» — среда на четвертой неделе того же поста.

1147 аршин сукон сермяжных, 383 сохи, 340 опойков и т. д., в 1608 г.— 1158½ аршин сукон братских и мирских, 168 сох, 78 мереж ловецких, 215 телятин, 22 кожи подошвенных, 10 косяков мыла и т. д.

Очень часто ярмарки возникали под монастырями и были связаны с монастырскими праздниками. Они были вызваны к жизни, с одной стороны, притоком (иногда издалека) богомольцев, а с другой — постоянной потребностью самих монастырей в разнообразных товарах.

Такие подмонастырские праздничные ярмарки были обычным явлением. Даже при очень небольшом монастыре «Рождества пречистые» в Боровичах (Бежецкой пятины), в котором было всего шесть монашеских келий, считая игуменскую, три раза в году — на праздники «Рождества богородицы», «Покрова» и на «Никитин день» — устраивались ярмарки, для чего на монастыре и за монастырем было устроено 26 лавок⁴⁵.

Под Болдином-Дорогобужским монастырем ярмарка собиралась на Троицын день. Сюда в этот день свозили окрестные крестьяне произведения сельского ремесла; в 1599 г., например, монастырский «плательный казначей» купил «на праздник на Троицын день» 530 аршин посконины⁴⁶; но приезжали и торговцы со стороны: в 1606 г. в пользу монастыря на Троицын день было собрано с гостей полавочного сбора 20 алтын⁴⁷.

«Под... монастырем у Пречистой на Киржаче на их монастырской земле торгуют в год на три праздника, а съезжаются торговати многие люди, а торгуют всякими товары». Ярмарка здесь возникла не по инициативе монастыря, который даже тяготился таким беспокойным соседством и в 1537 г. ходатайствовал о том, чтобы «тот торг свесть»⁴⁸.

Точно так же самопроизвольно возникла ярмарка и под большим Кирилло-Белозерским монастырем в дни местных праздников, когда туда стекалось много богомольцев. Уже в начале 1530-х годов к монастырю «приезжают... в Белоозеро торговые люди на праздник Пречистые и на чудотворцову память... торговати»⁴⁹. Ввиду того что ярмарка сопровождалась «великим бесчинием», монастырь ходатайствовал перед правительством о запрещении «на все праздники торговым людям, городским и сельским, торговати... никаким товаром». Ходатайство было удовлетворено. Однако очень скоро монастырские власти учли выгоду, приносящую для монастырской казны от ярмарочных съездов, и пририскились с «бесчинием», на которое они вначале жаловались. По данным второй половины XVI и начала XVII в., ярмарка в Кирилло-Белозерского монастыря справлялась три раза в году: «о Введеневе дни» (21 ноября), «о Успеневе дни» (15 августа) и «о чудотворцове памяти», т. е. в день смерти основателя монастыря Кирилла Белозерского (9 июня), когда «к Кириллову монастырю... приезжают из городов и из волостей торговые люди с товары и торгуют у монастыря дни три и четыре». Для сбора таможенных пошлин приезжали с Белоозера таможенные целовальники, к ним в чайнии доходов присоединялись кабацкие целовальники с белозерского кабака с питьем и продавали вино, «в чарки и в ведра»⁵⁰. В начале XVII в. таможенный сбор был казной уступлен монастырю, и с тех пор таможенные пошлины стали собирать монастырские слуги в пользу обители. Вместе с тем прекратились и

⁴⁵ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стб. 968.

⁴⁶ РИБ, т. XXXVII, стб. 136.

⁴⁷ Там же, стб. 246.

⁴⁸ АИ, т. I, № 138.

⁴⁹ РИБ, т. II, № 29; т. XXXII, № 128.

⁵⁰ ДАИ, т. I, № 229.

возникавшие время от времени жалобы на неудобства, связанные с ярмарочными съездами.

О размерах торговых оборотов ярмарок дают некоторое представление таможенные доходы монастыря, которые в начале XVII в. выражались в следующем:

1606 г. — Успенская ярмарка	3 р. 31 алт. 4 д. ⁵¹
Введенская „	16 „ 3 „ 3 „ ⁵²
	<hr/>
	20 р. 1 алт. 5 д.
1607 г. — Кирилловская „	14 р. 27 алт. —
Успенская „	4 „ 5 „ 5 ¹ / ₂ д.
Введенская „	8 „ 5 „ 1 „
	<hr/>
	27 р. 4 алт. 4 ¹ / ₂ д. ⁵³
1608 г. — Кирилловская „	29 р. 16 алт. 3 ¹ / ₂ д.
Успенская „	9 „ 8 „ 2 „
Введенская „	11 „ 26 „ 2 „
	<hr/>
	50 р. 17 алт. 5 ¹ / ₂ д. ⁵⁴
1610 г. — Кирилловская „	23 р. 13 алт. 2 д.
Успенская „	7 „ 28 „ 4 „
Введенская „	22 „ 21 „ 5 „
	<hr/>
	53 р. 30 алт. 3 д. ⁵⁵
1611 г. — Кирилловская „	26 р. 16 алт. 4 д.
Успенская „	8 „ 12 „ 2 „ ⁵⁶
	<hr/>
	34 р. 29 алт. —

По сравнению с таможенными доходами других монастырей (например, Соловецкого) следует признать эти доходы весьма значительными.

Монастырские покупки позволяют судить об ассортименте товаров, предлагавшихся на продажу. Преобладала продукция местных ремесленников — городских белозерских и сельских — кожи, рукавицы, холсты, крашенина, овчины, сукна, ужища, деревянные и железные изделия, а также продукты сельского хозяйства — сало говяжье, мясо, и охоты — сало медвежье, рог лосиный. На ярмарки приезжали торговые люди из Вологды, вроде упоминаемого в 1606 г. Пиная Федорова, и среди товаров не случайно встречаются ложки «вологодского дела». Попадались и московские товары: на потребность монастырского обихода были рассчитаны пояски, главным местом производства которых была Москва; в одном случае их было куплено 838 сажен⁵⁷. Иногородние торговые люди привозили и иностранные товары: в книгах упоминается покупка 100 литр золота двойного и 1 пуда перца «немецкого».

Маленькие ярмарки возникали в сравнительно небольших сельских пунктах обычно «о Петрове дни», когда в деревнях уже закончена была

⁵¹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. ССХСIV.

⁵² Там же, стр. СХСV.

⁵³ Там же, стр. ССХХХVI — ССХХХVIII.

⁵⁴ Там же, стр. ССLXIX — ССLXXI.

⁵⁵ Там же, стр. ССС I—II, СССХVIII.

⁵⁶ Там же, стр. СССХIX.

⁵⁷ Там же, стр. СV.

весенняя страда и еще не приступали к покосу, который по традиции приурочивался к началу июля, тотчас после Петрова дня (29 июня). В Егорьевском погосте, на Млеве (в Бежецкой пятине) в середине XVI в. предоставлено было приезжим «гостем торговати до Петрова дни и по Петрове дни, всего 2 недели». Ярмарка здесь достигала очень значительных размеров: на погосте «у ряду» и на р. Мсте на острове стояло 332 лавки, поставленных крестьянами соседних помещиков и сдававшихся в наем купцам, приезжавшим на ярмарку; тут же на отведенном для того участке ставились крестьяне с хлебом и со всяким товаром и стояли два амбарца, две хлебни и баня⁵⁸.

Точно так же происходила ярмарка «о Петрове дни» на Соли в Белозерском уезде, на которой, в частности, продавалась продукция сельских ремесел — сукна сермяжные, железные изделия. Вероятно, в связи с началом покоса, который начинался с Петрова дня, на ярмарку выносились большое количество кос горбуш; по крайней мере, в 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел здесь 100 кос горбуш⁵⁹.

В районе Вязьмы в Вяземщине на Волоцке ярмарка происходила в январе. Здесь производились покупки сельскохозяйственных продуктов; так, в 1586 и 1587 гг. болдинский старец Боголеп покупал в январе в Вяземщине масло коровье⁶⁰.

Имеются указания на специальные конские ярмарки. Такую ярмарку можно отметить в Клушине в ноябре. 13 ноября 1591 г. Болдин монастырь купил здесь 12 жеребят; 11 ноября 1599 г. — восемь жеребят «третьяков и лонских» (по третьему и по второму году); в ноябре 1600 г. эздил в Клушино конюший старец Селиверст и купил 13 жеребят⁶¹.

Большой, чисто местного характера была ярмарка у Петра Святого в Заозерье «за Кубенским озером», «на Устье» или «за Устьем» в Кубенской десятина Вологодского уезда⁶². Ярмарка эта происходила в июне «на Иванов день», т. е. в день Ивана Купалы, 24 июня⁶³. Таможенные доходы собирали на ней вологодские таможенные целовальники⁶⁴. Ярмарка эта по существу была сельской, торговавшей продукцией сельской округи, для скупки которой приезжали представители соседних монастырей Кирилло-Белозерского и Прилуцкого с Вологды. Операции, производившиеся на ярмарке, были довольно значительные. В 1576 г. казначей Прилуцкого монастыря купил здесь товаров на 100 р. 14 алт. 4 д.⁶⁵

На заозерскую ярмарку привозились в большом количестве продукты лесных промыслов: смола, деготь, скалы, десятками ведра, дерева хомутинные, лыка, сита и решета; упоминается покупка телеги, сруба. Могли быть местного производства чаши кореноватые и т. п.

Здесь, в частности, производилась скупка древесного сырья для выделки посуды и ложек, для чего из Кирилло-Белозерского монастыря специально командировался ложечник⁶⁶.

⁵⁸ «Новгородские писцовые книги», т. VI, стр. 567.

⁵⁹ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. СIII.

⁶⁰ РИБ, т. II, № 102, стб. 294, 312.

⁶¹ Там же, т. XXXVII, стб. 106, 151, 186.

⁶² Там же, т. XXXII, № 197, 1586 г.

⁶³ Наряду с июньской ярмаркой, может быть, существовал торг зимой. По крайней мере, некоторые закупки в Заозерье Кирилло-Белозерского и Павлово-Обнорского монастырей производились в декабре — январе.

⁶⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CCLI.

⁶⁵ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 200, л. 3.

⁶⁶ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CCLI

В большом количестве закупалась смола. В 1576 г. Прилуцкий монастырь купил 146 ведер смолы, в 1583 г.— ушат дегтю⁶⁷; Кирилло-Белозерский в 1604 г.— 18 ведер смолы⁶⁸ и в 1607 г.— бочку смолы⁶⁹.

Заозерье в XVI в. выделяется как район производства так называемых заозерских сукон.

Естественно, что на Ивановской ярмарке фигурировали сермяжные сукна, а также одежда из сукна — сермяги, кафтаны, епанчи. Наряду с сукнами здесь скупали холсты, в частности и тонкие, рубашки холцевые, мешки из хряща (род холста), портки. Из одежды торговали, кроме того, шубами бараньими. В 1576 г. Прилуцкий монастырь скупил здесь 54 таких шубы.

Сказывался на ярмарке и железоделательный характер района: в 1576 г. Прилуцкий монастырь купил 60 прутов укладки клинчатых⁷⁰ и девять замков висячих; Кирилло-Белозерский монастырь в 1610 г.— 25 замков.

Заозерье поставляло и продукты сельского хозяйства. В июне 1583 г. для Прилуцкого монастыря было куплено два ведра масла коровья⁷¹. Кирилло-Белозерский монастырь в 1567 и 1582 гг. покупал здесь, но не в ярмарочное время (в декабре — январе), сыры и масло белое коровье⁷². Расположенное на берегу Кубенского озера Заозерье торговало в течение круглого года также и рыбой и рыболовной снастью. В январе 1582 г. Кирило-Белозерский монастырь купил здесь 19 шук и 200 нелмушек свежих⁷³. На ярмарке в 1576 г. для Прилуцкого монастыря купили здесь 15 мереж и неводный рукав. Павлов-Обнорский монастырь в январе 1570 г. тоже послал 6 рублей в Заозерье на мережи⁷⁴.

Среди основной массы местной крестьянской продукции на Заозерской ярмарке появляются лишь в виде исключения привозные изделия вроде тверских ложек или крашенин, поскольку окраска холстов была делом преимущественно городских ремесленников. Монастыри торговали в Заозерье солью, в которой всегда нуждалось окрестное крестьянское население. Так, в июне 1582 г. прилуцкий старец Ирinarх продал в Заозерье 363 пуда соли на 26 р. 10 алт.⁷⁵

Некоторые из ярмарок в XVI в. вследствие выгодного географического положения уже утрачивали свой узкий замкнутый характер и перерастали в торжища общегосударственного значения. Такова на первом месте ярмарка в Холопьем городке на Мологе в Ярославском уезде. Иностранцы наблюдатели приписали Холопьегородскому торгу значение, выходящее даже далеко за пределы «Московии». Некоторые из них утверждали, будто в Холопьем на ярмарке «встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемахинцы, кизылбаши, сибирцы, нагаи, черкесы, немецкие и польские торговые люди». В этих сообщениях имеется значительная доля преувеличения, но они свидетельствуют о том крупном торговом значении, которое придавали современники ярмарке, производившейся в заброшенном в дальний угол Ярославского уезда городке.

Холопий городок возник еще в удельную эпоху, когда «Холопье» входило в состав удельного княжества Углицкого, принадлежавшего

⁶⁷ ЦГАДА. Сбор. Мазурина, № 227, л. 24 об.

⁶⁸ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CLIV

⁶⁹ Там же, стр. CCLI.

⁷⁰ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 200.

⁷¹ Там же, № 227, л. 25.

⁷² Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. CI, CXII.

⁷³ Там же, стр. CXII.

⁷⁴ РИБ, XXXVII, стб. 12.

⁷⁵ ЛОИИ, ф. Прилуцкого м-ря, № 1, л. 19.

сыну Ивана III Дмитрию Ивановичу (1482—1521)⁷⁶, который держал в нем своих тамошников, но вместе с тем Холопий городок продолжал, повидимому, оставаться в вотчинном владении князей Прозоровских, потомков князя моложского Михаила Давыдовича.

Первоначально Холопий городок играл, повидимому, роль пограничной крепости на окраине русской территории и пункта торговых сношений с народами Севера и верхнего Поволжья. «Туда стекаются,— пишет Герберштейн,— ...весьма многие народы из восточных и северных стран, которые ведут только меновую торговлю... они обменивают на меха готовое платье, иглы, ножики, топоры и другое»⁷⁷. Но к началу XVI в. Холопий городок, утратив роль пограничной крепости, приобрел уже гораздо более крупное значение как место встречи преимущественно русских торговых людей. Об этом свидетельствует тот факт, что Иван III, имея, вероятно, в виду ослабить князей Прозоровских, распорядился съезсти торг с Холопья городка на Мологу, «и тот торг торгует на Мологе, съезжаясь»⁷⁸. Но в вотчине князей Прозоровских «у Бориса и Глеба на Старом городище Холопье» попрежнему шел большой торг «о Борисе дни и по вся празники и по вся дни». Приказчики князей Прозоровских «лавки ставили и торги чинили и торговых людей торговати к себе принимали и иным людям с ними торговати давали». Кроме обычного повседневного торга, в праздник местных патрональных «святых» Бориса и Глеба, которым здесь была посвящена церковь, устраивалась большая ярмарка⁷⁹.

«На Холопье к ярманке» собирались продавцы и покупатели с разных сторон государства. Сюда приезжали не только монахи и слуги соседнего Кирилло-Белозерского монастыря⁸⁰, но и «гости и торговые люди со всяким товаром» из близлежавшего верхнего Поволжья — «ярославцы, костромичи, угличане» — и торговые люди из далекого Переяславля-Залесского; в 1548 г. была подтверждена жалованная грамота Василия III тамошнему Данилову монастырю с разрешением посылать монастырских старцев, слуг и купчин для покупок и торговли «на Мологу в Холопельском торгу»⁸¹. На Холопьем можно было приобрести тверские ложки, что говорит о связях с Тверью⁸². Из Каргополя на ярмарку привозили соль⁸³. Такой широкий прилив торговых людей дал повод для фантастического утверждения Штадена, будто купцы 70 русских городов были принудительно приписаны к ярмарке Холопья городка.

Единственная известная запись покупок Кирилло-Белозерского монастыря на Холопьем городке (1567) показывает разнообразие русских товаров, которые предлагались «на Холопельском торгу»: тут и всевозможные сорта кож — телятины череншные, боранцы, олененки, и крашенины, и всевозможные железные изделия — замки нутряные и висячие, гвозди тесовые и малые подпятные и колодные, и «деревянные ставцы и

⁷⁶ РИБ, т. XXXII, № 182.

⁷⁷ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 124.

⁷⁸ СГГид., т. I, № 150.

⁷⁹ ААЭ, т. I, № 269; С. Шумаков. Угличские акты. V. Мировые, № XXXII.— «Чтения ОИДР», 1899, кн. 1.

⁸⁰ ЛОИИ. Описание А. И. Андреева, I, № 165, 1546 г.; РИБ, т. II, № 47, 1591 г.; Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. XCVI, 1567 г.

⁸¹ В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад. 1908, прилож., стр. 25. В книге грамота датирована ошибочно 1549 годом.

⁸² Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. XCVI.

⁸³ ЛОИИ. Описание Андреева, № 165.

ковши питии и ложки тверские, и нити всякие, и иглы, и снасти седельничьи, и краски — желть и белила»⁸⁴. Сам Кирилло-Белозерский монастырь торговал на Холопьем привозной из Каргополя солью⁸⁵.

Трудно сказать, насколько обоснованы известия иностранцев, будто на Холопий городок заезжали иноземные купцы. Но здесь во всяком случае продавались иностранные товары, вероятно, доставлявшиеся не самими иностранцами, а русскими перекупщиками. Так, в 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел на Холопьем ладана, темьяна, вина церковного, янтаря, ртути, киноvari и олова, т. е. такие товары, которые получались из-за границы.

Крупные размеры торговых оборотов на Холопьем побудили правительство организовать здесь таможенную для сбора тамги, мыта и перевоза⁸⁶.

На торгах Холопьевого городка сказалась с особенной силой неблагоприятная сторона развития товарно-денежных отношений в условиях феодального строя. Рядом с ним в вотчине могущественного церковного феодала — московского Симонова монастыря — в Веси-Егонской открылся торжок, который, однако, не мог конкурировать с Холопьем городком. После длительных переговоров Симонов монастырь добился от князей Прозоровских в 1563 г. закрытия торгового на Старом Холопьем городище. Однако фактически это соглашение не вошло сразу в жизнь, так как в 1567 г. торговля еще шла на Холопьем. Дальнейшая судьба холопенского торгового не вполне ясна.

В завещании Ивана IV еще говорится о «Холопье, что торг на Мологе», который был завещан вместе с Угличем его старшему сыну Ивану⁸⁷. Таможня на Холопьем упоминается еще в 1591 г. Но в XVII в. уже нет никаких упоминаний об этом некогда процветавшем торжище. Вероятно, интервенция начала XVII в. и связанное с нею разорение края нанесли ему окончательный удар.

Сменивший его «Петровский Веской торг» Симонова монастыря, т. е. ярмарка, собиравшаяся «в Петрово заговенье» в Веси-Егонской, не приобрел такого значения, какое имел старый торг в Холопьем городке.

Мы почти ничего не знаем о Важской Благовещенской ярмарке, игравшей исключительно большую роль в XVII в.

Из Антониева-Сийского монастыря в январе 1579 г. ездил на Вагу один старец и купил два сукна на 1 рубль без 4½ денег, веретище, две рубашки и два мешка, вся покупка «да и своя проесть» обошлась в 1 р. 11 алт. ½ д.⁸⁸; в 1581 г. был куплен на Ваге для монастыря мерин⁸⁹, и в январе 1589 г. — 300½ мер ржи на 60 р. 24 алт. Эти случайные записи позволяют все-таки сделать заключение, что Вага уже в XVI в. привлекала покупателей. В частности, здесь производилась довольно крупная торговля хлебом.

Особый характер имели ярмарки на северо-восточных окраинах Русского государства, где русские торговые люди приобретали продукты охотничьего и оленеводческого хозяйства местных народов. В Лампожню на р. Мезени приезжали самоеды (ненцы и энцы) канинские и пуштозерские «торговати с рускими» и привозили пушнину и олени шкуры.

⁸⁴ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. ХСVI.

⁸⁵ ЛОИИ. Описание Андреева, 1, № 146.

⁸⁶ РИБ, т. II, № 41; т. XXXII, № 182.

⁸⁷ ДАИ, т. I, № 222. В данном случае, может быть, имеется в виду тот же торг на Мологе, куда пытался Иван III свести торг с Старого Холопья городка.

⁸⁸ ЛОИИ. Сийск., № 1, л. 74 об.

⁸⁹ Там же, л. 119.

Торг здесь происходил два раза в год и был чисто меновым⁹⁰. Этой ярмаркой живо интересовались англичане, которым Лампожня была известна под искаженным названием Lampras. Другим местом торговли с ненцами был Пустозерский острог, куда, по словам проживавших там в 1611 г. англичан, зимой приезжали две-три тысячи самоедов (ненцев) и торговали с русскими, обменивая пушнину и рыбий зуб на сало, масло, толокно, сукна, котлы и кольчуги⁹¹. В среднем Приуралье пермяки ездили к волоку Тюменскому и на р. Сылву торговать с вогулами (манси).

Эти пограничные ярмарки втягивали в торговый обмен народы далекого Зауралья, так как ненцы, ханты и манси сами часто доставали пушнину для обмена на русские товары от своих соседей, живших далее на восток.

---

⁹⁰ ААЭ, т. I, № 204, 1545. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 55, 113.

⁹¹ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 117, 64—65, 75; «Recueil de Voyages du Nord», t. IV, 1732, Amsterdam, p. 511.

О Ч Е Р К VII

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В РУССКИХ ГОРОДАХ XVI — НАЧАЛА XVII вв.

Развитие товарно-денежных отношений в русских городах XVI в. сопровождалось углублением классовых противоречий. На этой базе разгоралась ожесточенная классовая борьба на посадах, признаки которой явственно наблюдаются уже в 40-х годах XVI столетия¹. Часто они выливались в настоящие городские восстания, по характеру ничем не отличавшиеся от городских восстаний середины XVII в.

Борьба в посадах в XVI — начале XVII вв. шла по двум линиям. Это, во-первых, была антифеодальная борьба «черных» тяглых людей города против феодального строя и господствующего класса феодалов. С другой стороны, разгоралась борьба между «низами» городского населения и выделявшейся из его массы кучкой богатых посадских людей.

Особенно обострилась борьба против феодального гнета в 1540-х годах в связи с засильем боярской верхушки в «несовершенные лета» Ивана IV, когда крупные феодалы торопились использовать свое «время» для обогащения за счет «черного» населения.

Как все классовые движения в средние века, антифеодальные выступления в городе теснейшим образом смыкались с таким же движением в деревне и развивались в связи с ним. При стихийном характере и локальности крестьянских войн и городских восстаний феодальной эпохи антифеодальный протест обычно направлялся не против всего класса феодалов, возглавляемого великим князем и затем царем, а против отдельных представителей феодальной власти, от которых непосредственно страдало население данного города или волости: в Москве — против лиц, управлявших от имени государя, в уездах — против наместников и их агентов.

Основная форма прямой эксплуатации посадского населения и черных крестьянских волостей со стороны феодалов выражалась в первой половине XVI в. в кормлениях. Во время боярского правления система кормлений получила особенно широкое распространение, и тяжесть ее усугублялась злоупотреблениями захватывавших власть вельмож и их клиентов и вассалов. В города и волости, отданные им в кормление, они наезжали с целой оравой слуг и холопов, из числа которых назна-

---

¹ Буржуазная историография, не уделявшая внимания классовой борьбе в историческом процессе, ограничивалась фактическим изложением отдельных восстаний в городах (нередко в крайне враждебном тоне) и даже не делала попытки вскрыть их классовое содержание. Советская историография сделала много для изучения городских восстаний XVII в. и, как будет показано, вскрыла классовый характер отдельных городских восстаний XVI — начала XVII вв. В целом мы не имеем до сих пор специальных исследований по этому вопросу.

чались все низшие агенты управления — тиуны, доводчики и прочие «пошлинные люди». На свои должности все эти кормленщики, во главе с самим наместником или волостелем, смотрели как на средство наживы, а на отданные им в управление города и волости — как на объекты самого беззастенчивого грабежа. «В тья же лета, — читаем в Псковской летописи, отражающей настроение псковского посада, — господу богу попушшу за умножение грех ради наших, были наместники на Пскове свирепы, аки львове, и людие его, аки зверие дивии до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, и разбегашася добрые люди по иным городом...»²

Та же летопись рисует и конкретные формы, которые принимали кормления. На первом месте стояли всевозможные злоупотребления в области суда, от которых сильно страдали посадские люди. «А князь Андрей Михайлович Шуйский [псковский наместник в 1539—1540 гг.], а он был злодей. Не судя его, писах, но дела его зли: на пригородех, на волостех старые дела наряжая, правя на людех ово 100 рублей, ово боле»³. Представитель той обездоленной части феодалов, которой недоступны были блага кормлений и оставалось только завидовать сидевшим на доходных местах «ленивым богатынам», Иван Пересветов писал еще резче — по его словам, кормленщики не брезговали даже ложными обвинениями: «А вельможи царския на городех и на волостех домышлялися лукавством своим и дьявольским прещением мертвых из гробов новопогребных выгребати... да того мертвого человека, рогатиною исколовше или саблею иссекиши, да кровию измажут, да богатого человека в дом подкинут, да исца ему ябедника поставят... да осудивши его неправым судом да подворье его и богатство... разграбят»⁴. Это обвинение косвенно подтверждается челобитной вятчан в 1540 г., в которой говорится, что в Слободском городке и в станах «иные де люди клеплют и убитыми головами под...ают (истлело)»⁵.

Но были и более простые способы обогащения — откровенные вымогательства и бесплатное использование труда: «А во Пскове мастеровые люди все делали на него даром, — пишет псковский летописец про того же «злодея» князя Андрея Михайловича Шуйского, — а большия люди подаваша к нему дары»⁶. Тут особенно характерно использование власти в отношении ремесленников, вредно отражавшееся на развитии товарного производства.

Для торгового и ремесленного населения посада не менее чувствительно было и вмешательство кормленщиков в торговлю. Иногда они выступали на рынке в качестве властных конкурентов посада. В Перми наместник, например, посылал на Волок-Тюменский, на Сылву и «в вогуличи» своих людей с пермскими всякими товарами, «а в кою-де пору, — жаловались пермичи в 1553 г., — наместничие люди в тех местех торгуют..., и наместничие люди пермичем торговати не велят дотоле, доколе они сторгуются своим товаром, и пермичем-де им в том убытки великие»⁷. В других случаях «лихие» наместники нарушали ход торговли своими вымогательствами, в результате чего, например, «пригороджаны не смели ездити во Псков»⁸.

² «Псковские летописи», вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 110.

³ Там же.

⁴ В. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов. М., 1908, стр. 66.

⁵ «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», М., 1909, стр. 56 (далее цитируется: «Уставные грамоты»).

⁶ ПСРЛ, т. III, стр. 304.

⁷ «Уставные грамоты», стр. 35.

⁸ ПСРЛ, т. III, стр. 304.

Бесконтрольное хозяйничанье кормленщиков приводило к бегству посадского населения и запустению посадов. Жалобам Псковской летописи вторит челобитная, поданная в начале 1550-х годов посадскими людьми Бажского уезда совместно с станowymi и волостными крестьянами: «На Шенкурье и в Вельску на посадах многие дворы, а в станех и в волостех многие деревни запустели от прежних... вожеских наместников, и от их тиунов, и от доводчиков и от обыскных людей» — в частности, потому, что «от того насильства и продаж и татеб» люди с посадов «разошлись по иным городам», а иные «безвестно разбрелись нарознь»⁹.

О запустении многих крестьянских дворов на посадах от «продаж и убытков великих», чинимых кормленщиками, мы читаем и в уставных грамотах, данных посадским людям и усольцам Соли Переяславской, и переяславским рыбаловам, и волостным крестьянам Устюжского уезда¹⁰. Бегство налогоплательщиков приводило к еще большему отягощению тех посадских, которые оставались на месте, так как «на достальных на посадских людех и на станowych и волостных хрестьянех... наместники и их тиуны корм свой, а праветчики и доводчики побор свой, емлют на них сполна»¹¹.

Само правительство в 1555 г. должно было официально признать, что «многие гради и волости пусты учинили наместники и волостели»¹².

Феодальный произвол, особенно усилившийся в малолетство Ивана IV, не мог не вызвать отпора со стороны посадов. Развитие товарно-денежных отношений способствовало сосредоточению в городах значительного числа торговцев и ремесленников и усилению социального значения посадов, благодаря чему протесты посадского населения приобретали все более отчетливый и внушительный характер. Наиболее скромной формой протеста было обращение с жалобой на действия наместников к верховному сеньору городов — великому князю. В Москву «от посадских крестьян» поступали «челобитья великие и докука безпрестанная, что наместники наши и волостели и праведчики и их пошлинные люди сверх нашего жалованья — указу чинят им продажи и убытки великие», — гласят царские уставные грамоты 1555 г.¹³ Иногда этот протест принимал характер внушительной демонстрации, как, например, весной 1547 г., когда в Москву прибыла из Пскова целая депутация из 70 человек с жалобой на наместника князя П. Турунтай-Пронского. Насколько это перепугало правящую верхушку, видно из той исключительной жестокости, с какой царь Иван расправился с псковскими челобитчиками¹⁴. Князь Турунтай-Пронский еще через полгода не чувствовал себя в безопасности и даже пытался укрыться в Литве от мести раздраженных посадских людей.

Но возмущение против притеснений феодалов принимало нередко гораздо более грозные размеры. Наиболее сильно оно проявилось в «возмущении великом», разразившемся в июне 1547 г. в Москве.

Внешним толчком для выступления «москвичей черных людей» послужил грандиозный пожар, истребивший большую часть Московского посада и тяжело отразившийся на беднейшем населении столицы. Гнев посадского люда сосредоточился на правящей группе феодальной

⁹ «Уставные грамоты», стр. 103.

¹⁰ Там же, стр. 113, 116, 120.

¹¹ Там же, стр. 103.

¹² ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 267.

¹³ «Уставные грамоты», стр. 113, 116.

¹⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 307.

знати, с деятельностью которой в глазах эксплуатируемой массы связывались все темные стороны боярского правления. После разгрома семьи князей Шуйских и устранения других возможных претендентов на власть, во главе правительства стояли с лета 1546 г. дядья царя со стороны матери — князья Глинские — конюший Михаил Васильевич и его брат Юрий Васильевич, а также их мать, бабка царя, Анна Глинская, вдова князя Василия Львовича, о большом влиянии которой на дела имеются прямые указания в летописи. Против семьи Глинских и была направлена вся сила восстания 1547 г. В народе говорили, «бутто ся Москву зажигали Глинских люди» и что Москва «погоре волхованием» старой княгини Анны, которая «вымала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила», а по другой версии — «сорокой летала» по городу. «А сие говорили черные люди, — поясняет официальная летопись, — того ради, что... от людей их (Глинских) черным людям насильство и грабеж, они же их от того не унимаху»¹⁵. Таким образом, классовый, антифеодальный характер восстания признается даже источником, исходившим из кругов правительства.

Под предлогом производства следствия о причинах, вызвавших пожар, бояре выехали на площадь перед Успенским собором, где собралась возбужденная и враждебная Глинским толпа. На вопрос, «кто зажигал Москву», из толпы закричали, что это сделала княгиня Анна Глинская со своими сыновьями и людьми. Присутствовавший при этом князь Юрий Васильевич Глинский пытался скрыться в соборе, но туда ворвались посадские люди и убили его; труп его выволокли на соборную площадь, а затем кинули «на Пожаре» (Красной площади), где обычно совершались казни государственных преступников. Двор князей Глинских был разгромлен, их людей перебили, причем пострадали многие дети боярские из Северской земли, которых по ошибке приняли тоже за людей Глинских. Княгиня Анна и князь Михаил Васильевич, которого считали «всего зла начальником», своевременно удалились из Москвы на «государево жалованье» в Ржеву и «крылись» по монастырям. Сам царь, не чувствуя себя в безопасности на своем дворе на Ваганькове, куда он перешел из загоревшегося Кремля, «утече» в свое загородное село Воробьево. Но толпа черных людей ходила и на Воробьево «с щиты и с сулицы», «якоже к боеви обычаи имяху», требовать выдачи князя Михаила и княгини Анны. Черных людей разогнали, а зачинщики были схвачены и казнены. Однако произвести широкое следствие власти, повидимому, не решились.

Июньское восстание привело к падению правительства Глинских. Князь Михаил Глинский был лишен звания конюшего. Но волнения улеглись не сразу, и, вероятно, в ноябре произошла новая вспышка, заставившая князя Михаила и его приятеля князя Турунтая-Пронского искать спасения в бегстве в Литву; за ними была послана погоня, и, вернувшись, они объяснили свой побег страхом «княже Юрьева Глинского убийства»¹⁶. Очевидно, в угоду «черным людям» дворы и «животы» князей Глинского и Турунтая-Пронского были конфискованы, а в декабре князь Михаил был отправлен в почетную ссылку на городскую службу в Васильев¹⁷.

¹⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я полов., стр. 456.

¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я полов., стр. 455—457; т. XX, стр. 470; т. XXII, I-я полов., стр. 526—527; т. IV, I-я полов., вып. 3, стр. 621; РИБ, т. XXXI.

¹⁷ О классовой борьбе в Москве в конце 1530-х — начале 1540-х годов говорят И. И. Смирнов («Классовая борьба в Московском государстве в первой половине

Московское восстание не было единичным явлением. В 1540-х годах по всему государству прокатилась волна городских волнений, свидетельствовавших об обострении классовых противоречий. Эти движения в основном носят тот же резко антифеодальный характер, как и в Москве, но в них проявляется и борьба внутри посада между его низами и верхами, о которой умалчивают наши источники, трактующие о московском восстании.

Первое по времени активное выступление посадских людей против феодальной администрации, отмеченное источниками, относится к зиме 1544/45 г. Оно произошло во время набега казанских татар на Владимирский уезд, когда московские воеводы безуспешно преследовали неприятеля до Гороховца и «не успе им ничего». Ввиду бездействия царских воевод «мужики гороховцы» вступили в бой («травились») с татарами и нанесли им поражение, а царского воеводу Фоку Воронцова хотели побить «каменiem» за то, что «с казанскими людьми не бились, их упустили»¹⁸.

Гораздо более грозные события произошли в 1547 г. в Опочке, где жители посадили «в крепь» пошлинника Салтана Сукина, который «много зла творяще». Потребовалась посылка войск для усмирения опочан: в Новгороде произведен был спешно набор «с щита по человеку с лошадыю»; двухтысячная рать пошла к Опочке под начальством дворецкого новгородского Семена Александровича Упина; участники восстания были сведены в Москву. Повидимому, в Пскове сочувствовали опочанам, так как летописец оправдывает их, говоря, что «на них бысть облесть» (т. е. наговор). Одновременно из Опочки к Москве свели каких-то «разбойников». Последнее известие дает повод думать, что выступление против великокняжеского пошлинника сопровождалось и движением социальных низов против богатой верхушки посада¹⁹.

Другой характер носила классовая борьба в Новгороде в 1546 г. В этом году здесь произошло столкновение между новгородским посадом и привилегированной группой богатых московских торговых лю-

XVI в.» — «Проблемы истории докапиталистического общества», № 9—10) и П. П. Смирнов («Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», т. I, стр. 104 и сл.). Но оба автора недостаточно четко определяют социальные группы, которые они имеют в виду. «Волнение великое», происшедшее в Москве в 1537 г. в связи с мятежом удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, когда «многие люди московские поколебались были», коснулось не столько посада, сколько феодалов, как видно из последовавших казней феодалов, поколебавшихся в своей преданности великому князю. Поэтому П. П. Смирнов неправ, относя московские события 1537 г. к «первым политическим выступлениям горожан посадских людей»; ошибка П. П. Смирнова явно вытекает из его концепции единства интересов поместной армии и посада, отклики которой чувствуются и в названной книге. Что касается вооруженного захвата Кремля Шуйскими и разгрома ими правительства Бельского в 1542 г., то мы имеем здесь яркий эпизод феодальной борьбы за власть, и попытка И. И. Смирнова (за которым следует и П. П. Смирнов) представить ее как восстание дворян противоречит всем известным по летописи фактам и мало убедительна: именно Бельский провозил политику централизации власти и ограничения произвола кормленщиков (последнее отмечено Псковской летописью). Зато П. П. Смирнов правильно признает, что в 1547 г. «настоящим поводом выступления черных людей, конечно, был не только пожар и чьи-то внушения, но также грабежи и насилия, которые при Глинских продолжались так же, как при Шуйских и при Бельских». Однако мысль о классовом антифеодальном характере восстания 1547 г., уже высказанную до того в литературе (С. Бахрушин. Иван Грозный. М., 1942, стр. 14—15; И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944; «История СССР» под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. Учебник для вузов, т. I. М., 1947, стр. 306—307), П. П. Смирнов не обобщил и не довел до полной четкости.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXII, 1-я полов., стр. 525—526.

¹⁹ ПСРЛ, т. IV, 1-я полов., вып. 3, стр. 621.

дей — сурожан, ранее переселенных в Новгород. Причиной столкновения было распределение обязанностей по поставке ратных людей для похода на Казань. В спорах с сурожанами новгородский посад не дал 40 пищальников. Правительство, как и следовало ожидать, приняло сторону богатого купечества: 25 «опальных» новгородцев были увезены в Москву, а имущество их конфисковано²⁰. Повидимому, аналогичный характер имели и вспыхнувшие в голодный 1544 г. волнения в Пскове: «промеж себя брань была велика во Пскове большим людем с меньшими». Обе стороны обращались с жалобами в Москву, отчего были «езды многие к Москве и деньги многие травили»²¹.

Имеются сведения о волнениях в Устюге в 1549 г. — «смутися людие града Устюга». Судя по очень скудным данным, притом известным нам в позднейшей обработке, восстание было направлено в первую очередь против верхушки посада: «воссташе друг на друга и много домов разграбили, многих и человек смерти предали». И в этом случае потребовалось вмешательство центральной власти, которая прекратила все «междоусобие»²².

1550 год ознаменовался и в Пскове вспышкой классовой борьбы. Здесь «рагоза и нелюбовь» проявилась во время пожара, охватившего значительную часть города: «меньшия люди начаша грабити богатых людей животы»²³.

Борьба против феодального произвола принимала массовый характер, захватывая и посады и крестьянство. От наместников, волостелей, праветчиков и их «пошлинных людей» в Москву посылались жалобы, что «им посацкие и волостные люди под суд и на поруки не даютца, и кормов им не платят, и их бьют»²⁴.

Яркую картину положения в стране рисует приговор 1555 г. о кормлениях: «Тако же тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их (кормленщиков) людем; и как едут с кормлений, и мужики многими иски отыскивают, и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша... И многие наместники и волостели и старого своего стяжания избышка, животов и вотчин»²⁵.

Народные движения 1540-х годов, и особенно восстание Московского посада в 1547 г., серьезно испугали феодалов. Иван IV, по словам одной летописи, «узрев множество людей», пришедших в Воробьево, «удивися и ужасеся»²⁶. Сам он на Стоглавом соборе, говоря о событиях 1547 г., откровенно заявил: «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». Но еще показательнее, если верить Псковской летописи, что он не решился сразу применить репрессии по отношению к восставшим «и не учинил им в том опалы», ограничившись наказанием «повелевших кликати» (т. е. зачинщиков)²⁷. Прерванное в начале июня следствие о псковских челобитчиках не возобновилось. Наиболее навлекшие на себя народный гнев — князь Михаил и Анна Глинские и

²⁰ Там же, стр. 618.

²¹ «Псковские летописи», т. I, М.—Л., 1941, стр. 111.

²² А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1888, стр. 47.

²³ ПСРЛ, т. V, стр. 308.

²⁴ «Уставные грамоты», стр. 103, 113, 116, 120.

²⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я полов., стр. 267.

²⁶ ПСРЛ, т. IV, 1-я полов., вып. 3, стр. 621.

²⁷ Такое известие имеется в 4-й Псковской летописи (ПСРЛ, т. IV, изд. 2-е, стр. 621). Оно как будто противоречит известию официальной Никоновской летописи, утверждающей, что царь, когда восставшие пришли на Воробьево, «повеле тех людей имати и казнити». Восставшие, очевидно, были силой разогнаны, но, возможно, что по окончании следствия («обыскав») новых казней не было.

князь Иван Турунтай-Пронский, который своими насилиями вызвал челобитную псковичей, как мы видели, «от страху княже Юрьева Глинского убийства» пытались с семьями бежать в ноябре в Литву²⁸.

В такой атмосфере был созван в 1549 г. так называемый «собор примирения». Основной задачей «собора» было, с одной стороны, оказать воздействие на представителей феодальной знати, чтобы впредь «от них и от их людей силы и обиды во всяких делех не было никоторыя», а с другой — добиться известного упорядочения местного управления. Несомненно, под влиянием антифеодальных городских восстаний и крестьянских волнений был установлен срок, в который «бояре ... все и приказные люди и кормленщики со всеми землями помирились во всех делех», и было приступлено к составлению типового текста уставной грамоты, определяющей точно объем обязанностей посадков и черносошных крестьян в отношении кормленщиков, и к пересмотру Судебника с целью устранить злоупотребления, допускаявшиеся при вершении судебных дел и в текущем управлении. Не случайно в Судебнике 1550 г. особенно тщательно были разработаны статьи о порядке исков к наместникам и волостелям и их людям (ст. 22—24, 75), о наместничьем суде (ст. 60, 62, 63, 64, 66—74, 95, 96). За исключением одной статьи о суде по холопским делам все это были новые статьи, заменившие краткий «Указ наместником о суде городским» Судебника 1497 г., и, несомненно, возникшие под давлением восставших городов и волостей. Этими мероприятиями была подготовлена полная отмена кормлений в 1555 г., обещанная еще в 1552 г. после победы над Казанью. В преамбуле к приговору об отмене кормлений необходимость такой реформы откровенно мотивировалась ростом движения в городах и волостях против кормленщиков.

Специально городов касалось изданное в 1550 г. Уложение о слободах, ограничивавшее права феодалов на устройство слобод на посадской земле и в окрестностях городов, — мероприятие, которое было уже в 1551 г. частично отменено под давлением церковных феодалов, но за целое столетие предвосхищало посадскую реформу Алексея Михайловича, тоже проведенную по требованию восставших в 1648 г. посадков.

Таким образом, в реформах 1550-х годов сказались, наряду с другими факторами, воздействие предшествовавших городских восстаний, которые наглядно показали опасность для самого класса феодалов господствовавшей до тех пор системы кормлений и необходимость государственной централизации для подавления народных движений.

Большую роль сыграл Московский посад и при проведении Опричнины Ивана Грозного в начале 1565 г. В решительный момент борьбы царской власти с феодальными магнатами московский посадский люд встал решительно на сторону центральной власти. Мы мало знаем о событиях в Москве, предшествовавших указу об Опричнине. Настроение посада было явно враждебно по отношению к боярству. Гости и купцы били челом царю, чтобы он их «на расхищение волкам не давал, наипаче же от рук сильных избавлял», и выражали готовность самим расправиться с мятежными вассалами Ивана IV: «а хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят». С своей стороны, Иван Грозный в своей грамоте к митрополиту, излагая причины своего «гнева» на высшее духовенство, феодальную знать и приказных людей, демагогически напоминал о событиях, ознаменовавших его «несовершенные лета», т. е. время боярского правления,

²⁸ ПСРЛ, т. XIII, 2-я полов., стр. 467; т. XXII. 1-я полов., стр. 527.

и снова пускал в оборот мотив «великих богатств», которые накопили бояре и воеводы, «жалованья государския кормленые держачи». Выступление посада и явно враждебная его позиция по отношению к боярству понудили феодальную знать, группировавшуюся вокруг митрополита Афанасия, капитулировать перед царем. К депутации, отправленной в Александрову слободу, за стенами которой Иван IV ждал ответа на свою грозную грамоту, присоединились «гости и купцы и многие черные люди»²⁹.

Затянувшаяся Ливонская война, потребовавшая неимоверного напряжения всех финансовых ресурсов страны, чрезвычайно тяжело отразилась на экономическом состоянии русских посадов. К концу царствования Ивана IV общее оскудение посадов было очевидно. В Коломне в 1578 г. числилось всего 32,5 жилых тяглых двора на 662 пустых, иначе говоря, «впусте» было 91,5% всего посада; в Можайске в 1595—1598 гг. на 205 жилых тяглых дворов приходилось 127 пустых дворов и 1446 заброшенных дворовых мест, иначе говоря, 89% посада было «впусте»; в Муроме в 1574 г. было 111 черных тяглых дворов жилых, 107 пустых дворов и 520 пустых дворовых мест, т. е. запустело более 84%³⁰. О запустении Пскова говорит тот факт, что в приходе Богоявления в Запсковье в 1557 г. числилось 700 дворов, а в 1585 г. «осталось только 30 дворишек, и то молотчие люди»³¹. Трепальни и мыльные варницы под городом были брошены. О том же деловым языком говорит челобитная богоявленских церковных причетников из Запсковья царю Федору в 1585 г., в которой они жаловались, что прихожане многолюдного некогда прихода «иные де разошлись от того великого оброку и платечи государевы подати»³². Д. Флетчер тоже объясняет упадок русской торговли тем, что «купцы и мужики... с недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами»³³.

Но самую разительную картину представлял в начале 1584 г. Новгород. На Софийской стороне из 1805^{3/4} тяглых дворов было только 94^{17/24} «живущих», т. е. около 94,5% было впусте. Такое же запустение наблюдается на Торговой стороне, судя по той ее части, описание которой сохранилось за 1583/4 г. Здесь из 550 тяглых дворов и дворовых мест отмечен только 31 двор живущих, что дает приблизительно тот же процент пустоты (93,4%). Запустение Новгорода падает главным образом на годы 1559/60—1582/3, т. е. на время Ливонской войны. За это время с Софийской стороны сошло, по подсчету О. Ф. Терешкевича, 1588 человек и с изученной им части Торговой стороны — 441, а всего 2029 человек из общего числа 2397, помеченных ушедшими и умершими с 1548/9 г.; иначе говоря, до войны Новгород терял, по официальным данным, в среднем около 18 человек, а в годы войны — 88—89 человек³⁴.

Одной из основных причин, приведших к разорению русских городов в годы Ливонской войны, был, несомненно, вызванный войною непосильный гнет государственных налогов и повинностей. «Купецкий же чин и земледелец всех,— писал князь Курбский в 1560-х годах,— днесь

²⁹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я полов., стр. 392—393.

³⁰ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 34, 36, 38.

³¹ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 8.

³² Там же, стр. 8—9.

³³ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 14.

³⁴ О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение В. Новгорода во 2-й половине XVI в.— «Юбилейный сборник статей студенч. ист.-этногр. кружка при Киевском ун-те», Киев, 1914.

зрим, како стражут, безмерными даньми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия мучими. И овы дани вземше, ины взимающе, о иных посылающе и иныя умышляюще. Бедно видение и умилен позор»³⁵. Как результат жесткой фискальной политики Курбский указывает бегство тяглецов: «таковых ради нестерпимых мук овим без вести бегуном ото отечества быти»³⁶. Действительно, из 2029 отсутствовавших в 1583/4 г. новгородцев, о судьбе которых имеются сведения, 514 человек сошли, «обнищав», или «безвестно», некоторые из них далеко — в Москву, в Псков, в Тверь. Кроме того, без точного обозначения годов сообщается: о 20 новгородцах, которые сошли, «обнищав», и «безвестно», о двух, которые сбежали в Псков, об одном, который, «обнищав», живет в монастыре, и о 15, которые, «обнищав», скитаются. Средством уйти от тягла было также пострижение в монахи или уход в стрельцы, о чем есть несколько указаний.

Играли известную роль и методы феодального управления, к числу которых относятся принудительный «вывод» жителей в Москву и в другие города. Таких случаев за указанные годы отмечено в Новгороде 26. На Новгороде отразился, хотя в гораздо меньшей степени, чем принято было предполагать, и карательный поход Ивана IV в 1569/70 г. На этот год падает 139 смертей — цифра, которую превышало только число умиравших в годы моровых поветрий.

К фискальному гнету присоединялись эпизодические причины, например, эпидемии. Из 1232 новгородцев, помеченных умершими, 127 умерли от поветрия.

Одной из сильнейших причин упадка городов были войны, которыми так богаты два последних десятилетия царствования Ивана IV. Если коломенский посад был почти совершенно уничтожен, то причиной тому был набег Девлет-Гирея, который сжег город. На благосостоянии Новгорода пагубно отразились близость к Ливонскому фронту. Даже скупая на подробности писцовая книга назвала одного человека, убитого немцами, и двух, умерших «в государеве посохе», т. е. на службе в военном обозе. Псков в 1585/6 г. хранил живые следы осады города Баторием. «После Псковские осады ... рыбные голомянные ловли опустели», ловить стало некому; «в королевской приход побиты, а иныя ... померли», «до осады в голомя выезжали ловити 90 неводов», а ныне «выезжают ловити неводов с пол-30», «а на иных де и на голомянных ловлях после осады и посямест литовские люди ловят»³⁷. В Запсковье у речки Меловицы под Хлебной горой стояла неотстроенной мельница, которую «сожгли литовские люди»³⁸. Несомненно, из-за войны перестали работать все 16 трепален, расположенные под Псковом³⁹, либо разрушенные во время осады, либо пришедшие в упадок вследствие прекращения вывоза через Нарву⁴⁰. Потеря Полоцка и прекращение сухопутного сообщения через западную границу привело к сокращению экспортной торговли так же и Смоленска⁴¹.

Наступивший в результате войны и связанной с нею жестокой фискальной политики феодального правительства хозяйственный упадок посадов способствовал усилению классовых противоречий и классовой

³⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 398.

³⁶ Там же.

³⁷ «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 7—8, 68, 77.

³⁸ Там же, стр. 7—8.

³⁹ Там же, стр. 68.

⁴⁰ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 14.

⁴¹ Там же.

борьбы в городах, которые нашли себе выражение в ряде городских движений в царствование Федора Ивановича.

Едва успел скончаться Грозный, и во дворце еще не был преодолен неизбежный при смене на престоле правительственный кризис, как в Москве вспыхнуло сильное восстание («иргоаг», по выражению Горсея)⁴². Восстал посад — the comminaltie, «gemeyn man», по определению иностранцев, «чернь», или «черные люди», по терминологии летописи. Но участие в волнении приняли и «ратные московские люди», т. е. стрельцы, тесно связанные хозяйственными интересами с посадскими людьми; примкнули также находившиеся в Москве дети боярские — рязанцы и других городов. Таким образом, состав восставших был тот же, что и в последующих восстаниях XVII в., что свидетельствует о неслучайности такого временного объединения различных социальных элементов. Очевидно, сила, с которой разворачивались посадские восстания, открывала возможность и другим слоям городского населения, не удовлетворенным правительственной политикой, выставить свои требования, опираясь на грозную московскую «чернь». Как всегда в средневековых восстаниях, отрицательные стороны режима персонифицировались в лице, возглавлявшем правительство. Таким в момент смерти Ивана Грозного был его фаворит Богдан Яковлевич Бельский, «от всего царска синклита первоближну ... при преславнаго царя Ивана очех ... превзлюблену же ему бывшу паче всех». В Бельском, как в свое время в Глинских, посадские люди Москвы видели главного проводника феодального гнета, от которого они страдали. За спиной Бельского стоял и шурин нового царя Борис Федорович Годунов, который с первых же дней воцарения Федора стал готовить себе путь к власти, но еще оставался в тени⁴³.

Размеры восстания испугали еще не окрепшее правительство, которое село в осаду в Кремле. Ворота были заперты, на стенах расставлена стража. Английский посол Горсей предоставил к услугам правительства своих слуг, вооруженных пистолетами. Толпа разгромила расположенный на Красной площади арсенал, завладела стоявшей на помосте близ Покровского собора царь-пушкой, обратила ее к Кремлю и хотела «выбити ворота вон». Новый царь выслал к восставшим бояр, принадлежавших к группировке, враждебной Бельскому и Годунову: своего двоюродного брата И. Ф. Мстиславского, дядю Никиту Романовича Юрьева и с ними дьяка Щелкалова, чтобы их «разговаривати и свою милость к ним сказать, что их возмуги нехто не по делу, хотя пролоти крови христианский», и выяснить, чем вызван их «приход в город». Классовое выступление «черных людей» носило, как обычно все народные движения феодальной эпохи, царистский характер. Возмущившийся посад требовал выдачи Богдана Бельского, обвиняя его в том, что он «изведе» царя Ивана и злоумышляет против царя Федора и боярских «родов». Со стен Кремля дали несколько залпов, и народ разбежался. Тем не менее, чтобы успокоить волнение, пришлось частично удовлетворить требования недовольных и выслать Бельского в Нижний Новгород, вдаль «от молв мира за наставшую о нем во царствии тогда бывшую крамолу»⁴⁴.

⁴² «Произошли шумные несогласия между дворянством и чернью» (Д. Горсей. Записки с Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 109).

⁴³ РИБ, т. XIII, стб. 317.

⁴⁴ Никак нельзя согласиться с мнением П. П. Смирнова, что в 1584 г. «чернь» выступает «лишь на поводу боярских родов», которые якобы возбудили «движение черных и служилых людей», и у московских гостей и торговых людей (указ соч., стр. 332—333); это априорное представление о характере московского восстания 1584 г. приводит автора к такому парадоксальному выводу, что именно бояре штурмовали Кремль («пушки, выставленные боярами против Кремля»). Не говоря о том,

Как и в 1547 г., городское восстание в Москве осложнилось борьбой в правительственных кругах. Движением воспользовалась родня царя со стороны его отца и матери, чтобы устранить новых людей и завладеть властью. Никита Романович Юрьев искал поддержки городских масс. Не чувствуя себя в безопасности в Кремле, где его окружали приспешники Годунова, он, по словам Исаака Массы, предпочел перебраться на свой двор в Китай-городе. Когда он под конвоем слуг выехал из Кремля, его сторонники из посадских радостно приветствовали его, провожали до дома и охраняли до тех пор, пока не улеглось волнение. С этого момента Никита Романович стоял у власти до постигшего его удара. Однако, устранив Бельского, дерзкого интригана, дядя царя не смог удалить царского шурина Годунова, гораздо более умного соперника. Борис, повидимому, тоже имел доброжелателей среди какой-то группы посадского люда, которые взволновались при слухах о грозившей ему опасности⁴⁵.

Хотя источники сосредоточивают внимание исключительно на анти-правительственной стороне восстания, в нем, несомненно, были и элементы классовой борьбы внутри самого посада. Об этом свидетельствует разгром лавок, о котором сообщает Исаак Масса.

Волнения в Москве улеглись не сразу. По всему городу ходили патрули стрельцов, «чтобы усмирять мятежников и поддерживать спокойствие»⁴⁶. Непокойное состояние Москвы заставило правительство поспешить с венчанием на царство Федора Ивановича, которое и состоялось 31 мая. Предварительно, чтобы укрепить положение нового государя, спешно был собран собор, который инсценировал избрание на царство наследника и молил его, «чтобы, не мешкая, сел на Московское государство и венчался царским венцом»⁴⁷.

Повидимому, сыск о лицах, замешанных в восстании, произведен был лишь спустя некоторое время, вероятно, уже после болезни Никифора Романовича, когда власть стала переходить в руки Бориса Годунова, который, по словам летописи, «мстя приход на Богдана Бельского..., поимати повеле и по городом и темницам разосла» многих посадских людей и участвовавших в восстании детей боярских⁴⁸.

Новый взрыв народного движения в Москве произошел весной 1586 г. и был вызван, судя по всему, новой сменой правительственных лиц. 23 апреля скончался номинальный глава правительства Н. Р. Юрьев; еще при его жизни Годунов успел разгромить группировку князя И. Ф. Мстиславского, ближайшего сотрудника Никиты Романовича. и теперь мог официально занять первенствующее место в правительстве.

Повидимому, появление во главе правительства столь одиозной

насколько неправдоподобно по существу и противоречит фактам утверждение, будто наиболее активной частью посада были не «низы» его, а верхи, и, тем более, что во главе «черни», штурмовавшей Кремль, стояли представители боярства,— такая трактовка выстуления посада в 1584 г. совершенно лишает его классового содержания.

⁴⁵ ПСРЛ, XIV, 1-я полов., стр. 35; И. Масса. Краткое описание Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 32—33; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 442 (ссылка на *Scriptores Rerum Polonicarum*, VIII, 1885, p. 174—175). Я расхожусь с Платоновым в трактовке дворцовой борьбы в 1584 г. Все известия одинаково говорят о соперничестве между Борисом Годуновым и Н. Р. Юрьевым. Легенда о «завещательном союзе дружбы» между Годуновым и Романовыми («Очерки», стр. 150) создана позднее с целью очернить Годунова, не постеснявшегося поднать руку на детей Никиты Романовича.

⁴⁶ «Hakiuyt. Voyages...», II, p. 270.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XIV, 1-я полов., стр. 35; «Hakiuyt. Voyages...», II, p. 269.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XIV, 1-я полов., стр. 36.

для посада личности, как ближайший приятель Бельского и виновник, как полагали, кар, посыпавшихся на участников восстания 1584 г., послужило толчком для нового выступления черных людей Москвы. Вскоре после смерти Никиты Романовича, в начале мая, правительство снова было вынуждено сидеть в Кремле в осаде от «мужиков» и «поставить стражу крепкую». Насколько перепуганы были правительственные круги, и насколько серьезны были их опасения, видно из того, что власти Чудова монастыря «для осадного времени» запаслись тремя фунтами свинца «на пульки»⁴⁹.

Дворцовые партии, стремившиеся удалить Годунова, и на этот раз пытались воспользоваться народным движением в своих целях. С устранением Мстиславского и его советников новому правителю «противляхуся и никако ж ему поддавахуся» князя Шуйские, во главе которых стоял популярный князь Иван Петрович, доблестный защитник Пскова от войск Батория. На их стороне был и митрополит Дионисий. Общая задача — свалить Годунова объединила по различным мотивам потомков удельных князей и посад: «московские торговые люди черные все стояху за Шуйских». Но приход черных людей к Кремлю, когда еще не был забыт подобный же эпизод, имевший место за два года перед тем, перепугал феодальную знать и заставил ее искать других, мирных путей. Решено было, под предлогом заботы о престолонаследии, ходатайствовать перед царем о разводе его с женой, сестрой Б. Ф. Годунова, и о вступлении его в новый брак «ради чадородия». В заговоре участвовали митрополит, Шуйские и «прочии от больших бояр и вельмож царевы полаты», а также наиболее состоятельные представители посада — «гости московския и все купецкия люди», надобно думать, тоже опасавшиеся эксцессов со стороны восставшей «черни». Все они «укрепишася между собою рукописанием», т. е. составили так называемую «одинашную грамоту» с обязательством не отступать от общего дела. Как известно, из этого замысла ничего не вышло.

В обстановке страха перед посадом становится понятной попытка враждовавших боярских группировок помириться, сделанная приблизительно в то же время по инициативе митрополита. Но когда при его участии обе стороны «взяша мир меж себя лестию», посадские люди заняли непримиримую позицию и отнесли явно враждебно к заявлению, которое сделал им князь И. П. Шуйский, при выходе из митрополичьих палат, о состоявшемся решении прекратить взаимную вражду. Из толпы «торговых людей», ожидавших на площади результата переговоров, раздались голоса: «помирились вы есте нашими головами, и вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть, да и нам погинуть». Действительно, правительство использовало сношения Шуйских с посадскими людьми, чтобы обвинить их в измене, будто они стали «на всякое лихо умышлять с торговыми мужиками», и после сыска разошлось их и их сторонников в ссылки. С «мужиками», примкнувшими к Шуйским, было поступлено гораздо круче. Гости московские — Федор Нагой (по другому известию — Голубь) и с ним еще шесть человек, «которые мужики воры такое безделье учинили», были казнены на Пожаре, а других разослали в города по тюрьмам и на житье. Казненного Голубя один из источников называет «большим гостем»; как видно из заявления русских послов, сделанного в Польше, ему и его товарищам инкриминировали участие в челобитной: «мужики, надеясь

⁴⁹ ЦГАДА. Собр. Мазурина, № 273, л. 131 об.; С. М. Соловьев. История России..., кн. 2, стб. 543.

на государственную милость, заворовали было, не в свое дело вступились, к бездельникам пристали», за что их казнили⁵⁰.

Как и в 1547 г., волнения в Москве не были единичным явлением в стране. Вскоре после московских событий, в июне 1586 г., имело место «сметение градских людей» в Ливнах⁵¹. В том же году у Соли Вычегодской произошло открытое восстание, направленное против Строгановых, которые вызывали против себя вражду горожан и как алчные представители богатого эксплуататорского слоя посада, захватывавшие в свои руки окрестные соляные промыслы и державшие посадскую бедноту в кабале, и, с другой стороны, как агенты царского правительства. Восстание приняло грозные размеры. Посадские люди «с города снаряд имали» и громили двор, в котором заперлись именные люди; один из них, Семен Аникиевич Строганов, был убит, и та же судьба грозила членам его семьи⁵².

В событиях 1586 г. далеко не все ясно. Мы даже не знаем точно их последовательности. Официозный «Новый летописец» более интересен ходом дворцовой борьбы, чем выяснением происходивших на посаде волнений. Он даже сознательно умалчивает об осаде Кремля, о которой мы узнаем случайно из других источников. Но несомненно, что правительство было серьезно обеспокоено настроением посада, чем объясняется не только жестокость расправы с «торговыми мужиками», но и ряд мероприятий, которые были приняты для улучшения положения посадских людей. На первом месте тут стоит «строение» посадов, к которому правительство, повидимому, приступило в 1588 г., тотчас после ликвидации «Смуты», связанной с именем Шуйских, и продолжало в последующие годы правления и царствования Бориса Годунова. Это «посадское строение», сопровождавшееся частичной конфискацией частновладельческих слобод и дворов на территории посадов, и пополнение посадского населения за счет переведенцев из дворцовых сел привели, несомненно, к укреплению экономического состояния городов и облегчению положения их тяглого населения⁵³. В результате мы наблюдаем спад антифеодального городского движения.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XIV, 1-я полов., стр. 36; А. Н. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 187; Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. 2, стр. 543.

⁵¹ ЦГАДА. Разр. архив. Родословные столбцы, № 44, л. 12. Приношу глубокую благодарность Е. Н. Кушевой, обратившей мое внимание на этот документ.

⁵² А. А. Веденский. Крестьяне Строгановы в XVI—XIX вв.— «Труды Тбилисского гос. ун-та им. Сталина», Тбилиси, 1939, т. X, стр. 29.

⁵³ См. П. П. Смирнов. Указ. соч., гл. III, § 1. Автор резко противопоставляет строение Твери князем Щербатовым в 1588—1589 гг. более радикальному строению других посадов в 1590-х годах и видит в этом две системы «посадского строения», из которых первую связывает с деятельностью боярского правительства первых лет царствования Федора Ивановича, а вторую — с именем Бориса Годунова, не считавшегося с интересами крупного боярства. Мне кажется это утверждение мало обоснованным, так как ни из чего не видно, чтобы князь Щербатов руководился какой-то устарелой инструкцией 1584 г., тем более, что Годунов фактически уже стоял во главе правительства после уничтожения группировки Мстиславского в 1585 г.

Примечание редакции. Свое возражение П. П. Смирнову С. В. Бахрушин обосновывает отсутствием инструкции у князя Щербатова, тогда как на самом деле это предположение об инструкции, которое делает П. П. Смирнов, не имеет существенного значения в его характеристике посадского строения. В действительности же между строением Твери в конце 80-х годов XVI в. и строением других посадов в царствование Федора и Бориса есть существенная разница. Тверь пополнялась за счет дворцовых крестьян, в других посадах возвращались беглые посадские люди и конфисковались у беломестцев слободы и дворы, населенные торговыми и ремесленными людьми (П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. т. I, стр. 160—188). В данном случае прав П. П. Смирнов.

Очень серьезные события произошли в мае 1591 г. в Угличе в связи с трагической смертью маленького царевича Дмитрия, заколовшегося в припадке эпилепсии. Дворянская историография, а за нею и буржуазная безоговорочно принимала тенденциозную официальную версию, выработанную при царе Василии Шуйском и узаконенную правительством Михаила. Она хотела видеть в убийстве угличанами царского дьяка Михаила Битяговского и других предполагаемых убийц царевича выражение преданности жителей Углича угасавшей династии Рюриковичей и вообще царской власти. Но гибель царевича, «набрушившегося» на нож во время игры в тычку, послужила лишь внешним толчком для очень сильного выступления Углицкого посада. Движущей силой восстания, завершившегося погромом «дьячьей избы» и убийством государева дьяка, были «посадские черные люди», «слободские люди» (жители пригородных слобод) и «с судов козаки» (т. е. работавшие на судах черноработчие), а также посошные люди, согнанные из уездов на «посоху», т. е. на государственную службу: «сбежал мир весь на все четыре стороны, «ажно в городе и на царевичеве дворе многие посадские и слободские и посошные люди и с судов козаки с копы и с топоры и с рогагинами и с колы»⁵⁴.

Движение было направлено в первую очередь против царской администрации. «Миром» убили дьяка Битяговского, его сына, племянника и людей, «а иных Михайловых людей Битяговского в тюрьмы посажали», побили «и иных дворян и жильцов», «миром же пошли все люди» на его двор и «Михайлов двор разграбили и, питье из погреба в бочках выпив, и бочки колотили»⁵⁵.

Очевидно, погром непопулярного московского дьяка был вызван не только подозрением в участии в предполагаемом убийстве царевича, — в нем отразилось негодование черных людей против видного представителя царской бюрократии, который к тому же озлобил и крестьянство своими требованиями посохи. Одновременно была разгромлена и «дьячьья изба» — административный центр Углича: «а у дьячьей избы сени и двери разломаны». «И я, Третьячко Десятого, — рассказывал впоследствии один из подьячих, — вшел в избы: ажно коробейка моя разломана, а вынято из нее государевых денег 20 рублей, что были приготовлены на царицин и на царевичев росход». Подьячим толпа грозила участью Битяговского: «вам деи от нас то же будет», и они «с того страху разбежались розно и в город ходити не смели». «Искали и хотели по тому ж убити» и другого представителя царской власти — городского прикащика Русина Ракова: «Чего де тебе здесь жити, того ж де дожидаяешься, что и тебя с теми ж побитыми людьми вместе положити с Михаилом Битяговским с товарищи», — кричали ему⁵⁶. Таким образом, направление восстания против феодальной администрации, в лице ее наиболее ненавистных посаду и крестьянам представителей, выступает вполне отчетливо. Агитация Нагих и участие в погроме дворни царевича лишь придали выступлению «мужиков углечан» своеобразную окраску. Царистский же характер движения является чертой, вообще свойственной народным движениям средневековья.

В угличских событиях с особенной яркостью отразилась и борьба внутри посадского мира между тяглой массой и «добрыми» посадскими людьми, против которых также направился гнев «мужиков». Верхушка

⁵⁴ «Дело розыскное 1591 года про убийство царевича Дмитрия Ивановича», пол ред. В. Клейна, М., 1913, стр. 29.

⁵⁵ Там же, стр. 26.

⁵⁶ Там же, стр. 29.

посада, тесно связанная с администрацией, участия в погроме не принимала: «а добрые люди с посадскими людьми не думали» и разбежались в минуту опасности. Трое из них были в деревне, и «как они слышали в городе шум великой, а в город и не пошли, и за ними гонило человек двадцать посадских для того, что они прихожи к Михайлу Битяговскому, и они де и по ся мест ходили по лесу, а в город итить не смели, что хотели их побить посадские люди». Трех других посадские люди действительно побили за то, что они «розговаривали» (т. е. старались успокоить) толпу, а одного бросили в тюрьму⁵⁷. Классовый характер углицкого погрома, «углецких посадских людей измена явная», был очевиден для правительства Годунова и в достаточной степени объясняет жестокость, с какой оно расправилось с «мужиками угличанами», которые «по своим винам дошли до всякого наказания».

События в Угличе 15 мая 1591 г. имели какие-то отзвуки и в Москве. Пожар, происшедший через несколько дней, 24 мая, вызвал толки о поджогах. Пошли слухи, будто виновником несчастья был всевластный правитель Годунов, стремившийся якобы отвлечь внимание населения столицы от судьбы наследника престола. Эти слухи, повидимому, распространялись Нагими, сильно скомпрометированными в углицком деле и думавшими воспользоваться пожаром, чтобы устранить Годуновых, подобно тому, как в свое время это удалось врагам Глинских. Правительство с своей стороны официально объявило виновными в поджоге самих Нагих, стакнувшихся с посадскими людьми: «то говорили мужики воры и Ногих Афонасья з братьею люди, то на Москве сыскано»⁵⁸. Волнения в «низах» московского населения произошли в июне того же года в связи с нашествием Казы-Гирея, но их характер остается неясным⁵⁹.

Повидимому, были основания опасаться, что волнения распространятся и на другие города. Не случайно через четыре дня после майского пожара правительство уже послало в Соль Вычегодскую грамоту, предупреждавшую о возможности поджогов в других городах и предписывавшую самое строгое соблюдение антипожарных правил. Одновременно сообщалась версия о поджигательстве людей Нагих и «посадских мужиков». Очевидно, правящие круги были обеспокоены опасностью не только пожаров, но и тех волнений, которые они часто вызывали⁶⁰.

События 1591 г. были последними вспышками антифеодального движения 1580-х годов в городах. После этого наступает длительный период почти в 15 лет, когда не было открытых выступлений горожан. Безусловно сыграли роль и правительственные мероприятия по устроению посадов и более внимательное отношение к нуждам посадского населения, выразившееся, в частности, в значительной денежной помощи московским погорельцам из гостиной, суконной и черных сотен, несомненно, вызванное страхом перед ростом классовой активности посадков.

Голодные 1601—1602 гг. усугубили тяжесть положения посадских тяглецов. Изнемогавшие под бременем феодальных повинностей горожане связывали надежды на улучшение своего существования со сменой на престоле, с заменой непопулярного царя Бориса новым «хорошим» царем, какового они рассчитывали найти в лице мнимого сына Ивана Грозного. Едва из пограничных областей государства дошли первые слухи

⁵⁷ «Дело розыскное 1591 года про убийство царевича Дмитрия Ивановича», стр. 34.

⁵⁸ И. А. Голубцов. *Измена Нагих*. — «Ученые записки Ин-та истории РАН ИОН», т. IV, М., 1929, стр. 55—70.

⁵⁹ И. Массе. *Краткое известие о Московии в начале XVII в.* М., 1937, стр. 39—40.

⁶⁰ И. А. Голубцов, первый обративший внимание на значение указанной грамоты для понимания событий 1591 г., классовой стороны этих событий не коснулся.

о «царевиче», объявившемся в Польше, как в Смоленске «в посадских деи в всяких людях чают шатости, говорят деи пошепто[м] посадские люди только деи будет тот възпря[нет] царевич Дмитрий, и им деи против его и стоять нечего»⁶¹. С этого момента имя царевича Дмитрия надолго останется для посадских людей, как и для крестьян, лозунгом борьбы против 'засилья феодалов.

Насколько реальной была для правящих классов опасность, таившаяся в антифеодальных настроениях посада в конце XVI—начале XVII в., показали события 1605 г., когда судьбу династии Годуновых в последнюю минуту решил Московский посад.

Еще при жизни Бориса Федоровича народные массы столицы, подобно крестьянству, с нетерпением ждали прихода самозванца, ожидая от «хорошего» царя улучшения своего положения. «И радеюще его прихода к Москве,—повествуется современник о московских жителях,—егда слышат победу над московскою силою Борисовою, то радуются»; когда же получалось известие о поражении войск Лжедмитрия, то люди «прискорбни и дряхлы ходят, поникши главы»⁶². Борис только террором удерживал «низы» московского населения в повиновении. Но его неожиданная смерть и вступление на престол еще несовершеннолетнего Федора Борисовича сразу привели к ослаблению правительственной власти. Народ, по словам Исаака Массы, становился «все бесчиннее», так что «великий страх обуял двор»⁶³. Когда стало известно об измене Басманова и о переходе части армии, стоявшей под Кромами, на сторону Лжедмитрия, классовая борьба в Москве вспыхнула с необычайной силой. Тонкий наблюдатель, Исаак Масса отметил, что при первых слухах о появлении передовых отрядов Лжедмитрия «Москва загудела, как пчелиный улей: кто спешил домой за оружием, кто спешил на рынок, чтоб купить хлеба и соли и идти встречать [Лжедмитрия], дабы снискать милость». Царь, вдовствующая царица и бояре сидели в Кремле и «были полумертвы от страха». Когда известие о приближении неприятеля подтвердилось, правительство стало спешно принимать некоторые меры к обороне, но распоряжения властей исполнялись неохотно, при явном недоброжелательстве населения. «Я думаю,—пишет тот же Масса,— что все это [укрепление Кремля] делали для того, чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа (gemeyn реурел), который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или димитриевцев»⁶⁴.

Таково было положение в Москве, когда 1 июня в Красное село, богатый московский пригород, прибыли эмиссары Лжедмитрия Гаврило Пушкин и Наум Плещеев, принятые с восторгом «мужиками красносельцами». Во главе с посланцами Самозванца красносельцы двинулись к Москве. При известии, что «мужики изменили», идут на город, правительство послало им навстречу отряд стрельцов, но движение приняло такие размеры, что остановить его было уже невозможно. В Москве к восставшим примкнули московские посадские и даже некоторые служилые люди. «Миром» вошли в Китай-город и заполнили Красную площадь. С Лобного места Пушкин и Плещеев прочли во всеуслышание «прелестные грамоты» от имени мнимого царевича Дмитрия, в которых

⁶¹ «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.», М., 1912, № 147.

⁶² РИБ, т. XIII, стб. 38.

⁶³ И. Масса. Указ. соч., стр. 99.

⁶⁴ И. Масса. Указ. соч., стр. 104—105.

он сулил всевозможные милости населению столицы, в том числе «гостям и торговым лучшим и середним и всяким черным людям». Толпа бросилась в Кремль: молодого царя Федора Борисовича, его мать и сестру вывели «с бесчестьем» на старый двор Борисов, «государевы хоромы и царицыны пограбили».

Выступление против династии Годуновых вылилось в большое народное движение, направленное против господствующего класса: «миром всем народом грабили на Москве многие дворы боярские и дворянские и дьячьи». Пострадали в первую очередь родственники царя — Годуновы, Сабуровы, Вельяминовы, их самих перехватили и отдали «за приставов», «домы же их разграбиша миром: не токмо животы пограбиша, но и хоромы разломаша». Толпа ворвалась в Успенский собор, где служил патриарх Иов, приверженец Годуновых, фактически возглавлявший при них правительство; его выволокли из церкви и «по площади таская, позориша многими позоры». Движение вышло за пределы города: в уезде были разграблены подмосковные владения сторонников Годуновской династии: «в селех и в поместьях и в вотчинах все пограбиша»⁶⁵.

Москва только отражала происходивший во всей стране процесс нарастания антифеодального движения, усиливавшегося по мере того, как подымалась волна крестьянской войны.

Антифеодальное движение в городах попрежнему вызывалось притеснениями феодальной администрации. Воеводы, которые в начале XVII в. объединили в своих руках и военные, и судебные, и административные функции, при общем ослаблении созданной Иваном IV государственной централизации чувствовали себя не менее независимыми от центральной власти, чем былые наместники, и пользовались этим не менее беззастенчиво в своих личных интересах. В сущности восстановилась в полном объеме вся система кормлений, отмененная формально в 1555 г. Тяглецы черной слободы Переяславля-Рязанского жаловались на вымогательства местного воеводы, известного Прокопия Ляпунова: они «запасы многие на Прокофья делали... и дрова на Прокофьев двор секали, и кашу на Прокофьев двор варивали, и на вино солод дирали, и вино курили, и на винокурнях во всю в пять лет, и дворы на Прокофья ставили, и мосты к ево дворам мостили и по улицам и пруды около города прудили» и т. д.⁶⁶. В Пскове воевода П. Шереметев воскресил старую практику требовать от ремесленников бесплатной работы: «мастеровые люди даром делали на него всякое рукоделье», «без найму»⁶⁷.

Тяжелое положение посадов, испытывавших гнет феодалов, усугублялось в правление Василия Шуйского усилением государственного обложения, вызванным полным истощением казны. Как известно, волнения в Пскове начались в связи с предъявленным гостям требованием добровольных пожертвований, — «кто сколько порадует царю Василью». Этот якобы добровольный сбор с состоятельного купечества, гостей, превратился в своего рода обязательный налог на все население Пскова,

⁶⁵ ПСРЛ, т. XIV, 1-я полов., стр. 64—65; ААЭ, т. II, № 67, стр. 154; А. Попов. Изборник..., стр. 268, 328—329; С. А. Белокуров. Разрядные записи за смутное время 7113—7121 гг.—«Чтения ОИДР», 1907, кн. 2, стр. 2; кн. 3, стр. 201. Об этом эпизоде классовой борьбы в городе в начале XVI в. говорится в моей статье, напечатанной в «Ученых записках МГУ» за 1946 г. В том же году И. И. Смирнов в напечатанной в «Исторических записках» (кн. 20) статье «Предвестники восстания Болотникова» дал такую же трактовку событий 1605 г.

⁶⁶ «Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 г.», под ред. С. Б. Веселовского, М., 1911, № 11.

⁶⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 323—324.

«с больших и с меньших и со вдовиц по роскладу», что вызвало оппозицию среди части «меньших» и соответствующие репрессии со стороны правительства⁶⁸. В Переяславле-Рязанском, как заявляли посадские люди, приказные люди собирают в таможенной избе пошлины с товаров «мимо царского указа своим самовольным указом», «вдвоя и втроя». Жаловались они и на притеснения стоявших по их дворам рязанских дворян и детей боярских с семьями и слугами.

Раздражение посадских вызывали и многочисленные административные распоряжения властей, объяснявшиеся иногда условиями военного времени. Тяглецы Переяславля-Рязанского жаловались на то, что все повинности по обороне города Ляпунов возложил всецело на посад: «и городовые и острожные и всякие иные поделки делали, и рвы копали и раскатные башни делали и по ся места... и на городе и на остроге и на Прокофьеве дворе кораулы кораулим зиму и лето беспрестанна в день и в ночь»⁶⁹. В осажденном Смоленске посадский люд тяготился запрещением Шеина курить вино. «Нам де питье велено держать беспошлинно, а хто деи нас в тюрьму сажает, а тому де быть от нас без головы», — говорил посадский человек Иван Тиринов⁷⁰.

Крестьянская война, развернувшаяся с такой силой в царствование Василия Шуйского, захватила и городское население — явление, обычное в условиях феодального общества и отмеченное Энгельсом.

«Новый летописец» очень точно устанавливает движущие силы восстания Болотникова: «собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посацкие люди и стрельцы и козаки»⁷¹.

Заслуживает внимания, что ближайший сотрудник Ивана Болотникова Илейка Муромец, названный «царевич Петрушка», был выходцем из низших слоев посада. Незаконный сын муромского торгового человека, Илейка ряд лет служил «в седельщиках в лавках» у торговых людей, ходил «на судне в кормовых козаках» по Волге и в конечном итоге из Астрахани «вышел х козаком» «на Терку»⁷².

Классовые выступления в городах в связи с крестьянской войной приняли очень острые формы. Они нашли выражение в первую очередь в Москве, в которой, как в крупнейшем центре, явления, характерные для страны в целом, ощущались особенно сильно. Не успели убрать с Красной площади истерзанный труп Лжедмитрия, как фантазия «низов» московского населения уже связала с его именем свои чаяния прихода «хорошего царя». На воротах боярских дворов появились листы от имени «царя Дмитрия», в которых давалось знать, что он «ушел, и бог спас его от изменников», и призывалось «разграбить дома изменников». В воскресенье 25 мая, т. е. через несколько дней после гибели Самозванца, в городе вспыхнуло «страшное волнение», направленное против царя, бояр, стрельцов и иноземцев; всех их называли изменниками. Большая толпа собралась перед дворцом. «Если бы, — говорит присутствовавший при этом Маржерет, — Шуйский вышел из дворца или вся чернь собралась на площади, ему не миновать бы участи Дмитрия»⁷³. Подозрительный царь искал виновников «мятежа» среди боярства, но классовый характер движения не подлежит сомнению. «То меня хотите умертвить, то

⁶⁸ ПСРЛ, т. IV, стр. 322.

⁶⁹ «Акты подмосковных ополчений», № 11.

⁷⁰ «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.», № 113.

⁷¹ РИБ, т. XIV, 1-я полов., стб. 71.

⁷² РИБ, т. XXXV, стб. 140, № 69, II.

⁷³ Н. Г. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, т. I стр. 307—308.

вельмож и самых иноземцев, по крайней мере, думаете ограбить». Эти слова, вырвавшиеся, по утверждению того же свидетеля, у царя в минуту раздражения, меньше всего могли быть обращены к боярству. Правительство продолжало ожидать новых выступлений «черни», т. е. «низов» городского населения.

Как средство идеологического воздействия на массы, с целью прекратить слухи о подлинности убитого «царевича Дмитрия» и о том, что он жив, в Москву 3 июня были торжественно привезены из Углича «мощи» сына Ивана IV. Торжественная встреча произошла в очень неспокойной обстановке: ходили слухи, что «царя хотели побить камнями, когда он вместе с патриархом и с духовенством вышел за город на встречу гроба». Были какие-то сборища «черни», которая разошлась только под влиянием уговоров вышедших к ней бояр⁷⁴.

Известия о восстании на Северной Украине стали доходить до Москвы уже в конце июня и способствовали усилению волнений среди городских «низов» под влиянием подметных писем от имени Дмитрия. В правительственных кругах подозревали, что письма эти составлялись в самой Москве, и это давало повод для большого беспокойства. Начали спешно укреплять Кремль, разобран был даже мост у «крепостных» Фроловских ворот; эти меры предосторожности были, очевидно, направлены не против северских повстанцев, которые были еще далеко, а против низших слоев московского населения. Приблизительно к тому же времени (июль) относится высылка из Москвы в Новгород окольного М. И. Татищева, одного из самых деятельных участников убийства Лжедмитрия I, а также тех Годуновых, которые еще находились в Москве. Удаление из столицы «злодеев», которых считали врагами царевича Дмитрия, было сделано в угоду московскому люду, громко требовавшему их наказания⁷⁵.

Появление войск Болотникова под Москвой в октябре вызвало серьезные волнения в городе: ударили в набат, народ бросился с оружием в руках в Кремль⁷⁶. Московский посад разделился на два враждебных лагеря. Восставшим горячо сочувствовали «низы» посада, те «шпыни и безыменники», о которых в своих воззваниях писал патриарх Гермоген, и к которым, наряду с холопами, обращались призывы болотниковцев «гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити»⁷⁷. С другой стороны, «лучшие горожане» были, по словам современной иностранной записки, «в не меньшем беспокойстве, чем остальные» и совместно с боярами «употребляли все свое влияние и средства, чтобы поддержать и помочь государю». Беспокойство состоятельной части посада не было лишено оснований, так как, по отзыву того же источника, «простой народ... был очень непостоянен и готов к мятежу при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города»⁷⁸. В народе ждали только удобного момента, чтобы открыть ворота Болотникову⁷⁹. По городу уже ходили списки лиц, выдачи которых требовали восставшие; наряду с боярами в эти списки были внесены и имена «лучших горожан».

⁷⁴ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. I, стр. 307—308.

⁷⁵ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. II, стр. 177—178; И. Массе. Указ. соч., стр. 162.

⁷⁶ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. I, стр. 216.

⁷⁷ ААЭ, т. II, № 57.

⁷⁸ «Состояние Русского государства по смерти последнего претендента Димитрия», в пер. И. И. Смирнова.— «Исторические записки», кн. 13, стр. 302; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. М., 1951, стр. 554.

⁷⁹ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. I, стр. 217

Правительство не было уверено в лойяльности даже стрельцов, которых болотниковцы пытались «прельстить»⁸⁰. Страх господствующих классов перед «низам» московского населения был «почти так же велик, как перед врагом извне, и даже больше», — говорит автор названной выше записки.

Такие же явления наблюдаются и во время осады Москвы тушинцами. С самого начала осады правительство опасалось восстания в Красном селе, откуда в свое время началось движение против Годуновых; поэтому в 1609 г. здесь «для оберегания от воров изменников» был поставлен большой отряд воинских людей (910 человек) с артиллерией. Опасения имели свое основание, так как через некоторое время тушинцам удалось занять Красное село. В самой Москве было очень беспокойно, особенно, когда временно приостанавливался подвоз хлеба с юга и в городе начинался ощущаться голод: «на царя Василия приходяху шумом: докудова де в осаде сидети и такова гладу дотерпеги?»⁸¹ Уже в начале 1609 г. московские доброжелатели сообщали Сапеге, что «седенья на Москве будет немнога... а москвичи сидеть не хотят долга в осаде, на Москве обряд будет Шуйскому скоро»⁸². «Обряд Шуйскому» совершился не так скоро, как на это рассчитывали в Тушине, но когда в июле 1610 г. в Москве стало известно о поражении царских войск при Клушине, судьба «несчастливого» царя была решена. 17 июля в сходке за Арбатскими воротами, постановившей низложить царя Василия, участвовали гости и «торговые лучшие люди»⁸³. Через день произошли новые волнения: под влиянием инициаторов низложения царя Василия, боявшихся его возвращения к власти, «взволновались... всякия московския земския люди» и «стрельцы немногие» и, «самовольством собрався», насильственно постригли бывшего царя⁸⁴. Под «всякими московскими земскими людьми» надо, повидимому, подразумевать широкие слои Московского посада, более радикально настроенные, чем те гости и лучшие торговые люди, которые присоединились к решению, принятому дворцовой знатью и дворянством на сходке у Арбатских ворот.

Классовый антагонизм в Москве выявился с большой остротой в 1610—1611 гг., в период оккупации столицы польскими интервентами. В то время как боярство и верхи купечества (в лице «торгового мужика» Федора Андропова, которого Сигизмунд назначил казначеем), из узко классовых соображений и страха перед массами, поддерживали кандидатуру Владислава, видя в иноземной власти единственное средство подавить нараставшее антифеодальное движение города, — посад в целом («чернь», по выражению польских источников) с самого начала занял резко враждебную позицию по отношению к интервентам и предавшимся на их сторону боярам. Уже в то время, как под Новодевичьим монастырем шли переговоры между московскими боярами и польским командованием об избрании на русский престол Владислава, в Москве начались волнения среди «черни», которая уступила только «после продолжительных споров» с боярами, настаивавшими на кандидатуре королевича; но и после того, как избрание Владислава было санкционировано собором, представлявшим господствующие классы государства, и была принесена присяга новому царю, «чернь, — по словам Маскевича, —

⁸⁰ РИБ, т. XIII, стб. 100.

⁸¹ ПСРЛ, т. XIV, 1-я полов., стр. 89, 92.

⁸² «Сборник кн. Хилкова», стр. 50.

⁸³ А. Попов. Изборник..., стр. 346.

⁸⁴ С. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время... — «Чтения ОИДР» 1907, кн. 2, стр. 56.

болновалась, невзирая на присягу, и вступила с боярами в распрю, требуя перемены государя»⁸⁵. Пошли слухи, «якобы чернь хочет в Москву впусти-ти Тушинского вора». Все из того же страха перед народными массами Москвы бояре, «видя недовольство и изменчивость мира и народа», охот-но согласились на ввод в Москву польского оккупационного отряда; но когда в город прибыл пан Гонсевский для распределения квартир для войска, зазвучал набат, сбежался народ, и пришлось отложить вступ-ление польских войск в Москву. Волнения продолжались несколько не-дель, и боярскому правительству потребовалось много усилий, чтобы уговорить «мятежников», тем более, что сторону последних принял патриарх Гермоген, первоначально принявший кандидатуру Владислава, но затем отказавшийся от нее, опасаясь возможности ущерба для воз-главляемой им церкви от воцарения приверженца «латынской ереси». Когда, наконец, оккупационный корпус вступил в русскую столицу, то это произошло тайком, ночью, при свернутых знаменах, из опасения, что-бы москвичи не узнали о малочисленности войска.

Оккупация Москвы, глубоко оскорблявшая национальное чувство русских людей, была сопряжена с рядом стеснений, нарушавших хозяй-ственную жизнь столицы и особенно чувствительно отражавшихся на Московском посаде. В частности, повод для раздражения создавало по-ведение наемников Сигизмунда при покупках на рынке. «И купльству-ют не по цене,— жалуются современники,— отнимают силою, и паки не ценою ценят и серебро платят, но с мечом над главою стоят над всяким православным христианином, куплю деющим, и смертью претят»⁸⁶.

В Москве шла своеобразная партизанская война. «Люди ваши мо-сковские что над нашими людьми делали? — жаловался впоследствии королевский резидент в Москве Гонсевский русским послам.— Везде на-ших замаянт на посад в Деревянный город и в иные тесные места или, позвав на честь, давили и побивали, а пьяных извошки, приманя на сани, давили и в воду сажали». На торгу посадские люди бойкотировали иноземных оккупантов, продавали им продовольствие вдсятеро дороже или совсем отказывались продавать⁸⁷. Из-за цены товаров между мо-сковскими «черными людишками» и поляками на рынке то и дело проис-ходили столкновения, грозившие ежеминутно перейти в открытое вос-стание, которое и вспыхнуло 19 марта 1611 г.⁸⁸.

Движение московских посадских против оккупантов переплеталось с движением против феодалов, поддерживавших последних, и отдельных представителей богатого московского купечества, которые, как «торговый мужик» Федор Андронов, человек «от рода купецка», примкнули к оккупантам из своекорыстных интересов. Не случайно «Новая Повесть», обращаясь в первую очередь к Московскому посаду, обрушивалась с такой силой на «окаянного и треклятого» Андропова, на «злого человекоядного волка» боярина М. Г. Салтыкова и вообще на всех «землесъядцев и кри-вителей» бояр⁸⁹. Был случай, когда большая толпа ворвалась в Кремль, требуя выдачи Салтыкова, Андропова и дьяка Грамотина, и была удер-жана только немецкой стражей, служившей в польском гарнизоне⁹⁰. Бо-яре отлично отдавали себе отчет в опасности, какую представляло для

⁸⁵ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. II, стр. 46.

⁸⁶ РИБ, т. XIII, стб. 211—212.

⁸⁷ С. М. Соловьев. История России..., кн. 2, стб. 1082.

⁸⁸ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. I, стр. 134; ср. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 2, стб. 1082.

⁸⁹ РИБ, т. XIII, стб. 203, 213—214.

⁹⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. I, стр. 136.

них восстание посада против интервентов. Они и дали польскому командованию совет сжечь посад, чтобы ликвидировать восстание. «Мы действовали в этом случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимость сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться», — говорит Маскевич⁹¹.

В условиях оккупации классовая борьба внутри Московского посада не развернулась так явственно, как в других городах, где, наряду с борьбой против феодальной администрации, кипела борьба («начальное развращение», «нелюбовное житие») и между «меньшими» и «лучшими» слоями посадского населения. Эта борьба разразилась с исключительной силой в Пскове, где уже в 1606—1607 гг. проявилось «развращение велие»: «большии на меньших, меньшии на больших».

История псковского восстания, тянувшегося несколько лет, неоднократно была предметом описания, и нет поэтому надобности останавливаться на фактической стороне; но наличие в нашем распоряжении двух источников, вышедших из противоположных лагерей, позволяет с большой определенностью выявить черты, характерные вообще для городских восстаний той эпохи.

Наибольший интерес представляет «Повесть», включенная в так называемую 1-ю Псковскую летопись, напечатанную в IV томе Полного собрания русских летописей. Уже давно обращено внимание на то, что «Повесть» отражает настроения «меньших» людей псковского посада и враждебна господствующей группе гостей, «славных мужей и великих мянущихся перед богом и человеки», детям боярским и воеводскому управлению. Однако автор не принадлежит к радикальному течению среди восставших; он горячо осуждает террор в Пскове, явившийся по существу естественной реакцией на вмешательство новгородской администрации в псковские дела. Далеко не будучи сторонником царя Василия, он и тушинского претендента трактует как «вора». Зато он очень тонко устанавливает, мы бы сказали, классовые причины, вызвавшие «развращение» и «нелюбовное житие» в Пскове, и с большой четкостью проводит через все свое сочинение резкое противопоставление верхов и низов посада, вступивших между собой в борьбу и разорвавших Псков на две антагонистические стороны⁹².

Наоборот, повесть «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства» представляет собой откровенный памфлет против «мятежников и развратников», «кровопивцев» и проникнута сочувствием к «лучшим» людям, которые изображены «страдальцами» и «мучениками». Все события рассматриваются в плане трафаретного провиденциализма: «грех ради наших, богу попустившу». Написанная с большой страстностью, пышущая ненавистью к «невегласом и смердом», эта повесть далеко не так точна и обстоятельна, как предыдущая⁹³.

Н. М. Карамзин, изложивший в XII томе своего монументального труда историю псковского восстания исключительно по данной повести, всецело воспринял концепцию ее автора, вполне соответствовавшую его собственным классовым и политическим взглядам, и даже усилил своим изложением враждебную восстанию тенденцию, изобразив Псков «вертепом разбойников и душегубцев». Очевидно, в глазах дворянского историка стояли грозные картины пугачевского восстания, когда он с ненавистью описывал действия псковичей, которые направлены против

⁹¹ Там же, т. II, стр. 65.

⁹² Описание псковского восстания см. ПСРЛ, т. IV, стр. 322—329.

⁹³ «Повесть о смятении» — «Псковские летописи», вып. I, пригот. к печати А. Н. Насоновым, М — Л., 1941, стр. 134—140 (более раннее издание — ПСРЛ, т. III).

«невинных» «дворян и богатых купцов». «Кто мог бы,— восклицает он,— в сих исступлениях злодейства узнать отчизну св. Ольги, где цвела некогда добродетель человеческая и государственная!»⁹⁴.

Наоборот, буржуазная историография в лице С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и С. Ф. Платонова в основу описания псковского восстания положила 1-ю Псковскую летопись и на ее основании дала внешне более объективную картину событий и отметила «раздвоение» Пскова между «большими» и «меньшими», но классового характера восстания вскрыть не могла. Соловьев видел в столкновении антагонистических классов в Пскове лишь «остаток старины»; по его мнению, «после окончательного присоединения к Москве эта вражда должна была еще усилиться, по той причине, что псковские лучшие люди были выведены и на их место присланы другие из московских областей»; «разумеется,— прибавляет он,— что в спокойное время эта вражда не могла резко высказываться». В сущности это полное отрицание классовой борьбы как таковой — все события в Пскове рассматривать как результат случайных причин⁹⁵.

Костомаров в основном стоит на позиции Соловьева. Он отмечает наличие в Пскове «двух постоянно враждебных сторон» — «богатых и значительных» и «бедных и простых», отмечает и то, что представители царской администрации «держали сторону знатных и богатых гостей и сделались ненавистны мелким людям». Но причину восстания он видел не в классовой борьбе, а в том, что он называл «внутренними обстоятельствами общественной жизни Пскова», под каковыми он подразумевал «следы старой удельно-вечевой жизни». Как и Соловьев, Костомаров в своем изложении следует 1-й Псковской летописи, а победу «мелких людей» трактует как установление «господства черни»⁹⁶.

Тоньше других буржуазных историков разбирается в вопросе С. Ф. Платонов. Он отмечает сложность переживавшихся Псковом событий и участие в псковской «смуте» различных групп населения. «Городской тяглый мир Пскова,— говорит он,— искал у Вора защиты против владевших рынком капиталистов», а «пригородные» (т. е. стрельцы и крестьяне) «шли к Вору в надежде на более общие общественные перемены, указанные еще в листах Болотникова»⁹⁷. Но правильно сделанное наблюдение не приводит буржуазного историка к постановке вопроса о классовой борьбе как об основном содержании того, что он называет «смутой во Пскове и в его пригородах». Его интересует главным образом проявление в ней «обособленности псковской жизни», оторванности от «интересов Москвы». В происходившей в Пскове борьбе он видит выражение только «местных взглядов и чувств». Любопытно отметить, что в специальной монографии о «Сказаниях Смутного времени» С. Ф. Платонов совершенно обошел молчанием рассказ 1-й Псковской летописи, этот яркий памятник классовой борьбы, и ограничился ссылкой на Соловьева, который с своей стороны интересовался только степенью достоверности этого источника⁹⁸.

Впервые марксистско-ленинское понимание восстания в Пскове 1606—1613 гг. дал М. Н. Тихомиров в книге «Псковское восстание 1650 г.». В не-

⁹⁴ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. XII. СПб., 1829, стр. 124.

⁹⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 2, стб. 1001—1002.

⁹⁶ Н. И. Костомаров. Соч., т. II, СПб., 1904, стр. 332, 522.

⁹⁷ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 285—286.

⁹⁸ «Древнерусские сказания о Смутном времени XVII в.», СПб., 1913, стр. 428

скольких строках он очень отчетливо показал классовое разделение в Пскове и характер происходившей в нем классовой борьбы. Но, как он сам отмечает, подробное изложение псковских событий 1606—1613 гг. не входило в его задачу, и он ограничился лишь общей, правильной, но краткой их характеристикой⁹⁹.

И. И. Смирнов в статье «Предвестники восстания Болотникова»¹⁰⁰ относит рассказ псковских летописей о борьбе между «большими и меньшими» к числу «замечательных источников по вопросу о классовой борьбе в городах» в 1608—1610 гг., но хронологически восстание в Пскове выходит за рамки основной темы его капитального исследования о восстании Болотникова.

В псковских событиях 1606 г. и последующих годов отчетливо выявляется резкое разделение на две антагонистические группы «меньших» и «больших людей». В обеих повестях, отражающих взгляды названных групп, события эти показаны как борьба между ними — «большие на меньшие и меньшие на большие». Движущую силу псковского восстания составляли «меньшие» люди — «мелкие», по определению их классовых врагов, «буи народ несмысленный», «малодушный и неразумный», «мятежницы и развратницы», «кличницы, кровопивцы», «иже радовахуся крови и чюжаго имения». Источники позволяют точнее определить состав этих страшных «мятежников» и «кровопивцев». Это отнюдь не подонки городского населения, как можно было бы предположить по вышеприведенной характеристике. Говоря о жителях Пскова, сочувствующих тушинцам, автор «Повести», вошедшей в 1-ю Псковскую летопись, называет посадских людей, а в числе их противников — «больших и средних» людей, из чего можно заключить, что под меньшими людьми следует разуметь «молодых» посадских людей. Это были по преимуществу ремесленники: среди них мы встречаем Еремку сыромятника, Ильюшку мясника; возглавивший движение «мужик простой» Тимофей Кудекуша был по профессии «трепец» льна. Очагом восстания были пригороды Запсковье и Полонище, населенные мелким ремесленным людом, в то время как цитаделью «больших людей» был «Средний город», т. е. Кремль. К этим «молодым» людям псковского посада примкнули, как это бывало часто и до этого и после, во время городских движений, псковские стрельцы. «Псковичи — чернь и стрельцы», — так определяет состав восставших повесть «О смятении и междоусобии». Один эпизод, происшедший в августе 1609 г., хорошо рисует отношения между борющимися группами псковского посада и стрельцами. Стрельцы «не со всех думы», «своим самовольством» казнили видного псковского гостя Алексея Хозина. Эта казнь испугала часть колебавшихся псковичей, которые сочувствовали восставшим. Используя наступившую реакцию, «большие люди» прогнали стрельцов из города в их слободу, и «боящиеся стрельцов и мелких людей», «во Псков стрельцов не пушаша». Стрельцы укрепились за Мирожеею, их поддерживали жители Запсковья и Полонища. Дело чуть не дошло до открытой войны. Посадские люди, под влиянием паники присоединившиеся к «большим» (вероятно, «средние» посадские люди), вступили в переговоры с запсковлянами, убеждая их пойти на мир под условием «стрельцов в город не примати». Но те заявили: «нам де стрельцы не изменники; почто вы их в город не пушаете». На стороне стрельцов были и полонищане, которые не допустили, чтобы лучшие люди

⁹⁹ М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 24—25.

¹⁰⁰ И. И. Смирнов. Предвестники восстания Болотникова.— «Исторические записки», кн. 20.

применили в отношении к ним оружие. Вследствие объединения мелких людей со стрельцами гости, дети боярские и все, кто были с ними, в числе 300 человек бежали из Пскова, после чего стрельцов впустили в город¹⁰¹.

Сильную поддержку встретили псковские повстанцы в казаках, присланных в Псков правительством царя Василия. Но особенно характерно участие в восстании окрестных «поселян», т. е. крестьян, которые поднялись «чающе... от всех злых избавитца». Об этом совершенно определенно говорят обе повести. «Ратные люди стрельцы и козаки и мелкие люди и поселяне по крестном целовании хотяще накрепко стояти»,— говорится в «Повести», включенной в 1-ю Псковскую летопись. «Собрася буйй народ несмысленной и поселяне»,— читаем в другой повести. 1-я Псковская летопись дает совершенно точное определение движущих сил восстания, говоря, что когда «большие» люди отстранились от дел, они дали «волю мелким людем и стрельцом и козаком и поселяном во всем».

«Низам» посада резко противостояла группа «славных мужей и великих, мнящихся пред богом и человеки, богатством кипящих»,— «нарочитые града мужи», «большие люди», те «лучшие», которых доброжелательная к ним «Повесть» называет «добрыми людьми», «боголюбцами» и «страдальцами». Среди этих «больших людей» на первом месте стояли «гости псковские». Некоторые из них названы в повести поименно: Григорий Шукин, Алексей Хозин, Семен Великой, Иван Стойков, Никита Резанов. Из них Алексей Хозин известен нам как один из крупнейших торговых людей Пскова. В середине 1580-х годов ему в сурожском ряду принадлежал большой амбар, занимавший два лавочных места¹⁰²; в 1593/4 г. он занимал ответственную должность «Немецкого двора головы»¹⁰³, в 1604 г. он производил оценку драгоценных ювелирных изделий, привезенных на Немецкий двор «французской земли торговым человеком Батурамом Декаус»¹⁰⁴. Эти поручения давались Хозину, очевидно, потому, что он вел заграничную торговлю. Позже, в 1620—30-х годах, упоминается также гость Микула Хозин, который вместе с двумя другими псковичами держал «сверх откупных дву кабаков четыре кабаки». Любопытно отметить, что во время псковского восстания в 1650 г. названный выше Николай Хозин (Микула), как и Алексей в начале XVII в., был тоже убит. Другой из названных гостей, Никита Резанов или Резанков, был в 1604 г. таможенным головой в Пскове, что также свидетель-

¹⁰¹ Буржуазная историография внесла большую неясность в понимание эпизода со стрельцами, так как говорила о размолвке со стрельцами всего посада, не учитывая классового в нем расслоения. Победе посадской верхушки способствовала паника среди средних слоев посада, которые «притакивали», по выражению летописи, меньшим людям «простотою» или по выгоде, но теперь испугались своеволия стрельцов. Иначе трудно объяснить кажущееся противоречие в рассказе летописи. Рассказ о столкновении реакционной настроенной части посада со стрельцами в 1-й Псковской летописи разорван эпизодом отказа псковичей присягать Владиславу, что произошло значительно позже. Совершенно очевидно, что мы имеем дело со сшивкой двух или даже трех различных источников, так как рассказ «Повести» вдруг обрывается на словах о замыслах «больших людей», «как бы им изменити мочно»; затем следует вставка, отмеченная издателями IV тома ПСРЛ, о видении в Архангельском соборе в Москве, за нею известие о приходе 1 октября 1609 г. под Псков князя И. Мещерского с новгородским и шведским войсками, непосредственно связанное с событиями, последовавшими после 15 августа 1609 г., как они изложены в «Повести». Тут новая вставка фразы, начинающаяся словами «в то же время...»,— о присяге «королевицу литовскому Жигимонту (так!), после чего идет продолжение оборванного описания событий в Пскове из «Повести».

¹⁰² «Сборник МАМЮ», т. V, стр. 17.

¹⁰³ Прик. дела ст. лет, 1655 г., № 66, л. 14.

¹⁰⁴ «Сборник МАМЮ», т. VI, М., 1914, стр. 14—15.

ствует о его богатстве. Семья Великих в конце XVI в. точно так же принадлежала к наиболее состоятельным в Пскове: в 1580-х годах в сурожском ряду находилась лавка Григория Васильева Великого¹⁰⁵. Таким образом, социальная физиономия гостей определяется довольно явственно как наиболее богатых представителей псковского купечества. Тесно связанные с феодальной администрацией, они навлекали на себя гнев и ненависть посадской мелкоты и как жадные ростовщики, державшие в кабале свою меньшую братию, и как агенты правительства, проводившие в жизнь разорительные для рядовых посадских людей мероприятия государственного фиска. Из эгоистических классовых выйгод они поддерживали феодальную администрацию и использовали ее для удержания в повиновении посадской бедноты. Их обвиняли в том, что они Шереметеву «во всем льстили и потакивали, а на мелких наносили и обиду чинили».

Толчком для псковского движения послужил именно сбор «казны», который производили гости. Движение было направлено в первую очередь против «богатством кипящих» гостей. Началось оно с того, что «воссташа всем Псковом на гостей» и по требованию посадских были брошены в тюрьму названные выше семь человек. Их обвиняли в том, что по их доносам было задержано в Москве несколько человек, «народи похваташа лутчих людей, гостей, и пометаша я в темницу».

Под давлением восставшего посада воевода П. Н. Шереметев писал в Москву с просьбой отпустить арестованных там псковичей, потому что «за тех людей гости посажены в тюрьмы и смятение велико во Пскове о том за них, а они не будут во Пскове, и гостем быти побитым на против их». По мере того как развертывались события, гостей подвергали различным репрессиям — заключали в тюрьму, пытали, имущество их было разграблено. Как указано выше, Алексей Хозин был даже казнен, и, возможно, что это был не единственный случай казни гостя.

Внутрипосадская борьба меньших против верхушки посада осложнилась борьбой против феодальной администрации и поддерживавших ее дворян. Горожане восстали, потому что «воеводские неправды не претерпеша и грабления и обиды», «чающе... избавления... от властелинских всяких насильств». Враждебное отношение посадского люда к воеводскому управлению выразил автор «Повести» в 1-й Псковской летописи. Он говорит, что, пока в Пскове управлял один дьяк Иван Луговской с выборными псковичами, «иноземцы не совладели ни единым городом псковским, а совладели как воевод в Пскове умножилось и Псковщину пугу сотвориша и города поимаша». П. Н. Шереметев был ненавистен псковичам за то, что принуждал ремесленников работать на него даром, что он брал «мзды великие». Неприязнь к воеводе вызывал и его теснейший союз с «большими» людьми, против которых было направлено негодование рядовых псковичей и на поддержку которых он опирался; он «надеялся на больших людей во всем». В ходе восстания Шереметев был брошен в тюрьму и удушен. Таким образом, протест против воеводы как представителя тяжкого феодального режима переплетался с классовой борьбой против господствующей верхушки посада, которой он покровительствовал.

На стороне воеводы и тех же «больших людей» были и дети боярские и дворяне, «кои во Пскове остались». «Измена» детей боярских выразилась в переговорах с Новгородом и шведами о сдаче города в

¹⁰⁵ Там же, т. V, стр. 36, 114, 191, прим. 15, 17.

целях подавления восстания. Их не без основания подозревали в намерении соединиться с интервентами. С приближением правительственного отряда и шведов к Пскову псковичи отобрали у детей боярских лошадей, чтобы они не могли отъехать к врагам; у тех, кому это удалось, жен посажали в палаты и описали имущество. С этого момента «нарочитые дворяне», наряду с гостями, стали подвергаться преследованиям, тюремному заключению, пыткам и казням. Так, пытали Прокофья Окунева и брата его Михаила за то, что «был подо Псковом и вси псковские дети боярские». Этот Окунев принадлежал к видной псковской служилой семье, судя по тому, что сын его, Иван Прокофьев, в 1636 г. был воеводой в Ржеве Пустой в Заволочье и в 1641 г. в Гдове¹⁰⁶. Многие из детей боярских бежали из Пскова. Вместе с детьми боярскими действовали и дворовые люди воеводы и «владычни и монастырские», люди, т. е. военные слуги епископа и монастыря.

В союзе с «большими людьми» и детьми боярскими было псковское духовенство, как белое, так и черное: игумены, чернецы, священники, которые активно содействовали всем попыткам подавить движение. Можно даже сказать, что духовенство особенно сильно проявляло вражду к «меньшим» и в свою очередь вызывало глубокую ненависть с их стороны. «Игумены и попы», подобно «большим людям» и детям боярским, отказались признать тушинского царика; священник и дьякон церкви Николая с Усожи даже бежали к шведам, но священника задержали и подвергли пытке; пытали и других лиц «от церковного чина». Зато, когда временно восторжествовали «большие люди», духовенство проявило особенную жестокость: «сташа священники пытати на пытке накрепко во всегородней избе».

«Меньшие» восставали против притеснений и эксплуатации «больших», «в правде против их говорили о градском житии и строении и за бедных сирот». Представители господствующих классов обвиняли их в «лихоимстве», в стремлении поживиться за счет «животов» более состоятельных членов посада: «лихоимством разгорешася на чужде имение», «похичающие чужая имения». Действительно, во время восстания подверглось конфискации имущество дворян и богатых купцов, обвиненных в измене Пскову; вероятно, имели место и случаи грабежа, но есть указание на стремление ввести эти изъятия имущества в законные рамки. Так, у лиц, заподозренных в желании отъехать для соединения с шедшими для усмирения Пскова новгородцами, псковичи «животы переписали». Другое обвинение, которое возводилось на восставших, заключалось в том, что они отказывались признавать установленные правительством власти — «не хотяще под властью жити». В этом выразился антифеодальный характер движения. Псковский посад стремился добиться самоуправления — «быти в своей воли». Когда городом овладели тушинцы, управление взяли в свои руки выборные от посада старосты, во главе которых стал тушинский дьяк Иван Луговской.

«В те лета смутные воевод не было во Пскове, един был дьяк Ив. Леонов Луговской (присланный из Тушина), да посацкие люди даны ему в помощь и с теми людьми всякие дела и разные и земские расправы чинил». Кроме этого постоянного состава псковского правительства, в делах участвовали и некоторые особенно активные «посадцкие мелкие люди». Большое влияние имел в этом временном правительстве «мужик простой» Тимофей Кудекуша, трепец, «которому

¹⁰⁶ «Сборник МАМЮ», т. VI, стр. 363, 376, 351.

далось пуши всего». Он «и воеводам указывал и стоял крепко у пыток». Центром управления была «всегородная изба». Она объединяла не только посадских людей, но и стрельцов и даже крестьян. «Без городцкого ведома», «не со всех думы», т. е. без общего решения, никакие меры не должны были проводиться в жизнь. Фактически вся власть была в руках «меньших», так как «большие» либо были отстранены, либо сами устранились: «во всегородную не ходили, гнушались и смеялись и дома укrywались, и в совет показывали, и они не ходили и давали волю мелким людям и стрельцом и козаком и поселяном во всем». Важные вопросы решались с «общего совета», для чего созывались сходки по типу старого псковского веча по звону колокола: «а звонили в один край колокола, и соберутся всякия люди».

Так было организовано «смердье самовластье» в Пскове в эти бурные годы. Легко убедиться, что в основе лежало то же представление о самоуправлении, какое было высказано в 1650 г. в челобитной псковичей царю Алексею Михайловичу.

Во время псковского восстания в 1650 г. «всегородная изба» снова явилась административным центром Пскова. Возможно, что в этой организации следует видеть отзвук былой псковской «вольности»¹⁰⁷.

Любопытно, что и «большие» люди, завладев временно властью в Пскове, творили суд «во всегородной избе», которую возглавляли теперь священники, очевидно, как наиболее грамотные и влиятельные представители верхушки посада.

Таким образом, очень четко определились противостоявшие друг другу социальные группы в Пскове: поднявшие восстание молодые люди посада со стрельцами и казаками и, с другой стороны, «лучшие люди посада, дети боярские и духовенство, сплотившиеся вокруг воеводы. Это разделение проявилось очень отчетливо в отношении обеих групп к происходившим в стране событиям. Большинство псковичей отнеслось с большим сочувствием к присланным в Псков пленникам из войска Болотникова: «поили и кормили и одевали и плакали, на них глядя», видя в них, очевидно, страдальцев за народное дело. В тушинском царе, будто бы отличавшемся, по утверждению его доброжелателей, «всякою добродетелью и милостию... и добродеением всяким», псковская мелкота наивно хотела тоже видеть защитника народных интересов: «яко всем во Пскове дивитися всяким людям, слышаще доброе и милостивное ко всем человеком, яко слух наполняет во всех слышащих радость». Вместе с тем к Лжедмитрию обращались из опасения интервентов — шведов. Враждебная «меньшим» повесть «О смятении и междоусобии» присягу псковичей Тушинскому вору объясняет тем, что пронесся слух, «что немцы будут во Пскове»; «и тогда возмутишася вси... и целоваша крест вору ложно... и отложишася от Московского государства ложному царю»¹⁰⁸.

Наоборот, верхи посада и связанные с ними социальные элементы возлагали все свои надежды на Новгород, где вследствие присутствия М. В. Скопина-Шуйского с отрядом войск и шведского вспомогательного отряда попытки к восстанию были быстро подавлены и богатая верхушка посада занимала господствующее положение.

Как только началось «смятение», псковские воеводы послали в Новгород, «дабы прислали рати в помощь во Псков». Когда новгородско-

¹⁰⁷ М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г.

¹⁰⁸ Это подтверждается и менее вразумительным в данном случае рассказом второй повести.

шведский отряд действительно появился под Псковом, «игумены и священники и большие люди, дети боярские... по новгородцах хотяще соединитись, ратные люди стрельцы и козаки и мелкие люди и поселяне по крестном целовании (Тушинскому вору) хотяще накрепко стояти». Самый набег новгородцев и шведов не без основания приписывается призыву, шедшему от потерпевших поражение в борьбе с меньшими «нарочитых града мужей»: «а все по заводу детей боярских и больших людей, хотяще Псков отдати и кровь неповинную пролити». «Чтобы им мочно, и оне бы многих побили и с Новым городом и с немцами соединились заодно». Поэтому после ухода новгородцев начались преследования «добрых людей», которых псковичи обвиняли: «яко вы призвасте новгородцев на ны». Действительно, бежавшие из города псковские дети боярские впоследствии неоднократно приходили с вооруженными отрядами под Псков вместе с новгородцами и шведами. Таким образом, в Пскове, как и в Москве, имущие классы искали спасения в помощи иноземных интервенгов, а «низы» посада свою борьбу с классовыми врагами связывали с патриотической задачей борьбы за независимость родины. Когда Петр Шереметев, видя общее возбуждение в Пскове и добываясь, чтобы псковичи открыли ему, «что де у вас дума», пригрозил им, что немцы будут в Пскове, псковичи ему отвечали: «мы де немец не хотим и за то помрем»¹⁰⁹.

Попытки эксплуататорских классов Пскова опереться на богатых новгородцев, за спиной которых стояли шведы, свидетельствуют об ожесточенном характере классово-борьбы в Пскове и объясняют террор, к которому прибегали «меньшие люди». Многих «нужной смертию умо-риша, овых на колие поткоша, инем главы отсекоша, протчих различными муками мучиша и имение их поимаша». Особенно обострился террор, когда новгородцы со шведами подходили к Пскову: «бояр многих мучили и жгли и ребра ломали, понеже бояре ссылались изо Пскова в Новгород, и большие люди и священников пытали».

Но когда после казни Алексея Хозина, испугавшей более умеренную часть псковичей, взяли верх «лучшие люди» посада и «держали Псков игумены и попы и большие люди», установленный ими террор превзошел все, что имело место раньше. «Воссташа игумены и священники и большие людие и бояре» и побили «камением» семь человек, которых считали руководителями восстания псковичей, подозреваемых в участии в восстании, стали пытать «накрепко», «а иных по торгам кнутьем бити, а десяти человеком головы отсекли и в ров вметаша... и насажали полату мелких людей полну... И потом многи крови от них быша мелким людем и стрельцом и козаком».

Однако сторонники посадских богатеев не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы сохранить власть без поддержки извне. Овладев «городом», т. е. крепостью, и выгнав оттуда стрельцов, они фактически сидели как в осаде, так как стрельцы поставили в Завеличье около своей слободы острог, угрожавший городу. Весной 1610 г. пришла гра-

¹⁰⁹ Буржуазные историки снижают значение патриотической борьбы «меньших людей» против иноземной интервенции и видят в ней лишь проявление традиционной вражды к немцам. Соловьев пишет: «Едва младенец в Пскове начинал понимать, как уже существом своим враждебным представлялся ему немец» («История России...», кн. 2, стб. 852). Соловьеву вторит Костомаров: «Старинные распри и беспрестанные битвы с «немцами» еще не выдохлись из народных воспоминаний» (соч., т. II, стр. 334). Понятно, что не память о войнах с немецкими рыцарями, а опасность, какую представляла шведская интервенция для независимости русского народа, вызвала упорное сопротивление псковской бедноты шведской агрессии.

мота из столицы от царя Василия с извещением об отходе тушинского царика из-под Москвы, заключавшая «иные многие прелести и соблазны». Это известие воодушевило посадскую верхушку. Игумен, священники, бояре и гости заперли город. Дети боярские, монастырские слуги и «прочие помощники их и хлебосольцы» вооружились и сели на коней, «все скопишася». «И бе их видети множество вооруженных, конных и пеших, площадь и Кремль полон всяких чинов людей». Зазвонили во все соборные колокола, пели молебны о здравии царя Василия, поздравляли друг друга с избавлением от опасности, «здравствующе друг другу, целовахуся любезно» в надежде «мелких людей и до конца смирити и силою приводити, а непокоривых побити». Но «мелкие люди», «видевше же... погибель свою», объединились и призвали на помощь стрельцов. Поднялось Завеличье, Запсковье, Полонище и при поддержке стрельцов выгнали детей боярских, гостей и дворян владычных из города; кто бежал в Новгород, кто в укрепленный Печерский монастырь, «а многие по домом сохранилися до времени».

На этом обрывается рассказ 1-й Псковской летописи о внутренней жизни города, который является основным нашим источником. Повесть «О смятении и междоусобии» говорит, что с приходом в Псков самозванца Матюшки снова наступила реакция: арестованные были освобождены, а сторонники меньших «прияшу противу своим делом» (т. е. были наказаны), но та же повесть сообщает, что к Матюшке стали собираться «мнози, иже радовахуся крови и чюжого имения», т. е. те, кто боролся против засилья «больших».

В 1611 г. псковичи признали правительство подмосковных «таборов», возглавляемое князем Трубецким, и после освобождения Москвы жизнь в городе вошла в обычное русло, повидимому, без всяких резких потрясений. «Многое насилие и правож в кормех», которое все без различия псковичи терпели от банд Лисовского и других польских авантюристов и «лжецарей», вроде Матюшки, заставили их всех временно объединиться для борьбы за независимость родины.

Псковское восстание имело отзвук в Новгороде во время пребывания там князя М. В. Скопина-Шуйского, приехавшего для заключения договора с Швецией о присылке вспомогательного отряда царю Василию. Настроение среди «низов» новгородского населения было настолько ненадежным, что тотчас после получения известия о востром целовании псковичей Тушинскому вору из Новгорода бежали второй новгородский воевода М. И. Татищев и дьяк Ефим Телепнев, опасаясь убийства или выдачи тушинцам: «за злоумное совета своего народа множеством людей еже убити, ли связанем в Плесков им к наставшему тогда мучителю лжецарю отвестися». С ними, тоже под влиянием известий из Пскова, бежали М. В. Скопин-Шуйский и «многие люди».

После бегства большей части администрации в Новгороде наступило полное безначалие. Оставшиеся в городе воевода князь А. П. Куракин и дьяк Иван Тимофеев, автор известных мемуаров, из которых мы черпаем сведения о состоянии Новгорода в 1608 г., пребывали «от человек уничижени» и совершенно выпустили из рук управление городом. Все было предоставлено естественному ходу дела. По красноречивому выражению самого Тимофеева, — «владычества же и царюя тогда во граде всеми само живое слово божие премудрости, соблюдая и промышляя и содержа град». В «безначальном» городе классовая борьба приняла угрожающие для администрации и имущих классов размеры. В массах нарастало негодование на начальников, бросивших на произвол судьбы город; требовали вернуть их насильственно: «с нелепыми

кричаньями в безначальство вооружахуся,— говорит тот же Тимофеев,— еже гнати по них вопияху, инии же иная с воплем изношаху гласы». Но гнев народа был направлен не только против бежавших из Новгорода представителей царской власти. Господствующие слои новгородского посада — «избранни же, иже и богатая влагалница имуща» — опасались за свою жизнь, «да не от сонма людей растерзани будут за неугодное мирове от них словес изречение». Даже митрополит и «градоначальники» не в состоянии были «народа от вопля устави глас».

Из замысловатых выражений Тимофеева трудно понять, каким образом «житейское оно море велие воспеняемо... в тишину преложится». Можно только догадываться, что вернувшийся Скопин-Шуйский должен был для успокоения масс отдать им в жертву Татищева, который, по древнему новгородскому обычаю, был брошен в Волхов «в растерзание водоживотным»; его товарищ, дьяк Ефим Телепнев, тоже навлекший на себя, как видно из предыдущего, вражду новгородских «низов», спасся тем, что выступил обвинителем Татищева и «не мал советник и совещатель на убивство ево бысть». Насколько представители администрации были испуганы враждебным к ней настроением в городе, видно из того, что они всячески заискивали перед горожанами: «начаша обще творити о граде промышление со угождением людем, яко же обыкоша по согрешениях з боязнию творити, донележе впервые устребятся»¹¹⁰. Прибытие отряда шведских наемников позволило администрации подавить волнения.

Классовая борьба развернулась в царствование Василия Шуйского и в других городах. Классовый антагонизм отчетливо проявился в Ярославле в ноябре 1608 г. при получении известия о разорении тушинцами Ростова. Под влиянием этих грозных известий «из Ярославля де лутчие люди, пометав дома своя, разбежались, а чернь с князем Федором Борятинским писали в полки (тушинские) повинная и крест де целовали, сказывают, царевичу князю Дмитрию Ивановичу»¹¹¹. Весной следующего года, когда интервенты подошли под Ярославль и пытались взять большой острог приступом, один монастырский служка отворил ворота и впустил врагов. Из этого видно, что «низы» ярославского посада сочувствовали «царевичу», от которого ожидали облегчения своей участи. Наоборот, состоятельные лица боялись тушинцев, «сами на низ сбежали и животы и казну свою свезли»¹¹².

Краткость известий о волнениях, происходивших во многих городах в условиях еще не подавленной крестьянской войны, не позволяет делать определенные выводы о их характере. Можно только догадываться, что убийство окольного Б. Я. Бельского в Казани, И. М. Салтыкова в Новгороде связано не только с вопросом о признании того или иного претендента на престол, но и с гораздо более глубокими социальными причинами.

В общем итоге, начиная с 40-х годов XVI в. до освобождения Москвы от польской оккупации в 1612 г., мы наблюдаем почти непрерывный ряд городских восстаний, направленных как против представителей фео-

¹¹⁰ РИБ, т. XIII, стб. 418—428, 391—395. С. Ф. Платонов обратил внимание на то, что в Новгороде в 1608 г. начиналась «смута», и отметил, со слов Тимофеева, что «большие люди» стремились успокоить народное волнение, но, на мой взгляд, неправильно сузил значение этой «смуты», всецело поставив ее в связь с отъездом князя М. В. Скопина-Шуйского, как это делал Тимофеев, служивший Платонову источником, и не видел классовой основы ее.

¹¹¹ ААЭ, т. II, № 88.

¹¹² «Сборник кн. Хилкова», № 12, стр. 19.

дальной администрации, так и против эксплуататорской верхушки посада и являющихся по своему характеру предвестниками аналогичных городских восстаний середины XVII в. Картина роста городских движений именно во второй половине XVI в. явственно выступает по сравнению с предыдущей эпохой. За XIV—XV вв. летописи упоминают в Москве лишь три случая (в 1382, 1445 и 1480 гг.) выступлений посадских людей, всякий раз связанных с татарскими набегами. Попытки истолковать феодальные смуты в городе как движения городские, как это делается иногда, например в отношении событий 1356, 1537, 1542 гг., по меньшей мере лишены основания¹¹³. Если даже отнестись к умалчанию о классовой борьбе в городах в это время за счет тенденциозности источников и их краткости, то все-таки, очевидно, что она не выражалась в таких острых формах, какие мы наблюдаем позже, когда известия о городских восстаниях невольно прорываются на страницы не менее тенденциозных письменных памятников. Нарастание классовой борьбы в городах во второй половине XVI в. — не случайность. Оно свидетельствует о резком обострении классовых противоречий, вызванном процессом развития товарно-денежных отношений и связанными с этим изменениями в социальной структуре города.

Несмотря на краткость и случайность имеющихся в нашем распоряжении сведений, мы можем отметить характерные черты городских движений второй половины XVI — начала XVII вв. Движущими силами городских движений являются на первом месте «низы» посада — «меньшие» люди; к ним неизменно примыкают служилые люди «по прибору», служащие в гарнизоне стрельцы и казаки. Антифеодальные городские движения тесно связаны с проявлениями крестьянской войны; как и крестьянские войны, выступления посадских людей характеризуются стихийностью и локальностью; этим объясняется, почему они часто направляют удар не против господствующего классового режима, а против отдельных представителей его — местной администрации, местных богатеев; этим же объясняются царистские тенденции, проявляющиеся в городских восстаниях. Все эти черты с еще большей силой нашли выражение в городских движениях 1648 г. Стихийность и локальность ослабляли силу городских восстаний, тем не менее последние уже в XVI в. оказывали известное воздействие на политику феодальной власти, например в вопросе о слободах.

Особенно важно отметить, что у «низов» городского населения постепенно росло понимание реального смысла борьбы, которую они вели.

¹¹³ То обстоятельство, что в связи с убийством тысяцкого Алексея Хвоста вспыхнул «мятеж великий на Москве», и многие бояре бежали из Москвы, вряд ли дает основание говорить о выступлениях «черных людей», как это делает М. Н. Тихомиров («Древняя Москва», М., 1947, стр. 133); из контекста можно скорее предположить, что дело идет о феодальной расправе. Так же мало обоснована точка зрения П. П. Смирнова на события 1537 г. (см. выше). М. Н. Покровский совершенно произвольно высказывает мысль («Русская история», т. I, стр. 192), будто в 1542 г. «бесчинства во дворце производились, конечно, не самими князьями, а ворвавшейся туда толпой, «иудейским сонмищем», которое могло составиться из московских горожан». Это толкование, поддержанное И. И. Смирновым («Проблемы истории докапиталистического общества», 1935, IX, стр. 100), противоречит точным словам Царственной книги о том, что «бояре пришли... ко государю в комнату шумом» (ПСРЛ, т. XIII, 2-я полов., стр. 440). «Мятеж великий», происшедший в Москве по этому случаю, надо понимать в том смысле, что город был захвачен вооруженными бандами князей Шуйских, ворвавшимися в Кремль ночью, что не могло не вызвать смуты в мирно спавшем городе. Надо заметить, что слово «мятеж» в XVI в. отнюдь не означало обязательно массового восстания: дворцовые события в марте 1553 г. летопись тоже называет «мятежом» (там же, стр. 524).

Классовым содержанием проникнута «Повесть» о псковском восстании в 1-й Псковской летописи. Автор, отмечая разделение жителей Пскова на две стороны («стали люди двои псковскийи в размышлении всякие»), ищет причину этого в том, что «занеже наполнено мздоимания и грабленія всякого несыти, тем же и мир всколебаша всякими неправды и всякую правду выведоша вон из Пскова»¹¹⁴. В таких нескладных и тяжеловесных выражениях высказана мысль о том, что причиной раздвоения среди «людей псковских» была эксплуатация со стороны «грабленія всякого несытых».

---

¹¹⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 325

ПЛАН МОНОГРАФИИ

РУССКИЙ РЫНОК XVI — НАЧАЛА XVII вв.

1. Натуральное феодальное хозяйство в XV—XVI вв.
2. Ремесло.
  - а) виды ремесла, ремесленная продукция;
  - б) работа на заказчика (на его материале и на собственном) и на рынок; порядок оплаты;
  - в) наемный труд в ремесле (казаки); ремесленные артели; ученичество;
  - г) сельское ремесло:
    - 1) сельские ремесленники;
    - 2) крестьянские ремесла;
  - е) ремесло «прохожее».
3. Торговля.
  - а) торговля предметами питания; хлеб;
  - б) торговля промышленным сырьем;
  - в) торговля ремесленными произведениями;
  - г) место в русской экономике XVI — начала XVII вв. иностранной торговли.
4. Начало специализации районов.
  - а) металлургические районы (Новгород, Устюжна-Железопольская, Олонецкий край, Серпухов, Пермь, Вологда), Тверь (иглы);
  - б) районы сельского хозяйства (Смоленщина, Вязьма, Вологда);
  - в) кожевенное производство (?);
  - г) суконное производство (Можайск, Вологда, Троице-Сергиев монастырь);
  - д) районы льноводческие (Новгород);
  - е) районы деревообделочные (Тверь, Калуга, Троице-Сергиев монастырь, Кирилловский монастырь);
  - ж) районы солеварения;
  - з) рыба;
  - и) морские промыслы;
  - к) пушнина (Пермь, Сибирь, посредствующая роль Устюга).
5. Развитие торгово-ремесленных центров.
  - а) города, гостиные двory и ряды;
  - б) отношение к сельской округе, неполный отрыв от деревни;
  - в) сельские торжки и поселения городского типа в сельских районах; ярмарки.
6. Установление связей между районами.
  - а) обмен между районами (Вологда — Холмогоры, Москва — Поморье и Сибирь);

- б) роль скупщиков;
  - в) ярмарки и торжки:
    - 1) местные;
    - 2) общерусского значения; Холопий городок;
    - 3) пограничные ярмарки (Лотошино, Тагильский волок, Роговой городок);
  - г) значение сибирских колоний для развития товарообмена; роль Соли Камской, Соли Вычегодской и Устюга.
7. Местные рынки.
- а) рыночные связи больших монастырей;
  - б) рыночные районы больших городов по приходным книгам;
  - в) рынки больших городов:
    - 1) Холмогоры, Каргополь;
    - 2) Вологда;
    - 3) Новгород;
    - 4) приволжские и приокские города — неполные сведения о Твери, Угличе, Ярославле, Рязани, Костроме, Нижнем-Новгороде;
  - г) Западная Украина — Смоленск, Дорогобуж, Вязьма, Можайск, Калуга.
8. Москва.
9. Изменения в социальном строе городов в XVI в.
- а) втягивание в торговлю и ремесла вотчинного населения городов;
  - б) классовая дифференциация в городах:
    - 1) выделение верхушки (гости, лучшие торговые люди);
    - 2) образование «предпролетариата» (казаки, батраки, извозчики и т. д.);
  - в) классовая дифференциация в деревне;
  - г) усиление классовой борьбы.
10. Классовая борьба в русском городе.
- а) Вопрос о городских восстаниях XIV—XV вв.;
  - б) городские восстания XVI — начала XVII вв., городские движения 1540-х годов, Москва в 1564 г., московские движения 1580-х годов, сольвычегодское восстание против Строгановых, углицкое восстание 1591 г.;
  - в) городские восстания в первые годы XVII в.;
  - г) усиление политического значения городов в XVI — начале XVII вв.;
  - д) решающая роль городских движений в городских реформах 1550-х годов и в образовании Опричнины; собор 1566 г.;
  - е) роль Московского посада в избрании Бориса Годунова в 1598 г. и в свержении династии Годуновых в 1605 г.;
  - ж) роль Московского посада в избрании Василия Шуйского и его крестоцеловальной записи;
  - з) роль посадов в борьбе с польской интервенцией;
11. Крестьянская торговля.
12. Степень проникновения рыночных отношений в феодальное хозяйство.
- а) Недостаточность источников; монастырское хозяйство и его особенности;
  - б) степень товарности монастырского сельского хозяйства (продажа хлеба, скота и т. д., мельницы, сдача земель в аренду);

- в) ремесло в монастырском хозяйстве; ремесленное производство на рынок (Кирилловский монастырь и особенно Троице-Сергиев монастырь);
  - г) промыслы — торговля солью и рыбой (Николо-Корельский, Кирилло-Белозерский, Прилуцкий, Соловецкий монастыри) и их место в монастырском бюджете; «солевой добыток»;
  - д) зависимость от рынка;
    - 1) покупка сельскохозяйственных продуктов питания;
    - 2) покупка ремесленных изделий;
    - 3) покупка ремесленного сырья и инструментов;
  - е) зависимость от вольного ремесла;
13. Наемный труд в монастырском хозяйстве.
- а) В сельском хозяйстве:
    - 1) годовые оброчники, детеныши, дружинники и т. д.;
    - 2) сезонный труд;
    - 3) сдельный труд;
  - б) в монастырском ремесле, порядок найма и оплата;
  - в) в монастырском хозяйстве в целом (поварня и т. д.);
  - г) в промыслах.
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Маркс К. 55
Энгельс Ф. 55, 107, 221
Ленин В. И. 25, 55, 107, 152
Сталин И. В. 25, 157
- Абдулла, хан бухарский 181
Абрам, посадский человек 195
Аверкиев Никита 133
Аверкий (Оверка), крестьянин 65
Аверкий, семиозерец 67, 68
Аврамьев Кузьма Семенов 164
Адамс Клемент 87
Александр, старец 173
Александров Васюк 133
Алексеев Гаврило 162
Алексеев Кондак 133
Алексеев Мокей 91
Алексей Михайлович, царь 48, 210, 231
Алексей, ярославец 164
Алимпиев Авксентий 65
Алтабасов Алексей 179
Андреев А. И. 48, 56, 69, 126, 161, 201, 202
Андреев Богдан 28
Андреев Кузьма 76
Андреев Матвей 76
Андреев Михаил 44, 76
Андреев Тимофей 76
Андреев Юрий 170
Андрей, кузнец 73, 74
Андрей, ложечник 98
Андрей, протопоп см. Афанасий, митрополит
Андрей Васильевич, брат Ивана III 26
Андрон, крестьянин 67
Андронов Федор 223, 224
Анисимов Истома 111
Антоний Сийский 106
Анфим, сын протопопа Сильвестра 44, 76
Анфимий, ковшечник 118
Архип, кузнец 74
Арциховский А. В. 29, 30, 32, 33, 59, 60, 78, 79, 87, 88, 106, 142
Афанасий, митрополит (Андрей, протопоп) 172, 211
Афанасий, можаитин 82
Афанасьев Иван 76, 168
Афанасьев Семен 122
Ашурков В. Н. 57
- Баба, седельник 174
Бабькин Анка 160
- Бакалдин Никифор 119
Барберини 56
Басманов П. Ф. 219
Баторий см. Стефан Баторий
Бахрушин С. В. 25, 26, 29, 38, 208
Беззубов Василий 26
Белозеров Григорий 192
Белокуров С. А. 185, 220, 223
Бельские 208
Бельский Богдан, посадник 51, 213, 214
Бельский Б. Я., окольничий 234
Бельский Дмитрий, кн. 195
Беляков Михаил 127
Битяговский Михаил 52, 217, 218
Богдан Москвитин 137
Боголеп, старец 199
Богословский М. М. 108, 139
Богоявленский С. К. 35, 169
Богусевич В. А. 76, 164
Болотников Иван Исаевич 220—222, 224—227, 231—233
Борис Федорович Годунов 32, 33, 39, 49, 50, 102, 123, 124, 154, 164, 165, 184, 194, 213—216, 218, 219
Борисов Семен Синий Зуб 151
Борятинский Федор, кн. 234
Босковы см. Быковы
Брякунедов Лука 122
Буйносов Василий Иванович 76, 77
Буклев Михаил, 124
Булыгин Иван 135
Бушкарь Иван 72
Бushmanin Матвей 96
Быковы (Босковы) 110
- Вакута, замочник 59
Варзуга Иван 61
Варкоч Николай 82
Варлаам, митрополит 172
Варфоломеев Артемий 65, 67
Василий, мясник 195
Василий III, вел. кн. 114, 123, 144, 162, 164, 182, 194, 201
Василий Шуйский, царь 33, 53, 161, 217, 220, 221, 223, 225, 228, 233, 234
Василь, Хрестечник 118
Васильев Богдан 70
Васильев Григорий 121
Васильев Еремей 88
Васильев Иван 65
Васильев Кузьма 76, 77
Васильев Порошка 131

- Васильев Селиван 193
 Васильев Третьяк 65
 Васильев Тумаш 133
 Васнецов А. М. 186
 Васюк, калачник 122
 Вахрамеев И. А. 31, 158
 Введенский А. А. 52, 68, 160, 171, 184, 216
 Великие, сурожане 229
 Великой Григорий Васильев 229
 Великой Семен 228
 Вельяминовы 220
 Веригин Тимофей 195
 Веселовский С. Б. 50, 109, 110, 130, 159, 188, 220
 Витт Андрей 180
 Владимир, иконописец 106
 Владислав (Жигимонт), королевич 223, 224, 228
 Власьев Игнатий 65
 Воронцов Фока (Фома) 51, 208
 Вязгин Тарас 137
- Гаврила, бронник 118
 Гаврила, скотник 195
 Гаврилин Иван 179
 Гаврилов Илья 65
 Гаврилов Тимофей 113
 Гаврилов Ульян 65, 68
 Гадзяцкий С. С. 57, 58
 Гашук, коробейник 196
 Гельбам Филипп 180
 Герасим, старец 170
 Герберштейн С. 32, 44, 93, 96, 153, 161, 168, 171, 176, 201
 Гермоген, патриарх 222, 224
 Гиганов Тит 164
 Глаголь Семен Высокий 106
 Гладышев Иван 76
 Глазков Яким 128
 Глинская Анна, кн. 207, 209
 Глинские, кн. 208, 213, 218
 Глинский Василий Львович, кн. 207
 Глинский И., кн. 178
 Глинский Михаил Васильевич, кн. 50, 206, 209
 Глинский Юрий Васильевич, кн. 50, 206, 210
 Глухой Дмитрий 73
 Глухой Яков (Якун) 27
 Годунов Дмитрий Иванович 41, 129, 189
 Годунов Степан Васильевич 178
 Годунов Федор Борисович см. Федор Борисович
 Годуновы 219, 220, 222, 223
 Голик Кузьма 90
 Голощаповы 122
 Голубцов И. А. 218
 Гонсевский Александр 224
 Горончаров Кирилл Офромеев 166
 Горох Василий 160
 Грсей Джером 51, 213
 Горчаков П. И. 44
 Готье Ю. В. 35, 61, 78, 153, 176, 182
 Грамотин И. Т. 224
 Греков Б. Д. 26, 28, 30, 31, 38, 108, 111, 143, 154, 194, 208
 Григорий, иконописец 106
 Григорий, немчин 119
- Григорьев Андрей 134
 Григорьев Богдан 170
 Григорьев Прокофий 76
 Губин Дубас 94
 Гурий, старец 84
- Даниил, дьякон 169
 Данила, крестьянин 65, 67, 68
 Девлет-Гирей, крымский хан 114, 151, 154, 212
 Декус Батурам 228
 Дементьев Филипп 166
 Дерма Иван 173
 Дермин Посник 105, 173
 Дженкинсон А. 182
 Дионисий, архимандрит 143, 215
 Дионисий, дьякон 35
 Дмитриев А. А. 134
 Дмитриев Богдан 105
 Дмитриев Леонтий 61, 126, 127
 Дмитриев Посник 171
 Дмитрий (Митя), ложечник 98
 Дмитрий Иванович, кн., сын Ивана III 201
 Дмитрий Самозванец см. Лжедмитрий I
 Дмитрий, царевич 47, 52, 217—219, 221, 222, 234
 Добронравов В. Г. 39, 201
 Дон-Хуан персидский 82, 152
 Дорощка, кузнец 28, 60
 Доцанников Филипп 159
 Дрищев Федор 161
- Евсей, крестечник 118
 Евстафиев Никифор 64
 Евстафий, иконописец 106
 Екатерина, жена крестьянина Игнатия 65
 Елизавета, королева английская 46
 Емельянов Иван 136
 Емельянов Савва 180
 Еремей, сырмятник 227
 Ермак, крестьянин 94
 Ермолай, кузнец 73, 128
 Ермолин Недко 139
 Еуфимий, иконник 34, 106
 Ефим, ложечник 99
- Ждан, барышник 179
 Жданов И. Н. 50
 Жигимонт, королевич см. Владислав
 Жилинский Степан 128
 Жито Андрей 96
 Жмакин В. И. 170, 171
 Жоголев Семен 100
- Забелин И. Е. 33, 34, 60, 92, 163, 164, 169—171, 174, 179, 181, 183—185
 Заец см. Пирожников Игнат
 Замошников Федор 159
 Захарий, каменного дела мастер 167
 Захаров Захар 127
 Захарьин Федор с Луковца 73
 Зеха, мясник 121
 Злогость Ник 137
 Зорины 135
- Иван, архиепископ 28
 Иван, иконник 106
 Иван, кузнец 74

- Иван, плетник 166
 Иван, тверетин 63
 Иван, ученик 106
 Иван, сын Ивана IV 101, 202
 Иван Борисович, племянник Ивана III 26
 Иван Грозный см. Иван IV
 Иван III 25, 35, 43, 75, 114, 144, 166, 179, 201
 Иван IV, царь 33, 49, 50, 51, 53, 61, 68, 78, 87, 94, 101, 102, 114, 122, 129, 135, 150, 154, 158, 160, 162, 163, 165, 171, 175, 180, 191, 194, 202, 204, 206, 209—213, 220, 222
 Иванов Афанасий 166
 Иванов Бажен 180, 184
 Иванов Иван 113
 Иванов Савва, онежанин 68
 Иванов Федор 61
 Иванов Ширяй 116
 Ивша, кузнец 70
 Игнатий, колокольник 76, 168
 Иеремия, патриарх константинопольский 101
 Изюмов А. Ф. 33, 96
 Иконников В. С. 173
 Иларионов Василий 60
 Илья, мясник 227
 Илья Муромец (царевич Петрушка) 221
 Иов, патриарх 220
 Иосиф, игумен Волоколамского монастыря 28
 Иосиф, старец 47, 84
 Иосиф Сушиленный, подьячий 37
 Ирина Федоровна, царица 170
 Иринарх, священник 105
 Иринарх, старец 200
 Исаков Семен 86, 90, 111, 112
 Исидор, кузнец 73

 Кабазников Завьял 73
 Кадигробов Федор 163
 Казан-Гирей, крымский хан 218
 Калачов Н. В. 30—32, 50, 56, 91, 92, 114, 189, 191
 Калининковы 133
 Карамзин Н. М. 101, 162—164, 166, 170, 179, 180—182, 184, 216, 225, 226
 Карп, посадский человек 195
 Карпов Михаил 47
 Клементьев Истома 110, 112
 Клементьев Прокопий 110, 112
 Клементьев Степан 110, 112
 Киллингворд Георг 87
 Кильбургер И. 84
 Кипреянов Афанасий 59
 Кипреянов Никита 59
 Киприянов Антон 137
 Киприяновы 135
 Кирилов Фома 64
 Кисляков Василий 135
 Клейн В. 52, 217
 Клепиков Михей 137
 Клестов Андрей 133
 Клешкин Андрей Петрович 47, 114
 Клешнин Петр 195
 Клим, купец 155
 Ключевский В. О. 162, 163
 Ковыря, поп 61
 Кожанчиков Д. Е. 172, 173, 181

 Кожемякин Михаил 193
 Козлов Захарий 161
 Козырев Степан 195
 Колмаков Никита Иванов 90
 Колтовская Анна, вдова Грозного 61
 Кондратьев Бажен 140
 Константин, житель Сумского острога 66
 Константинов Патрикей 70
 Контарини А. 35
 Кордт В. А. 136
 Корев Максим 195
 Коровников Бессон 100
 Костомаров Н. И. 226, 232
 Костылев Игнатий 160
 Котов Степан 163
 Кошелев Григорий 128
 Кошелев Степан 128
 Кривошеин Влас Михайлов 131
 Кудекуша Тимофей 227, 230
 Куракин А. П., кн., воевода 233
 Курбский А. М., кн. 51, 211, 212
 Кушева Е. Н. 216

 Лагута, кузнец 26
 Ладын Иван 59
 Лазарев Тит 74
 Ларионов Антон 86, 90
 Лашук, крестьянин 196
 Лебедев В. И. 208
 Леневский Ларион 117
 Леонтий, мастер посошник 119
 Леонтий, старец 81
 Лжедмитрий I (Дмитрий Самозванец) 53, 179, 180, 219, 221, 222
 Лисовский Александр 120, 233
 Лиханов Козьма Дмитриев 163
 Лихачев Н. П. 26, 90, 92
 Лопухин Паисий 72
 Луговской Иван 229, 230
 Лукин Онисим 88
 Лукьянов Старко Тимофеев 128
 Лыко Федор 128
 Любич-Романович В. 56, 150
 Ляпунов Прокопий Петрович 220, 221

 Мазурин Ф. Ф. 28, 31, 34, 37, 39, 45, 69, 71, 75, 86, 97, 98, 104, 125, 126, 158, 163, 164, 166, 178, 184—186, 189, 199, 200, 215
 Майков В. В. 148
 Майков Л. Н. 191
 Макарий, епископ 33, 60, 101, 167
 Макарий, митрополит 172
 Максим, иконописец 106
 Максимов Иван 65
 Максимов Максим 117
 Малафиев Федор 135
 Маржерет Я. 221
 Мартын, крестьянин 67
 Марш Антон 163, 180, 183
 Маскевич С. 174, 182, 223, 225
 Масса Исаак 214, 218, 219
 Матвеев Яков 159
 Матюхин Иван 127
 Матюшка, самозванец 233
 Мухаммед (Махмер) 182
 Мелов Степан 122
 Мельдяшев Иван 44, 62

- Мельников Субота 122
 Меншик, плотник 27
 Мерзлинов Илья Васильевич 90
 Мерзляков Илья Васильевич 86
 Меховский М. 152
 Мещерский И., кн. 228
 Микула, железник 59
 Микулинские, кн. 114, 191
 Миллер Г. Ф. 44, 62
 Милюков П. Н. 123
 Минин Федор 65
 Михаил, кузнец 118
 Михаил, олончанин 89
 Михаил, протопоп 124
 Михаил Давыдович, кн. 201
 Михаил Федорович, царь 61, 124, 125, 132, 168, 184, 217
 Михайло Старый, поп 194
 Михайлов Григорий 90
 Михеев Максим 122
 Мотылев Нечай 194
 Мохирев Семен 99
 Мохирев Ситок 99
 Мстиславский Иван Федорович, кн. 49, 114—116, 178, 213—216
 Мустафа-Челеби, купец 181
 Мухаммед (Махмет)
 Муханов П. А. 32—34, 57, 58, 103, 171, 174, 175, 180

 Нагие, кн. 217, 218
 Нагой Афонасий 218
 Нагой Федор (Голубь) 215
 Найденов Н. А. 124
 Насон, старец 47
 Насонов А. Н. 153, 225
 Натан Андрей 180
 Невлянский Григорий 27
 Нечай, кузнец 74
 Немтеский, банкир 179
 Нератов Тимофей 70
 Нестеров Никита 28
 Нестеров Яков 67
 Никита Романович см. Юрьев Никита Романович
 Никитин Артемий 100
 Никитин Сергей 133
 Никитников Никита 152
 Никифоров Васюк 165
 Никольский Н. К. 28, 44, 56, 58, 60, 63—65, 67, 68, 70—73, 75—78, 82, 83, 85—87, 91, 93—106, 117, 126, 128, 162, 174, 178, 183, 196, 198—202
 Ногие см. Нагие
 Нос Иван Матвеев 164

 Оболенский М. А., кн. 161
 Обросим, посадский человек 195
 Оверка см. Аверкий
 Огафиев Фома 84
 Окатов Дементий 91
 Окатов Никон Демидов 66
 Оконничников Первой Исаков 121
 Оксан, кожевник 155
 Окунев Иван Прокофьев 230
 Окунев Михаил 230
 Окунев Прокофий 230
 Олферов Гаврило 179

 Олферов Иван 179
 Ольга, кн. 226
 Осипов Пимен 65
 Останя, иконник 106
 Офанасьев Иван 76

 Павлов Прокопий 140
 Паерле Ганс Георг 180
 Палецкий Семен, кн. 40, 188
 Пантелеев Данила 65
 Паня, кузнец 73
 Патрикеев И. Ю., кн. 26
 Перельман И. Л. 193
 Пересветов Иван 205
 Петля Владимир Захарьин 96
 Петр, кузнец 74, 128
 Петр, сапожный мастер 81
 Петр, новгородец 88
 Петр, серебряный мастер 119
 Петрей де-Эрлсунда 62, 90, 175, 176, 185
 Петров Мартин 170
 Петров Артемий 165
 Петров Иван 151
 Петров Никита 151
 Петров Родион 165
 Петрок Малый, фрязин 167
 Петрушка, царевич см. Илья Муромец
 Печейцын Елка 48, 56, 69
 Печейцын Матвей, торговый человек 48, 56, 69
 Пимен, архиепископ 76
 Пинай, кузнец 71
 Пирожников (Заец) Игнат 135
 Пирожников Семен 67, 193
 Питирим, игумен 83
 Плаксин Влас 193
 Платонов С. Ф. 211, 214, 226, 234
 Плещеев Наум 219
 Побойнин И. 143
 Покровский М. Н. 46, 235
 Пономарев Яков Васильев 110
 Попов Андрей Алексеев 193
 Попов А. Н. 216, 220, 223
 Порькин Онйей 159
 Посник, новгородец 98
 Прозоровские, кн. 40, 188, 201, 202
 Прокопий (Проня), каменщик 27
 Прокопий, новгородец 88
 Пронские кн. 61
 Пронштейн А. П. 59, 60
 Протасий, токарь 118
 Птуха Иван, кузнец 74
 Пухтоевы 139
 Пушкин Гаврило 219
 Пядыш Никита 133
 Пятко, посадский человек 195

 Раков Русин 52, 217
 Резанов (Резаков) Никита 228
 Резачев М. 65
 Ржига В. Ф. 205
 Родионов Аверкий 65
 Родионов Логин 159
 Родионов Степан 65
 Рожков Н. А. 33, 34, 39
 Рокшуев Кипреян Трофимов 67
 Росолов Сидор Кузьмин 90
 Рыбаков Б. А. 55, 58, 144

- Рюриковичи, династия 217
 Рябинин И. С. 35, 169
 Ряхин Михаил 133
 Ряхлов Кузьма Терентьев 91
- Сабуровы 220
 Савва, самопальник 68
 Савватий, старец 34, 84
 Савич А. А. 36
 Савостьянов Клеус 169
 Салинген, голландец 78, 136, 138
 Салтыков И. М. 234
 Салтыков М. Г. 224
 Самозванец см. Лжедмитрий
 Самсон, рыбак 121
 Сапега Петр 120, 223
 Сартаков Никита 195
 Свириин А. Н. 173
 Севрюк, крестьянин 86, 90
 Селеев Фрол 90
 Селивестр, старец 199
 Селинский Угрим 192
 Семен, бронник 26
 Семен, кузнец 73
 Семен, плотник 28
 Семен, посадский человек 195
 Семенов А. И. 147, 148
 Семенов Василий 64, 66
 Семенов В. Н. 150
 Семенов Докучай 47, 75, 161
 Семенов Логин 76, 77
 Семенов Потап 195
 Сербина К. Н. 72, 73, 122
 Сергей Радонежский 169
 Сигизмунд, король 223, 224
 Сильвестр, протопоп 44, 76, 106, 165
 Симеон, старец 66, 67
 Симеон Бекбулатович 114
 Симсон П. Ф. 33, 48, 56, 143
 Синий Зуб см. Борисов Семен
 Сицкая Аграфена, кн. 40, 188
 Сицкий Иван, кн. 40, 188
 Скопин-Шуйский М. В. 231, 233, 234
 Смирнов И. И. 207, 208, 220, 222, 227, 235
 Смирнов П. П. 49, 104, 107, 130, 134, 151—154, 208, 213, 216, 235
 Смирнов С. 39
 Смывалов Тиша (Тимофей) 163
 Соболев Василий 99
 Соболев Константин 99
 Соколов С. 82
 Соловьев С. М. 180, 215, 224, 226, 232
 Софон, посадский человек 195
 Софьян Антон Иванов 90
 Сперанский А. Н. 102
 Старицкий Андрей Иванович, кн. 208
 Старицкий Владимир Андреевич, кн. 171
 Старко, крестьянин 66
 Стефан, иконник 119
 Стефан Баторий 32, 87, 147, 154, 212, 215
 Стойков Иван 228
 Строганов Аника 151, 152
 Строганов Семен Аникеевич 52, 216
 Строганов Яков 68, 160
 Строгановы 104, 151, 171, 216
 Стрোক А. А. 164
 Сукиных (Сукин) Салтан 51, 208
- Супина Никита 65
 Сухачева Анна, старица 90
 Сухобоков Фуник Васильев 151
 Сырковы 164
 Сысой, овчинник 128
- Талашманов Семен 133
 Тараканов, купец 180
 Таракановы, сурожане 164
 Татищев Михаил Игнатьевич 101, 222, 233, 234
 Татищев Н. И. 34
 Твердилов Григорий 163
 Твердилов Игнатий 163
 Твердилов Максим 163
 Твердилов Степан 163
 Телепнев Ефим 233, 234
 Терешкевич О. Ф. 154, 211
 Тимофеев Иван 233, 234
 Тимофей, устюжанин 134
 Тиринов Иван 221
 Титов А. А. 209
 Тихомиров М. Н. 26—28, 37, 56, 162, 164, 166, 177, 226, 227, 231, 235
 Тищенко А. В. 136
 Толстой Петр 192
 Томосов Борис 169
 Трепахин Василий 121
 Третьяк, кузнец 73
 Третьяк, подьячий 52, 217
 Трофимов Захар 112
 Трубешкой, кн. 233
 Турунтай-Пронский Иван, кн. 51, 206, 207, 210
 Турьгин Малыга 127
 Тутаевская, кн. 83, 93
 Тушинский вор (Тушинский царик) 225, 226, 231—233
 Тяпалков земец 193
- Улановы 164
 Ульян, паданец 67
 Ульян, панозерец 65
 Ульяна, кн. 155
 Ульянов Григорий 28, 58, 65, 70, 73
 Ульянов Юрий 76, 77
 Упин Семен Александрович 208
 Устрялов Н. Г. 53, 168, 169, 171, 174, 179, 180, 183, 221, 222, 229
 Устюгов Н. В. 196
 Ухо Лука 121
 Ушак, серебрянник 192
 Ушаков Григорий, кузнец 74
- Фалалеев Михаил 163, 164
 Федор, поп 194
 Федор Борисович, царь 168, 219, 220
 Федор Иванович, царь 33, 49, 50, 62, 94, 101, 114, 123, 124, 139, 160, 163, 165, 167, 169, 170, 173, 183, 184, 194, 211—214, 216
 Федоров Иван 65
 Федоров Пинай 198
 Федоров Семен 193
 Федотов Мокей 90
 Федотов-Чеховский А. 123, 124
 Феодор, старец 47
 Феоктист, дьякон 34, 84

- Фешура Селивестр 135
Фешура Федор 135
Филипп (Филя), крестьянин 67
Филипп (Филя), седельник 26
Филипп (Филя), стрелец 179
Филиппов А. И. 78, 136
Флетчер Джильс (Елизар) 46, 87, 138, 153, 163, 174, 180, 183, 211, 212
Фомин Никита 65
Фомин Ульян 163, 180
Фотиев Антон 64
Фотиев Иван 64
Фотиев Гаврило по прозвищу Третьяк 64
Фофан, кузнец 66
- Харитон (Харя), коширенин 116
Харузин Н. Н. 137—140
Хвост Алексей, тысяцкий 235
Хилков, кн. 40, 158, 223, 234
Хлопкин Василий 137
Хозин Алексей 227—229, 232
Хозин Николай (Микула) 228
Хомутов Второй 129
Хотрей Томас 87
- Челищев П. И. 191
Челлари Джованни Амброзио 180
Ченслер Р. 35, 44, 46, 78, 152, 176
Черницын Григорий 67
Четвертушка, оставшковец 196
Чечулин Н. Д. 29, 30, 32, 43, 48, 57, 62, 80, 108, 116, 130—132, 143, 150—152
Чинопи Марк 165, 166
Чундруша, кузнец 70
Чюлпанов Тумама 133
- Цвегаев Д. В. 185
- Шеин М. Б. 221
Шереметев И. В. 114, 115
Шереметев П. Н. 220, 229, 232
Шивуев Гаврило Семенов 137
Шивуев Прокопий Гаврилов 137
- Шидяк-мурза 182
Шилов Мартын 195
Шиловцев Федор Алексеев 127, 128
Шинко Федор 137
Ширяев Иван, дьякон 99
Шкунин Перфирий 67
Шляпин В. П. 163
Шорин Семен 47, 180
Штаден Генрих 45, 46, 125, 160, 162, 178, 182, 201, 203
Шубин Нечай, веденец 134
Шуйские, кн. 51, 207, 208, 215, 216, 235
Шуйский Андрей Михайлович, кн. 205
Шуйский Иван Петрович, кн. 215
Шумаков С. А. 29, 40, 121, 127, 189, 201
Шумов Григорий 112
Шустов Василий 124
Шушпан Дмитрий Степанов 78
Шушпан Степан Давыдов 78, 87
Щелкалов Василий Яковлевич 41, 189, 213
Щербатов, кн. 216
Щукин Григорий 228
- Юдин Афанасий Дементьев 163, 186
Юрий (Юшко), кузнец 71
Юрьев Никита Романович 213—215
Юрьев Селиван 137
Юшков А. И. 31
- Яков, иконописец 106
Яков (Якушко), иконописец 106
Яков, кузнец 67
Яков (Якуня), судовщик 74
Яковлев Алексей 28
Яковлев А. И. 166
Яковлев Кузьма 90
Яковлев Михаил 90
Ярец, иконник 173
Яхонтов И. 133
- Наклуыт R. 136

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азия 178, 182
Азов, г. 71
Александрова (Александровская) слобода 160, 211
Алыш-Камень 137
Англия 46, 163, 174, 180
Андреевская, дер. 108
Андома, погост 85, 91
Антверпен 163
Антониево-Сийский монастырь 33, 44, 60, 61, 69, 71, 72, 78, 83, 84, 86, 89, 96, 102, 104, 106, 166, 167, 172, 191, 202
Аравия 182
Арбат, улица 158
Арбатские ворота 223
Архангельск 60, 68, 139, 152, 157
Архангельская губ. 129
Архангельская ярмарка 47
Астрахань 37, 45, 46, 159, 175, 181, 221
- Балтийское побережье 129
Бежецкая пятина 192, 197, 199
Белая Мста 143
Белое море 70, 125, 157
Белое озеро 126, 127, 128
Белозерский монастырь см. Кирилло-Белозерский монастырь
Белозерский посад см. Белоозеро
Белозерский рынок см. Белозерско-Вологодский рынок
Белозерский у. 56, 58, 72—74, 76, 94, 97, 159, 196
Белозерско-вологодский рынок 42
Беломорский путь 46, 157, 180
Белозеро (Белозерский посад) 37, 42, 45, 56, 61, 64—67, 72, 74, 83, 85, 87, 95, 96, 98, 125—127, 129, 155, 159, 188, 196, 197
Белослудский стан 68
Бельгий город в Москве 167, 175, 181, 185
Берген 136
Берново, с. 188
Благовещенская слобода 97
Благовещенский («Пречистая на Киржаче») монастырь 40, 197
Богородицкий монастырь в Устюжне 61, 121
Богоявленский монастырь 108, 184
Болдин монастырь см. Болдино-Дорогобужский монастырь
- Болдино-Дорогобужский монастырь 26, 27, 30—37, 41, 44, 45, 47, 59, 75, 77, 81, 84, 92, 97, 100, 101, 105, 106, 166—169, 171—175, 177—179, 182, 190, 197, 199
Болховский мост в Новгороде 39
Борисоглебская слобода 34, 44, 103
Боровичи (Боровичский погост) 102, 110—113
Боровичский погост см. Боровичи
Бронницы 43
Брусса 181
Булацкая слобода 49
Бухара 46
- Вага, р. 42, 68, 202
Ваенская губа 137
Важский у. 206
Варварка, ул. 158, 179, 185
Вардегуз, порт 136
Варзуга, с. 61, 88, 95, 100, 189
Варзугская волость 134
Варшава, г. 180
Васильев, г. 207
Введенско-Дудоровский погост 58
Вежинское, с. 188
Везир, г. 181
Великий Новгород см. Новгород Великий
Великий Устюг см. Устюг
Велико-Устюжский Михайло-Архангельский монастырь 163, 164
Вельск, г. 206
Венев, г. 115, 116
Венева, р. 115
Веневский посад 116
Верейя, с. 36, 41
Верхний посад 139
Вершинское, с. 188
Весь-Егонская, с. 40, 41, 188, 202
Взвзд 43
Вильно, г. 179
Вирма, с. 189
Владимир, г. 158, 162
Владимирский у. 33, 208
Водская земля 57
Водская пятина 57
Воже, оз. 126, 129
Воздвиженское, с. 188
Волга 44, 157, 159, 160, 221
Вологда, г. 33, 34, 37, 39, 41, 42, 44—46, 56, 69—72, 75, 77, 78, 83—86, 88, 91,

- 92, 95, 97—99, 103, 104, 120, 121, 125—127, 129, 152, 157, 159, 160, 188, 199
 Вологодская дорога 127
 Вологодский Прилуцкий (Спасский) монастырь 37, 56, 68, 69, 71, 75, 77, 83, 86, 95, 97, 98, 104, 120, 121, 129, 178, 186, 199, 200
 Вологодский у. 39, 75, 127, 128, 199
 Волок-Дершков 113
 Волок-Тюменский 205
 Волоколамск, Волок-Ламский 27, 41, 61, 64, 77, 84, 98, 155, 156
 Волоколамский монастырь см. Иосифо-Волоколамский монастырь
 Волоколамский у. 44
 Волочек см. Волочек-Словенский
 Волочек-Словенский 42, 127, 128, 129, 188, 199
 Волхов, р. 149, 150, 160, 234
 Вондога 126
 Воробьево, с. 51, 207, 209
 Восток 46, 180, 181
 Вошна, р. 189
 Выж-озеро 135
 Выпрягово, с. 120, 121
 Высоцкое, с. 188
 Вытегорский торжок 194
 Вытегра, погост 85, 91
 Вытегра, р. 193
 Вяжицкий монастырь см. Никольский
 Вяжицкий монастырь
 Вязьма 34, 41, 92, 101, 102, 161, 163, 199
- Галицкий монастырь 33
 Галич 77
 Глубокое озеро 57
 Голландия 139
 Гончарная слобода (Гончарный конец) 31
 Горицкий монастырь 83, 85
 Город Николы Зарайского см. Зарайск
 Городенка, р. 93
 Городенск 114—116
 Городище, с. 73, 189, 190, 191
 Городок 190
 Гороховец 51, 208
 Гостин берег (пристань) 132
 Грузия 25
- Дамаск 181
 Данилов монастырь в Переяславле-Залесском см. Троицкий Данилов монастырь
 Данково, с. 124
 Двина, р. см. Северная Двина, р.
 Двинский путь 68
 Двинско-Сухонский путь 70
 Дедилово 108
 Деревская пяттина 58, 102, 194
 Дершков-волок 113, 190
 Дмитров 45, 157, 158, 163
 Дмитровская дорога 157
 Дмитровцов стан 109
 Дорогобуж 41, 44, 61, 100, 104
 Дорогобужский у. 76, 97
 Дорогомиллово, слобода 158
- Европа см. Западная Европа
 Европейская Россия 92
 Егорьевский погост 199
 Елец, р. 107
 Емец, с. 191
 Енисейск 78
 Елифанский острог 116
 Еремейцево, с. 31, 40, 189
- Железная пустынь 65
 Железный Борк 33
- Заборовье, дер. 94
 Завеличье 36
 Заволжье 84
 Заволочье 143, 230, 232, 233
 Загорск, г. 118
 Загорье, с. 188
 Закавказье 46
 Замоскворечье 158, 162, 169
 Заозерская ярмарка 98, 199, 200
 Заозерский стан (Заозерье) 86, 95, 99, 200
 Заонежские погосты 64—66, 73, 90
 Западная Европа 32, 35, 44—46, 75, 87, 136, 152, 153, 157, 161, 169, 174, 178—180, 182, 187, 202
 Запсковский конец в Пскове 144
 Запсковье 146, 147, 211, 212, 227, 233
 Зарайск 39, 49, 123, 124, 125, 143
 Зарядье (Москва) 184, 185
 Зачатьевский переулок 184
 Зауралье 46, 47, 160, 203
 Земская половина Новгорода 161
 Золотица, дер. 66
- Иван-город 43
 Ивана Богослова монастырь в Бежецкой пятине 192
 Ивановская слободка 48
 Ивашково, с. 188
 Ижина, р. 129
 Ижорская земля 57, 58
 Изосимины пустынь 93
 Изосимово 93
 Ильинские ворота 178
 Ильинский крестец 183
 Ильинско-Замосский погост 58
 Ильинское, с. 188
 Ильменское озеро 149
 Иосифо-Волоколамский монастырь 26—28, 30, 31, 34, 35, 37, 41, 58, 60, 61, 63, 64, 68, 77, 81, 82, 84, 92—96, 100—105, 155, 161, 166, 167, 172, 174—177, 186, 188, 190, 192
 Ипатьевский монастырь см. Костромской
 Ипатьевский монастырь
 Иран 46
- Кадашевская слобода 169
 Казанка, р. 152
 «Казанская старая дорога» 46
 Казанское ханство 142
 Казань 29, 33, 36, 39, 43, 46, 49, 61, 108, 142, 151—153, 158, 159, 164, 181, 209, 210, 234
 Казенный двор 60
 Калуга 34, 96, 153, 158, 161
 Калужские ворота 158

- Калужский у. 75
 Кама, р. 133
 Кандалакша 83, 140
 Кандалакшский монастырь 86, 90, 136, 141
 Капша, р. 57
 Каргальский погост 57, 58
 Каргополь 37, 42, 45, 65, 66, 125—127, 135, 143, 159, 201, 202
 Каста, р. 40, 189
 Кашин 45, 103
 Кашира 39, 56, 154, 158
 Каширский у. 189
 Кельн 152
 Кемь, р. 65, 68
 Кестьма, погост 40, 188
 Киев 84, 154, 211
 Кильдин остров 138
 Кимры 45, 157, 158, 163
 Киржач 158
 Кирилло-Белозерский монастырь 27, 34, 39, 40, 44, 45, 56, 58, 60, 63, 64, 66, 68, 70—76, 78, 82, 85—87, 91, 94—98, 100—106, 117, 118, 125—129, 134, 135, 162, 168, 172, 174, 178, 188, 196, 197, 199, 200—202
 Китай-город 167, 175, 182, 184, 185, 214, 219
 Китовая губа 137
 Клементьево с. 34, 101, 118—121, 125, 158
 Клещено, озеро 159
 Клин 192
 Клинский у. 93
 Клушино 199, 223
 Ключничья слободка 48
 Клязьма, р. 38
 Ковжа, р. 98
 Ковшоа, урочище 57
 Кожевники, слобода 30, 33, 80, 81
 Кожевничья слобода см. Кожевники, слобода
 Козельск 161
 Кола, р. 138
 Кола или Малмидсе см. Кольский острог
 Колежма 189
 Колмогоры см. Холмогоры
 Коломенская дорога 161
 Коломенское, с. 158
 Коломна 29, 31, 32, 39, 41, 102, 116, 151, 154, 158, 211
 Колывань (Ревель, Таллин) 78, 87
 Кольская губа 137, 138
 Кольский острог (Кола) 135, 136, 138, 139, 140, 141
 Кольский полуостров 78
 Кольский посад 138, 139
 Кольский у. 138
 Кольское побережье 141
 Конева гора в Новгороде 149
 Корела 43, 143, 160
 Коротково, с. 41, 61, 126, 127, 189
 Короткое, озеро 126
 Корсунь 123
 Кострома, г. 34, 37, 41, 43, 44, 78, 84, 103, 159
 Кострома, р. 108
 Костромской Ипатьевский монастырь 84, 109
 Костромской у. 108
 Котельнов 143
 Котлы, район 158
 Которосль, р. 44, 158
 Красная площадь в Москве 182, 183, 207, 213, 219, 221
 Красное село 53, 169, 219, 223
 Красные горы (Водская земля) 57, 58
 Красный стан 43
 Кромы, с. 219
 Крохино, с. 126, 127
 Круглый монастырь см. Рождественский монастырь
 Круговское, с. 94
 Крым 171, 182
 Кубенское озеро 86, 126—128, 199, 200
 Кумше, озеро 135
 Кулуй (Кулуйская Соль), посад 42
 Курск, г. 158
 Куталино, с. 189, 191
 Ладога 150
 Ладожское озеро 160
 Лаишев 108
 Лама, р. 40, 93, 188
 Лампожня (Lampas) 41, 202, 203
 Лаче, озеро 126
 Леонтьево озеро 57
 Ливны 216
 Липно 43, 160
 Литва см. Литовское Великое княжество
 Литовское Великое княжество (Литва) 143, 161, 163, 164, 169, 179, 206, 207, 210
 Ловец, с. 124
 Лозьва, р. 62
 Лок-наволок 140
 Лондон 87, 153
 Лопская пятина 64, 65
 Лопские погосты 64
 Лотошино, с. 189, 190
 Лощемла, волость 192
 Луда, посад 66
 Луковец, местечко 73
 Любим, г. 36, 41
 Люблино, погост 189
 Марково, с. 59
 Мегра, дер. 73
 Мегорский погост 73
 Медведицкий монастырь 193
 Медна, с. 109, 110, 188
 Мезень, р. 202
 Мерский стан 108
 Мещера 151
 Миза, р. 109
 Микулин, г. 191
 Микулино Городище 190—192
 Микулинский у. 189, 191
 Михайлов, г. 124
 Михайлово-Архангельский монастырь см. Велико Устюжский Михайло-Архангельский монастырь
 Михайловские ворота в Пскове 32
 Михайловский погост 192
 Млева, р. 199
 Могильниково, дер. 133
 Можайск, г. 29—31, 34, 39, 41, 43, 44, 80—82, 84, 92, 143, 151, 153, 211

- Можайская или Смоленская дорога 158
 Можайский у. 83, 84
 Можая, р. 81
 Молвицкий погост 195
 Молога, р. 40, 41, 129, 132, 188, 201
 Монкефорте см. Печенгский монастырь
 Моревская слобода (Усолье) 189—191, 194—196
 Моржевский стан 114
 Москва 25, 26, 30—32, 34, 35, 38, 41—44, 46, 49, 50, 51, 53, 56, 57, 60, 61—64, 70, 75, 77, 78, 82—84, 92, 93, 96, 98, 100, 102, 104—106, 117, 119, 126, 143, 144, 149, 152, 153, 156—182, 186—188, 198, 204, 206—210, 212—216, 218—226, 228, 229, 232—235
 Москва-река 35, 38, 80, 81, 151, 158, 171, 175, 182
 Москворецкие ворота 186
 Московия см. Русское государство
 «Московская земля» см. Русское государство
 Московская губ. 75
 Московский посад 54, 209, 210, 219, 222—225
 Московский рынок 30
 Московский у. 119
 Московское государство см. Русское государство
 Московское подворье Болдина монастыря 37
 Мохнаткина-Пахта, тоня 137
 Мун-озеро 135
 Мурманский берег 140
 Мурманский конец 138
 Мурманское море 137, 140
 Муром, г. 39, 43, 82, 151, 154, 211
 Мусецкий погост 94
 Мценский у. 41, 189
- Надпорожье 98
 Назарьевская кабальная слободка 123, 125
 Нарва, г. 46, 87, 147, 212
 Настасьинская улица в Можайске 81
 Неглинская слобода 104
 Неглинная, р. 38, 168, 176, 184, 185
 Ненокса 42, 89
 Неревский конец в Новгороде 33
 Нижний см. Нижний Новгород
 Нижний Новгород 151—154, 158, 159, 213
 Нижний посад 139
 Николаевский Корельский монастырь см. Николо-Корельский монастырь
 Николо, городок 188
 Николо-Корельский монастырь 33, 44, 60, 61, 66, 67, 69, 78, 79, 88, 91, 92, 96, 98, 100, 101, 103, 131, 172, 175
 Николо-Коряжемский монастырь 96
 Николо-Угрешский монастырь 158
 Никольская слободка 48
 Никольский монастырь 76, 105
 Никольский Вяжицкий монастырь 193
 Никольский погост 190—192
 Никольско-Толдожский погост 58
 Никольско-Ярвосельский погост 58
 Новая Соль см. Старая Руся
- Новгород Великий 29—35, 37—39, 42—44, 49, 51, 57—60, 62, 76, 78—80, 86—89, 94, 101, 106, 109, 142—144, 147—152, 154, 157, 159—161, 164—166, 169, 183, 190, 193—195, 208, 209, 211, 212, 222, 229—234
 Новгородская земля (Новгородская область, Новгородская республика) 42, 43, 61, 127, 148, 154, 175
 Новгородская область см. Новгородская земля
 Новгородская республика см. Новгородская земля
 Новгородские пятинны 42, 43
 Новгородский Софийский двор см. Новгородский Софийский дом
 Новгородский Софийский дом (двор) 26, 28, 30, 31, 37, 38, 60
 Новгородский у. 45, 57, 94
 Новодевичий монастырь 223
 Нотозерский погост 137
- Обонежская пятинна 35, 88, 190
 Озерковская слобода 40, 188
 Ока, р. 123, 151, 158, 189
 Оленница 134
 Олонец 65—67, 89
 Олонецкий у. 66—68, 89, 91
 Андреевская, дер. см. Андреевская, дер.
 Онега, р. 42, 125, 126, 129
 Онежская губа 125
 Онежское озеро 65, 85, 192, 193
 Онтоновский погост 189
 Опальско-Воздвиженский погост 58
 Опасово 136
 Опочка, г. 51, 208
 Опрания, р. 189
 Орехов, г. см. Орешек, г.
 Ореховский у. 58
 Орешек (Орехов), г. 33, 43, 59, 143, 150, 160
 Орлец, г. 107
 Ормузд, г. 182
 Осетр, р. 123, 124
 Осташков, г. 37, 41, 45, 47, 159, 190, 194
 Отрочь монастырь 29
 Оттоманская империя см. Турция
 Оять, р. 90
- Павлов-Обнорский монастырь 27, 36, 37, 41, 70, 199, 200
 Павлов Рай, погост 192
 Падана, погост 65
 Палеостровский монастырь 193
 Палокорга, тоня 137
 Паша, р. 57, 59
 Пашская волость 57
 Перечное, озеро 126
 Переяславль-Залесский 36, 39, 41, 83, 159, 162, 164, 201
 Переяславль-Зарайский 39
 Переяславль-Рязанский см. Рязань
 Переяславская или Слободская дорога см. Ярославская дорога
 Переяславский у. 39
 Пермская земля 42, 75
 Пермь Великая 33, 36, 42, 160
 Петр святой, погост в Заозерском стане 86

- Петровская ул. в Пскове 146
 Петровский Борисоглебский погост 110
 Петровский конец в Пскове 144
 Петровский монастырь 140
 Печенгский монастырь (Монкефорте) 136, 138—140
 Печерники 114
 Печерский монастырь 76, 233
 Пила, р. 135
 Пилевская губа 91
 Плесков см. Псков
 Повенец 90, 91
 Поволжье 92, 103, 129, 151, 159
 Поволжье Верхнее 42, 104, 156, 159, 201
 Поволжье Среднее 44, 153, 156, 158, 159
 Поган волок, становище 137
 Подвинье 68, 69, 86
 Подмосковье 93
 Познань 180
 Покровка, ул. 175
 Покровский девичий монастырь 75
 Покровский-Дятелинский погост 58
 Покровское, с. 188
 Полоницкий (Полонище) конец в Пскове 144—146, 227, 233
 Полоцк, г. 212
 Польша 179, 180, 215, 219
 Поморье 42, 43, 45, 46, 67, 69, 70, 77, 85—89, 91, 93, 97, 98, 104, 108, 125, 129, 134—136, 139, 143, 160, 163, 178, 185, 189, 191
 Понеделье, новгородский пригород 160
 Понойский погост 140
 Порецкая волость 92
 Порозобица, р. 127
 Порозобицкое озеро 127
 Порья губа 91
 Потерпельцы, рядок 102
 Пошехонье 91
 Прага 152
 Преображенский монастырь в Казани 49
 Прибалтика 53, 78, 122
 Прилуки, с. 91
 Прилуцкий монастырь см. Вологодский Прилуцкий монастырь
 Приморская волость 61
 Приуралье 33, 42, 75, 104, 172, 203
 Пронск 149
 Псков (Плесков) 29—32, 34—36, 38, 41, 43—46, 49, 61, 64, 76, 87, 89, 94, 106, 143—148, 150, 151, 153, 154, 160, 162, 164, 165, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 215, 220, 225—233, 236
 Пскова, р. 87, 146
 Псковский гостиный двор в Новгороде 38, 43, 87
 Псковский Печерский монастырь 99, 101, 122
 Пугино, с. 99
 Пунезма, озеро 126
 Пустозерский острог (Пустоозеро) 41, 203
 Путивль, г. 153
 Пушлахта, дер. 66
 Пялоозеро, дер. 65
 Радонеж, городок 119, 188
 Радонежский у. 188
 Райма, тоня 134
 Ракома 143
 Раменский погост 91
 Раставский стан 189
 Ревель см. Колывань
 Ржаная Нива в Пскове 145
 Ржева (Ржев) 84, 164, 166, 196, 207
 Ржева Пустая 230
 Рогачево 163
 Рогожская дорога 158
 Рождественский (Рождества пречистые) монастырь в Боровичах 197
 Рождественский монастырь в Қандалакше 83, 123, 131, 140
 Рождественский погост на Олонце (Тукса) 65
 Рождественское, с. 41, 189
 Россия 25, 55, 82, 86, 90, 93, 104, 107, 152, 196
 Ростов 106, 234
 Ростокино, с. 157
 Ругодив см. Нарва
 Ругодив, р. 107
 Руза 43
 Рукино, с. 128
 Руся см. Старая Руся
 Руся, р. 43
 Русской конец в Пскове 138
 Русская земля см. Русское государство
 Русское государство (Русское централизованное государство, Русская земля, Русь, Московская земля, Московское государство, Московия) 25, 32, 35, 38, 41—46, 48, 49, 51, 55, 61, 75, 92, 96, 114, 118—120, 125—127, 137, 140, 142—144, 147, 153, 157, 158, 175, 179, 187, 200, 202, 222, 225, 231
 Русское централизованное государство см. Русское государство
 Русь см. Русское государство
 Рыбачий полуостров 135
 Рязанский у. 114
 Рязань (Переяславль-Рязанский) 26, 38, 43, 77, 151, 158, 161, 220, 221
 Саниково, с. 72, 94, 96
 Свидь, р. 126
 Свинорук 143
 Свири, р. 90
 Свяжск 36, 39, 43, 108, 152
 Себла, р. 40, 188
 Северная Двина, р. 42, 43, 61, 68, 69, 135, 140, 157, 164
 Северо-Двинский бассейн 42
 Северская земля 207
 Сегозеро 65
 Селга 65
 Селигер, озеро 159
 Селижарово, с. 94
 Селюгино поле 193
 Семозерский погост 65
 Сергиевский (Сергиев) посад 75, 118, 120, 168, 201
 Средняя, р. 137
 Сермакса 90
 Серпухов 29, 30, 32, 33, 38, 39, 48, 56, 143, 151, 158
 Серпуховские ворота 158

- Сестрица, р. 93
 Сибирь 32, 44, 46, 47, 56, 69, 75, 92, 134, 161
 Симонов монастырь 40, 41, 106, 158, 188, 189, 202
 Славенский конец 33
 Слободской городок 205
 Словенский ям 127
 Словенское озеро 127
 Смелъцова, дер. 131
 Смоленск 31, 32, 34, 41, 43, 44, 46, 61, 78, 102, 158, 162—164, 177, 179, 212, 219, 221
 Смоленская дорога 179
 Смоленщина 45, 92, 175
 Соловецкий монастырь 36, 46, 60, 61, 64—72, 74, 77—79, 82, 83, 85—93, 95—100, 102, 103, 122, 134, 135, 137, 139, 141, 164, 189, 198
 Соловецкий-Пильский наволок 135
 Соль, погост в Белозерском у. 199
 Соль Вычегодская 39, 51, 216, 218
 Соль Камская (Усолье) 42, 133, 134
 Соль Переяславская 206
 Сольда, сельцо 94
 Соляной конец в Пскове 144, 145
 Софийская сторона в Новгороде 38, 147, 150, 211
 Софийский дом см. Новгородский Софийский дом
 Спасово, слободка 109, 141
 Спасо-Ярославский монастырь 30, 31, 40, 44, 158, 189
 Спасский монастырь в Москве 95
 Спирино, починок 134
 Спирово 190
 Среднеазиатские ханства 181
 Средний город, т. е. Кремль во Пскове 227
 Средняя Азия 174
 Стретенская ул. или Стретенка 157, 162
 Старая Руся (Руса), г. 134, 143, 153, 154, 190, 194, 195
 Старое Холопье (Старое Холопье Городище) см. Холопий городок
 Стомилов Борк 98
 Стратилатское, с. 188, 190
 Стромынка, ул. 158
 Стромынь, с. 158
 Суздаль, г. 158
 Сума, р. 65, 66, 189
 Сумский острог (Сумы) 65, 66, 68, 88, 91
 Сутрома (Судрома), р. 68
 Сутромская (Содромская) волость 68
 Сухона, р. 69
 Сушанка, р. 102
 Сытва, р. 41, 203, 205
 Сязма, с. 73
 Таллин см. Колывань
 Тверская дорога 167
 Тверская ул. 157
 Тверские ворота 185
 Тверское княжество 189
 Тверской гостинный двор 38, 43, 149, 150
 Тверской у. 89, 114, 188, 191
 Тверь 29, 34, 41, 42, 45, 62—64, 95, 96, 103, 104, 109, 127, 153, 156, 159, 165, 201, 212, 216
 Териберка, р. 137
 Терк, русская крепость на Северном Кавказе 221
 Терский берег 37
 Тихвин 57, 59, 62, 121, 122, 125, 143
 Тихвинский монастырь 58, 59, 79, 87, 89, 102
 Толвуйская (Толвуй), волость 90, 190, 193
 Тонец, дер. 133
 Топищи, с. 72
 Торговая сторона в Новгороде 38, 147, 148, 150, 154, 164, 211
 Торжок, г. 43, 109, 188
 Торopez, г. 39, 143, 190, 196
 Тотма, г. 68—70
 Троица см. Троице-Сергиев монастырь
 Троице-Сергиев монастырь (Троицкий, Троица) 34, 39, 44, 62, 66, 82, 83, 91, 96, 97, 101, 104, 106, 109, 118—120, 158, 159, 164, 165, 169, 170, 179, 189
 Троицкий монастырь см. Троице-Сергиев монастырь
 Троицкий Данилов монастырь 201
 Троицкое, с. 189
 Трондгем 126
 Тукса см. Рождественский погост
 Тула 29—32, 38, 49, 50, 56, 57, 143, 158
 Тулома, р. 137, 138
 Туломская губа 138
 Тульский у. 56
 Туровка, р. 109
 Турция (Оттоманская империя) 181, 182
 Турчасово 45, 125, 126
 Турчасовский у. 125
 Тушино 223
 Тюменский волок 41, 46, 203
 Тюмень 161
 Углицкий у. 40, 91, 188
 Углицкое княжество 200
 Углич 45, 52, 64, 82, 92, 159, 202, 217, 218, 222
 Угреша, р. 158
 Удомельский (Удомля) стан, волость 192, 193
 Украина 222
 Уломка, р. 72
 Умба, погост 134
 Умба, р. 135
 Умбская волость 135
 Уна, посад 42
 Унское усолье 178
 Урал 47, 161
 Уральские горы 47
 Ургенч 46
 Усожа, р. 230
 Усолка, р. 133
 Усолье см. Моревская слобода
 Усолье см. Соль-Камская
 Усть-Меша, погост 126
 Устьянские волости 42
 Устюг (Великий Устюг) 32, 42, 47, 56, 68, 69, 127, 150, 153, 157, 160, 163, 164, 209

- Устюжна-Железопольская (Устюжна) 32, 44, 48, 61, 62, 129, 130, 132, 150, 151, 153—155, 159
 Устюжский у. 206
 Уча, р. 165
- Федоровский монастырь 83
 Федоровское, с. 40, 189
 Ферапонтов монастырь 74, 118
 Финмаркен 136
 Флоренция 152
 Фроловские (Мясницкие, ныне Кировские) ворота 185, 222
- «Хлебная горка», площадь в Новгороде 36, 39, 149
 Хлебная, р. 134
 Ходынка, р. 38
 Холм, г. 190
 Холмогорский у. 191
 Холмогоры (Колмогоры) 37, 42, 44, 46, 61, 68—70, 78, 92, 98, 104, 125, 139, 143, 152, 157, 159, 160, 178
 Холопий городок на Мологе (Старое Холопье, Старое Холопье городище) 40, 41, 45, 95, 188, 200, 201, 202
 Хутынский монастырь 193
- Чапуринская, дер. 133
 Чаронда 41, 61, 129, 189
 Чарондский у. 126, 127, 128
 Чердынь 133, 134
 Черная, р. 133
 Чеснова, р. 40, 188
- Чудов монастырь 27, 31, 37, 60, 74, 159—161, 166, 167, 172, 173, 188, 215
 Чухлома 41
- Швеция 78, 139, 233
 Шексна, р. 126, 127, 159
 Шелейка, р. 137
 Шелонская пятина 33, 94
 Шелонь (Шолонь), р. 43, 160
 Шемаха 46, 178, 180
 Шенкурье 206
 Шипино, с. 40, 188
 Шолонь см. Шелонь
 Шоша, р. 191
 Шуезеро 65
 Шунга, погост 85, 86, 90
 Шуя, г. 190, 192
 Шуя Заонежская, погост 65
 Шуя Морская или Корельская 193
 Шуя-река 65
- Юсто-озеро (Югито-озеро) 64
- Якутск, г. 78
 Яма, г. 43
 Ярославль 31, 37, 44, 45, 58, 64, 78, 91, 103, 106, 127, 143, 152, 153, 157, 159, 176, 234
 Ярославская дорога 118, 157—159
 Ярославский у. 29, 30, 40, 91, 188, 189, 200
 Ясницы 40, 188
 Язуа, р. 38, 158, 175, 176
 Лампас см. Лампожня

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- Аликант, виноградное вино 178
Алтын 27, 28, 32, 35, 37, 38, 41, 45, 47, 58, 63, 65, 67—70, 72, 77, 82, 84, 85, 87, 88, 95, 96, 98—100, 102—106, 117, 118, 121, 122, 124, 127, 128, 132, 140, 155, 156, 172—174, 176, 178, 186, 191, 196—200, 202. См. также Денежный счет
Амбары 32, 38, 39, 80, 87, 97, 110, 112, 120, 124—127, 129, 131, 132, 135, 136, 138—140, 144—146, 148—152, 165, 189, 192—194, 199, 228
Английские немцы см. Англичане
Английский двор 180, 185
Англичане 44, 46, 70, 78, 86, 138, 157, 163, 180, 183, 203
Арбузы 177
Армяне (армяне), купцы 179, 180, 200
Армяк, верхняя одежда из сермяжного сукна 182
Армянский двор 181, 184
Армячники, портные, шившие армяки 29
Артели 166
Артиллерийские снаряды 60
Атлас, материя 180, 181
- Багор, красная краска 174
Банник 122
Баня 120, 124, 199
Бараны (кожи) 77, 155
Бараны (скот) 177, 195
Бархат 165, 181
Бархат немецкий 101, 160, 171, 179
Барышник 143, 179, 186
Бастр (вино) 178
Башмаки 78
Башмачники 80
Башни 114, 115
Белила (бель) 174, 202
Белильщики 29, 88
Белильный ряд 88, 148
Белка 43, 160
Белочники, скорняки 29
Белужина 159, 177
Бель см. Белила
Берестенечки, сосуды из бересты 177
Бирич (бирюч), глашатай, 111
Бирюза 181
Блинные 149
Блюда деревянные 31, 44, 95—97, 161, 167
- Блюда оловянные 168
Блюдечки 177
Бобровники, скорняки 29, 38, 48, 148
Бобровый ряд 30, 145
Бобры 161
Бобыли 120—122, 131, 132, 138, 139, 153
Бокан, красная краска 182
Бортники 38
Бочарники 167
Бочарные деревни 34
Бочки 31, 36, 52, 103, 104, 120, 151, 152, 156, 157, 159, 167, 177, 196, 217
Бочки серебряные 168
Бояре 53, 103, 207, 210, 211, 213, 215, 219, 222—225, 233, 235
Боярство 54, 210, 214, 222
Брага 178
Братина 31, 96, 97, 99—101, 119, 161, 167, 168, 196
Братины золотные (расписные) 97
Бревна 31, 121, 186
Бронники 26, 29, 60, 118
Бруски (точильные) 96
Брусы, брусья, строительный материал 196
Булавки 60
Булавочники 29, 60
Бумага хлопчатая 161
Буравцы 31
Буравы (напарьи) 68, 69, 71, 73
Бухарские купцы 34, 46, 200
Быки 177
Бязь бумажная 181
- Валы дубовые к колоколам 94
Вандыш, рыба 196
Вареги (варежки) 79
Варежники 29, 79
Варницы соляные 69, 133—135, 147, 211
Веденцы см. Сведенцы
Ведерный ряд 146
Ведро 31, 146, 199
Веретено, единица счета уклада 58, 66
Веретено, стержень якоря 69
Веря, столб 31, 94
Вершаный ряд 146
Верши 146
Ветошный ряд 145, 146, 184
Ветчинный ряд 184
Вино 115, 147, 164, 178, 180, 181, 197, 202, 220, 221

¹ В указателе включены только предметы и лица, имеющие отношение к ремеслу, сельскому хозяйству, товарному производству и торговле.

- Вишня в патоке 37, 161, 177, 178
 Вогулы, вогуличи см. Манси
 Вожжи 101, 155
 Войлок 27, 171
 Ворвань 136
 Ворота 69, 115, 130, 167, 185
 Воротнички ряд 147
 Воск 43, 146, 148, 159, 160, 172, 175, 179, 181
 Вохра (охра), краска 174
 Выбойка, ткань с набивным узором 161, 182
 Вьюки 160
 Вязга 37, 177
 Вязник, заготовки вяза для деревянных поделок 98
- Гайтанники, мастера, изготовлявшие гайтаны (шнуры) 29
 Гарва (харва), ставная сеть для ловли семги 134, 136, 138
 Гвозди или гвоздь 27, 30, 31, 33, 44, 59, 62, 63, 69—71, 73, 74, 155, 156, 159, 168, 184, 196
 Гвоздочки или гвоздари 29, 32, 56, 57, 59, 62, 80, 131, 132, 155
 Гебра, душистая трава 177
 Главица, заставка 35
 Гладильщики, коженные мастера 80, 81
 Глина 102
 Голенишники, сапожные мастера, изготовлявшие голенища 79
 Голландцы 46, 78, 136, 140
 Голова таможенный 164, 228
 Голяничники, рукавичники, изготовлявшие кожаные рукавицы (голицы) 29
 Горны 32
 Горновщина, пошлаина с горнов 32, 56
 Город 38—40, 43, 45, 48—52, 55, 74, 77, 103, 107, 108, 114, 122, 139, 140, 142—144, 150—156, 193, 196, 204—206, 210, 212, 213, 218—220, 222, 223, 225, 228, 233, 235
 Городище 114, 129
 Горох 36, 37, 109, 145, 177
 Горох яровой 36
 Горшечники 103, 109, 131, 189, 190
 Горшечный ряд 151
 Горшки 31, 102, 103, 116, 155, 168
 Гости, торговые люди 49, 52, 53, 103, 162, 163, 179, 180, 182, 197, 199, 201, 210, 211, 213, 215, 220, 222, 223, 225—227, 229, 230, 233
 Гостиная сотня 49, 162—164, 218
 Гостиный двор 25, 38, 39, 43, 122, 129, 144, 146, 148, 151, 152, 160, 161, 185
 Гребенина, очески льна и пеньки; холст, изготовленный из гребенины 89, 91, 92, 155, 191
 Гребенка 31
 Гребень 31
 Гречиха (греча, заспа) 36, 109, 146, 176, 195
 Грешневый ряд 36
 Гривенка, фунт 65, 69, 172
 Гривна 27, 58, 60, 63, 64, 66, 75, 76, 79, 84, 87, 90—94, 100—103, 155, 171, 178, 186, 195, 196. См. также Денежный счет
- Грузди соленые 37, 178
 Губы, грибы 178
 Гужи ременные 79, 171
 Гусленик 116
- Дворники 50, 56, 123, 124, 139, 143
 Дворы 38, 58, 109, 110, 113, 115, 118, 120, 121, 123, 130, 132—135, 138, 151—154, 211
 Деготь 31, 155, 196, 199, 200
 Денежный счет в Русском государстве XVI—XVII вв. состоял из трех основных единиц — рубля, алтына и деньги. В рубле считалось 200 денег, в алтыне — 6 денег, отсюда 1 рубль = 33 алтынам 2 деньгам. Кроме того, встречались счетные единицы: полтина = 100 денег полуполтина = 50 денег гривна = 20 денег
- Деньга 27, 38, 45, 47, 49, 58, 60, 63, 65, 68, 70, 82, 84, 88, 92, 95, 98, 100, 103, 105, 124, 128, 132, 140, 155, 156, 172, 174, 178, 191, 195, 196, 198, 199, 202
 Деревя хомутные 199
 Деревни 40, 58, 59, 72—74, 84, 90, 107—109, 115, 119, 127, 128, 193
 «Деревца образные», доски для писания икон 31, 173, 174
 Деревянные части артиллерийских орудий 94
 Детеныши 119, 120
 Дети боярские 93, 103, 213, 221, 229—233
 Дехтябрь 116, 121, 122
 Долога 71
 Домницы с горнами 33, 56, 58, 59, 68
 Домрачи, музыканты 35
 Дороги, шелковые материи, обычно полосатые 181
 Доски 31, 93, 94, 175
 Достоканцы, посуда 101
 Драницы 31, 93, 94, 150
 Дробь 62
 Дрова 31, 35, 93, 117, 150, 178, 220
 Дровни 31, 94, 158
 Дрягиль, грузчик 186
 Дуги 94, 101
 Дуги цренные, железные полосы, при помощи которых црен (см.) подвешивался над топкой 70
 Душечники, скорняки, шивавшие в меха мелкие части шкурки, в частности с шеи («душки») 29
 Дыни 177
 Дьяки 163, 171, 186, 217
 Дьячок площадной 109
- Ез, частокол поперек реки, рыболовное приспособление 109
 Епанча 27, 200
 Еренка (яренка), сукно из поярка 30
 Ерши 37
 Ефимки (иоахимсталеры), иностранная серебряная монета 140
- Железник, продавец или скупщик железа 33, 39, 58, 59, 62, 132, 142
 Железный ряд 59, 64, 150, 151, 184
 Железо 32, 44, 56—58, 61, 62, 64—69, 72, 73, 80, 146, 159, 174, 195, 198, 199

- Железо белое 174
 Желть, желтая краска 202
 Жемчуг 138, 174, 179, 180, 182
 Жемчужные промыслы 135
 Женский (галантерейный) ряд 30, 145, 184
 Жеребенок 195, 199
 Жернова 103
 Живописцы 106
 Живопись фресковая 173
 Жильцы см. Посадские люди
 Житники 142
 Житница (амбар) 59, 109, 130, 145, 167, 176, 192
 Житный ряд 184
- Забойники см. Молотники
 Забор, рыболовное приспособление, состоящее из ряда кольев, забитых поперек реки 134, 138
 Заводы 56, 75
 Завязки, части одежды 89
 Завязочки, мастера, изготовлявшие завязки 29
 Завязочный ряд 184
 Замок (замки) 114, 115
 Замки 30, 31, 59, 60, 63, 64, 67, 71, 146, 166, 168, 200
 Замочки, мастера, изготовлявшие замки — дверные и оружейные 32, 33, 57, 59, 61, 62, 121, 131, 135, 168
 Заслонки железные 28, 60
 Заспа см. Гречиха
 Заступы железные 71
 Затинщики 114, 124
 Звонец 111
 Зелещик, мастер порохового дела 119, 120, 194
 Зелье см. Порох
 Зендень, среднеазиатская хлопчатобумажная ткань 89, 145, 146, 161, 181
 Знаменщик, художник, изготовлявший рисунок для живописи, гравюры или вышивки 171, 174
 Зола 31, 117, 155, 175
 Золотное дело 165
 Золото 145, 169, 198
 Золото сусальное 163, 174
 Золотошвен 170, 171
 Золотых дел мастера 28
 Зольники, мастера, обрабатывавшие кожи золой 80
 Зуфь ангульская (ангорская) шерстяная ткань 181
- Иголки, иглы 60, 63, 64, 201, 202
 Игольники, мастера, изготовлявшие иглы 29, 59, 60
 Иглы литовские 63
 Изба промысловая 140
 Избы 114, 115, 129, 135—138, 152, 167, 188, 193
 Известь 102, 117
 Извозчики 111—113, 122, 130
 Иконники (иконописцы) 26, 28, 31, 104—106, 119, 122, 165, 166, 173, 186
 Иконный ряд 32, 104—106, 146, 173, 184
 Иконописцы см. Иконники
- Иконопись 34, 45, 166, 172, 174
 Иконы (образа) 32, 44, 45, 59, 103—106, 119, 165, 172
 Икра 37, 159, 176, 177, 196
 Инбирь 178
 Ирошники, кожевники, выделявавшие ирху (замшу) 78
 Ирошный ряд 148
 Ирха, род замши 81, 82, 155
 Ичетыги, сапоги с мягкой подошвой 182
- Кабак 115, 124, 140, 197, 228
 Кабацкий двор 124
 Кади (кадки) 31, 167
 Кадила 35, 168
 Казаки (чернорабочие) 33, 35, 45, 52, 59, 61, 62, 109—111, 126, 130, 132, 139, 166, 217, 221, 228, 231, 232, 235
 Калачи 36—38, 116, 121, 123, 124, 146, 151, 156, 171, 184
 Калачники 109—111, 121, 122, 131, 142, 156, 176, 190
 Калашный ряд 36, 151
 Калитники, ремесленники, изготовлявшие калиты 29
 Калиты, кожаные сумки 79
 Камедь, растительный клей, растворяемый в воде 184
 Каменных дел подмастерье, древнерусский архитектор, а также производитель работ 167
 Каменщики 27, 103, 119, 120, 143, 167
 Камка, шелковая ткань 145, 146, 181, 182
 Капуста 37, 41, 156, 176, 177
 Караси 38
 Карбас 137, 138, 140
 Карлук см. Клей рыбный
 Кафтанники 29
 Кафтаный ряд 29, 145, 184
 Кафтаны 30, 163, 170, 182, 190, 196, 200
 Квас 36, 118, 120, 146, 151, 152, 178
 Квашенна 146
 Кельи 118, 134, 167, 197
 Кербь (кирбь), пучок, вязанка (кербь льна — десять десятков трепаного льна, а в десятке 30 повесм или горстей) 86, 87, 91, 196
 Кизилбаши см. Персы
 Киноварь, красная краска 160, 202
 Кирбь см. Кербь
 Кирпич 102, 128
 Кирпичники 102, 103, 119, 120, 167
 Кисель 36, 146, 152
 Кисельники 36
 Кисельный ряд 36
 Китайка, китайская хлопчатобумажная ткань 181
 Кладовые 185
 Клевцы, кирки для насечки жерновов — 60
 Клей мездринный 155
 Клей рыбный (карлук) 175, 184
 Клепки, чеботарные ножи 156
 Клетки 39, 114, 138, 144—146, 190, 193
 Кleshный ряд 147
 Клеши к хомугам 63
 Клино, мера уклада (см.) 58, 72
 Клобук, монашеский головной убор, 83

- Ключи 31
 Книги 173
 Книжный ряд 34, 150
 Кнутники, кожевники, изготовлявшие кнуты 79
 Ковры 86, 181
 Ковшевики (ковшечники) 34, 101, 118, 119
 Ковши 44, 95—97, 99, 101, 202
 Ковши серебряные 168, 169
 Козаки см. Казаки (чернорабочие)
 Кожа дубленая нарочитая 33
 Кожевенные изделия 47
 Кожевенный ряд 30, 80, 148
 Кожевники 26, 28, 30, 33, 77—81, 109, 143, 155, 156, 171
 Кожи 78, 81, 116, 128, 155, 171, 181, 191, 195, 196, 198, 201
 Кожи боранцы красные и белые 81, 82, 201
 Кожи бычьи 82
 Кожи задубные 77
 Кожи конинные 28, 47, 155
 Кожи красные яловичные 81, 82
 Кожи новгородские 79
 Кожи подошвенные 197
 Кожи сырые 77, 78, 81
 Кожи телятины 196, 197, 201
 Кожицы белые жеребьячьи 81, 82
 Козлины, кожи 175
 Козлята 177
 Колеса 41, 94
 Колесники 26, 34, 94, 118, 119
 Колесные мастера см. Колесники
 Колодезные мастера 167
 Колодки, мера гвоздей 63, 69, 70, 156
 Колодцы 167
 Колоды (бревна) 31
 Колокола 35, 44, 75, 76, 168, 231, 233
 Колокольные мастера (колокольные литцы) 35, 75—77, 168
 Колпаки 146, 171
 Колпачники 29, 109
 Колпачный ряд 29, 145
 Кольчуги 203
 Коля 31
 Коновалы 113, 116
 Конопель толчена см. Масло конопляное
 Конопля 27, 36, 86, 87, 109, 176, 196
 Конфеты 178
 Конюхи 38, 120
 Конюшни 130, 175, 185
 Копачи, рудокопы 58
 Копья 52, 62, 73, 217
 Кораблестроение 70
 Корелы (кореляне) 28, 64—66, 109, 135, 136, 160, 166
 Корец, род ковша 95
 Кормщики, рулевые 111, 112
 Коробейники 142, 149, 195
 Коробьи 31, 33, 44, 60, 61, 146, 160
 Коровник 175
 Коровы 35, 127, 128, 175, 177, 195
 Коровятины см. Подошвы
 Корыта 31
 Косы 47, 48, 67—71, 73, 74, 112, 168, 199
 Косяк, мера мыла 103, 104
 Котельники 26, 61, 132, 194
 Котельный ряд 30, 149, 184
 Котлы 31, 32, 41, 74, 146, 168, 203
 Коцера 73, 97, 98, 99
 Кошельники 29
 Кошки железные, якоря о четырех или пяти концах 70, 71
 Кошурники, портные, шившие кошули или кошуры (крытые шубы) 29
 Кошурный или чупрунный (см.) ряд 29, 148
 Красильники 29, 88, 89, 113
 Красильный ряд 29, 88, 148
 Краска яичная 120
 Краски 174, 180, 181, 202
 Красный ряд 183
 Крашенина, крашенный холст 29, 30, 34, 41, 88, 89, 92, 93, 116, 155, 170, 190, 191, 198, 200
 Крестечники, мастера, изготовлявшие настоятельные кресты 29, 118, 119
 Кресты 100, 118, 169
 Крестьяне 49, 53, 67, 102, 109, 112, 113, 115, 116, 118, 131, 133, 176, 189, 193, 221
 Крестьянские торги 49
 Крицы, железный полуфабрикат 58, 61, 68, 132
 Кружева 180
 Крюки 31, 60, 69, 70, 71
 Кряж дубовый 94
 Кубки деревянные 96
 Кувшинный ряд 31
 Кувшины 103, 156, 168, 178
 Кудель, вычесанный и перевязанный пучок льна или пеньки 87, 156
 Кузнецы 26, 27, 32, 33, 48, 56—62, 66—72, 74, 109—113, 119—121, 128, 131—133, 143, 155, 156, 166, 168
 Кузнечное ремесло 57, 58, 62, 166
 Кузницы 62, 66, 72, 120, 152
 Куни, окуни 37
 Куницы 160
 Купцы 42, 43, 53, 62, 142, 143, 162, 181, 183, 185, 194, 199, 200
 Купчины корыстные 49, 142, 143, 148
 Курятильный ряд 150
 Кутья 37
 Кушаки 161, 181, 182
 Лавки 25, 38, 39, 49, 62, 80, 81, 87, 88, 108, 110, 112, 113, 115, 116, 120—122, 124, 129—135, 139, 144—147, 149, 150—152, 154, 155, 162, 167, 182—185, 189—194, 197, 199, 201, 221
 Лавковладельцы 49, 50, 110—112, 115, 121, 133, 140, 142, 190
 Ладан 41, 145, 160, 202
 Лал, рубин 181
 Лапки цыренные, расплюснутые загибы на концах цыренных дуг (см.), которыми дуги зацеплялись за порубни (см.) дрена (см.) 70
 Лапотники 109
 Лапти 31, 146, 190, 195
 Лед 178, 196
 Ледники 130, 149
 Лекари 35, 116
 Лемехи (лемешы, омешы) 58, 59, 112

- Лемешники, кузнецы, делавшие лемехи 59
 Лен 32, 36, 45, 46, 86, 87, 89, 90, 92, 93, 146—148, 175, 196
 Лес (строевой) 93, 94, 110, 115, 118, 121, 133, 135, 150, 161
 Лещи 37, 160, 196
 Лимоны 178
 Литовские люди 53, 179
 Литовский гостинный двор см. Панский двор
 Лодки 98
 Лодог, северная рыба 38, 177
 Ложечники (ложжари) 34, 99, 101, 118, 119, 199
 Ложечники, оружейники, изготовлявшие ружейные ложа 57
 Ложжари см. Ложечники
 Ложки 31, 35, 44, 94—101, 113, 119, 128, 158, 159, 167, 168, 198—202
 Локоть, мера длины (45—47 см) 85, 86, 88—91, 122
 Лопаты 71
 Лопляне 135, 136
 Лососи 37
 Лошади 109, 127, 128, 130, 168, 175, 178, 179, 182, 185, 190, 195, 196, 202, 230
 Лубеники, лубяные шалашы на рынке 151
 Лубы 31, 155, 175, 186, 195, 196
 Лудога, рыба, название сига в Приладожье 122
 Лук 36, 156, 177, 190, 192
 Лукошки 195
 Лукошники 31
 Лыко 31, 39, 94, 190, 195
 Льноводство 34
 Льняники, мастера, занятые обработкой льна, и торговцы льном 32, 45, 87
 Льняной гостинный двор 43, 45, 146
 Льняной ряд 87
 Мазь мельничная см. Мыло мельничное
 Мак 177
 Мальвазия (мармазея), виноградное вино 178
 Манатейники, портные, шившие монашеские мантии — 29
 Манатьи см. Мантии
 Манси (вогулы) 41, 42, 203
 Мантии (манатьи), монашеская одежда 27, 83—86
 Мармазея см. Мальвазия
 Масленики 116, 119, 190
 Масло 36, 41, 122, 128, 146, 151, 176, 190—192, 195, 203
 Масло конопляное (конопель толчена, масло семенное) 32, 37, 146, 156, 161, 177, 190
 Масло коровье 36, 146, 159, 177, 190, 199, 200
 Масло льняное 149
 Масло семенное см. Масло конопляное
 Масляный ряд 36, 184
 Мастерская колокольного дела 75
 Мед 37, 115, 124, 146, 159, 161, 163, 178, 181, 186, 195
 Мед фруктовый 178
 Медники 168
 Медное дело 165
 Медовый ряд 184
 Медь 62, 64, 75, 76, 140, 146, 159, 160, 174
 Мел 155
 Мелль, среднеазиатская льняная ткань 181
 Мельники 26, 116
 Мельницы 38, 60, 115, 121, 133, 135, 147, 176, 212
 Меновая торговля 41
 Меньки, рыба 37
 Мережи, сети для ловли рыбы 27, 196, 197, 200
 Мерин см. Лошади
 Металлургия 56
 Меха 155, 170, 201
 Мехи кузнечные 72
 Мешки 170, 200, 202
 Миниатюрное дело, украшение рукописей рисунками 173
 Миски деревянные 96, 98
 Миткаль 181, 182
 Молодожники (молодежники) см. Солодовники
 Молоко 36, 146, 177
 Молотники (забойники), молотобойцы в кузнице 32, 59, 61, 62, 131, 132
 Молоты 71
 Молочный «хрестец» 36
 Моль, свежие снетки 196
 Монастыри 40, 44, 45, 50, 58, 60, 61, 63, 65—67, 70, 71, 73—76, 78, 82, 84, 86, 88, 91, 94, 102, 114, 118, 120, 122, 173, 175, 177, 178, 197, 198, 212
 Морковь 36, 177
 Москва, московская деньга 38
 Москотильный ряд 184
 Москотинье, галантерея 116
 Мостовщина, сбор за проезд по мосту 49
 Мосты 114, 220
 Моты (мотки), пучки ниток 83, 88, 90, 93
 Мочало 31, 195
 Мошенники, кожевники, изготовлявшие мошны 29, 109
 Мошны, кожаные кошельки 79
 Мука 147, 176
 Мукосей 26
 Муномошские саами (лопари) 137
 Мучники, торговцы мукой 143
 Мучной ряд 36
 Мушкатель, виноградное вино 178
 Мыло 34, 44, 103, 120, 147, 172, 182, 196, 197
 Мыло мельничное (мельничная мазь, пестреть) 103, 104
 Мыльни 130
 Мыльняки 172
 Мыльный ряд 146, 149, 184
 Мыт пошлина за проезд через таможенный пункт 48, 124, 202
 Мясники 109—111, 113, 121, 142, 143, 177
 Мясной ряд 151
 Мясо 35, 39, 116, 121, 143, 145, 176, 177, 198
 Мята 177
 Мячик, кожевник, мывший кожи 79

- Навесы (торговые) 144, 145
 Наволочки крымские 182
 Наковальни 71, 72
 Напарьи см. Буравы
 Напильники 28, 60
 Насад, речное судно 71
 Нашивки, часть одежды 89
 Невод 134, 137, 138
 Неводник 119
 Неводный рукав 200
 Нельма (неявмушка), рыба 200
 Немецкий двор 147, 148
 Немцы 47, 119, 120, 122, 140, 150, 179, 180, 200, 232
 Ненцы (самоеды) 41, 202, 203
 Нитки или нити 30, 44, 82—84, 92, 93, 158, 169, 170, 202
 Ногаи 200
 Ногайский двор 182
 Ножевики 168
 Ножовые черепья 97
 Ножовый ряд 183
 Ножи 33, 44, 47, 48, 57, 69, 72—75, 128, 161, 166, 201
 Ножовники 33, 57, 59, 75
 Норвежцы 135, 136, 138

 Образа см. Иконы
 Оброк 49, 91, 124, 127, 132, 145
 Обувь 41, 109, 110, 155
 Овес 36, 39, 109, 110, 120, 127, 145, 176, 189, 190, 191, 196
 Овощи 37, 41, 112
 Овощной ряд 184
 Овощные семена 36
 Овцеводство 34
 Овчинник 27, 77, 109, 110, 119, 128, 190
 Овчинные ряды 30, 145, 148
 Овчины 34, 41, 117, 128, 155, 175, 196, 198
 Овчины опушенные для шапок 34, 155
 Оглобли 94, 101
 Огородники 38, 115, 158
 Огороды 109, 175, 176, 177
 Огурцы 37, 38, 41, 177
 Одежда 109, 110, 155
 Однорядки, однобортные кафтаны без ворота 170
 Однорядники портные, шившие однорядки 29
 Однорядочный ряд 29, 145
 Ожерелья, богато расшитые воротники 170
 Оклады иконные 169
 Оконничники 28
 Окопчины 167
 Олифа 96, 155
 Олифляники 101, 119
 Олово 76, 140, 146, 159, 174, 180, 202
 Оловяники 119, 168
 Оловянное дело 165
 Омеши см. Лемехи
 Опоyki, телячьи кожи 77, 79, 81, 155, 195, 196
 Опонечник, кожевник, обрабатывавший опойки 78, 81
 Опояски, пояса 181
 Оружейники 34, 57, 59, 168

 Оружейное дело 68, 174
 Оружие 57, 62, 74, 219
 Осетры 37, 159, 176, 177
 Остяки см. Ханты
 Отески, остатки древесных материалов, шедшие на мелкие поделки 94, 98, 128
 Ошевни см. Пошевни
 Ошеек, ожерелье 179

 Палтус, беломорская рыба, один из видов камбалы 138—140
 Панагия, нагрудная икона у епископа—169
 Паникадило, церковная люстра 168
 Панский двор (Литовский гостинный двор) 179, 185, 186
 Панцыри (пансыри) 34, 41, 168
 Парус 90, 136, 141
 Парча 165
 Пастух коровий 111, 175
 Патока 37, 178
 Пашни 108, 110, 114, 118, 121, 127, 130, 131, 133, 176
 Паюсник, ремесленник, обрабатывавший икру 119
 Пенька 32, 45—47, 175, 189, 195, 196
 Перевоз, сбор за перевоз через реку 202
 Перевозчики 109, 111
 Передовики, перода, заготовки для обуви, идущие на головки 78
 Передовщики, работные люди, находившиеся на носу судна 109
 Перелог, запущенная пашня 110, 114, 118, 131, 133
 Переписка книг 173
 Перец 150, 178, 184, 198
 Перечневый ряд 150
 Пермьяки 41
 Перстни 169, 180
 Персы (кизилбаши) 46, 200
 Пескиши, пещари, рыба 38
 Пестрежь см. Мыло мельничное
 Пестрядь, пестрый холст 161
 Печи 103, 117, 128, 167
 Печники 28, 167
 Пешни (ломы) 71
 Пиво 115, 118, 124, 147
 Пивовары 26, 110, 111
 Пилы 31, 64
 Пироги 36, 38, 152
 Пирожники 36, 53, 111, 142, 149
 Пирожный ряд 36, 149
 Пищали 62, 73, 74, 115
 Пищальники 168, 209
 Плахи осинового 98
 Плетяи 79
 Плиты гробовые 103
 Плотники 26—28, 79, 108—110, 113, 117, 119, 120, 143, 166, 167
 Повара 119
 Поварни 115, 130, 152, 185
 Повивальные бабки 35
 Повозки 118
 Погосты 57, 58, 64, 110, 112, 127
 Погребка 115, 130, 183
 Подковники (подковщики), кузнецы, специализировавшиеся на изготовлении подков и ковке лошадей 59, 61, 132

- Подковцы кочережные, железные нако-
нечники для кочерг 99
- Подметные караули, четыре острых же-
лезных шипа, соединенные звездообраз-
но (препятствие против наступающей
конницы) 62
- Подошвенники 30, 79, 80, 81, 143
- Подошвенный ряд 30, 81
- Подошвы (коровятина) 30, 81, 82, 155,
171
- Подруги 78, 171
- Подпяток, металлический колпак на пяте
(нижней части) ворота 60
- Подхомутник, войлочная часть хомута
77, 79, 171
- Покос 110
- Полавочный сбор 197
- Полицы, голстые железные полосы с за-
гнутыми краями, составные части црена
(см.) 63—70
- Полок, торговое помещение 39, 108, 115,
116, 144—147, 149, 151, 152
- Полотенца 179
- Полотно 60, 86, 88, 89, 91—93, 169, 170
- Полсти, изделия из войлока 101, 171
- Полстовалы, войлочники 27, 110, 116
- Поляки 54, 200, 224
- Помела 31
- Помер, пошлина, взимавшаяся при про-
даже зерна 196
- Понева, род юбки 29, 30
- Попоны 171
- Порох (зелье) 119, 159, 168
- Порошницы 168
- Портище, отрез ткани на одежду 89
- Портки 90, 92, 170, 200
- Портные (швали, швецы) 26, 109, 110,
112, 119, 120, 131, 166, 170, 175
- Порубни, верхние утолщенные и загнутые
края црена (см.) 66—69
- Поршенники, сапожники, изготовлявшие
поршни, мягкую обувь вроде сандалий
79
- Посад 38, 48—54, 62, 69, 107, 108,
110, 115—117, 120, 121, 123—125, 129—
135, 138, 139, 143, 150, 151, 153, 204—
206, 208—211, 214—216, 218, 221, 222,
225, 229, 234
- Посадские люди (посадское население,
жильцы, черные люди) 51—54, 62, 107,
108, 116, 117, 122, 125, 130, 131, 134,
135, 138, 139, 142, 145, 163, 164, 180,
190, 195, 207, 213—221, 224, 229—231,
235
- Посконина, холст из поскони 29, 30, 89,
190, 197
- Посконь, волокно из мужских особей ко-
нопли 146
- Поставцы, деревянные жбаны 44, 119
- Посуда глиняная 168
- Посуда деревянная 41, 44, 94—97, 99,
100, 119, 146, 158, 159, 161, 167, 168,
196, 199
- Посуда оловянная 95
- Посуда серебряная 179
- Похвы (пахвы), нагрудный и хвостовой
ремни от седла 78, 171, 196
- Пошев, мера соли (около 15 пудов) 120
- Пошевни (ошевни), дорожные сани 94,
102
- Пошлина 178, 179, 186, 195, 221
- Пояски 30, 44, 83, 117, 170, 198
- Прасолы см. Скупщики
- Прибойки, металлические бляхи на кон-
ской сбруе 171
- Пригород 33, 43, 49, 50, 53
- Приказчики (сидельцы) 52, 75, 183, 195,
201, 217
- Прилавки, торговые помещения 39, 80,
88, 112, 152, 192
- Присошники 64
- Пристань 132, 133
- Проволока 174, 196
- Просольный рыбный ряд см. Рыбный ряд
- Простыни 88, 91
- Пруты железные 58, 73, 200
- Прядено, льняная пряжа 88—91, 170
- Пряжа беленая 170
- Пряжи (пряжки) подпружные 59
- Пряники 36
- Псаря 38
- Псарни 38
- Пуговицы 170
- Пульки 168
- Пушечный двор 75, 76, 166, 168
- Пушкари 33, 60, 114, 120, 124, 140
- Пушки 62, 72, 213
- Пушнина 41, 46, 47, 160, 161, 202, 203
- Пушной ряд 30, 148
- Пфенниг 178
- Пшеница 27, 36, 37, 39, 109, 127, 145, 156,
176
- Пшено 176
- Пыжи 94
- Пятенщики, пошлинники, взимавшие пят-
но 178
- Пятно, пошлина, взимавшаяся при про-
даже лошадей 179
- Пяток, единица счета чесаного льна 90
- Ральники 69
- Рассада семенная 156
- Редька 177
- Ременники 30, 79, 80, 143
- Ременный ряд 30, 80, 145, 148
- Ремесленники 35, 61, 62, 67, 80, 88, 89,
107, 109, 117—120, 130, 132, 142, 143,
162, 166, 170, 183, 186, 194, 205, 206,
220, 227, 229
- Ремни 122, 155
- Ренское, виноградное вино 178
- Репа 38
- Решета 31, 199
- Решетники 110
- Ржаник, скупщик хлеба 110—112, 142
- Ризы 170
- Рога оленьи 196, 198
- Рогатины 52
- Рогожи 31, 39, 45
- Рогожный ряд 31
- Рогозина, тара 120, 126, 127, 196
- Рожь 36, 38, 39, 109, 111, 112, 127, 128,
145, 176, 189—191, 195, 202
- Романех, виноградное вино 178
- Россомахя 161
- Ртуть 160, 184, 202

- Рубашки 90—92, 170, 190, 200, 202
 Рубль 58, 60, 64, 65, 67, 70, 72, 76, 79, 81, 82, 84—86, 94, 102, 105, 106, 117, 121, 124, 127, 128, 132, 159, 176—180, 186, 194—196, 198, 199, 202, 205, 217
 См. также Денежный счет
 Руда железная 32, 56—59, 61, 65, 68, 72, 73
 Рудомет, кровопускатель 118
 Рукава 170
 Рукавицы 77—79, 112, 155, 171, 198
 Рукавичники 29, 33, 80, 81, 108
 Рукавичный ряд 145, 150, 183
 Рухлядь 33, 60, 88, 127, 141, 161, 192, 194
 Ручницы, оружие 168
 Рыба 35—37, 38, 41, 42, 45, 110, 112, 115, 116, 121, 126, 129, 136—138, 140, 146, 149, 152, 159, 160, 164, 176, 177, 191, 192, 195, 196, 200
 Рыбий зуб, моржовая кость 203
 Рыбники, торговцы рыбой и рыболовы 39, 110, 111, 119, 120, 142, 143, 149, 206
 Рыбный двор 186
 Рыбный ряд 36, 147, 150, 151, 184, 185
 Рыжики, грибы 37, 38
 Рядина (ряднина), грубый холст, вытканый по редкой основе 90, 91, 190
 Ряды 75, 80, 164
 Ряски монашеские 84—86, 170
 Саадачный ряд, где торговали саадаками (фуляры для лука и стрел) 150
 Сабельники 29, 60
 Сабли 34, 168, 174, 179, 181
 Садовники 38
 Сады 38, 175
 Сало 32, 37, 38, 41, 46, 140, 147, 156, 175, 177, 195, 198, 203
 Сальницы, салотопенные заводы 193
 Самоеды см. Ненцы
 Самопалы 68
 Самопальные мастера 57, 68, 168
 Сани 31, 34, 41, 94, 101, 102, 125, 158, 160, 161, 176, 195, 224
 Санник 118
 Сапоги 30, 63, 77, 78, 111, 112, 116, 146, 171
 Сапожники (чеботари, обойные мастера, швали, швецы) 26, 30, 33, 48, 53, 78—81, 108—111, 116, 119, 120—122, 171, 190
 Сапожное ремесло 64
 Сапожный ряд 30, 81, 145, 148, 171, 183
 Сарафаники 29, 88
 Сарафаны 29, 170
 Сахар 178
 Сбруя 59, 63, 79, 155, 171
 Свальная пошлина, взимавшаяся при выгрузке товара 132
 Сведенцы (венденцы), люди, переведенные на постоянное жительство из одного города в другой 162—164, 183
 Свежий рыбный ряд см. Рыбный ряд
 Свекла 36, 156, 177
 Сверла 60
 Свечи 145, 146, 171, 175
 Свечники, ремесленники, изготовлявшие свечи 28, 122, 132, 172
 Свечной ряд 150
 Свешники, подсвечники 64
 Свинец 159, 168, 215
 Свиньи 35
 Свитки, верхняя одежда 27
 Свитники 29
 Севрюга 159
 Седельники 26, 28, 30, 33, 79, 110, 122, 150, 174, 182
 Седельные покровцы 181
 Седельный ряд 30, 81, 146
 Седла 63, 78, 79, 174, 181
 Секирники 29, 60
 Села 40, 108, 110, 118, 119, 129
 Сельди 36—38, 41, 120, 146, 156, 159, 160, 177
 Семга 46, 134, 136—138, 140, 160, 177
 Семя конопляное 156
 Сенники, торговцы сеном 130, 142
 Сено 35, 124, 127, 128, 146, 175, 178
 Сера 155, 160, 184
 Серебренники 26, 28, 30, 35, 104, 119, 131, 165, 169, 174, 184, 190
 Серебро 145, 165, 169, 179, 224
 Серебряное дело 35, 165
 Серебряный приказ 168
 Серебряный ряд 30, 145, 149, 151, 184
 Серезный ряд 30
 Сермяги 29, 86, 155, 196, 200
 Сермяжники, портные, шившие сермяги 29, 191
 Сермяжный ряд 29, 145, 148
 Серпы 47, 48, 69, 70
 Сибирцы, жители Сибири 200
 Сиги 38, 159, 160
 Сидельцы см. Приказчики
 Сита 31, 96, 156, 192, 199
 Скалы (скальвы), береста, приготовленная для кровли под тес 31, 199
 Скамьи, переносные скамейки, на которых раскладывался мелкий товар 36, 39, 108, 120, 124, 147, 151, 152, 183
 Сканье свеч, изготовление свеч 172
 Скатерти 90, 155
 Скатертник 26
 Скня, рыболовный шалаш 137, 138, 140
 Складницы 145
 Скобели, плотничный инструмент 71
 Скобочники 59, 80, 143
 Скобы железные 30, 44, 48, 59, 60, 62, 69—71, 73, 74, 159
 Скобяной ряд 183
 Сквородники 32, 56, 62, 132
 Сквороды 31, 62, 146
 Скоморохи 35, 109, 110
 Скорняжный ряд 30, 145
 Скорняки 29, 113, 148, 170
 Скупщики (прасолы) 38, 40, 58, 67, 85, 91, 96, 112, 122, 130, 132, 143, 166, 176, 188, 191, 195
 Сладкий морс 178
 Сливки 118
 Сливы соленые 37, 161, 177
 Слободы 29, 30, 38, 50, 51, 57, 94, 102, 103, 115, 169, 210
 Слуги (монастырские) 117, 119, 120, 122

- Сметана 37, 118, 177
 Смола 199, 200
 Smyчник, очевидно, мастер, изготовлявший Smyчки (бороны) 109
 Снасти седельные 78, 79, 171, 202
 Сетки 38, 41, 159, 196
 Соболи 160, 161, 180
 Содилы, парники 177
 Сокольники 38
 Солеварение (соляной промысел) 68, 133, 135, 194
 Солевары 133, 194
 Соленики, торговцы солью 111, 130, 132, 142
 Солепромышленники 67
 Солод 36, 39, 112, 176, 220
 Солодовники (молодежники, молодожники) 110, 111, 150
 Солодовый ряд 184
 Солома 128, 178
 Солоницы 95, 96
 Соль 37, 42, 43, 45, 46, 70, 110—112, 115, 116, 120—122, 125, 126, 143, 145, 146, 150, 159, 160, 178, 180, 186, 189, 192, 193, 195, 196, 200—202, 219
 Соляной гостинный двор 43, 45, 151, 186
 Соляной ряд 36, 145, 146, 184, 185
 Соляной торг 45
 Соляные промыслы (варлицы) 66—70, 133, 134, 178
 Сосна 93, 94
 Соха 63—65, 69, 71—73, 94, 196, 197
 Сошники 27, 30, 47, 48, 58, 64, 69, 72, 117, 168, 196
 Срубы (струбы) 31, 175, 186
 Ставцы (ставки), деревянная посуда 31, 95, 96, 100, 101, 161, 167
 Стаканы деревянные 97, 101
 Сталь 158 см. также Уклад
 Станки к самопалам и пищалам 68, 74
 Старосты 53, 130, 183, 192
 Ствольники, оружейные мастера 57
 Стекла оконные 160
 Стерлядь 37, 126
 Столбы дубовые 94, 114
 Столпы скатертные, куски скатертного полотна 93, 169
 Стрельники, оружейные мастера 29, 60, 116
 Стрельцы 51, 114, 115, 117, 120, 137, 140, 212—214
 Стремена 33, 41, 44, 59
 Стригальники, овчинники 29
 Стригальники, мастера материи 29
 Стригальный ряд 29, 183
 Строгановское письмо, иконописная школа. Характерные черты ее — небольшие размеры икон и тщательность в обработке деталей 104, 172
 Струбы см. Срубы
 Стулы, стулья, на которых сидели торговцы мелочным товаром, не имевшие торговых помещений 39, 130, 132, 150
 Суда 62, 69, 70, 87, 93, 109, 125, 136, 140, 141, 160
 Судаки 37, 38, 126, 159, 160, 196
 Судовщики, владельцы речных судов 130, 131
 Судовщики, мастера, изготовлявшие деревянную посуду 99
 Судописцы, живописцы, расписывавшие деревянную посуду 34, 39, 100, 101, 119
 Судоплаты, мастера, ремонтировавшие посуду 110, 111
 Судостроение 68
 Судяники, торговцы посудой 149
 Сукна 27, 30, 34, 41, 44, 47, 76, 82—86, 91, 93, 96, 116, 117, 120, 140, 145, 155, 158, 170, 179, 180, 190—192, 196—200, 202, 203
 Сукновалы (топталники) 27, 29
 Суконная сотня 49, 218
 Суконники, торговцы сукном 49, 142, 148, 151
 Суконный ряд 145, 148, 163, 183
 Сумки 79
 Сумники (сумочки) 29, 80, 149
 Сумочный ряд 80
 Сундуки 146
 Сурик, красная краска 174
 Сурожане, торговые люди 49, 142, 183, 209
 Сурожский ряд 36, 145, 168, 180, 183, 228
 Сусленники 36
 Сусло, напиток из солода 120
 Сушилники, кожевники, занимавшиеся просушкой кож 81
 Сыр 37, 156, 177, 192, 200
 Сырейный ряд 30, 183
 Сырейщики, кожевники 30, 80, 81
 Сыромятники 33, 80, 81
 Сыромятный ряд 30
 Сыромьяты, кожа, выделанная без дубления 155
 Сырть, рыба 37
 Тазы серебряные 168
 Тамга см. Таможенные пошлины
 Таможенная изба (таможня) 130, 186, 196, 201
 Таможенные пошлины (тамга) 40, 120, 124, 127, 129, 132, 140, 148, 149, 186, 197—199, 202
 Таможня см. таможенная изба
 Татары 38, 87, 114, 171, 208
 Тафта, тяжелая шелковая ткань 145, 163, 181
 Творог 177
 Тебеньки, кожаные лопасти по бокам седла 171
 Телеги 31, 70, 160, 186
 Телогрея, одежда 27
 Телята 177
 Телятины, кожи 77, 79
 Телятники, кожевники, обрабатывавшие телячьи кожи 78
 Темьян, дорогой сорт ладана 160, 202
 Терлики, длинные кафтаны с перехватом и короткими рукавами 29
 Терличники, портные, шившие терлики 29
 Терличный ряд 29, 148
 Тес 31, 114, 115, 186
 Тески, деревянные кувшины 156
 Тесницы, тонкие доски 31, 94, 175

- Тесто блинное 37, 177
Тесьма 182
Тетивы неводные (кромки невода) 196
Тим, мягкая кожа особой выделки 77, 155
Тимники, кожевники 78
Тимовый ряд 148
Типография 173
Ткани 161, 181
Ткацкая (хамовная) слобода 89, 92
Ткани 92
Тмин 177
Токари 26, 101, 108, 109, 118, 119, 143
Толокно 41, 203
Тоня 134, 135, 137
Топоры 24, 30, 31, 47, 48, 52, 60, 63, 65—69, 71—74, 168, 196, 201, 217
Топтальники см. Сукновалы
Торги 25, 40, 41, 143, 144, 150—152, 154
Торговые люди 35, 49, 53, 67, 121, 187—190, 192, 193, 197, 206
Торговые ряды 43, 184
Торжки 30, 39, 40, 41, 47, 109, 120, 188—193, 195, 196, 202
Торочечники, портные, обшивавшие одежду каймой 79, 80
Точеные сосуды 97, 98
Точиво см. Холст
Точила 103, 196
Точильники 59
Травы 38, 177
Трепальни 32, 37, 147, 211
Треска (троска), рыба 37, 138—140
Треска железная, железная гарь, окалина отковки, вообще железный лом 64
Троска см. Треска
Трубки железные 69
Трушники, торговцы сеном 39, 124, 142, 150, 151
Турки (турцы) 179, 181, 200
Тын 115
Тычье 31
Тябла, яруса иконостаса 173
Тягло 48—50, 131, 153, 169, 212
Тяглое население 48, 56, 110, 120, 123, 169, 204, 212, 218, 220
«Тянуть в портное», т. е. поставлять на княжеский двор холсты, скатерти и т. д. 26
- Убрус, утиральник (полотенце) 169
Уголь (уголье) 31, 61, 155
Угольники (угольщики) 32, 33, 59, 62, 132
Уда 141
Удила 59, 63
Ужища, веревки 198
Узды (узdeckи) 63, 78, 171
Уклад, твердое железо, низкосортная сталь 33, 44, 48, 56—58, 61, 64—67, 69—73, 121, 158, 174
Укладники, кузнецы, специализировавшиеся на выработке уклада 32, 62, 132
Укус 178
Укусный ряд 183
Усчина, сорт холста 89—91, 155, 190
Учаны см. Чаны
- Хамовные слободы см. Ткацкая слобода
Ханты (остяки) 42
Харва см. Гарва
Харчевни 120
Харчевники 36
Хлеб 35, 36, 39—41, 46, 70, 110—112, 116, 121, 122, 124, 128, 142, 145, 146, 149, 151, 159, 161, 171, 176, 184, 188, 189, 191—196, 199, 202, 219, 223
Хлебники 26, 36, 109, 110, 111, 119, 121, 122, 131, 142, 176, 184
Хлебный ряд 36, 145, 151
Хмелевики 142
Хмелевой ряд 36
Хмель 37, 38, 49, 112, 176, 192
Хозы, подошвенная кожа 81, 82
Холст (точиво) 26, 30, 47, 86, 88—93, 148, 155, 170, 190—192, 198, 200
Холщевники 29, 88, 90, 109
Холщевный (холщевницкий) ряд 29, 88, 148
Хомутины 31, 94, 156, 190, 195
Хомуты 39, 63, 101
Хонджары, кинжалы 181
Хрен 156
Художники 100, 104, 106
- Царь-пушка 51, 213
Целовальники 48, 115, 127, 130, 140, 148, 197, 199
Цепи (чепи) 28, 30, 31, 60, 179
Црен, квадратный ящик из толстого железа (полиц, см.), в котором кипятился рассол в соляных варницах 65, 67—70, 133
- Чаны (учаны) 39, 117, 150
Чары (чарки) 97, 169, 181
Часовник, часовой мастер 120
Чаши деревянные 97—101, 178, 199
Чашки 31, 98, 99
Чеботари см. Сапожники
Чепел, нож для щепания лучины 30
Чепи см. Цепи
Чепрак, суконная или меховая подстилка под седла 171
Черлень, багровая краска 174
Черные люди см. Посадские люди
Чеснок 36, 37, 111, 112, 156, 177, 190, 192
Четверть (четы), поземельная мера, не сколько более полугектара 108, 109
Четки 35, 156, 171
Чоботные мастера см. Сапожники
Чуланы, торговые помещения 27, 87, 129, 138—140, 144, 145
Чулочники 26
Чупрун, женский кафтан с перехватом 170
Чупрунники, портные, шившие чупруны 29
Чупрунный или кошурный ряд (см.) 29, 48
- Шалаши 39, 119, 120, 136, 151, 152, 154
Шандан стенной, висячий подсвечник 64
Шапки 29, 82, 83, 112, 146, 171, 182
Шапочники 29, 119, 148, 171

- Шапочный ряд 29, 145
 Шаровники, кожевники, подвергавшие
 кожу обработке золой 30, 33, 80
 Шафран 178
 Швали см. Портные и сапожники
 Шведы 229
 Швецы см. Портные и сапожники
 Шелк 28, 145, 146, 161, 171, 181, 182, 191
 Шелковники 148
 Шемахинцы 200
 Шербети, шалаши продавцов напитков
 150
 Шилья 62, 64, 78
 Ширинка, платок, полотенце 163
 Шкуры оленьи 41, 202
 Шлеи ременные 79, 155
 Шляпники 29
 Шляпный ряд 29, 145
 Шорники 30
 Шпанный ряд, где торговали орудиями
 сапожного ремесла 148
 Штоф, шелковая материя 165
 Шубники 29
 Шубный ряд 29, 145, 148
 Шубы 27, 29, 170, 175, 181, 200

 Щепетинный ряд 146
 Щепетник (щепотник) 122, 143

 Щепетье см. Щепье
 Щепье (щепетье), деревянная посуда 94,
 95, 111, 112, 146, 190, 195, 196
 Шука 37, 41, 129, 158, 196, 200

 Ювелир 169
 Ювелирные изделия 34, 35, 179, 180, 228
 Юфть, пара; юфтью (правильнее — юхты)
 называлась, кроме того, сапожная ко-
 жа, выработанная на чистом дегте
 (юхотный товар) 77—79, 81, 82, 155

 Яблоки 36, 146, 177, 192
 Яблочники 142
 Язи, рыба 37
 Ядра 33, 60, 61
 Языки колокольные 28, 73, 128
 Яйца 37, 38, 118, 128, 156, 177, 192
 Якоря 67, 71
 Ямщики 111, 113
 Янтарь 202
 Ярмарки 39—41, 45, 135, 188, 191, 196—
 199, 201—203
 Ярь, зеленая краска, медянка 174
 Яхонты 181
 Ячмень 36, 109, 127, 176
 Ящик 63

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	3
<i>В. И. Шунков.</i> Сергей Владимирович Бахрушин	5
Список научных трудов С. В. Бахрушина	9
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛИ И ГОРОДОВ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА XVI — НАЧАЛА XVII вв. (К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА)	
Предисловие	23
О черк I. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в.	25
О черк II. О территориальном разделении труда в XVI — начале XVII вв.	55
а) Районы железоделательного производства	55
б) Районы меднолитейного производства	75
в) Районы кожевенного производства	77
г) Районы выделки сукна	82
д) Районы производства полотна и холста	86
е) Районы деревообделочного производства	93
ж) Районы гончарного производства	102
з) Районы мыловарения	103
и) Районы развития иконописания	104
О черк III. Возникновение городских поселений в XVI в.	107
О черк IV. Русский город XVI в.	142
О черк V. Москва как ремесленный и торговый центр XVI вв.	157
О черк VI. Сельские торжки и ярмарки	188
О черк VII. Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII вв.	204
План монографии	237
Указатели	
Личных имен	240
Географический	246
Предметно-терминологический	253

Утверждена к печати Институтом истории Академии Наук СССР

Редактор издательства *Ю. А. Тихонов*   Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Художник *М. М. Малкин*

№ 37—40 P. Т-07738. Издат. № 3743. Тип. заказ № 654. Подп. к печ. 31/X 1952 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 22,6 + 1 вкл. Бум. л. 8,25. Уч.-издат. 24,3 + 1 вкл. (0,1 уч. изд. л.) Тираж 5900

Цена по прейскуранту 1952 г. 16 р. 65 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

